

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ,
ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ
АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В 2018 ГОДУ**

Минск
Академия МВД
2018

УДК 343
ББК 6/8
С23

Сборник статей победителей конкурса научных работ, выполненных обучающимися Академии МВД Республики Беларусь в 2018 году / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2018. – 317, [1] с.

ISBN 978-985-576-149-6.

Включает статьи лауреатов конкурса научных работ обучающихся Академии МВД Республики Беларусь и авторов работ первой, второй и третьей категории.

Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов учреждений образования Министерства внутренних дел и Министерства образования Республики Беларусь.

УДК 343
ББК 6/8

ISBN 978-985-576-149-6 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2018

УДК 378.635

В.А. Асташинок, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *Е.В. Лемешко*

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ ПЕРВОГО КУРСА К ИЗМЕНЕННЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ

Адаптивность – стойкость, значительная функциональность, стабильность к болезням и иным условиям наружной сферы человека. Адаптивность зависит от степени самочувствия, однако способна также рассматриваться как степень дополнительных способностей организма. Под приспособлением подразумевается процесс адаптации устройства организма к новым для него условиям функционирования. Данное явление естественно для всех живых систем [1].

Поступление в вуз для любого человека соотносится с переменами, требующими значительной перестройки как его самого, так и всего образа жизни. Адаптация и устройство первокурсников считаются проблемой адаптации. Адаптирование обучающихся-первокурсников – это сложная процедура приспособления к новейшим обстоятельствам тренировочной работы, общественному статусу, общению и взаимоотношениям с окружающими людьми.

Проблема адаптации обучающихся к условиям получения образования в вузе предполагает собой одну из важных задач, исследуемых в настоящее время в педагогике и дидактике высшей школы. Адаптация обучающихся в вузах обусловлена отличиями в способах преподавания в средней и высшей школах. Так, курсантам-первокурсникам недостает навыков и умений, которые нужны в вузе, для эффективного освоения программы. Попытки компенсировать данный факт усидчивостью не всегда приводят к успеху. Проходит много времени, прежде чем курсант подстроится к новым условиям обучения. Из-за этого нередко появляются значительные отличия в учебе и, в особенности, в ее итогах при обучении одного и того же лица в школе и ведомственном вузе. Кроме того, слабая преемственность между средней и высшей школами, особенности образовательного процесса в вузе, огромный объем информации, отсутствие навыков самостоятельной работы стимулируют большое эмоциональное напряжение. Это приводит к разочарованию в выборе будущей специальности. Как результат – невысокая успеваемость на первоначальном этапе обучения, недопонимание и непризнание обстоятельств и условий ведомственного вуза [2, л. 65]. Причем вуз ни-

как не гарантирует в должной мере адаптацию обучающихся к особым обстоятельствам высшей школы. Вследствие неадекватного подхода к образовательному процессу, сосредоточенного в разрешении вопросов адаптации обучающихся, несогласованности действий педагогов, недостаточного внимания к решению данного обстоятельства со стороны начальников, учащиеся ведомственных вузов приспособляются к новым условиям жизнедеятельности весьма трудно. В педагогике недостаточно раскрыты предпосылки психолого-преподавательского подхода, иницирующие проблемы освоения курсантами специфического учебного материала, а кроме того, обеспечивающие общественно-эмоциональную адаптацию обучающихся к учебной деятельности. Условно выделяют три вида адаптации: физическую, общественную и биологическую. Состояние самочувствия обучающихся обуславливается их адаптационными резервами в процессе обучения [3, с. 26].

В курсантской среде существуют свои особенности. Это отличает рассматриваемую категорию обучающихся от студентов. Большинство студентов не знают, что такое наряд. А это дополнительная трудность в адаптации. Появляются своего рода обязанности и задачи, которые нужно беспрекословно выполнять. У курсантов свой распорядок дня, который они тоже обязаны соблюдать. Рацион питания курсанта и пища студента значительно отличаются. Если курсанты каждое утро в определенное время едят мясо и кашу в обязательном порядке, то студент может перекусить булочкой с кофе в буфете в любое время. Физические нагрузки играют немалую роль в жизни обучающихся: не всякий студент захочет вставать каждый день в 6 утра и идти на зарядку, бегать, прыгать. Также профессиональной физической подготовке в образовательном процессе курсантов уделяется намного больше времени, чем физкультуре студентов. Кроме того, существует курсовое звено, состоящее из офицеров, которое оказывает помощь курсантам в любых жизненных ситуациях. Таким образом, исключительно в Академии МВД, исходя из трех основных блоков условий успешной адаптации, социологические и общепсихологические условия имеют меньшую значимость, чем преподавательский блок, так как возраст обучающегося практически одинаковый у всех, его общественное происхождение и вид образовательного учреждения, которое курсант окончил ранее тоже в основном одинаковые. Ключевые проблемы, которые могут возникнуть при адаптации (негативное волнение, связанное с уходом бывших учеников из школьного коллектива, недостаточная психологическая подготовка к будущей профессии), отсутствуют. Преподавательский блок условий воздействует на адаптацию курсантов больше всего.

Как было сказано выше, одной из важнейших педагогических задач любого вуза является работа с обучающимися первого курса, направленная на более быструю и успешную их адаптацию к новой системе обучения и социальных отношений [4]. Задача вуза в этот сложный для молодого человека период заключается в содействии его более быстрой и успешной адаптации к новым условиям обучения, интеграции в курсантскую жизнь. Адаптация курсантов-первокурсников к обучению в ведомственном вузе – это системный, двусторонний, поэтапный процесс активного приспособления к новым условиям образовательной среды, выражающийся в формировании и развитии когнитивных, мотивационно-волевых, социально-коммуникативных связей [5, с. 16]. Адаптационный процесс необходимо рассматривать комплексно, на различных уровнях его протекания, т. е. на уровнях межличностных отношений, индивидуального поведения, психофизиологической регуляции. Решающую роль в этом ряду имеет психическая адаптация, которая в значительной мере оказывает влияние на адаптационные процессы, осуществляющиеся на иных уровнях.

Т.И. Попова выделяет в адаптации к новой социокультурной среде вуза личности обучающегося-первокурсника и, соответственно, учебной группы, в которую он входит, следующие стадии [6]:

1. Начальная стадия, когда индивид или группа осознают, как они должны вести себя в новой для них социальной среде, но еще не готовы признать и принять систему ценностей новой среды вуза и стремятся придерживаться прежней системы ценностей;
2. Стадия терпимости, когда индивид, группа и новая среда проявляют взаимную терпимость к системам ценностей и образцам поведения друг друга;
3. Аккомодация, т. е. признание и принятие индивидом основных элементов системы ценностей новой среды при одновременном признании некоторых ценностей индивида и группы новой социокультурной средой;
4. Ассимиляция, т. е. полное совпадение систем ценностей индивида, группы и среды.

Для успешной адаптации обучающегося-первокурсника необходим индивидуальный подход к каждому, что должно быть основным принципом работы вуза (особенно ведомственного) в целом. В этой связи актуально проведение различных мероприятий, на которых курсанты посредством несложных игр ближе познакомились бы друг с другом, учились общаться, находить общий язык с одно- и старшекурсниками.

На основе вышеизложенного проведен анализ адаптации курсантов-первокурсников следственно-экспертного факультета и факультета ми-

лиции Академии МВД Республики Беларусь к новым условиям жизнедеятельности по методикам «Самооценка психологической адаптивности» и «Оценка эмоционально-деятельной адаптивности» [7, с. 322–323].

В исследовании участвовал 201 курсант, из которых 5 представительниц женского пола. Выделены 3 группы: группа 1 – 22 будущих эксперта-криминалиста, из которых 17 представителей мужского пола и 5 – женского пола; группа 2 – 90 будущих следователей мужского пола; группа 3 – 89 будущих офицеров милиции мужского пола.

Данные исследования самооценки психологической адаптивности курсантов-первокурсников мужского пола представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровень самооценки психологической адаптивности курсантов-первокурсников мужского пола

Уровни социально-психологической адаптивности, n (%)	Группа 1, n = 17	Группа 2, n = 90	Группа 3, n = 89
Высокий	9 (52,9)	53 (58,9)	29 (32,6)
Выше среднего	5 (29,4)	17 (18,9)	32 (36)
Средний	3 (17,7)	13 (14,4)	17 (19,1)
Ниже среднего	0 (0)	7 (7,8)	11 (12,3)
Низкий	0 (0)	0 (0)	0 (0)

Исходя из проведенных исследований по оценке психологической адаптивности курсантов-первокурсников мужского пола, высокий уровень адаптивности в группах 1 и 2 преобладает у большинства курсантов, в отличие от группы 3. Уровень адаптивности «Выше среднего» занимает второе место по количеству людей, имеющих данную категорию у представителей групп 1 и 2. А в структуре группы 3 больше всего представителей имеют такой уровень социально-психологической адаптивности. Средний уровень адаптивности свойствен еще меньшему количеству людей и занимает третье место в структуре каждой группы. Что касается уровня адаптивности «Ниже среднего», то он отмечен только в группах 2 и 3, а в группе 1 отсутствует. Также следует отметить, что во всех исследуемых группах не зарегистрирован низкий уровень социально-психологической адаптивности. По уровню социально-психологической адаптивности исследуемые группы «выстроились» по убыванию относительно друг друга следующим образом: группа 1, группа 2 и группа 3.

Что же касается лиц женского пола, то ситуация по уровню социально-психологической адаптивности еще больше складывается в их пользу (табл. 2).

Таблица 2

Уровень самооценки психологической адаптивности курсантов-первокурсников мужского (М) и женского (Ж) пола

Уровни социально-психологической адаптивности, n (%)	Группа 1, n = 22	
	М = 17	Ж = 5
Высокий	9 (52,9)	3 (60)
Выше среднего	5 (29,4)	2 (40)
Средний	3 (17,7)	0 (0)
Ниже среднего	0 (0)	0 (0)
Низкий	0 (0)	0 (0)

Такой результат связан, с одной стороны, с тем, что все курсанты-первокурсники женского пола, поступившие в Академию МВД Республики Беларусь, являются выпускниками кадетских училищ, и они были готовы к подобным условиям жизнедеятельности. С другой стороны, женский организм от природы является более устойчивым к меняющимся условиям окружающей среды. Поэтому среди курсантов-первокурсников женского пола не встретился даже средний уровень социально-психологической адаптивности, что выводит их на первое место по данному показателю среди всех исследуемых лиц.

Данные исследования оценки эмоционально-деятельной адаптивности курсантов-первокурсников мужского пола представлены в таблице 3.

Таблица 3

Оценка эмоционально-деятельной адаптивности курсантов-первокурсников мужского пола

Оценка эмоционально-деятельной адаптивности, n (%)	Группа 1, n = 17	Группа 2, n = 90	Группа 3, n = 89
Высокая	2 (11,8)	13 (14,4)	19 (21,4)
Средняя	14 (82,4)	64 (71,2)	59 (66,3)
Низкая	1 (5,8)	13 (14,4)	11 (12,3)
Очень низкая	0 (0)	0 (0)	0 (0)

При сравнении показателей оценки эмоционально-деятельной адаптивности курсантов-первокурсников мужского пола видно, что большинство исследуемых лиц имеют среднюю оценку в структуре каждой группы. Кроме того, очень низкой оценки эмоционально-деятельной адаптивности не зафиксировано ни у одного курсанта. По оценке эмоционально-деятельной адаптивности исследуемые группы расположи-

лись по убыванию относительно друг друга так же как и при анализе уровня социально-психологической адаптивности, вероятнее всего, по тем же самым причинам. Исследуемый показатель у представителей женского пола распределился несколько иначе (табл. 4).

Таблица 4

Оценка эмоционально-деятельной адаптивности курсантов-первокурсников мужского (М) и женского (Ж) пола

Оценка эмоционально-деятельной адаптивности, n (%)	Группа 1, n = 22	
	М = 17	Ж = 5
Высокая	2 (11,8)	1 (20)
Средняя	14 (82,4)	4 (80)
Низкая	1 (5,8)	0 (0)
Очень низкая	0 (0)	0 (0)

При сравнении показателей оценки эмоционально-деятельной адаптивности курсантов-первокурсников из группы 1 видно, что большинство исследуемых лиц имеют среднюю оценку. Очень низкой оценки эмоционально-деятельной адаптивности не зафиксировано ни у одного курсанта. Кроме того, у лиц женского пола не наблюдается даже низкой оценки, что и по данному показателю выводит их на первое место среди всех исследуемых лиц по вышеуказанным причинам. Так как у большинства представителей группы 1 похожие оценки эмоционально-деятельной адаптивности, им было легче адаптироваться в среде, где все на одном уровне.

Проведя анализ уровней самооценки психологической адаптивности и оценки эмоционально-деятельной адаптивности курсантов-первокурсников мужского и женского пола, можно сказать, что адаптационный резерв у женщин выше, чем у представителей мужского пола, что может быть связано с их предыдущим местом обучения, а именно кадетскими училищами, откуда они и поступили в ведомственный вуз. Также по уровню адаптивности исследуемые лица «выстроились» по убыванию относительно друг друга следующим образом: группа 1, группа 2 и группа 3, что, вероятнее всего, связано с качеством подготовки и мотивированностью к обучению в Академии МВД.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Уровень самооценки психологической адаптивности курсантов-первокурсников и оценка эмоционально-деятельной адаптивности самые высокие у будущих экспертов-криминалистов, на втором месте идут будущие следователи и на третьем – будущие офицеры милиции.

2. Адаптационный резерв у женщин выше, чем у представителей мужского пола.

Проведенное исследование имеет актуальность не только в научном, но и в практическом плане. При адаптации к новым условиям жизнедеятельности необходимо больше внимания уделять представителям мужского пола, будущим следователям, и еще больше – будущим офицерам милиции. В ходе длительной адаптации обучающиеся нередко имеют проблемы со здоровьем, что влечет за собой избыточный расход государственных средств.

1. Развитие мотивации формирования профессиональной готовности обучающихся медицинских вузов / Н.В. Агранович [и др.] // *Фундамент. исслед.* – 2015. – № 2, ч. 3. – С. 572–576.

2. Маяцкая, Н.К. Научно-педагогическое обеспечение аккультурации иностранных студентов в российских вузах : дис. ... канд. педаг. наук : 13.00.08 / Н.К. Маяцкая. – Ставрополь, 2003. – 175 л.

3. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. – 976 с.

4. Физическое положение учащихся-первокурсников в обстоятельствах приспособления к учебе в институте / Н.В. Алтынова [и др.] // *В об-ве акад. открытий.* – 2009. – № 32. – С. 99.

5. Березин, Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека : монография / Ф.Б. Березин. – СПб. : Книголюб, 2012. – 270 с.

6. Логинова, М.В. Жизнестойкость личности студента как фактор ее успешной адаптации к условиям обучения в вузе / М.В. Логинова // *Гуманитар. и соц.-эконом. науки.* – 2009. – № 6. – С. 77–80.

7. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : учеб. пособие / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М. : Ин-т психотерапии, 2002. – 339 с.

УДК 347.91

А.И. Белоглазов, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *Е.В. Ермоленко*

КОЛЛЕКТОРСКОЕ АГЕНТСТВО КАК МЕТОД ВЗЫСКАНИЯ ДОЛГА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Взыскание долга – сложный механизм с многочисленными правовыми нюансами. Это обусловлено сложностью процедуры взыскания задолженности, которая включает следующие этапы: досудебный, внесу-

дебный и судебный. По сути, данные этапы являются самостоятельными способами взыскания задолженности. Однако стоит отметить, что к некоторым способам возможно прибегнуть лишь после использования предыдущего. Так, прибегнуть к судебному порядку взыскания без соблюдения досудебного невозможно, потому что досудебный порядок заканчивается предъявлением претензии к должнику, а судебный, в свою очередь, начинается именно с момента совершения данного юридически значимого действия. Кроме того, в некоторых случаях эти этапы в последующем ведут к процедуре принудительного исполнения судебных постановлений – а именно к стадии судебного исполнительного производства. Таким образом, можно говорить о самостоятельной четвертой стадии процесса взыскания долга – исполнительной [1].

Категория «долг» может рассматриваться с нескольких точек зрения. Так, с философской – под долгом понимают категорию этики, в которой выражается нравственная задача отдельного индивида, группы лиц, класса, народа в конкретных социальных условиях и ситуациях, становящаяся для них внутренне принимаемым обязательством [2, с. 175].

С.И. Ожегов дает следующее толкование задолженности – «задолженность – наличие долгов, невыполненных обязательств» [3, с. 490].

Одним из способов взыскания задолженности, который относится к внесудебной стадии, является обращение кредитора в коллекторское агентство.

Коллекторство на территории Республики Беларусь появилось в начале 2000-х гг., однако легального толкования «коллекторская деятельность» до сих пор не существует. Появление коллекторства вызвано массовым невозвратом долгов, в основном, в банковской сфере. Субъектами коллекторства являются коллекторские агентства, которые на профессиональной основе специализируются на внесудебном взыскании просроченной дебиторской задолженности. Понятие коллекторского агентства пришло из Соединенных Штатов Америки, где такая деятельность является довольно распространенной, однако в Республике Беларусь коллекторство как системная работа только начинает развиваться. Причин позднего начала развития несколько: законодательные ограничения, наличие уголовной и административной ответственности, а также ментальность и правовая культура белорусов.

На любом этапе просрочки проблемная задолженность может быть передана на сопровождение специальным организациям, т. е. коллекторским агентствам, которые в своем распоряжении имеют эффективные инструменты, персонал и технологии взыскания задолженности. К примеру, в настоящее время в Российской Федерации соотношение выкупленных пулов и пулов, находящихся на балансах банка и обслуживающихся

коллекторами, составляет 10 и 90 % соответственно [4, с. 143]. Это обусловлено тем, что взыскание долгов не является основной деятельностью банков, в связи с чем банки отдают предпочтение передаче функций взыскания долга коллекторскому агентству, т. е. третьему лицу, что является одной из разновидностей аутсорсинга. Аутсорсинг (англ. outsourcing) – передача традиционных не ключевых функций организации (таких, например, как бухгалтерский учет или рекламная деятельность для машиностроительной компании) внешним исполнителям – аутсорсерам, субподрядчикам, высококвалифицированным специалистам сторонней фирмы; отказ от собственного бизнес-процесса, например, изготовления отливки или составления баланса, и приобретение услуг по реализации этого бизнес-процесса у другой специализированной организации. Разновидность кооперирования [5, с. 32]. Деятельность коллекторских агентств заключается в приобретении задолженности у кредиторов, по тем или иным причинам не сумевших взыскать их самостоятельно, за некоторый процент от общей суммы взыскиваемого задолженности, и затем взыскания с должника всей суммы задолженности.

М.Т. Саблин выделяет в качестве отличительной черты коллекторства «конвейерность» взыскания [4, с. 144], т. е. работа коллекторских агентств связана только с большим количеством долгов со схожими основаниями возникновения, к примеру, потребительские кредиты, долги по оплате коммунальных услуг и т. д., что обусловлено простотой разработки единой технологии взыскания, которая будет гораздо дешевле индивидуальных решений. В связи с этим возникает недостаток использования услуг коллекторских агентств, который заключается в том, что единичные уникальные дела, такие как сложные гражданские или уголовные, требуют более квалифицированного и индивидуального подхода, чего не может предоставить коллекторское агентство. Ввиду этого возникает необходимость прибегнуть к услугам адвоката.

На данный момент существуют и применяются на практике, в том числе в Российской Федерации, два варианта передачи долга коллектору. Первый вариант – заключение агентского договора либо договора оказания возмездных услуг. При заключении агентского договора коллектор выступает в качестве банковского агента и действует от лица банка и по поручению кредитора. Как правило, в таком договоре указываются объем работ агентства, сумма долгов, их количество, сроки основных этапов работ (досудебные процедуры, суд, исполнительное производство), сроки звонков должнику, объемы передачи информации по должнику. В рамках взаимодействия с коллектором кредитор назначает ответственного сотрудника, который контролирует и координирует работу

с агентством [6, с. 28]. Преимуществом агентского договора является тот факт, что условие договора возмездного оказания услуг, ставящее размер оплаты услуг в зависимость от решения суда или государственного органа, неправомерно.

Второй вариант – продажа долга по договору уступки прав, по которому происходит перемена лиц в обязательстве, в результате чего взыскателем становится коллектор, а предыдущий взыскатель получает за продажу своих прав некоторую сумму.

После заключения соответствующего договора коллекторское агентство начинает осуществлять действия, направленные на взыскание долга. Выбор действия (они могут быть разнообразными) будет зависеть от стадии взыскания задолженности коллекторским агентством.

Первая стадия – так называемое «мягкое взыскание» (Soft collection), состоит из совокупности мероприятий по истребованию долга при помощи телефонных звонков, писем, уведомлений, SMS-сообщений. Срок данной стадии обычно до 30, реже – до 60 дней наступления просрочки [4, с. 98]. Коллекторы информируют должников об их обязанностях по уплате долгов и призваны мотивировать сам факт выплаты.

Вторая стадия – «жесткое взыскание» (Hard collection), длится от 30 до 60 дней просрочки и состоит из личных встреч с должником [4, с. 98]. В первую очередь это переговоры, различного рода методы психологического воздействия, убеждения и т. д. Методы силового воздействия и иные незаконные методы, нарушающие права, свободы и законные интересы граждан, к данной стадии не имеют никакого отношения. Применение незаконных методов воздействия на должника наиболее ярко проявилось в ранний постсоветский период, когда преступность переживала подъем, а правоохранительная деятельность государства находилась в глубочайшем кризисе. Именно в это время появилось понятие «выбивание долгов», с которым у людей ассоциируются коллекторские агентства. Однако «выбиванием долгов» занимались преступные элементы, преследуя иную корыстную цель, в отличие от коллекторских агентств. Вышеуказанному явлению посвящены труды П.А. Скобликова «Взыскание долгов и криминал» (1999 г.), а также «Имущественные споры и криминал в современной России» (2001 г.), где довольно подробно описаны способы и приемы криминального давления на должника.

К таким способам относятся высказывание в адрес жертвы и близких ей людей прямых угроз действиями, угроза которыми сама по себе уже влечет уголовную ответственность, когда преступники, чтобы побудить свои жертвы к возврату долга непосредственно или опосредованно угрожают им причинением увечий, убийством, похищением ребенка [7, с. 160].

Еще одним способом является осуществление каких-либо карательных акций в отношении должника или близких ему людей, которые могут заключаться в различного рода хулиганских действиях, нанесении побоев или увечий, сексуальном насилии, уничтожении или повреждении имущества и т. д. [7, с. 161–163].

Следующий преступный способ взыскания долга – совершение насильственных действий в отношении должника либо его близких, но сопряженное с их изоляцией от внешнего мира. Известны случаи, когда члены организованной преступной группировки вывозили должников в безлюдные места, за пределы населенного пункта, где оказывали физическое и психическое воздействие, либо закрывали в гаражах, квартирах, номерах гостиниц и других помещениях, где подвергали пыткам [7, с. 163–164].

Наконец, самый радикальный способ взыскания долга преступниками – лишение жизни близких должнику людей или его самого. Цель – оказание давления для возврата долга, а также устрашение иных должников [7, с. 169–170].

Третья стадия – «юридическое взыскание» (Legal collection), заключается в принудительном взыскании долга путем обращения в судебные органы и органы принудительного исполнения. Данная стадия условно начинается после 60 или 90 дней просрочки и длится до получения денежных средств или до признания долга безнадежным [4, с. 98].

Параллельно с этим возможен процесс реструктуризации долгов. Он представляет собой изменение порядка, способа и иных характеристик погашения долга: увеличение сроков погашения задолженности, получение отступного, новация, зачет и т. д.

Для более эффективного взыскания долга коллекторы нередко прибегают к нестандартным действиям, которые часто граничат с противозаконными действиями. Одно из них – направление мотивационных писем должнику, которые указывают на серьезность намерений кредитора, а также писем-уведомлений о возможных рисках репутационного характера. При определенных условиях такие действия могут содержать признаки состава преступления, предусмотренного ст. 208 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) «Вымогательство» или ст. 384 УК «Принуждение к выполнению обязательства». Вымогательство имеет место в том случае, если коллекторское агентство требует передать имущество, которое не принадлежит ему на основании, предусмотренном сделкой. О принуждении к исполнению обязательств может идти речь в том случае, если присутствует требование погасить долг обращено к физическому лицу (руководитель или участник), выражена угроза распространения сведений, могущих причинить существенный вред правам и законным интересам лица в случае отказа от выполнения требования,

а также существует потенциальный вред законным правам и интересам. Пример такого принуждения – письмо, содержащее угрозу рассказать детям отца задолжавшей компании о том, что он не является их родным отцом, в случае непогашения задолженности. В данной ситуации наряду с принуждением к выполнению обязательств налицо еще одно действие, содержащее признаки уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 177 УК «Разглашение тайны усыновления (удочерения)».

Еще один действенный инструмент, используемый коллекторами, – PR-сопровождение взыскания долга, т. е. это различные статьи в СМИ, форумы, группы в социальных сетях, рассылка по электронной почте и т. д. Используя такие методы, коллектор привлекает внимание общественности и участников деловой сферы к проблеме существующего долга, формирует негативный образ должника, тем самым побуждая его погасить этот долг. Однако при использовании данного способа необходимо иметь в виду, что любая распространяемая информация о должнике должна соответствовать реальной действительности или иметь характер оценочного суждения в том случае, если взыскатель не может поручиться за ее достоверность. В ином же случае взыскатель будет нести риск проигрыша в судебном процессе о защите должником своей деловой репутации (ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь) либо риск привлечения к административной или уголовной ответственности за клевету в отношении должностных лиц или собственников бизнеса должника (ст. 9.2 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь, ст. 188 УК).

Действия коллекторов также могут содержать признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.1 «Мелкое хулиганство» Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь, в случае бесчисленных навязчивых телефонных звонков должнику о возврате долга.

Рассмотренные институт коллекторства как способ взыскания задолженности, способы и методы взыскания долга, используемые коллекторами, а также юридическая ответственность в случае нарушения законодательства при их использовании и охарактеризованные субъекты коллекторской деятельности требуют тщательного изучения, разработки и принятия нормативного правового акта, который дал бы легальное толкование коллекторской деятельности, установил сферу деятельности коллекторских агентств, закрепил правовой статус субъектов коллекторской деятельности, установил на легальном уровне формы взаимодействия коллектора и должника (телефонные звонки, уведомления, встречи), а также порядок их проведения, установил юридическую ответственность за нарушение положений данного нормативного правового акта.

Разработка и принятие такого нормативного правового акта будет способствовать защите прав, свобод и законных интересов должника и его близких, упорядочению деятельности коллекторских агентов в целях недопущения ими нарушения прав и законных интересов должника, пресечения деятельности «черных» коллекторов, нарушающих при использовании методов по взысканию долга законодательство Республики Беларусь.

1. Белоглазов, А.И. Взыскание долга по гражданско-правовым обязательствам: общий взгляд на проблему / А.И. Белоглазов // Актуальные проблемы профессионального образования в Республике Беларусь и за рубежом : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 15 дек. 2017 г. : в 2 ч. / Витеб. фил. Междунар. ун-та «МИТСО»; редкол.: гл. ред. А.Л. Дединкин [и др.]. – Витебск, 2017. – Ч. 1. – С. 310–312.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
3. Философский энциклопедический словарь / П.Н. Федосеева [и др.] ; под ред. Л.Ф. Ильичева. – М. : Совет. энцикл., 1983. – 840 с.
4. Саблин, М.Т. Взыскание долгов: от профилактики до принуждения / М.Т. Саблин. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 500 с.
5. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, 2011. – 511 с.
6. Иванов, С. Коллекторы и банки – две дороги к общей цели // Банки и деловой мир. – 2008. – № 10. – С. 26–30.
7. Скобликов, П.А. Имущественные споры и криминал в современной России / П.А. Скобликов. – М. : Дело, 2001. – 341 с.

УДК 342.9

А.Ю. Богданкевич, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
О.В. Гиммельрейх

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Основа формирования общественного мнения (позитивного, негативного, нейтрального) о деятельности ОВД – информация. В системе управления ОВД, в частности в механизмах прямой и обратной связи, присутствует целый ряд каналов поступления информации. Это социо-

логические опросы и телефоны доверия, мониторинг обращений граждан, изучение материалов средств массовой информации (далее – СМИ), их контент-анализ, встречи руководителей и рядовых сотрудников с населением по месту работы, учебы, жительства и др. Но, как показало исследование, не все эти каналы используются эффективно.

В этой связи следует иметь в виду, что информация в современных условиях приобретает новые качества, которые могут быть выражены в двух направлениях.

1. Информация становится ценным товаром, важным ресурсом идеологического, экономического и культурного влияния, а СМИ выступают активными и достаточно самостоятельными игроками политики и бизнеса. В результате формируются различные коммуникативные инфраструктуры, усиливается конкуренция на информационном рынке.

2. В современных условиях растет влияние СМИ как информационных посредников между источником сообщения и массовой аудиторией. Они все больше становятся центрами целенаправленного формирования имиджей и симуляций реальных процессов и их участников. В этом сила их власти, детерминирующая рост политического влияния СМИ на процессы формирования общественного мнения и поведения людей. Достаточно одной программы на центральном телевидении, чтобы поднять или уничтожить рейтинг доверия к ОВД в масштабах всей страны.

В современных условиях развития информационного общества руководителям необходимо не только анализировать общественное мнение, улавливать колебания общественного недовольства своей работой, но и, как следствие, быстро реагировать на них. В этой связи немало усилий следует предпринимать для того, чтобы формировать позитивный имидж, добиваться общественной поддержки своей деятельности с помощью СМИ, что находит отражение в соответствующих нормативных правовых актах и методических рекомендациях [1; 2; 3, с. 32–36]. Позитивный имидж позволяет милиции достаточно эффективно укреплять сотрудничество с населением и институтами власти, контролировать преступность и непосредственно решать кадровые задачи.

Исследователь А.В. Копылов на основе проведения и анализа конкретно целевых и разноплановых социологических исследований, посвященных изучению, формированию и использованию общественного мнения в управлении ОВД, выделил ряд сложных коммуникативных проблем ОВД, возникающих в реализации единой информационной политики, в том числе в процессе взаимодействия со СМИ:

СМИ оказывают значительное и все возрастающее влияние на сознание и поведение сотрудников органов внутренних дел как крупной

социально-профессиональной группы и особенно тех, кто является кадровым потенциалом организации, кто приходит служить в милицию;

имеют место факты существенной деформации общественного мнения о характере и структуре преступности;

многие СМИ в погоне за рейтингами не только бесконтрольно тематизируют криминальную проблематику, но и смещают оценочные пропорции в подаче материалов по вопросам борьбы с преступностью. При этом нередко отсутствует или запаздывает информационная реакция ведомственных структур по связям с общественностью;

некоторые правоохранительные организации и особенно их региональные структуры по-прежнему являются информационно закрытыми, не имеют развитых пресс-служб и служб по связям с общественностью. Из-за подобной специфики коммуникативного взаимодействия правоохранительных органов и СМИ создаются условия для дальнейшего роста правового нигилизма в обществе, подрывается профессиональный престиж правоохранительной системы в целом, снижается суммарный коммуникативный эффект в борьбе с преступностью и нарушениями прав человека;

некоторые руководители органов внутренних дел и сотрудники, ответственные за работу по связям с общественностью, нередко не умеют профессионально работать с прессой. Журналисты, как правило, не обладают необходимыми правовыми знаниями и в целом поверхностно представляют себе работу милиции, что неизбежно приводит к юридически некомпетентным суждениям и выводам. В результате этого затрудняются взаимопонимание и взаимодействие журналистов и сотрудников правоохранительных органов;

коммуникативная деятельность многих территориальных органов с населением и личным составом подразделений все еще организована по старинке, с использованием рецептов монологической пропаганды советского прошлого. На местах не учитываются изменения социального статуса СМИ и не изучается мнение самой аудитории;

недостаточно разработаны и многие теоретико-методологические, а также прикладные аспекты ведомственной коммуникативной деятельности по созданию социально-привлекательного, позитивного образа и профессионального престижа правоохранительных органов в новых условиях [4, л. 85–86].

Отсюда задача руководства ОВД грамотно использовать коммуникационные возможности СМИ в части нивелирования обозначенных причин путем максимального охвата аудитории для достижения объективного освещения правоохранительной деятельности и вклада в обес-

печение правопорядка милиции. Преимущества СМИ в формировании положительного имиджа сотрудника органов внутренних дел заключаются в том, что они не только активно информируют общественность, но и предупреждают слухи, парируют негативные сообщения с использованием СМИ, лоббируют ведомственные интересы посредством системы массовых коммуникаций. Хорошо организованное отражение в материалах СМИ рейтингов доверия к милиции, ее участию в решении актуальных социальных проблем, результатов служебно-боевой деятельности, получения информации от населения о совершенных преступлениях, а также актуальных программ по профилактике преступлений и правонарушений, в том числе среди отдельных категорий граждан, эффективно способствует росту доверия к ОВД со стороны общества.

Общественность должна наблюдать в СМИ с помощью специальных ведомственных служб в большей мере повседневную, может быть, ординарную, но весьма социально значимую работу ОВД над решением конкретных проблем, волнующих население.

Для формирования положительной картины о деятельности ОВД и улучшения механизма взаимодействия со СМИ необходимо проводить целенаправленную коррекцию формирования имиджа правоохранительных органов. При этом нужно узнать, из каких компонентов складывается отношение к милиции у населения, определить пути получения информации о деятельности милиции, уровень доверия различным источникам, влияния разнообразных каналов коммуникации. Именно для этого целесообразно проводить социологические исследования.

Применительно к деятельности ОВД, касающегося взаимодействия со СМИ, предметом выступает информационная или знаковая сторона коммуникативного процесса, оказывающего положительное или отрицательное влияние на формирование и функционирование общественного мнения о деятельности милиции. К основным элементам информационного (знакового) процесса можно отнести: а) общественные потребности и интересы различных социальных групп, слоев, организаций граждан в обеспечении общественного порядка и их взгляды на правоохранительную деятельность посредством СМИ; б) информированность различных социальных групп и слоев общества о деятельности милиции, событиях общественной жизни, имеющих отношение к охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности; в) понимание населением проблем и фактов социальной действительности, управленческих решений и инициатив в сфере правоохранительной деятельности; г) взгляды на возможные пути решения конкретных проблем деятельности милиции; д) готовность и возможность населения и СМИ участвовать в обеспечении общественного порядка [5, с. 20].

К основным формам взаимодействия ОВД со СМИ специалисты относят [6, с. 132–135]:

информирование СМИ о деятельности ОВД (как инициативное, так и ответы на запросы представителей СМИ);

формирование журналистского пула профессионально пишущих корреспондентов на правоохранительную тематику. С одной стороны, это дает журналистам ряд преимуществ (первоочередное право на получение информации, использование материалов оперативных съемок ОВД), с другой – налагает на них обязанности объективного, нетенденциозного освещения деятельности милиции;

использование возможностей СМИ по проведению информационно-пропагандистских акций;

выпуск совместных рубрик, теле- и радиопрограмм. Кроме информационной, они несут правовую и профилактическую нагрузку, информируют население о способах защиты в экстремальных и противоправных ситуациях, ориентируют в источниках правовой помощи;

проведение «прямых линий» и «прямых эфиров», организацию работы «телефонов доверия» и их использование с целью получения информации о готовящемся или совершенном преступлении;

проведение круглых столов, брифингов по проблемам борьбы с преступностью, обеспечения общественной и личной безопасности граждан, а также по расследованию уголовных дел, имеющих общественный резонанс. К обсуждению этих проблем приглашаются не только сотрудники милиции, но и представители общественных организаций, ученые, различные заинтересованные лица, в том числе журналисты [8];

содействие представителям СМИ при проведении так называемого независимого журналистского расследования;

использование возможностей глобальной компьютерной сети Интернет, для web-сайтов для размещения информации о структуре и руководстве ОВД, новостей, анонса проводимых мероприятий, официальных пресс-релизов, электронных версий собственных печатных изданий, видеоматериалов, информации о разыскиваемых лицах, организацией обратной связи с пользователями сайта;

постоянный мониторинг информационных программ, печатной продукции, выявление оценочных суждений о деятельности ОВД, своевременное принятие мер по фактам непрофессиональной деятельности сотрудников милиции. В случаях выхода в СМИ статей с необоснованными обвинениями сотрудников органов внутренних дел, с искажениями преднамеренно или без такового реальных фактов должностные лица органов внутренних дел должны найти возможность встретиться с журналистами и принять участие в подготовке публикаций в тех же

СМИ, где имелась необъективность оценки деятельности милиции. Необходимо работать на опережение подачи информации о нарушениях законности сотрудниками органов внутренних дел, принимать меры к устранению причин низкого профессионализма.

Особое место среди различных форм сотрудничества между СМИ и ОВД в формировании положительного имиджа об их деятельности и востребованности, роли в государственном механизме защиты прав, свобод и законных интересов граждан, общества и государства занимает реагирование должностных лиц органов внутренних дел на критические выступления в государственных СМИ [8]. Это отражает двустороннюю заинтересованность, взаимную направленность, интегрированность действий, функциональную координацию их следствий, т. е. систему действий, выступающую социальным взаимодействием, которое возникает из совместного участия объектов взаимодействия в сложной, объективной социальной среде, задавая способы реализации совместной деятельности, оказываясь основанием общественной солидарности. Именно сопряженность действий, возобновляемость, регулярность отличают социальное взаимодействие от единичных социальных контактов.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. В отличие от образа института ОВД, который складывается в общественном мнении под влиянием разных потоков информации, имидж сотрудника органов внутренних дел формируется целенаправленно, с учетом особенностей восприятия данного института населением.

2. Отношение представителей органов внутренних дел со СМИ представляет собой двунаправленное коммуникационное управленческое воздействие как на среду функционирования ОВД (внешняя общественность), так и на них самих как социальную систему (внутренняя общественность). Игнорирование одним субъектом данного взаимодействия другого неизбежно приводит к взаимной неприязни, необъективности оценки результатов деятельности, чрезмерному предвзятому отношению и неуважению труда, поиску так называемых «жареных фактов», нарушениям законности и норм элементарной порядочности с обеих сторон.

3. Отличительной особенностью взаимодействия со СМИ как функции управления ОВД являются в том, что это не просто средство информационной связи с целью повышения взаимопонимания и доверия, а управление информационной коммуникацией для эффективного взаимодействия с общественностью в деле противодействия преступности и обеспечения правопорядка.

1. Об организации взаимодействия органов внутренних дел и внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь со средствами массовой информации : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 31 июля 2014 г., № 266.

2. О дополнительных мерах по формированию положительного имиджа сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь : распоряжение М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 19 мая 2016 г., № 32.

3. Паркалов, О.Н. Формирование позитивного общественного мнения о работе органов внутренних дел Республики Беларусь : метод. рекомендации / О.Н. Паркалов, Ф.В. Пекарский ; под общ. ред. И.А. Поздеева. – Минск : Полиграф. центр МВД, 2016. – 56 с.

4. Копылов, А.В. Изучение динамики общественного мнения в управленческой деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.08 / А.В. Копылов. – М. : Акад. упр. МВД России, 2007. – 172 л.

5. Общественное мнение о работе милиции: мониторинг в системе МВД Республики Беларусь : метод. рекомендации / А.М. Малиновский [и др.] ; под общ. ред. В.В. Наумова. – Минск, 2007. – 82 с.

6. Кузнецов, В.Ф. Связи с общественностью: теория и технологии / В.Ф. Кузнецов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Аспект Пресс, 2008 – 302 с.

7. Организация взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации по повышению имиджа сотрудника ОВД : метод. рекомендации / отв. ред. В.Е. Шинкевич. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2009. – 47 с.

8. О реагировании должностных лиц на критические выступления в государственных средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 5 дек. 1997 г., № 630 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 28.05.2008 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.2/.7

А.А. Богданова, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ИХ ФУНКЦИЯ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Современная уголовная политика Республики Беларусь строится на принципах законности, равенства, справедливости и гуманизма. Для их качественного соблюдения законодателем должно быть уделено особое внимание оценочным признакам, особенности толкования которых всегда вызывали определенные трудности у правоприменителя. Впервые проблема законодательного использования оценочных признаков как самостоятельная уголовно-правовая проблема на территории СНГ, судя по литературе, начала обсуждаться в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. В науке уголовного права определение оценочных понятий дал Я.М. Брай-

нин. Оно актуально и на современном этапе развития уголовного права. Он указывал, что это понятия, «не конкретизированные законодателем и уточняемые при применении уголовного закона» [1, с. 63].

В юридической практике во все времена существовала коллизия, где, с одной стороны, выступало желание законодателя об однозначном понимании создаваемого им права, а с другой – стремление правоприменителя толковать правовую норму в своих интересах. Значительно усложняется, на наш взгляд, такая коллизия, если речь идет об уголовно-правовой норме, содержащей оценочный признак. Формулируя «оценочное» предписание, законодатель предоставляет тем самым правоприменителю право самостоятельного установления его содержания, реально осознавая при этом опасность неоднозначного правопонимания. Правоприменитель же, получая слишком широкие рамки усмотрения, создает своей деятельностью постоянную и реальную угрозу ошибочного применения нормы. При этом ошибки необязательно могут быть связаны (и, как правило, не связаны) с произволом и злоупотреблениями правоприменителя, а прежде всего имеют причиной своего происхождения огромные трудности процесса интерпретации оценочных признаков, всегда сопряженного с вероятностью проявления излишнего субъективизма.

Таким образом, проблема законодательного использования оценочных признаков имеет большое научно-практическое значение, что и предопределяет ее особую актуальность.

Проблему оценочных категорий в теории уголовного права исследовали многие авторы. Одни из них изучали общие вопросы, относящиеся в целом к использованию оценочных категорий и признаков, другие касались частных, отражающих специфику отдельных видов оценочных понятий.

Отличительная особенность применения уголовно-правовых норм, закрепляющих оценочные признаки, в том, что окончательный вывод о содержании последних делается на основе изучения фактических обстоятельств дела. Именно условия конкретной уголовно-правовой ситуации позволяют определить область поиска критериев оценок, от верного установления которых зависит и эффективность применения норм, содержащих соответствующие оценочные признаки.

Т.В. Кашанина считает, что в зависимости от характера наиболее общих свойств, составляющих содержание оценочных понятий, последние могут быть разделены на качественные (выражающие свойства обобщаемых ими явлений в зависимости от ценностной ориентации законодателя, но без указания степени соответствия свойств этой

ценностной ориентации) и количественные (признаки которых имеют определенные параметры, отражающие степень выраженности данных признаков, их интенсивность) [2, с. 6–7].

Наиболее эффективным для практики является деление оценочных признаков на количественные, качественные и совокупные.

Количественные – это те оценочные признаки, сущностные свойства которых выражаются в законе путем указания на более или менее точные мерные характеристики. Качественные оценочные признаки – это признаки, внешнее выражение основных свойств которых осуществляется в форме указания на не поддающиеся измерению обобщенные эмпирические характеристики. Совокупные оценочные признаки имеют сложносоставную структуру, «заставляют» правоприменителя обращаться и к качественным, и к количественным критериям оценки.

Таким образом, мы неизбежно приходим к выводу о необходимости двухаспектного понимания оценочных понятий, рассматривая их в широком и узком смысле слова. В широком смысле оценочные понятия – все относительно-определенные понятия уголовного права. Оценочные понятия уголовного законодательства в узком смысле слова – относительно-определенные правовые понятия, призванные отражать не предмет в его целостности, а свойства или отношения этого предмета, характеризующиеся незамкнутостью структуры содержания и охватывающие своим объемом огромное множество значимых для уголовного права явлений.

Данная «логико-юридическая» дефиниция оценочных понятий уголовного законодательства четко выражает содержательные свойства последних. Она является основой для формулирования соответствующего определения оценочных признаков уголовного закона.

Оценочные признаки в силу нефиксированности структуры своего содержания охватывают неограниченное жесткими рамками количество уголовно-правовых характеристик, позволяют практически сразу же «отозваться» на соответствующие социально и юридически значимые изменения и являются, таким образом, одним из технических средств обеспечения стабильности и динамичности законодательства. Поэтому основной объективной причиной использования в уголовном законе оценочных признаков служит чрезвычайное многообразие социально опасных предметов, свойств и явлений, требующих их учета в качестве таковых и постоянного контроля за протекающими с ними диалектическими процессами.

Что касается субъективных причин использования в уголовном законодательстве оценочных признаков, то основная из них – создание

особого приема законодательной техники, необходимого для отражения в праве упомянутого выше многообразия явлений и процессов общественной жизни. Объяснением субъективной природы данной причины может служить, на наш взгляд, следующий фактор: любой прием техники законодательства не является прямым и неизбежным следствием существующих в праве объективных предпосылок его применения, а создается исключительно благодаря воле нормотворца, когда усилия и желания последнего вполне сознательно и мотивированно концентрируются вокруг формирования соответствующего технико-юридического инструмента. В нашем случае речь идет о законодательном использовании оценочных признаков, представляющем собой одно из так называемых «искусственных средств и технических приемов, при помощи которых жизнь в ее многообразии и разнообразии подвергается схематизации, сводится к общим показателям» [3].

К числу субъективных причин, влияющих на количественную сторону их законодательного закрепления (но не причин их существования в праве вообще), можно отнести:

особенности развития и состояние уголовно-правовой науки, в задачу которой входит формулирование принципов и правил разработки уголовно-правовых норм, в том числе производимой с использованием оценочных признаков;

нарушение законодателем основополагающих требований к процессу формирования уголовно-правовых норм, содержащих оценочные признаки;

обычаи и традиции законодательства в конкретном государстве.

При конструировании уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе Республики Беларусь законодателем часто используются термины оценочного характера, отношение к которым в доктрине уголовного права является неоднозначным. С одной стороны, их существование объясняется тем, что они дают возможность хорошо учитывать социальную обстановку, специфические обстоятельства дела, которые «обладают многообразным содержанием и в конкретном своем проявлении выступают в различной форме» [4, с. 117]. С другой стороны, использование оценочных признаков сопряжено с угрозой неоднозначного, а порой, и противоречивого толкования правоприменителем «оценочных» уголовно-правовых предписаний.

Учитывая невозможность полного отказа от оценочных признаков, законодатель должен придерживаться определенных принципов и использовать приемы, позволяющие снизить риск негативных последствий, которые обусловлены применением оценочной лексики при конструировании уголовно-правовых норм.

Актуальным является вопрос о сфере использования оценочных признаков. Предпочтение следует отдавать институту уголовной ответственности и наказания. Так, В.В. Питецкий убежден, что сфера использования оценочных признаков – дифференциация и индивидуализация наказания. «Количество оценочных понятий, – пишет ученый, – должно сокращаться в той сфере, где уголовный закон устанавливает основания ответственности. В то же время их использование полезно и потому должно быть достаточно широким в той сфере, в которой уголовный закон дифференцирует объем ответственности за совершенное преступление» [5, с. 71].

Объем и характер уголовно-правовых последствий применения оценочных признаков оказывают влияние на выбор способа их нормативного толкования. Так, если речь идет об оценочном признаке основного состава преступления, то он должен быть максимально определен путем формулирования наиболее полной дефиниции либо путем прямого закрепления критериев конкретизации. Если же оценочный признак является конструктивным элементом квалифицированного (привилегированного) состава преступления или же нормы, обеспечивающей индивидуализацию наказания, то можно ограничиться приведением примерного перечня подпадающих под него явлений.

Важным является тот факт, что общеправовая открытость содержания понятия, т. е. общее представление об определенном оценочном признаке, не устраняется в случае четкого определения данного правового понятия, «задействованного» в механизме правового регулирования различных юридических отраслей (в нормативном правовом акте одной из таких отраслей) – в том случае, когда такое определение, преследуя «узкоотраслевые» цели, расширяет или сужает содержание правового понятия. Указанное расширение либо сужение содержания понятия делает невозможным и ненужным использование его в таком значении за рамками определившей понятие отрасли. Тем не менее для достоверного и полного закрепления оценочного понятия в норме уголовного права необходимо обратить внимание прежде всего на существующую практику толкования данного понятия отраслевыми науками, что будет способствовать правильному и единообразному пониманию, и, соответственно, применению данного оценочного понятия [6].

Также имеет значение утверждение Е.А. Фролова о том, что оценочные понятия могут и должны употребляться при характеристике явлений, «относящихся к нравственно-этической сфере, к сфере явлений, измерение которых несводимо к однозначным определенным критериям, к сфере нематериализованного характера. Во всех этих случаях со-

хранение оценочных понятий и категорий представляется вполне оправданным и, более того, неизбежным» [7].

Любое судебное решение, а в особенности, связанное с такой уголовно-правовой категорией, как оценочные признаки, должно быть законным, обоснованным, мотивированным и справедливым. При таком подходе к толкованию и уяснению уголовно-правовой нормы обеспечивается стабильность в понимании и применении уголовного закона. Однако ситуация, которая складывается на данный момент относительно оценочных признаков, не позволяет сделать вывод, что последние правильно толкуются и соответствующим образом применяются на практике. Исходя из этого следует вывод о необходимости конкретизации законодателем методов и способов интерпретации оценочных признаков, что в значительном объеме сократило бы неправильное толкование указанной уголовно-правовой категории.

Еще в конце прошлого века основные тенденции по использованию законодателем оценочных понятий в составах конкретных преступлений были определены в научном исследовании С.Д. Шапченко. В частности, автором предложена замена оценочных признаков формально-определенными в тех случаях, когда нефиксированность их содержания уже преодолена в теории уголовного права и судебной практике; исключение хотя бы некоторых оценочных понятий из излишне «оценочных норм»; особо осторожное использование оценочных признаков в тех составах конкретных преступлений, которые отражают деяния, по степени общественной опасности, граничащие с непроступным поведением, включающие такие признаки преимущественно в квалифицированные виды соответствующих составов преступлений; более широкое использование на законодательном уровне возможностей частичной конкретизации оценочных признаков [8, с. 18].

Исходя из вышеизложенного, считаем возможным рассмотреть вопрос об издании постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, посвященного интерпретации всех оценочных признаков действующего уголовного законодательства. Наряду с этим одним из вариантов улучшения практического применения оценочных признаков может стать дополнение Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь статьей, объясняющей содержание оценочных признаков, имеющих одинаковое значение для всех закрепляющих их уголовно-правовых предписаний, и, соответственно, дополнение Особенной части статьями, посвященными разъяснению тех оценочных признаков, которые используются в системе уголовного законодательства в различных значениях.

1. Брайнин, Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин. – М. : Юрид. лит., 1967. – 240 с.
2. Кашанина, Т.В. Оценочные понятия в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.В. Кашанина. – Свердловск, 1974. – 17 с.
3. Нашиц, А. Правотворчество. Теория и законодательная техника : пер. с румын. / А. Нашиц ; под ред. Д.А. Керимова. – М. : Прогресс, 1974. – 256 с.
4. Кудрявцев, В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М. : Госюриздат, 1963. – 304 с.
5. Питецкий, В.В. Оценочные признаки уголовного закона (сущность, функции, перспективы использования в законодательстве) : учеб. пособие / В.В. Питецкий. – Красноярск, 1993. – 89 с.
6. Беляева, О.М. Оценочные категории в конструкциях правовых норм: особенности толкования и правоприменения // Юрид. техника. – 2013. – №7, ч. 2. – С. 133–136.
7. Фролов, Е.А. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы уголовного права и криминологии. – Свердловск, 1973. – Вып. 28. – С. 67–74.
8. Шапченко, С.Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.Д. Шапченко. – Киев, 1988. – 24 с.

УДК 343.412.2

А.И. Бубко, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

В ст. 181 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) торговля людьми определяется как вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека в целях эксплуатации, совершенные путем обмана, либо злоупотребления доверием, либо применения насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 181 УК, характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла, при этом цель является обязательным признаком его субъективной стороны. Содержание цели действий виновного выражается в эксплуатации потерпевшего. При отсутствии указанной цели деяния лица могут квалифицироваться по иным статьям УК. Наличие цели эксплуатации (трудовой, сексуальной или иной) является важным признаком, отличающим торгов-

лю людьми, предусмотренную ст. 181 УК, от организации незаконной миграции. При организации незаконной миграции цель эксплуатации отсутствует, а свобода мигранта не ограничивается [1, с. 23–24, 30–31, 133–134; 2, с. 395–396; 3]. Таким образом, от присутствия цели эксплуатации зависит квалификация действий виновного лица.

Торговля людьми во многих случаях представляет собой разновидность организованной преступной деятельности, характеризующейся разделением ролей, при котором каждый из соучастников выполняет отведенную ему часть действий [4, с. 112–113]. При этом в действиях отдельно взятого соучастника цель торговли людьми может не достигаться, в связи с чем представляется важной правильная оценка содержания субъективной стороны действий соучастников на основании внешних признаков, относящихся к объективной стороне состава рассматриваемого преступления.

Рассмотрим содержание данных признаков. Об осознании виновным цели эксплуатации свидетельствуют такие обстоятельства, как осведомленность о наличии сексуальной или трудовой эксплуатации в заведении или организации, куда направляется лицо, что подтверждается его высказываниями в беседах или телефонных переговорах с соучастниками преступления, личным посещением заведения или организации; обращение к нему ранее завербованных потерпевших с жалобами на эксплуатацию в месте назначения; получение преступником значительных денежных сумм за каждого завербованного потерпевшего; принятие на стадии вербовки и/или перевозки мер, обеспечивающих последующую зависимость потерпевшего от эксплуататора; злоупотребление зависимым положением потерпевшего, осуществляемое преступником после его прибытия к месту назначения. Во многих случаях стремление исполнителя к достижению цели эксплуатации подтверждается направленностью его действий на поставление лица в зависимое положение: вовлечение потерпевшего в наркопотребление для последующего использования данной зависимости в целях эксплуатации; создание долга, размер которого ставит потерпевшего в зависимость, возникшего в результате дачи исполнителем (вербовщиком) потерпевшему взаймы денег на текущие расходы, с последующей передачей права на взыскание долга лицу, осуществляющему эксплуатацию (что может подтверждаться требованиями о возврате долга потерпевшим, наличием у виновного долговых расписок потерпевшего); заключение брака (в том числе фиктивного) с целью последующего принуждения к работе или оказанию сексуальных услуг; вывоз потерпевшего на трудоустройство в страну, языком которой оно не владеет; оформление преступником выезда по

терпевшего по туристической, транзитной или иной визе, не дающей права на трудовую деятельность в стране назначения; перемещение потерпевшего через границу с использованием поддельных документов или вне пункта пропуска, что влечет его нахождение на нелегальном положении в стране назначения [5, с. 113–114].

Как видно, признак зависимого положения отражается в материальных и идеальных следах. Это допускает использовать его в качестве более явного показателя, позволяющего квалифицировать действия обвиняемого по ст. 181 УК. Таким образом, представляется логичным зафиксировать этот признак в диспозиции данной статьи, что даст правоприменителям более четкий ориентир при осуществлении правовой оценки.

С начала вербовки потерпевшего до того момента, когда он попадает в условия эксплуатации, преступники совершают различные действия, преследующие цель маскировки подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления под видом различных видов легальной деятельности: рекламной деятельности по размещению объявлений о трудоустройстве и учебе граждан за границей, трудоустройства граждан, направление на учебу за границу или на работу по специализированным программам для молодежи, оздоровление детей за рубежом, туристическая деятельность и пассажироперевозки, конкурсные отборы и подготовка моделей, деятельность творческих театральных, эстрадно-концертных, цирковых коллективов, подготовка к проведению спортивных соревнований. Действия некоторых причастных к этому лиц могут рассматриваться как укрывательство торговли людьми, хотя в некоторых случаях совершается также и укрывательство лиц, являющихся потерпевшими от торговли людьми, выражающееся в предоставлении жилища и иного места для сокрытия (физическое сокрытие человека), иных действиях, затрудняющих обнаружение лица (лишение документов, изменение внешности, медикаментозное подавление физической или психической активности жертвы). С учетом того, что укрывательство человека является способом совершения торговли людьми, возникает вопрос об обоснованности его рассмотрения в качестве самостоятельного деяния. Ведь укрывательство человека в контексте рассматриваемого преступления чаще всего попадает в поле зрения правоприменителя лишь как эпизод продолжающегося преступления торговли людьми и в отрыве от иных составляющих ее и взаимосвязанных действий в криминализации не нуждается. Представляется, что выделение укрывательства как способа совершения торговли людьми является излишним и подлежит криминализации в рамках института соучастия (ч. 6 ст. 16 УК), поскольку действия пособника, составляющие содержание

рассматриваемого укрывательства потерпевшего, как правило, совершаются согласованно с исполнителем преступления при наличии заранее установленной договоренности, а при отсутствии заранее данного обещания укрыть потерпевшего от торговли людьми будет наступать ответственность по ст. 405 УК [6, с. 269; 7, с. 223].

Существуют определенные вопросы относительно применения квалифицирующего признака, закрепленного в п. 8 ч. 2 ст. 181 УК «с вывозом за пределы государства». Часто лица, которые намерены заниматься проституцией, по предложению виновного выезжают за пределы государства по собственной воле. При наличии цели эксплуатации согласие потерпевшего быть предметом сделки не меняет правовую оценку действий виновного; в противном случае его действия квалифицируются по ч. 2 ст. 171 УК. Однако во многих случаях после добровольного прибытия к месту занятия проституцией такого потерпевшего удерживают за рубежом, принуждая к продолжению указанного занятия, что может быть квалифицировано по ст. 171¹ УК. Как описано в специальной литературе, при этом жертву ставят в зависимое положение, лишая ее элементарных потребностей (скудное питание, примитивные условия проживания, отсутствие условий для соблюдения гигиены); ограничивая или исключая возможность общения с близкими путем изъятия мобильных телефонов и запрета использования иных средств коммуникации; изымая паспорта или иные идентифицирующие документы с целью ограничения свободы передвижения при нахождении за рубежом; запрещая покидать учреждение или место, в котором осуществляется эксплуатация; шантажируя привлечением к ответственности за занятие проституцией, нарушение миграционного или трудового законодательства при пребывании за границей; создавая коммуникативную изоляцию путем передачи потерпевшего из одного заведения в другое, где у него нет знакомых или лиц, понимающих его язык; накладывая на потерпевшего неправомерные или чрезмерные денежные обязательства за нарушение условий договора (штрафов), размер которых явно не соответствует тяжести совершенного потерпевшим проступка; взимая чрезмерные поборы за оказание различных сторонних услуг (рекламу, аренду, медицинские осмотры, проживание, подделку виз, дачу взяток чиновникам); требования выполнять определенные действия, которые лицо не желает совершать, под угрозой немедленного взыскания денежного долга или распространения порочащих сведений [5, с. 114–115]. Можно выделить финансовую, эмоциональную (психологическую), правовую, физиологическую зависимость. Как видно из приведенных примеров, описанные действия виновных лиц пред-

ставляют собой повышенную общественную опасность, поскольку они сопряжены с поставлением потерпевшего в зависимое положение, что указывает на возможность квалификации действий, приведших к такому положению, как торговле людьми.

В связи с этим можно отметить определенную нелогичность правовой оценки двух схожих по степени общественной опасности действий. Так, вербовка, перевозка, передача человека в целях эксплуатации с вывозом за пределы государства в соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 181 УК повлекут за собой значительно большую ответственность, чем такие же действия, сопряженные с удержанием человека за пределами государства, при их квалификации по ст. 171¹ УК. Таким образом, представляется целесообразным устранение данного противоречия.

Так, проведенное нами рассмотрение позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию правовой регламентации борьбы с торговлей людьми. Полагаем, что целесообразно указать в ст. 181 УК зависимое положение жертвы в качестве обязательного элемента объективной стороны состава преступления; исключить укрывательство из способов совершения торговли людьми. Пункт 8 ч. 2 ст. 181 УК изложить в следующей формулировке: «с целью вывоза или незаконного удержания потерпевшего за пределами государства».

1. Уголовная ответственность за посягательства на личную свободу человека : учеб. пособие / О.И. Бахур [и др.] ; под общ. ред. Э.А. Саркисовой, Н.И. Ретнёвой ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2016. – 138 с.

2. Харевиц, Д.Л. О различиях между торговлей людьми и организацией незаконной миграции / Д.Л. Харевиц // Пограничная безопасность: теория и практика : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. гос. учреждения образования «Ин-т пограничной службы Респ. Беларусь» / редкол. : В.Д. Гришко [и др.]. – Минск, 2018. – С. 393–396.

3. Бубко, А.И. О соотношении торговли людьми и смежных преступлений / А.И. Бубко ; науч. рук. Д.Л. Харевиц // Обеспечение безопасности жизнедеятельности : проблемы и перспективы : сб. материалов XII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Минск, 4–5 апр. 2018 г. / Ун-т гражд. защиты МЧС. – Минск : УГЗ, 2018. – С. 221.

4. Ретнёва, Н.И. Уголовная ответственность за торговлю людьми : монография / Н.И. Ретнёва ; под общ. ред. Э.А. Саркисовой. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – 151 с.

5. Харевиц, Д.Л. О признаках, раскрывающих содержание субъективной стороны торговли людьми / Д.Л. Харевиц // Борьба с преступностью: теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию образования Могилев. ин-та МВД, Могилев, 2–3 апр. 2018 г. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь. – Могилев, 2018. – С. 113–115.

6. Вопросы квалификации, регистрации и учета преступлений / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.И. Лукашова. – Минск : МВД Респ. Беларусь, 2003. – 300 с.

7. Харевиц, Д.Л. Способы сокрытия торговли людьми с вывозом за пределы государства / Д.Л. Харевиц // Актуальные проблемы обеспечения пограничной безопасности : материалы II Междунар. заоч. науч.-практ. конф., Минск, 21 февр. 2018 г. : в 2 ч. / Ин-т пограничной службы Респ. Беларусь ; редкол.: В.Д. Гришко [и др.]. – Минск, 2018. – Ч. 2. – С. 222 – 224.

УДК 343.412.2:343.985

А.М. Буд-Гусаим, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – *О.В. Савчук*

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

Торговля людьми является глобальной проблемой, негативно влияющей на многие стороны жизни общества. Она наносит серьезный ущерб обществу в целом и его отдельным лицам, калечит судьбы людей, их психическое здоровье, посягает на личную свободу, жизнь, здоровье, честь и достоинство, иные права и законные интересы граждан, нравственные и семейные устои общества и национальную безопасность Республики Беларусь. Торговля людьми – это хорошо отлаженный транснациональный преступный вид деятельности, приносящий трафикерам колоссальные доходы. Занимает в криминальном мире третье место по прибыльности после торговли оружием и наркотиками. К проявлениям торговли людьми, представляющим актуальность для Республики Беларусь, относятся сексуальная эксплуатация (в том числе сопровождающаяся совершением преступлений против личности), использование занятия проституцией, международный трафикинг, трудовая эксплуатация [1; 2, с. 193].

ОВД при раскрытии торговли людьми с вывозом за пределы государства сталкиваются с применением различных мер противодействия со стороны преступников, в том числе с сокрытием факта совершения преступления и его следов, применяемым на всех этапах ведения преступной деятельности [3].

Несмотря на имеющее место в последние годы сокращение количества преступлений в сфере торговли, противодействие данному виду преступлений остается в зоне повышенного внимания правоохранительных органов. Достигнутые положительные тенденции в снижении преступности в рассматриваемой сфере – результат значительной работы по совер-

шенствованию правового регулирования противодействия всем формам современного рабства. В Республике Беларусь принят ряд нормативных правовых актов, направленных на совершенствование деятельности, связанной с оказанием реабилитационной помощи жертвам торговли людьми. В 2005, 2008 и 2015 гг. в УК Республики Беларусь (далее – УК) внесен ряд изменений и дополнений, призванных оптимизировать уголовно-правовую составляющую противодействия торговле людьми.

В аспекте квалификации торговли людьми возникает вопрос об отграничении комментируемого посягательства от некоторых смежных преступлений: трудоустройства граждан за границей (ст. 187 УК), вовлечения в занятие проституцией (ст. 171¹ УК), организации незаконной миграции (ст. 371¹ УК) [4; 5; 6].

Торговлю людьми следует отличать от незаконных действий, направленных на трудоустройство граждан за границей (ст. 187 УК). В данной статье установлена ответственность за незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей, если в результате таких действий лица, трудоустроенные за границей, подверглись сексуальной или иной эксплуатации помимо своей воли, при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 181¹ УК. Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей, равно как и торговля людьми, являются умышленными преступлениями. При торговле людьми факт эксплуатации человека находится за рамками состава этого преступления. Поскольку ст. 181 УК предусмотрен формальный состав преступления, то торговля человеком признается оконченным преступлением с момента совершения любого действия, предусмотренного данной статьей, независимо от того был ли реально вовлечен человек в эксплуатацию. При применении ст. 187 УК должна быть установлена причинная связь между незаконными действиями по трудоустройству гражданина за границей и фактом сексуальной или иной эксплуатации помимо воли гражданина. При этом причиной вовлечения гражданина в эксплуатацию являются действия другого лица, невиновного в совершении незаконных действий по трудоустройству гражданина. Действия по неправомерному трудоустройству являются лишь условием, создающим возможность другим лицам подвергнуть потерпевшего эксплуатации. Если незаконные действия по трудоустройству будут обусловлены, взаимосвязаны с действиями другого лица, подвергающего потерпевшего эксплуатации, то содеянное должно квалифицироваться как торговля человеком (ст. 181 УК) [7, с. 77–80; 8, с. 113].

В аспекте отграничения вербовки от вовлечения в занятие проституцией отличие нужно проводить по субъективной стороне преступления:

при вовлечении в проституцию должна отсутствовать цель сексуальной эксплуатации [9, с. 23].

Торговля людьми будет признаваться оконченным преступлением с момента совершения соответствующего действия (вербовки, перевозки, передачи человека и т. д.). Представляется, что в прежней редакции диспозиция ч. 1 ст. 181 УК в превентивном аспекте была сконструирована более удачно, поскольку позволяла признавать оконченным преступлением действия, предшествующие совершению противоправной сделки (например, с момента предложения продать человека). По смыслу ныне действующей нормы все действия, которые предшествовали, например, факту передачи человека, будут образовывать приготовление к преступлению. Известно, что за приготовление к преступлению ответственность должна быть менее строгой, чем за оконченное преступление. Вместе с тем ответственность за это преступление в сравнении с первоначальной редакцией ужесточена. Так, в санкции ч. 1 ст. 181 УК за торговлю людьми установлено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества, исключены ранее указанные в ч. 1 ст. 181 УК альтернативные наказания. Максимальный предел лишения свободы увеличен до семи лет (ранее – до шести лет). В соответствии с положениями ст. 12 УК это означает, что данное преступление отнесено к категории тяжких преступлений. Дополнительное наказание в виде конфискации имущества является обязательным. Соответственно, конструкция данной санкции вступает в противоречие с положениями ч. 2 ст. 61 УК, в соответствии с которыми конфискация имущества может быть установлена только в отношении тех тяжких или особо тяжких преступлений, которые совершаются из корыстных побуждений. Однако на основе изучения нормы ст. 181 УК следует сделать заключение, что торговля людьми далеко не всегда может быть обусловлена корыстными побуждениями [10].

При оценке обоснованности установления санкции рассматриваемой статьи следует учитывать особый законодательный подход применительно к несовершеннолетним преступникам. Так, согласно п. 2 ч. 2 ст. 115 УК лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, срок наказания в виде лишения свободы не может превышать семи лет. Вместе с тем в санкции ч. 2 ст. 181 УК установлено наказание в виде лишения свободы от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества [10].

На практике существует актуальная проблема, связанная с правовыми ограничениями проведения оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) «оперативный эксперимент» по фактам использования занятия проституцией или вовлечения в нее. Указанное ОРМ является

наиболее действенным для выявления и задержания сутенера в случае установления женщины, оказывающей платные интимные услуги. Однако после принятия новой редакции 2015 г. Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» была исключена возможность проведения ОРМ «оперативный эксперимент» для выявления и пресечения менее тяжких преступлений и лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Поскольку преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 171 УК и ч. 1, 2 ст. 171¹ УК, относятся именно к указанной категории преступлений, то единственной возможностью проведения указанного ОРМ являются его инициирование при наличии заявления, сообщения гражданина о подготавливаемом, совершаемом или совершенном в отношении его или его близких менее тяжком, тяжком или особо тяжком преступлении – при условии участия в оперативном эксперименте гражданина, в отношении которого готовится, совершается или совершено преступление. Однако в связи с опасениями за свою жизнь и здоровье в большинстве случаев лица, задержанные за занятие проституцией, отказываются от написания заявления. Это существенно усложняет возможности оперативно-розыскного противодействия рассматриваемым преступлениям. Одной из причин законодательного ужесточения оснований проведения рассматриваемого ОРМ являлась необходимость исключить злоупотребления при его проведении, а также возможность достижения аналогичных целей путем проведения иных ОРМ. Однако с учетом описанной выше ситуации представляется целесообразным допустить проведение оперативного эксперимента в отношении указанных составов преступлений (ч. 1 ст. 171 УК и ч. 1, 2 ст. 171¹ УК), сохранив прежний запрет на его проведение в отношении иных менее тяжких преступлений [3].

Таким образом, проведенное рассмотрение позволяет сделать вывод о том, что торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации продолжает оставаться актуальной социальной проблемой. Принятыми мерами удалось существенно снизить ее остроту, однако искоренение одних ее форм влечет за собой появление других разновидностей. Дальнейшее совершенствование уголовно-правового противодействия торговле людьми обуславливается необходимостью устранения противоречий между нормами ст. 181 УК Республики Беларусь и иных статей, устанавливающих как размер ответственности за совершение рассматриваемых противоправных деяний, так и их признаки.

В контексте совершенствования оперативно-розыскных мер противодействия торговле людьми предлагается расширение перечня преступлений, допускающих проведение ОРМ «оперативный эксперимент» по менее строгим основаниям.

1. Буд-Гусаим, А.М. Проблемные аспекты регламентации уголовно-правового противодействия торговле людьми / А.М. Буд-Гусаим // XI Машеровские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 18 окт. 2017 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: гл. ред. И.М. Прищепа [и др.]. – Витебск, 2017. – С. 375–376.

2. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности : монография / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-ва внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Акад. МВД, 2017. – 385 с.

3. Харевич, Д.Л. Способы сокрытия торговли людьми с вывозом за пределы государства / Д.Л. Харевич // Актуальные проблемы обеспечения пограничной безопасности : материалы II Междунар. заоч. науч.-практ. конф., Минск, 21 февр. 2018 г. : в 2 ч. / ГУО «Ин-т пограничной службы Респ. Беларусь» ; редкол.: В.Д. Гришко [и др.]. – Минск, 2018. – Ч. 2. – С. 222–224.

4. Харевич, Д.Л. О различиях между торговлей людьми и организацией незаконной миграции / Д.Л. Харевич // Пограничная безопасность: теория и практика : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. гос. учреждения образования «Ин-т пограничной службы Респ. Беларусь» / редкол.: В.Д. Гришко [и др.]. – Минск, 2018. – С. 393 – 396.

5. Емельянович, О. К вопросу о квалифицировании преступлений, связанных с торговлей людьми / О. Емельянович // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2007. – № 4. – С. 11–14.

6. Харевич, Д.Л. Некоторые криминологические аспекты отграничения торговли людьми от организации незаконной миграции / Д.Л. Харевич // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права и криминологии : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 мая 2017 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – С. 171–174.

7. Ретнёва, Н.И. Уголовная ответственность за торговлю людьми : монография / Н.И. Ретнёва ; под общ. ред. Э.А. Саркисовой ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – 151 с.

8. Харевич, Д.Л. О признаках, раскрывающих содержание субъективной стороны торговли людьми / Д.Л. Харевич // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию образования Могилев. ин-та МВД, Могилев, 2–3 апр. 2018 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь ; редкол.: отв. ред. Ю.А. Матвейчев [и др.]. – Могилев, 2018. – С. 113–115.

9. Уголовная ответственность за посягательства на личную свободу человека : учеб. пособие / О.И. Бахур [и др.] ; под общ. ред. Э.А. Саркисовой, Н.И. Ретнёвой ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2016. – 138 с.

10. Буд-Гусаим, А.М. О некоторых противоречиях правовой регламентации уголовной ответственности за торговлю людьми / А.М. Буд-Гусаим // Обеспечение безопасности жизнедеятельности: проблемы и перспективы : сб. материа-

лов XII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Минск, 4–5 апр. 2018 г. / Ун-т гражд. защиты МЧС. – Минск : УГЗ, 2018. – С. 222.

УДК 343.825

Н.А. Волчкова, курсант уголовно-исполнительного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук
Д.Н. Лахтиков

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ СОДЕРЖАНИЯ ДЕТЕЙ

В соответствии со ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами. Исправление осужденных – это формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни. Основными средствами достижения целей уголовной ответственности в процессе ее применения являются установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие. Средства исправления осужденных применяются с учетом форм реализации уголовной ответственности, вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного и его поведения.

В свою очередь в соответствии со ст. 3 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» задачами оперативно-розыскной деятельности являются:

сбор сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь;

предупреждение, выявление, пресечение преступлений, а также выявление граждан, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

розыск обвиняемых, скрывшихся от органа уголовного преследования или суда и (или) местонахождение которых этим органам неизвестно, граждан, без вести пропавших (безвестно исчезнувших), а также осужденных к наказанию в случаях, установленных законодательными актами;

установление персональных данных граждан, которые погибли (умерли);
установление персональных данных граждан, которые в силу состояния здоровья или возраста не могут сообщить о себе сведения;

установление имущества, которое подлежит или может подлежать аресту в уголовном процессе;

обеспечение безопасности граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и их близких, а также сохранности их имущества от преступных посягательств, обеспечение безопасности иных граждан в соответствии с законодательными актами;

сбор сведений для принятия решений о допуске граждан к государственным секретам, к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья граждан и окружающей среды, к участию в оперативно-розыскной деятельности, к содействию на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность;

защита государственных секретов [1]. Инструментарий оперативно-розыскной деятельности также используется при осуществлении исправительного процесса различных категорий осужденных.

В Беларуси растет количество фактов неисполнения (ненадлежащего исполнения) родителями своих обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних и совершеннолетних нетрудоспособных детей.

Наибольшая опасность данного деяния заключается в том, что оно совершается лицами, которые в силу нравственности, морали и закона должны заботиться о своих близких – несовершеннолетних детях и нетрудоспособных родителях. Воспитание детей и забота о них – равное право и обязанность родителей [2].

При расчете задолженности по алиментам судебный исполнитель учитывает установленный ч. 1 ст. 92 Кодекса о браке и семье размер алиментов, взыскиваемых с родителей на несовершеннолетних детей (на одного ребенка – 25 %, на двоих детей – 33 %, на троих и более детей – 50 % заработка и (или) иного дохода родителей в месяц), а также минимальный размер алиментов, предусмотренный для трудоспособных родителей (при взыскании алиментов на одного ребенка – 50 % бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения (БПМ), на двоих детей – 75 % БПМ, на троих и более детей – 100 % БПМ). Поэтому размер ежемесячных сумм задолженности не может быть ниже минимального размера. При расчете учитывается бюджет прожиточного минимума, действующий на момент начисления задолженности по алиментам [3].

Законодательством предусмотрены следующие виды ответственности должника за ненадлежащее исполнение исполнительных докумен-

тов о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей: семейно-правовая, гражданская процессуальная, административная, имущественная, уголовная [4].

В аспекте исполнительных документов о взыскании алиментов семейно-правовая ответственность должника выступает в виде лишения родительских прав, при этом обязанность уплачивать алименты остается.

В соответствии с требованиями ч. 1 п. 8 Декрета Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2016 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» родители обязаны возмещать расходы по содержанию детей в случае:

отобрания у них детей по решению комиссии по делам несовершеннолетних;

отобрания у них детей на основании решения суда без лишения родительских прав;

лишения их родительских прав;

нахождения их в розыске, лечебно-трудовых профилакториях или в местах содержания под стражей;

отбывания наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, ограничения свободы, ареста.

Уклонение родителей от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, выразившееся в неявке на работу десять и более рабочих дней в течение трех месяцев либо в сокрытии или занижении ими размера заработной платы и приравненных к ней доходов, а равно в уклонении от трудоустройства по судебному постановлению, совершенном в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение, повлекшее за собой неисполнение или неполное исполнение обязательств по возмещению расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, наказывается общественными работами, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на срок до одного года (ч. 2 ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Уклонение родителей, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, от трудоустройства по судебному постановлению, повлекшее за собой неисполнение или неполное исполнение ежемесячных обязательств по возмещению таких расходов, либо уклонение от работы – влечет административный арест (ст. 9.27 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь).

Следует учитывать, что под уклонением от трудоустройства по судебному постановлению в названной статье понимаются уклонение от явки в органы по труду, занятости и социальной защите, организации для трудоустройства, от прохождения медицинского осмотра, получения необходимых для трудоустройства документов, а также иные виновные действия (бездействие), повлекшие неисполнение судебного постановления о трудоустройстве. Под уклонением от работы понимается отсутствие на работе в течение рабочего дня без уважительной причины.

По данным судебной статистики, уклонение родителей от содержания детей и от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, занимает значительную часть среди преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и является самым распространенным среди посягательств на интересы несовершеннолетних. Кроме того, оно имеет негативную динамику.

Среди лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 174 УК, преобладают мужчины (в 2015 г. – 4 851 лицо, или 70,5 %), из них большая часть – трудоспособные лица, не желающие работать, существующие за счет случайных заработков или работающие неофициально. Значительное число – жители городов (4 805 лиц, или 70 %).

Осужденные за данные преступления характеризуются невысоким образовательным уровнем, что сказывается и на их нравственном воспитании. Среднее образование имели 57 %, неполное среднее или начальное – 13,5 %, незаконченное высшее и законченное высшее образование – 3 %.

Из общего количества лиц, осужденных в 2016 г. за совершение преступлений анализируемой категории, 3 462 человека, или более 50 %, ранее привлекались к уголовной ответственности. Из них большинство имели две и более судимости (1 824 лица, или 53 %). Кроме того, 474 лица, или 9 %, уклонились от содержания детей либо возмещения расходов в период отбывания наказания в виде ограничения свободы, т. е. находясь под контролем органа, ведающего исполнением наказания.

Надо отметить, что если государственные органы видят, что родители способны и желают измениться, восстановиться в родительских правах, детей охотно возвращают и пересматривают вопрос о возмещении расходов. Суды уменьшают суммы, подлежащие возмещению или вовсе освобождают родителей от выплат, чтобы не создавать сложное материальное положение в семье и дать шанс родителям реабилитироваться, самостоятельно заботиться о своих детях.

В наше время ситуации, когда родители, даже после вынесения судебного решения о необходимости уплаты алиментов, не исполняют

свои родительские обязанности, очень распространены. Однако этот факт не только не снимает с родителя ответственности, но и усугубляет его положение, поскольку в данном случае появляется вероятность быть привлеченным к уголовной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 174 УК, которая предусматривает ответственность за уклонение родителей более трех месяцев в течение года от уплаты по судебному постановлению средств на содержание несовершеннолетних или совершеннолетних, но нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи детей.

Кодексом о браке и семье Республики Беларусь (ст. 91) определена обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей, а также нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи. Содержание детей предполагает предоставление им материальных благ, необходимых для жизни. Однако надо иметь в виду, что уголовно-правовой охране подлежат лишь отношения по выплате средств на содержание детей, производимой по решению суда.

Под уклонением родителей от уплаты по решению суда средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей следует понимать не только прямой отказ от уплаты присужденных судом алиментов, но и сокрытие лицом своего действительного заработка, смену места работы или жительства с целью избежать удержаний по исполнительному листу. При этом отсутствие дохода не является уважительной причиной неуплаты алиментов.

Основными причинами распространенности данного преступления являются пьянство и отсутствие мотивации на трудоустройство, а также пробелы в нравственном воспитании.

В качестве причин неисполнения ежемесячных обязательств виновные лица ссылались на тяжелое материальное положение, низкую заработную плату, отсутствие денежных средств и постоянной работы, нежелание работать на том предприятии, куда они трудоустроены по судебному решению, незначительный размер заработной платы, остающийся после удержания средств или расходов, выезды за пределы Республики Беларусь, личную недисциплинированность и наличие неприязненных отношений с взыскателем.

В большинстве случаев уклонение от содержания детей выражалось в систематическом бездействии – нежелании виновных лиц принимать меры к трудоустройству во избежание удержаний по исполнительному листу, а также в отказе от уплаты алиментов, направлении доходов на цели, не связанные с выплатой средств на содержание ребенка. Имелись также факты сокрытия места работы и доходов, полученных без оформления трудовых отношений.

Круг субъектов уклонения от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, определен ст. 93 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь: родители, лишённые родительских прав; родители, у которых дети отобраны без лишения родительских прав по решению суда; родители, у которых дети отобраны по решению комиссии по делам несовершеннолетних районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе по месту нахождения ребенка; родители, находящиеся в розыске, лечебно-трудовых профилакториях или в местах содержания под стражей; родители, отбывающие наказание в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, ограничения свободы, ареста.

Однако не во всех случаях всесторонне исследуются сведения о наличии у лица обязанности возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей.

Органами предварительного расследования допускались ошибки, связанные с игнорированием обязательного признака состава данного преступления – наступление общественно опасных последствий в виде неисполнения или неполного исполнения ежемесячных обязательств по возмещению расходов, затраченных государством на содержание детей. Имеют место ошибки при квалификации действий виновных лиц.

Анализ судебной и следственной практики свидетельствует об отсутствии единства при определении суммы, на которую в результате неявики на работу не были исполнены ежемесячные обязательства.

При привлечении лиц к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 174 УК имеют место факты необоснованного признания в качестве отягчающего обстоятельства квалифицирующего признака – совершение преступления лицом, ранее судимым по ст. 174 УК.

Что касается воспитательных мероприятий с осужденными, непосредственно отбывающими наказание, то необходимо прежде всего повышать уровень значимости и ценности семьи в их сознании путем проведения бесед с осужденными. Я считаю, что задача сотрудников, которые работают с данной категорией осужденных, заключается в том, чтобы достигать до их сознания путем вызывания чувств и эмоций по отношению к их несовершеннолетним и нетрудоспособным детям. Позитивным эффектом в части предупреждения данного преступления обладают мероприятия: повышение уровня жизни, решение проблем трудоустройства, профилактика семейного благополучия, повышение уровня значимости семьи, правовая, антиалкогольная пропаганда, совершенствование деятельности уголовно-исполнительной системы в

части организации воспитательной и психологической работы с осужденными, уклоняющимися от содержания детей.

Для каждого родителя должно являться ценностью благополучие и безопасность его ребенка. Семья для ребенка – первый институт социализации. В семье он получает все самое необходимое для дальнейшей жизни. Именно поэтому задачей правоохранительных органов в нашей стране должна являться четко слаженная работа по укреплению законности, правопорядка, повышению уровня сознания и укреплению ценности и значимости семьи в обществе.

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Бедняков, Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений / Д.И. Бедняков. – М. : Юрид. лит., 2011. – 180 с.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск : Тесей, 2015. – 1200 с.

4. О практике взыскания судами расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь, 19 дек. 2008 г., № 13 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 342.92 + 343.37

Ю.Н. Гаркуша, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА ПОДАКЦИЗНЫХ ТОВАРОВ

Незаконный оборот подакцизных товаров наносит существенный экономический вред государству, представляет угрозу экономической безопасности. Кроме того, правонарушения в сфере оборота подакцизных товаров касаются интересов граждан, поскольку вредные последствия преступной деятельности затрагивают каждого конкретного человека. Вопросы охраны и укрепления здоровья нации, в том числе противодействия злоупотреблению населением алкогольными напитками, табакокурению, находятся на непрерывном государственном контроле. В этой связи представляет интерес анализ развития правового регулирования в рассматриваемой сфере в целях поиска путей совершенство-

вания законодательства на современном этапе, а также снижения риска приобретения некачественных товаров подакцизной группы.

До недавнего времени была широко распространена контрабанда табачных изделий. До 2008 г. легально разрешено перевозить несколько блоков сигарет, и с продажи каждого блока перевозчик мог выручить дополнительные 10 долл. В дальнейшем возможность таким образом получать прибыль исчезла.

Сегодня правонарушители используют разные способы перемещения товара через границу. Так, например, с помощью различного рода тайников на автомобильном, железнодорожном транспорте, на плотках по пограничным рекам и водоемам, через тоннели под границей. Кроме того, существуют и более сложные схемы. В частности, так называемый «прерванный транзит», когда на территорию Украины приезжает грузовая автомашина с длинным закрытым кузовом под видом передвигающейся транзитом в страны Европы, затем незаконно, с помощью недобросовестных сотрудников таможенных органов на пропускных пунктах в сопроводительных документах проставляются отметки о выезде-въезде, и машина возвращается обратно в Украину. Таким способом в Украину завозятся и сигареты с белорусскими акцизными марками [1, с. 198].

По результатам проверок субъектов предпринимательской деятельности, осуществляющих производство и оборот подакцизных товаров, доначислено 5228,3 тыс. р., взыскано 5165,8 тыс. р., в том числе налогов – 2326,7 тыс. р. Привлечено налоговыми органами к административной ответственности 68 субъектов предпринимательской деятельности и 60 должностных лиц, сумма штрафов составила 244,9 тыс. р.

Криминологические аспекты проблемы незаконного оборота подакцизных товаров рассматривались в работах Д.И. Аминова, Л.Д. Гаухмана, А.И. Гурова, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, В.Д. Ларичева, В.В. Лунеева, С.В. Максимова, Г.М. Миньковского, А.В. Наумова, П.Г. Понаморев и др.

Несмотря на возросший в последние годы интерес юридической науки к проблемам обеспечения экономической безопасности, должно-го внимания проблемам противодействия нелегальному обороту подакцизных товаров и продукции ни в науке, ни на практике до настоящего времени не уделялось.

Так, акцизом признано считать косвенный общегосударственный налог, устанавливаемый преимущественно на предметы массового потребления (табак, вино и др.) внутри страны, в отличие от таможенных платежей, несущих ту же функцию, но на товары, доставляемые из-за границы; включается в цену товаров или тариф за услуги и тем самым фактически

уплачивается потребителем. При реализации подакцизных товаров в розницу сумма акциза не выделяется. Акциз служит важным источником доходов государственного бюджета современных стран. Размер акциза по многим товарам достигает половины, а иногда 2/3 их цены [2].

В соответствии со ст. 111 Налогового кодекса Республики Беларусь подакцизными товарами являются спирт, алкогольная продукция, непивовая спиртосодержащая продукция в виде растворов, эмульсий, суспензий, произведенных с использованием этилового спирта из всех видов сырья, иных спиртосодержащих продуктов, пиво, пивной коктейль, слабоалкогольные напитки с объемной долей этилового спирта более 1,2 % и менее 7 % (слабоалкогольные натуральные напитки, иные слабоалкогольные напитки), вина с объемной долей этилового спирта от 1,2 % до 7 %, табачные изделия; автомобильные бензины, дизельное топливо и дизельное топливо с метиловыми эфирами жирных кислот и др. [3]. Ранее к ним относились и люксовые товары (автомобили).

Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за правонарушения, связанные с подакцизными товарами. В нем содержатся статьи о нарушении порядка оборота алкогольной, непивовой спиртосодержащей продукции, непивового этилового спирта, табачного сырья и табачных изделий (ст. 12.23 КоАП Республики Беларусь); о несоблюдении требований по проверке подлинности акцизных и специальных марок Республики Беларусь при торговле табачными изделиями и алкогольной продукцией (ст. 12.24 КоАП Республики Беларусь); о незаконном ввозе, перевозке, хранении алкогольных напитков и табачных изделий, производстве, переработке и хранению этилового спирта и табачного сырья и продаже алкогольных напитков собственного производства (ст. 12.27 КоАП Республики Беларусь).

В соответствии с п. 14–19 Положения о государственном регулировании производства, оборота и потребления табачного сырья и табачных изделий (далее – Положение) маркировке акцизными марками подлежат ввозимые на таможенную территорию Республики Беларусь, в том числе с территории государств-участников Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г., табачные изделия, а также произведенные в Республике Беларусь и предназначенные для оборота на ее территории табачные изделия. Акцизная марка, в том числе для импортируемых табачных изделий, является бланком строгой отчетности, ее стоимость устанавливается Министерством экономики Республики Беларусь, относится на себестоимость табачных изделий и не может превышать половины максимальной ставки акци-

за, исчисленного согласно законодательству для одной единицы соответствующего табачного изделия. Акцизные марки наносятся на потребительскую тару (упаковку) ввозимых табачных изделий за пределами таможенной территории Республики Беларусь. Ввоз в Республику Беларусь, перевозка по ее территории и (или) хранение на ней табачных изделий, подлежащих маркировке акцизными и (или) специальными марками, торговля ими без нанесенных акцизных и (или) специальных марок запрещаются, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами.

Маркировке акцизными марками не подлежат табачные изделия, ввезенные организаторами и участниками международных выставок, ярмарок в качестве образцов и экспонатов, а также ввезенные в качестве образцов для сертификационных испытаний, осуществления контроля качества, безопасности, подлинности табачных изделий в количестве, установленном нормативными документами; предназначенные для собственного потребления должностными лицами иностранных дипломатических представительств и консульских учреждений, приравненными к ним по объему привилегий сотрудниками органов и миссий международных организаций, а также членами их семей; предназначенные для реализации в магазинах беспошлинной торговли, на воздушных, морских и речных судах, выполняющих рейсы в иностранные государства; перемещаемые через территорию Республики Беларусь транзитом, а также ввозимые гражданами в пределах норм, установленных законодательством.

В соответствии с п. 45, 54 Положения о маркировке акцизными марками подлежат ввозимые на таможенную территорию Республики Беларусь, в том числе с территории государств-участников Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г., алкогольные напитки, разлитые в потребительскую тару, а также алкогольные напитки (за исключением шампанского и оригинальных алкогольных напитков, произведенных в культурно-этнографических центрах, национальных парках и заповедниках, иных объектах республики в целях воссоздания полноты белорусских национальных традиций), произведенные в Республике Беларусь, разлитые в потребительскую тару и предназначенные для оборота на ее территории. Маркировке специальными марками подлежат алкогольные напитки, задержанные или изъятые таможенными и другими правоохранительными органами, налоговыми и иными контролирующими органами, а также конфискованные либо обращенные в доход государства иным способом. Алкогольные напитки с поврежденными акцизными марками подлежат перемаркировке, предназначенными для этого акцизными марками без указания

информации о виде алкогольного напитка и объеме его розлива. Алкогольные напитки, маркированные акцизными марками, выводимыми из обращения, дополнительно маркируются контрольными марками [6].

Порядок выведения из обращения акцизных марок, хранения и перемещения на территории Республики Беларусь алкогольных напитков, маркированных акцизными марками, выводимыми из обращения, а также порядок торговли такими алкогольными напитками устанавливаются Советом Министров Республики Беларусь. Порядок хранения, перемещения алкогольных напитков с поврежденными акцизными марками и торговли ими на территории Республики Беларусь (за исключением находящихся под таможенным контролем) утверждается Министерством торговли Республики Беларусь по согласованию с Министерством по налогам и сборам Республики Беларусь.

Импорт алкогольной продукции (за исключением алкогольных напитков) осуществляется только юридическими лицами – победителями конкурсов на определение юридических лиц, обеспечивающих реализацию исключительного права государства на осуществление импорта алкогольной продукции, и являющимися переработчиками указанной продукции. Импорт непищевого этилового спирта осуществляется только юридическими лицами – переработчиками указанного спирта. Ввоз (вывоз) на таможенную территорию Республики Беларусь с таможенной территории государств-участников Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. алкогольной продукции (за исключением ввоза алкогольных напитков, маркированных акцизными марками, вывоза алкогольных напитков, маркированных их производителем в соответствии с требованиями законодательства страны назначения), непищевой спиртосодержащей продукции и непищевого этилового спирта, перемещение по ее территории, хранение на ней указанных продукции и спирта, ввезенных (предназначенных для вывоза) с таможенной территории таких государств, маркированных контрольными знаками, осуществляются по сопроводительным документам установленного образца государства-экспортера.

В соответствии с п. 3 Положения юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие оптовую и (или) розничную торговлю табачными изделиями, обязаны обеспечивать проверку подлинности акцизных и (или) специальных марок на табачных изделиях, реализуемых ими или их структурными подразделениями (объекты торговли и общественного питания), и несут ответственность за подлинность этих марок. Оптовая, розничная торговля табачными изделиями, их хранение (как вид предпринимательской деятельности) осуществля-

ются юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями при обязательном наличии у них разрешенных к применению и исправных приборов для проверки подлинности акцизных марок Республики Беларусь и (или) специальных марок.

В соответствии с законодательством юридические лица, осуществляющие импорт, хранение (как вид предпринимательской деятельности) алкогольных напитков, оптовую и (или) розничную торговлю ими, обязаны обеспечить проверку подлинности акцизных марок и (или) специальных марок на алкогольных напитках, принадлежащих им либо находящихся на хранении у них, в том числе в их обособленных подразделениях, и несут ответственность за подлинность этих марок. Индивидуальные предприниматели, осуществляющие розничную торговлю алкогольными напитками в объектах общественного питания, обязаны обеспечить проверку подлинности акцизных марок на принадлежащих им алкогольных напитках и нести ответственность за подлинность данных марок.

К административной ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 12.27 КоАП Республики Беларусь, могут быть привлечены физические лица, не являющиеся должностными лицами юридических лиц, или работники индивидуального предпринимателя. Физические лица, являющиеся должностными лицами юридического лица (индивидуального предпринимателя), за ввоз, перевозку, хранение алкогольных и табачных изделий могут быть привлечены к ответственности по ст. 12.23 КоАП Республики Беларусь.

Санкциями данных статей предусмотрены штрафы для физического лица от 50-и базовых величин, а для индивидуального предпринимателя или юридического лица – от 250-и базовых величин с конфискацией имущества [4].

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) предусмотрена ответственность лишь по ст. 261¹ «Изготовление, сбыт либо использование поддельных акцизных марок Республики Беларусь» [5].

Согласно постатейному комментарию к Уголовному кодексу Республики Беларусь непосредственным объектом преступления является установленный порядок изготовления, оборота и использования акцизных марок Республики Беларусь (далее – акцизная марка), обеспечивающий защиту финансовых интересов государства, нарушаемых ввиду неуплаты акцизов (косвенного налога), а также защиту прав и законных интересов участников экономической деятельности и гражданского оборота в сфере обращения подакцизных товаров.

В качестве предмета преступления выступают поддельные акцизные марки, которые могут быть либо полностью фальшивыми, изготовленными в нарушение установленного порядка их производства, в том чис-

ле неуполномоченным субъектом, либо подлинными, но с измененными реквизитами.

Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь от 27 августа 2008 г. № 429-З «О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта» и п. 1.1 Декрета Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 28 «О государственном регулировании производства, оборота и потребления табачного сырья и табачных изделий» под акцизной маркой понимается документ с определенной степенью защиты, предназначенный для маркировки произведенных в Республике Беларусь или ввозимых на территорию Республики Беларусь, соответственно, алкогольных напитков и табачных изделий. К алкогольным напиткам относятся водка, ликеро-водочные изделия, вино, коньяк, бренди, кальвадос, шампанское и другие напитки с объемной долей этилового спирта 7 и более процентов, к табачным изделиям – продукты, частично или полностью изготовленные из табачного сырья таким образом, чтобы использовать для курения, сосания, жевания или нюханья, расфасованные в потребительскую упаковку для розничной торговли [6, 7].

С объективной стороны преступление выражается в совершении альтернативных действий, имеющих разную величину общественной опасности, что учтено законодателем путем указания о них в различных частях ст. 261¹ УК, которые имеют несовпадающие санкции. Так, в ч. 1 комментируемой статьи указаны изготовление и сбыт поддельных акцизных марок, а в ч. 2 ст. 261¹ УК – использование заведомо поддельных акцизных марок, за совершение которого предусматривается более строгое наказание, чем за изготовление или сбыт.

Изготовлением является внесение в подлинные акцизные марки каких-либо изменений либо полное изготовление фальшивых акцизных марок, когда в результате указанных действий они получают существенное сходство с подлинными и могут быть введены в гражданский оборот или использованы в этом обороте.

Сбыт – это возмездная или безвозмездная реализация заведомо поддельных акцизных марок для их введения в гражданский оборот или использования в таком обороте.

Использованием признается маркировка заведомо поддельными акцизными марками алкогольных напитков или табачных изделий.

Маркировка акцизными марками алкогольных напитков, разлитых в потребительскую тару (упаковку), как правило, производится путем наклеивания соответствующей акцизной марки на место, специально предназначенное для открытия тары (упаковки), или на место, специально предназначенное для установки сливного (заливного) устройства.

Маркировка табачных изделий, как правило, осуществляется путем наклеивания акцизных марок на потребительскую упаковку табачных изделий, неотделимую от табачных изделий до их употребления и в которой они представляются для розничной продажи.

Состав преступления формальный. Преступление признается оконченным с момента совершения любого из указанных альтернативных действий. Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. При изготовлении поддельных акцизных марок лицо должно преследовать цель их сбыта (обязательный субъективный признак). В противном случае такие действия не являются преступными. Субъект преступления общий. Ответственность наступает с шестнадцати лет.

Статья 261¹ УК не подлежит применению и в случаях изготовления, сбыта или использования подложных дополнительных наклеек (стикеров), применяемых для маркировки товаров, предназначенных для продажи в магазинах беспопышной торговли в соответствии с п. 12–15 Положения о магазинах беспопышной торговли, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 22 апреля 2014 г. № 175 «О функционировании магазинов беспопышной торговли» [8].

Анализ законодательства Республики Беларусь в области подакцизных товаров показывает, что эффективность применяемых мер государственного регулирования в совокупности с обеспечением контроля за их соблюдением и применением жестких санкций за нарушение законодательства выражена в значительном снижении теневого оборота алкогольной и иной спиртосодержащей продукции в нашей стране, но при этом требуют дальнейшего совершенствования в части их точного и неукоснительного применения на практике. В этой связи представляется целесообразным ужесточение мер государственной ответственности в части увеличения штрафных санкций за нарушение законодательства в области подакцизных товаров. Это, по нашему мнению, будет способствовать более эффективному противодействию незаконному обороту табачной и алкогольной продукции.

1. Заяц, Н.Е. Теория налогов : учеб. пособие / Н.Е. Заяц. – Минск : БГЭУ, 2002. – 220 с.

2. Вишневский, А.А. Финансовое право : курс лекций / А.А. Вишневский, И.В. Сауткин, С.М. Тихоненко. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 266 с.

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 29 дек. 2009 г., № 71-3 : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. О государственном регулировании производства, оборота и потребления табачного сырья и табачных изделий [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 17 дек. 2002 г., № 28 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 27 авг. 2008 г., № 429-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.06.2013 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8. О функционировании магазинов беспопышной торговли [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 22 апр. 2014 г., № 175 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.13

А.С. Гилевский, выпускник следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Ю.С. Климович*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: О ЗАКОНЕ И ПРАКТИКЕ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Несмотря на благие цели, направленные на расширение возможностей влияния досудебного соглашения о сотрудничестве в противодействии организованной преступности, коррупции, расследовании деятельности преступных сообществ (преступных организаций), члены которых, как правило, отказываются от дачи показаний о преступной деятельности соучастников и организаторов преступлений, намечаются и проблемные моменты в механизме реализации указанного института.

Положительно то обстоятельство, что указанное новшество было осуществлено путем не только внесения изменений в соответствующие статьи, но и включением в УПК самостоятельной гл. 49¹ «Производство по уголовным делам в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве».

Следует отметить, что в Республике Беларусь введение данного института не повлекло особенностей в применении мер обеспечения безопасности для подозреваемых, обвиняемых, так как подобная возможность была закреплена практически с принятием УПК. Можно согласиться с Л. Михальковой, которая подчеркивает, что «такая мера не только поможет в расследовании преступлений в тех случаях, когда нет других источников информации, но и позволит эффективнее противодействовать организованной преступности в сфере оборота наркотиков, торговли людьми, бандитизма» [1].

С учетом того, что институт досудебного соглашения в уголовном процессе на сегодня применяется нечасто, в дальнейшей правоприменительной деятельности у практических работников может возникнуть не характерная на данный момент проблема. Суть ее заключается в следующем.

Подозреваемый (обвиняемый) в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законом к ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо за отказ от дачи показаний не привлекается. Факт заключения досудебного соглашения не является основанием для дачи правдивых показаний таким лицом. В соответствии с ч. 4 ст. 468⁶ УПК «подозреваемый дополнительно может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах их совершивших», а если такое преступление было совершено в соучастии, то появляется возможность оговора другого лица с целью принизить (смягчить) свою роль в совершенном преступлении. Поэтому следователю необходимо относиться весьма критично к показаниям, даваемым таким лицом. И.Я. Фойницкий призывал осторожно относиться к показаниям обвиняемого в отношении соучастников преступления и обращать внимание, не заинтересован ли сам подсудимый в том, чтобы оговор был принят, т. е. не делается ли он для самооправдания и сваливания вины на другого; и в этих случаях нередко, чем такой оговор полнее и убедительнее, тем он больше побуждает подозрение [2, с. 269].

Исходя из этого, возникает логичный вопрос: «А в качестве кого мы будем привлекать такое лицо в последующем для подтверждения тех показаний, которые были им даны в статусе подозреваемого (обвиняемого)?» Этот вопрос, по нашему мнению, хорошо раскрывает М.Т. Аширбекова в своей работе «Процессуальный кентавр: «заинтересованный

осужденный». «На данный момент, проблема определения статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, своего решения не получила. Это подтверждается уточняющим документом Конституционного Суда Российской Федерации о том, что статус такого лица «не может быть соотнесен в полной мере ни с правовым положением свидетеля, ни с правовым положением подсудимого [3 с. 16]. Получается, что мы встретились с необычным по облику процессуальным кентавром», который либо «ни подсудимый, ни свидетель», либо «и подсудимый, и свидетель». Полагаем, что к статусу такого лица следует подходить с учетом взятых им на себя обязательств по заключенному соглашению. Такие обязательства в общем виде могут быть направлены на изобличение, во-первых, лиц, совершивших с ним преступление в соучастии, а во-вторых, иных лиц, о совершенных преступлениях которых обвиняемый осведомлен и готов сообщить о них следствию.

Так, если обязательства обвиняемого были ограничены лишь сведениями о преступных действиях лиц, которые не были с соучастниками в одном или нескольких преступлениях, то он, соответственно, вполне обычный свидетель – лицо, в отношении которого имеются основания полагать, что ему известны какие-либо обстоятельства по уголовному делу.

Кроме того, предусматривается, что прокурор в своем постановлении должен оценивать продуктивность сотрудничества путем указания на преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с обвиняемым. Результатом досудебного соглашения могут быть сообщенные обвиняемым сведения только о преступлениях иных лиц, но не о его соучастниках. В этой связи при рассмотрении в суде уголовного дела в отношении иных лиц, изобличению которых обвиняемый успешно содействовал, он должен участвовать как обычный свидетель.

По-иному обстоит дело, когда в предмет соглашения входит обязательство обвиняемого сообщить сведения, изобличающие его соучастников. Поскольку уголовное дело, именуемое как основное, рассматривается и разрешается после постановления приговора в отношении лица, заключившего и отработавшего досудебное соглашение о сотрудничестве, то, действительно, на этот момент данное лицо не предстает в статусе подсудимого. Оно – осужденное, причем за те же преступления, что вменяются его соучастнику или соучастникам. Понятно, что он не обретает и статуса свидетеля в силу своей причастности к этим преступлениям. Вот тут-то и нужно, по нашему мнению, введение нового определения для обозначения формального статуса такого участника.

Представляется, что такое лицо допустимо именовать «заинтересованный осужденный», поскольку его интерес в сообщении изобличаю-

щих сведений подтверждается самим фактом его участия в досудебном соглашении. Достоверность сообщаемых им сведений, по мысли законодателя, должна обеспечиваться процессуальной санкцией в виде отмены приговора, постановленного в отношении его по выделенному уголовному делу [4, с. 16].

На этот счет также высказался и Ю.С. Климович, отметив, что как и при обычном порядке производства предварительного следствия по уголовному делу подозреваемый (обвиняемый) не несет ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 401 и ст. 402 УК. Вместе с тем очевидно, что, заключив досудебное соглашение о сотрудничестве, преследуемое в уголовном порядке лицо фактически обязывает себя к даче правдивых показаний. В противном случае оно рискует не получить смягчения наказания. Причем, если факт лжи обвиняемого будет выявлен после постановления в отношении его приговора, это может повлечь пересмотр решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам в соответствии с правилами УПК [3, с. 45].

Считаем, что в первую очередь необходимо дифференцировать досудебное соглашение с точки зрения взятых на себя обязательств подозреваемым (обвиняемым) и в зависимости от данного разграничения привлекать его в том статусе, который был бы приемлем в той или иной ситуации. Иными словами, если лицо готово сообщить сведения о преступной деятельности другого лица, с которым он не совершал преступления в соучастии, стоит привлекать его в качестве свидетеля. Если лицо сообщает сведения в рамках досудебного соглашения о преступлении, которое он совершил в соучастии с другими лицами, и он готов дать показания в отношении их (в случае если в отношении его вступил в законную силу приговор суда) – считаем, что целесообразно было бы рассмотреть вопрос о введении нового процессуального статуса, а именно – заинтересованный осужденный.

Закон предполагает, что при направлении в суд уголовного дела, по которому имело место досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор в своем постановлении должен отразить полноту выполнения взятых на себя обвиняемым обязательств, а также их значимость для следствия. В свою очередь эта норма корреспондирует со ст. 280 УПК, которая указывает, что в ходе предварительного судебного заседания, проводимого по таким категориям дел, суд обязан будет удостовериться о подтверждении прокурором факта исполнения, взятых на себя обвиняемым обязательств.

Полагаем, что на практике вполне возможны ситуации, когда по объективным причинам обвиняемый, несмотря на все приложенные для

этого усилия, не сможет в полном объеме выполнить взятые на себя обязательства по досудебному соглашению. Например, из-за банкротства, стихийного бедствия, аварии, перевести денежные средства на счет потерпевшего, по причине изменения обстановки точно указать место совершения преступления, хранения похищенного имущества и т. д.

В этой ситуации возникает вопрос: «Как поступать суду в вышеуказанном случае при назначении наказания?» Ведь формально обязательства не будут выполнены. В определенных моментах любое обязательство, вытекающее из договорных отношений, может быть не исполнено по независящим от волеизъявления сторон причинам. В таких ситуациях невиновное неисполнение, как мы знаем, ответственности не влечет.

Представляется, что это характерное для цивилистики правило должно распространяться и на досудебное соглашение о сотрудничестве. Несправедливо лишать обвиняемого права на уменьшение наказания, если он сделал для раскрытия преступления и заглаживания своей вины максимум возможного. В этой связи предлагаем дополнить закон специальным указанием на то, что прокурор вправе подтвердить выполнение обвиняемым взятых на себя обязательств по оказанию содействия предварительному следствию в расследовании преступления, и в том случае, когда требуемого результата достигнуто не было по независящим от обвиняемого причинам.

Проанализировав ч. 1 ст. 468⁷ «Рассмотрение прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», мы обратили внимание на небольшую недоработку законодателя, которая выразилась в неправильном формулировании отдельного положения статьи. Во втором предложении «Ходатайство подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, совершившего преступления, за которое соответствующей статьей *Особенной части настоящего Кодекса...*» допущена описка технического характера. Несмотря на то что особой проблемы в этом не наблюдается, считаем, что подобного рода изъянов в законе быть не должно.

Подводя итог всему вышеизложенному, считаем правильным отметить, что исследуемый институт уголовного процесса еще не сформировал богатую правоприменительную практику, на которую можно было бы ссылаться, анализируя досудебное соглашение. Есть ряд проблемных моментов, которые необходимо тщательнейшим образом анализировать, прорабатывать и вносить предложения по изменению и дополнению УПК Республики Беларусь. Полагаем, что досудебное соглашение о сотрудничестве еще ждет немало кардинальных изменений в лучшую сторону с целью его совершенствования.

1. Михалькова, Л. Досудебное соглашение о сотрудничестве, уголовно-правовая компенсация и другие нововведения в законодательстве [Электронный ресурс] / Л. Михалькова // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2014/october/11652/>. – Дата доступа: 02.05.2018.

2. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – СПб. : Альфа, 1996. – Т. 2. – С. 269.

3. Аширбекова, М.Т. Процессуальный кентавр: «заинтересованный осужденный» / М.Т. Аширбекова // Уголов. судопроизводство. – 2018. – № 1. – С. 16–20.

4. Шаталов, А.С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки / А.С. Шаталов // Журн. рос. права. – 2010. – № 5. – С. 35–44.

УДК 343.985.8

Д.В. Грузинский, курсант факультета милиции
Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

РОЛЬ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА КАК СУБЪЕКТА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ ПОСРЕДСТВОМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время формы противоправного поведения приобрели характер реальной угрозы складывающимся в обществе общественным отношениям. Развитие высоких технологий привело к тому, что преступность обретает новые формы проявления. Как следствие – нарушение нормального функционирования предприятий, ущерб, причиняемый правопослушным гражданам нашей республики.

Вместе с тем в Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями от 1996 г. и 2004 г.) (далее – Конституция) от имени государства декларировано, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. При этом государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности [1].

Для осуществления данной гарантии государством созданы специальные структурные организации, осуществляющие борьбу с преступностью как наиболее опасным социальным явлением современности.

Особое место в Республике Беларусь среди таковых организаций занимают органы внутренних дел (далее – ОВД). ОВД Республики Беларусь – это государственные органы, осуществляющие правоохранительную функцию в сфере борьбы с преступностью, охраны общественного

порядка, а также обеспечивающие общественную безопасность в установленном законом порядке.

В условиях реальной действительности для успешного осуществления возложенных на ОВД задач данные органы уполномочены на осуществление такой специфической деятельности, как оперативно-розыскная деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность – деятельность, осуществляемая в соответствии с Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь» (далее – Закон «Об ОРД») государственными органами с соблюдением конспирации, проведением оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно, направленная на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства [2].

Медленно, но верно, проходил генезис органов Министерства внутренних дел (далее – МВД), осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД). В настоящее время в мире, и в Республике Беларусь в частности, окончательного преобразования данных органов не произошло. Это связано как с ограниченностью в материальном смысле, так и динамичностью общественных отношений, которые приобретают все более сложный характер. Следовательно, планомерное преобразование органов, осуществляющих ОРД, является естественным процессом, обусловленным объективной необходимостью.

Авангардом в противодействии преступной деятельности посредством ОРД выступают подразделения криминальной милиции. Криминальная милиция решает задачи профилактики, выявления, пресечения преступлений, установления лиц, их совершивших, розыска обвиняемых, местонахождение которых неизвестно, лиц, скрывающихся от органов, ведущих уголовный процесс, лиц, уклоняющихся от отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, без вести пропавших и других лиц в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь, идентификации неопознанных трупов. В состав криминальной милиции входят подразделения уголовного розыска, по борьбе с экономическими преступлениями, по наркоконтролю и противодействию торговле людьми, по борьбе с коррупцией и организованной преступностью, а также другие подразделения, необходимые для осуществления деятельности криминальной милиции [3].

Ведущим подразделением в раскрытии насильственных преступлений против личности, имущественных преступлений, иных преступных деяний является уголовный розыск криминальной милиции МВД Республики Беларусь.

5 октября 1918 г. коллегия НКВД РСФСР утвердила положение о советском уголовном розыске, органы которого учреждались в городах с населением не менее 40–45 тыс. человек для охраны революционного порядка путем негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом. Эта дата и в настоящее время отмечается как День сотрудника уголовного розыска.

1920 г. стал судьбоносным как для подразделений уголовного розыска, так и для милицеской организации в целом. В октябре 1920 г. на территории страны, освобожденной от польских военных частей, распоряжением Ревкома Беларуси было создано Главное управление рабоче-крестьянской милиции ССРБ (Главмилиция ССРБ), которое возглавил С. Мертенс. Практически с образованием Главмилиции ССРБ в ноябре 1920 г., в составе Главмилиции организовано Главное управление уголовного розыска (Главрозыск) ССРБ, которое, по сути, явилось первым центральным органом по организации и руководству подразделениями уголовного розыска на освобожденной от польской иностранной интервенции территории Беларуси. В конце ноября 1920 г. было опубликовано утвержденное Комиссариатом внутренних дел Военревкома и правительством советской Беларуси первое положение о Главном управлении рабоче-крестьянской милиции (Главмилиции) ССРБ.

В начале декабря 1920 г. приказом по Главмилиции объявляется первая штатная организационная структура уголовного розыска в столице и на местах по шести уездам, которые входили в состав ССРБ: Бобруйского, Борисовского, Игуменского (с 1923 г. – Червеньского), Мозырского, Минского и Слуцкого. Первым начальником службы уголовного розыска милиции Беларуси стал А.А. Ковальский.

26 апреля 1922 г. приказом НКВД БССР уголовный розыск в целях усиления борьбы с уголовной преступностью был выведен из подчинения милиции. Во главе ведомства было организовано управление уголовного розыска, непосредственно подчиненное наркомун внутренних дел. Таким образом, отдел уголовного розыска боролся с уголовной преступностью, в частности и со спекуляцией, фальшивомонетничеством, служебными и имущественными преступлениями. Вместе с тем следует отметить, что данная структура просуществовала недолго. 22 марта 1924 г. Управление уголовного розыска ликвидировано, а функции

его переданы Главмилиции БССР. В связи с этим Главное управление рабоче-крестьянской милиции БССР было переименовано в Управление милиции и уголовного розыска БССР.

В 1934 г. была проведена новая реорганизация органов охраны общественного порядка и государственной безопасности. 10 июля 1934 г. ЦИК СССР принял постановление о создании НКВД СССР.

Данные изменения коснулись и БССР, входившую в состав СССР. В связи с этим ЦИК БССР в середине июля 1934 г. принял постановление об образовании НКВД БССР. В ведение НКВД БССР было передано Главное управление милиции и уголовного розыска БССР.

В послевоенное время, в конце 1940-х гг., изменилась и ведомственная подчиненность милиции, которая на основании приказа МВД и МГБ СССР от 17 октября была передана в МГБ. Следует отметить, что в это время белорусская милиция заняла свое историческое место в системе правоохранительных органов 19 мая 1954 г., когда на основании Указа Президиума Верховного Совета БССР органы госбезопасности выделили из системы МВД.

Во время вхождения милиции в МГБ впервые за всю тогда существовавшую историю уголовного розыска вплоть до настоящего времени произошло его переименование. В 1951–1953 гг. он носил название отдела уголовного сыска УМ МГБ БССР. Оно сохранилось до августа 1954 г., после того как милиция снова вошла в структуру МВД [4].

С течением времени менялись формы преступных деяний, изменялись возможности сотрудников уголовного розыска по раскрытию преступлений, менялись задачи, возлагаемые на уголовный розыск, появлялись, реорганизовывались и расформировывались различные подразделения МВД. Сегодня уголовный розыск – это оперативная служба, орган дознания ОВД.

Основные задачи уголовного розыска:

1. Профилактика, выявление, пресечение преступлений, установление лиц, их совершивших.
2. Розыск обвиняемых, местонахождение которых неизвестно.
3. Розыск лиц, скрывающихся от органов, ведущих уголовный процесс.
4. Розыск лиц, уклоняющихся от отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности.
5. Розыск без вести пропавших и других лиц в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь.
6. Идентификация неопознанных трупов.

Исходя из действующего законодательства, а именно – Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. №263-З «Об органах внутренних

дел Республики Беларусь» [3], Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [5], можно сделать вывод о том, что особое место в данном случае отведено МВД.

В Республике Беларусь также активно развивается направление профилактики преступлений, в том числе и оперативно-розыскная профилактика. Сегодня, благодаря принимаемым мерам оперативно-профилактического характера, удастся держать под контролем процессы, происходящие в криминальном мире, и минимизировать влияние организованной преступности на государство и общество в целом. Приоритетным направлением в деятельности службы являются выявление и своевременное пресечение насильственных преступлений против личности, корыстных преступлений и иных тяжких и особо тяжких преступлений. В данном направлении удалось добиться положительных результатов. Немалая заслуга в этом уголовного розыска.

На заседании Совета Безопасности Республики Беларусь Президент государства отметил, что обеспечение правопорядка и защиты граждан «это все то, во имя чего мы сегодня живем и во имя чего существует вообще наша власть. В стране удастся многое сделать для безопасности людей. Защите общества и каждого человека в Беларуси всегда придается первостепенное значение. Мы по праву гордимся тем, что Беларусь – относительно спокойная и безопасная страна. Но успокаиваться нельзя.» [6].

В подтверждение слов Президента Республики Беларусь актуальной будет статистика по состоянию на 2018 г. по зарегистрированным преступлениям и уровню преступности в нашей стране [7].

О повышении эффективности деятельности ОВД может свидетельствовать и тот факт, что граждане республики уверены в своей безопасности, доверяют ОВД. В подтверждение этого выступает опрос общественного мнения, проведенный в 2016 г. О результатах опроса общественного мнения сообщил Министр внутренних дел при встрече с представителями ведущих отечественных и зарубежных медиа. Он отметил: «В прошлом году мы опросили несколько десятков тысяч человек, придя к выводу, что доверие населения к органам внутренних дел пусть незначительно, но выросло. Порядка 65 процентов опрошенных полностью нас поддерживают, около 70 процентов респондентов готовы в случае необходимости оказать помощь сотрудникам милиции в пресечении противоправных действий... в дальнейшем предоставим возможность заниматься мониторингом общественного мнения сторон-

ним – независимым и профессиональным организациям. Это позволит более объективно взглянуть на реальное положение дел.» [8, с. 2].

Таким образом, на данный момент функции по профилактике, выявлению, пресечению преступлений, установлению лиц, их совершивших, розыску обвиняемых, местонахождению которых неизвестно, розыску лиц, скрывающихся от органов, ведущих уголовный процесс, розыску лиц, уклоняющихся от отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, розыску без вести пропавших и других лиц в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь, идентификации неопознанных трупов осуществляют подразделения уголовного розыска криминальной милиции МВД Республики Беларусь. Подразделения уголовного розыска прошли почти вековую историю до того как обрести современное состояние. Однако это того стоило. Об этом свидетельствуют актуальная статистика о нынешнем положении дел, а также уровень доверия населения к сотрудникам органов внутренних дел, в том числе к сотрудникам уголовного розыска.

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. № 408-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/>. – Дата доступа: 18.06.2018.

5. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. № 91-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Заседание Совета Безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Офиц. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/zasedanie-soveta-bezopasnosti-respubliki-belarus-18096/. – Дата доступа: 29.03.2018.

7. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 18.06.2018.

8. Кожух, С. В авангарде обеспечения общественной безопасности / С. Кожух // На страже. – 2017. – 4 марта. – С. 2.

К.Ю. Гутер, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *П.Л. Боровик*

РИСКИ И УГРОЗЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Одним из доминирующих трендов мирового развития в конце XX – начале XXI в. является процесс активного развития информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и усиления их влияния на социальные процессы. Информатизация охватывает все основные сферы жизни общества, изменяя его политическую систему и оказывая разностороннее культурное воздействие. Глубокие изменения переживает и само общество, которое неизбежно становится информационным. Под воздействием трансграничных информационных потоков происходят разноплановые изменения в международных отношениях, связанные с возникновением информационных угроз трансграничного характера, требующих активного международного сотрудничества по борьбе с ними.

Так, бурный прогресс в развитии ИКТ обусловил не только формирование информационного общества, но и создал новые беспрецедентные возможности для осуществления многих видов деятельности, включая такую специфическую, как организация информационного противоборства. Применительно к специфике рассматриваемой проблемы под информационным противоборством мы понимаем борьбу в информационной сфере, предполагающую комплексное деструктивное воздействие на информацию, информационные системы и информационную инфраструктуру противоборствующей стороны с одновременной защитой собственной информации, информационных систем и информационной инфраструктуры от подобного воздействия [1, с. 48].

Проблемам теории и практики информационного противоборства и связанным с ним вопросам посвящены научные исследования различных авторов (например, А.П. Бутенко, Н.Н. Даниленко, А.В. Манойло, В.Е. Макаров, И.Д. Паутов, А.И. Петренко, Е.Г. Сатановский, А.И. Смирнов, И.Ю. Сундиев, Д.Б. Фролов, В.С. Чугунов и др.).

В условиях развития информационного общества интерес исследователей к проблемным аспектам современного информационного противоборства связан с изменившейся политической ситуацией в мире,

возросшей активностью экстремистских и террористических организаций на международной арене, необходимостью объединения усилий представителей общественности и государственных институтов, правоохранительных органов, всех конструктивных сил разных политических ориентаций на национальном и мировом уровне в борьбе с этим негативным явлением.

Анализ литературы по рассматриваемой нами тематике показал, что в зарубежной и отечественной науке создана научная база для дальнейшего, углубленного анализа проблемы информационного противоборства. Однако исследователи нередко акцентируют внимание лишь на отдельных аспектах, проявлениях и причинах. Между тем масштабы распространения и последствия от информационных войн диктуют необходимость более углубленного социологического и методологического анализа рисков и угроз информатизации общества в контексте обозначенной проблематики.

Сегодня приходится констатировать, что информатизация общества стала одной из важнейших детерминант процесса глобализации, в ходе которого мир превратился в единую глобальную систему. Его содержанием, по мнению отдельных ученых, выступает интенсификация экономических, финансовых, политических, военных, культурных, идеологических связей и зависимостей между сообществами, что приводит к униформизации мира во всех этих областях и отражается в появлении социальных связей, солидарности и идентичности в наднациональном и надколониальном масштабе [2, с. 619]. Глобализация порождает процессы, индифферентные к национально-государственным границам, способствующие взаимосвязанности и взаимозависимости государств. Справедливо отмечается, что прежние границы культур и стран утрачивают охранительные функции, становятся все более и более проницаемыми в процессе «переливов» капитала, технологий, продукции, человеческих ресурсов, культурных образцов и практик [3, с. 45].

То обстоятельство, что информационное общество с развитием новых ИКТ становится глобальным, обусловлено рядом важнейших параметров процесса глобализации, а именно: функционированием глобальных финансовых коммуникаций, возможностями дистанционной занятости в сфере услуг и других секторах «индустрии знаний», возникновением виртуальных сетевых сообществ, возможностями трансграничного доступа к информации и т. д. Все это подразумевает не только большие расстояния, но и географическую повсеместность охвата мира сетями телекоммуникации [4, с. 16].

Вместе с тем процесс информатизации общества носит двойственный характер и наряду с целым рядом позитивных социально-экономи-

ческих и политических последствий несет определенные риски и угрозы. Очевидно, что их следует рассматривать в составе группы рисков научно-технического прогресса, связанных с расширением силы и масштабов антропогенного влияния на социум.

Для характеристики воздействия рисков и угроз информатизации имеет значение не только территориальное проникновение телевидения и интернета, но и уровень его востребованности потребителями, выражаемый в показателях времени, потраченного на просмотр телевизора либо нахождение в сети Интернет. Данные показатели зависят от целого комплекса факторов: характера занятости, семейного положения, ценностных ориентаций, индивидуальных предпочтений и т. д.

Принципиально важным представляется рассмотреть доминирующие тенденции эволюции угроз информационной безопасности в условиях информатизации общества и информационного противоборства.

Формирование медиазависимости. Данный риск обусловлен такой характеристикой аудиовизуальных масс-медиа как их особая притягательность для зрителя/потребителя информации. Изначально возникновение данной угрозы связано с появлением и широким распространением цветного телевидения, обладающего целым набором факторов подобной притягательности: завораживающий вид самого изображения на экране ТВ, информационная насыщенность телесигнала, простота и удобство (комфортность) восприятия транслируемой информации, высокая сила эмоционального воздействия, возможность выбора различных по содержанию телеканалов и передач. Наиболее сильную привязанность телевидение вызывает у детей, которые могут быть настолько поглощены телевидением, что теряют связь с реальным миром.

Нам представляется возможным выделить пять основных типов интернет-зависимости: киберсексуальная зависимость (непреодолимое влечение к посещению порносайтов и занятию киберсексом); пристрастие к виртуальным знакомствам (избыточность знакомых и друзей в интернете); навязчивая потребность в интернете (игра в онлайн-азартные игры, постоянные покупки или участия в аукционах); информационная перегрузка (бесконечный и часто бессмысленный серфинг в сети); компьютерная зависимость (навязчивая игра в компьютерные игры).

Следует признать, что интернет-зависимость как форма нехимического аддиктивного расстройства не является международно-признанным психическим заболеванием. По этому вопросу идет активная дискуссия среди психиатров как у нас в стране, так и за рубежом.

Увеличение возможностей для обмана и манипуляции сознанием. Все больше информации об окружающем мире люди узнают из масс-медиа. Однако ограниченность возможностей верификации информации дела-

ет индивида уязвимым в плане дезинформации (обмана) или манипуляции сознанием.

Исследователь П. Экман определяет обман как «действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды» [5, с. 22–23], выделяя две его основные формы: умолчание и искажение. Психологическая манипуляция определяется в специальной литературе как «один из способов психологического воздействия на личность или группу, направленный на достижение манипулятором своих целей (вне зависимости от последствий для объекта манипуляции) путем незаметного для объекта манипуляции его подталкивания к осуществлению желаемых манипулятором проявлений активности, как правило, несовпадающих с изначальными намерениями объекта манипуляции» [6, с. 49].

Распространение негативного медиаконтента. Проблема негативного влияния контента присуща всем без исключения видам СМИ, но наиболее актуальна она именно для аудиовизуальных масс-медиа. Исторический опыт показал, что характерная для зарубежных стран тенденция коммерциализации масс-медиа приводит к ставке на отбор контента по критерию его продаваемости, что способствует насыщению их негативной информацией, привлекающей внимание аудитории.

К типам негативного медиаконтента традиционно относят: медианасилие; сексуально откровенная информация (прежде всего детская порнография); устрашающая информация; информация, разжигающая национальную или расовую ненависть; информация о средствах и способах совершения преступления; информация, пропагандирующая общественно опасные действия (потребление табака, алкоголя, наркотиков, занятие проституцией, экстремальные развлечения и т. п.).

Негативный медиаконтент может представлять опасность в плане своего влияния как на отдельную личность, так и общество в целом. Наибольшую опасность негативный медиаконтент представляет для детей как наиболее уязвимой части населения, что обусловлено их психологическими характеристиками: неустойчивостью и эластичностью их ценностных ориентаций и поведенческих установок; высокой степенью бессознательного заражения эмоциональными состояниями, склонностью к подражанию поведению показанных героев; нескритичностью восприятия информации [7, с. 187].

Применение информационного оружия. Характеризуя данную угрозу необходимо отметить, что виртуальная реальность и киберпространство могут выступать и в качестве среды, в которой осуществляется применение информационного оружия, и в качестве объекта воздействия последнего.

Под *информационным оружием* в данном контексте мы понимаем совокупность средств и способов деструктивного информационного воздействия на объекты информационной инфраструктуры и людей. Применение такого оружия в политических, экономических или военных целях именуют *информационной войной* или *информационным противоборством*. Субъектами их использования могут быть спецслужбы и вооруженные силы государств, а также террористические организации. В последнем случае речь идет об угрозе, получившей название кибертерроризм [8, с. 110–126].

Рассматривая современные ИКТ в качестве технологической основы информационного противоборства, следует выделить ключевые факторы их влияния на сферу информационной безопасности:

развитие комплекса не имеющих исторических аналогов информационных угроз, связанных с деструктивным воздействием на компьютерную информационную инфраструктуру и (или) содержащуюся в ней информацию (системные сбои, вредоносное программное обеспечение, компьютерные атаки на информационные системы);

значительное возрастание потенциала информационно-психологического воздействия традиционных и новых масс-медиа на аудиторию за счет роста уровня их проникновения, повышения качества изображения и звука, появления уникальных возможностей компьютерной графики, систем виртуальной реальности;

все более широкое применение для ведения пропаганды и манипуляции сознанием когнитивных технологий, аккумулирующих достижения психологии, социологии и иных отраслей научного знания;

ярко выраженный трансграничный характер информационных угроз, нейтрализация которых на национальном уровне становится все более затруднительной.

Обобщая вышеизложенное, сформулируем следующие выводы.

1. Процесс информатизации общества носит двойственный характер и наряду с целым рядом позитивных социально-экономических и политических последствий несет определенные риски и угрозы, обусловленные целенаправленным использованием коммуникационных возможностей сети Интернет для совершения общественно опасных действий в отношении человека или информационной инфраструктуры. Рост коммуникационного потенциала сети Интернет приводит к повышению значимости новых рисков и угроз, связанных с деструктивным информационным воздействием на интернет-пользователя.

2. Результаты исследования доминирующих тенденций эволюции угроз информационной безопасности в условиях информатизации об-

щества и информационного противоборства позволили выделить следующие риски и угрозы: формирование медиазависимости; увеличение возможностей для обмана и манипуляции сознанием; распространение негативного медиаконтента; применение информационного оружия.

1. Информационная безопасность (2-я книга социально-политического проекта «Актуальные проблемы безопасности социума»). – М. : Оружие и технологии, 2009. – 456 с.

2. Каргина, И.Г. Нелинейная секуляризация и новые формы религиозности в Европе и России [Электронный ресурс] / И.Г. Каргина // Социология и общество: пути взаимодействия : сб. тез. и докл. III Всерос. социол. конгресса. – Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210860426.pdf. – Дата доступа: 12.05.2018.

3. Волеводз, А.Г. Учреждения и органы Европейского союза по судебному и полицейскому сотрудничеству : учеб. пособие / А.Г. Волеводз. – М. : Европ. учеб. ин-т при МГИМО(У) МИД России, 2010. – 146 с.

4. Губенко, М.С. Телевизионная коммуникация как фактор виртуализации массового сознания : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / М.С. Губенко ; Военный ун-т. – М., 2009. – 25 с.

5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

6. Вершинская, О.Н. Информационно-коммуникационные технологии и общество / О.Н. Вершинская ; Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН. – М. : Наука, 2007. – 202 с.

7. Геращенко, Л.Л. Реклама как миф [Электронный ресурс] / Л.Л. Геращенко // Обсерватория культуры : журн.-обозрение. – 2006. – № 2. – Режим доступа: www.ifapcom.ru/files/Monitoring/geraschenko_reklama_myth.pdf. – Дата доступа: 08.05.2018.

8. Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / ред.-сост. А.Е. Войскунский. – М. : Акрополь, 2009. – 279 с.

УДК 342.9

О.А. Дементей, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.В. Козелецкий*

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ УПРАВЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

При осуществлении органами исполнительной власти своей исполнительно-распорядительной деятельности возникает вопрос о средствах и способах управления. Причем наиболее действенным и широко применяемым из них является издание разнообразных актов управления.

Различают несколько видов правовых актов управления: нормативные, индивидуальные, смешанные и некоторые другие. Они присутствуют в юридической доктрине, однако не нашли на данный момент своего признания и применения в нормотворческой практике.

Между тем считаем целесообразным более подробно остановиться на нормативных правовых актах управления органов внутренних дел (далее – ОВД). Так как именно посредством этих актов во многом регламентируется деятельность в правоохранительной сфере, а правовые основы данной деятельности должны быть адекватны современным тенденциям развития общества и государства.

Создание нормативных правовых актов управления представляет собой довольно сложный процесс, имеющий ряд особенностей. Так, МВД Республики Беларусь могут приниматься только в случаях и пределах, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь, нормативными правовыми актами Президента Республики Беларусь, законами Республики Беларусь, Положением о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь, а также нормативными правовыми актами Совета Министров Республики Беларусь. При принятии МВД нормативного правового акта обязательно указание в нем, на основании и во исполнение какого акта Президента Республики Беларусь, закона Республики Беларусь, постановления Совета Министров Республики Беларусь принимается данный акт [1].

В системе МВД Республики Беларусь широкими полномочиями на издание нормативных актов управления обладает Министр. Он издает в пределах своей компетенции приказы, распоряжения и директивы, обязательные для исполнения сотрудниками и гражданским персоналом органов внутренних дел, военнослужащими и гражданским персоналом внутренних войск, отменяет противоречащие законодательству правовые акты должностных лиц органов внутренних дел, внутренних войск. Также только Министр полномочен вносить в установленном порядке на рассмотрение Президента Республики Беларусь и в Совет Министров Республики Беларусь проекты нормативных правовых актов по вопросам, входящим в компетенцию МВД [2].

Порядок издания нормативного правового акта МВД Республики Беларусь заключается в системе официально установленных процедур, которые предусматривают, в частности: порядок подготовки проекта нормативного правового акта, его обсуждения, экспертизы, утверждения и т. д. [3].

Нормативный акт управления МВД Беларуси обладает всеми признаками нормативного акта органа исполнительной власти. С учетом того, что последние уже анализировались выше, то ограничимся пере-

числением признаков нормативного акта управления ОВД. Так, к данным признакам относятся: государственно-властный, волевой, творческий характер; обязательность для адресата; подзаконность; целевая направленность на достижение определенного правового результата; письменная форма; односторонность.

Учитывая вышеизложенное, представляется возможным определить нормативный правовой акт управления МВД Республики Беларусь как юридический акт, изданный полномочным должностным ОВД, с соблюдением установленной процедуры, носящий обязательный государственно-властный, творческий характер, которым устанавливаются, изменяются или отменяются юридические нормы [4].

Хотя нормативные правовые акты МВД Республики Беларусь многочисленны и неоднородны, их можно классифицировать по ряду оснований. Так, например, по сфере распространения акты можно разделить на акты внешнего и внутреннего действия. Ведомственные нормативные акты внешнего действия могут издаваться лишь в случае реализации МВД своих функциональных полномочий. Эти акты являются обязательными для исполнения не только сотрудниками органов внутренних дел, но и различными субъектами независимо от их ведомственной принадлежности. Ведомственные нормативные акты МВД внутреннего действия распространяются на организационно-подчиненных субъектов управления [5, с. 84].

Важное практическое и теоретическое значение имеет классификация актов по их наименованию: приказы, постановления, инструкции, указания (наименее распространенная группа ведомственных нормативных актов). Это связано с тем, что наименование актов в значительной мере должно предопределять специфическую форму, которая признана отражать особенности содержания правовых актов.

Так, согласно ч. 2 ст. 18 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» нормативные правовые акты министерств, иных республиканских органов государственного управления принимаются в форме постановлений и приказов. Это положение естественно распространяется на нормативные правовые акты МВД Республики Беларусь. Между тем для исследования вопроса ведомственного регулирования деятельности милиции необходимо рассмотреть каждый из видов ведомственных нормативных правовых актов.

Так, к постановлениям относят нормативные правовые акты, принимаемые коллегиально на основе и во исполнение нормативных правовых актов большей юридической силы в пределах компетенции соответствующего государственного органа и регулирующие общественные отношения в сфере исполнительно-распорядительной деятельности.

В свою очередь приказ определен как нормативный правовой акт функционально-отраслевого характера, издаваемый руководителем республиканского органа государственного управления в пределах компетенции возглавляемого им органа в соответствующей сфере государственного управления [1].

Таким образом, из вышеизложенного видно, что постановления принимаются коллегиально, а приказы – единолично. Тогда возникает вопрос о соотношении юридической силы этих двух нормативных правовых актов. Это тем более актуально в связи с закрепленным в законе положением о том, что юридическая сила уставов, положений, инструкций и правил определяется юридической силой нормативного правового акта, которым они утверждаются, а утверждаются, как уже отмечалось, постановлениями и приказами. Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» не содержит положения, определяющего юридическую силу постановлений и приказов. На наш взгляд, это является большим пробелом, вносящим некоторую неопределенность в практическую деятельность по изданию и утверждению ведомственных нормативных правовых актов.

Преимущественно постановлениями МВД Республики Беларусь в последнее время утверждаются и все ведомственные нормативные правовые акты, отнесенные законом к иным. Примером является, в частности, постановление МВД Республики Беларусь от 30 ноября 2016 г. № 315 «Об утверждении правил внутреннего распорядка изоляторов временно содержания территориальных органов внутренних дел» [6] и т. д.

До принятия Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» различные инструкции, правила, уставы и т. д. утверждались, изменялись и отменялись преимущественно приказами. После принятия Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» приказы, как уже отмечалось, уступили свои позиции постановлениям. Непонятно, по какому критерию определять, какие ведомственные акты утверждать, дополнять, изменять и отменять постановлениями, а какие приказами, так как Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» не дает нам на это ответа. В связи с этим представляется необходимым предложить некоторые рекомендации.

1. Нормативные правовые акты, носящие межведомственный характер, должны приниматься, утверждаться, изменяться, дополняться и отменяться коллегиально в форме постановлений. Тем не менее по данному вопросу есть другое мнение, согласно которому все, что касается межведомственных отношений, как минимум должно регулироваться на уровне правительственных актов [7, с. 62]. Однако правительствен-

ные нормативные правовые акты требуют более сложной процедуры принятия, а совместные постановления отдельных заинтересованных в определенном вопросе органов государственного управления позволят оперативнее реагировать на изменения некоторых общественных отношений, в том числе и в сфере деятельности милиции.

2. Все остальные ведомственные нормативные правовые акты утверждаются, изменяются, дополняются и отменяются приказами. С точки зрения отдельных авторов, утверждение приказами и постановлениями иных ведомственных нормативных правовых актов превращает последние в акты второго порядка, обесценивает их нормативное содержание [8, с. 72].

3. Постановления и приказы должны быть равными по юридической силе. В случае коллизии между нормативными правовыми актами (далее – НПА), обладающими равной юридической силой, если ни один из них не противоречит акту более высокой юридической силы, действуют положения акта, принятого (изданного) позднее.

Помимо приказов и постановлений в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» упоминаются и другие НПА:

Инструкция – нормативный правовой акт, детально определяющий содержание и методические вопросы регулирования в определенной области общественных отношений.

Правила – кодифицированный нормативный правовой акт, конкретизирующий нормы более общего характера с целью регулирования поведения субъектов общественных отношений в определенных сферах и по процедурным вопросам.

Устав (положение) – нормативный правовой акт, определяющий порядок деятельности государственного органа (организации), а также порядок деятельности государственных служащих и иных лиц в определенных сферах деятельности [1].

Таким образом, законодатель ясно очертил круг вопросов, по которым издаются инструкции и правила. Что же касается устава и положения, то по мнению исследователя В.А. Круглова, они не являются идентичными понятиями, так как положение – это нормативный правовой акт, регламентирующий правовое положение, задачи и компетенцию определенного органа, учреждения или группы однородных органов, учреждений, организаций, а также порядок деятельности государственных служащих и иных лиц в определенных сферах деятельности, а устав – комплексный нормативный правовой акт, регулирующий правовое положение определенных органов или организаций либо ту или иную сферу хозяйственной или политической деятельности [9, с. 17].

Подводя итог вышеизложенному, предлагаем следующую классификацию ведомственных нормативных правовых актов МВД Республики Беларусь:

1. В зависимости от субъектов правотворчества указанные акты можно разделить на акты подзаконной деятельности самого министерства (постановления и приказы) и разработанные и принятые совместно с другими министерствами и иными республиканскими органами государственного управления (постановления).

2. В связи со сферой, на которую распространяются действия данных правовых норм, их можно разделить на акты внешнего (постановления) и внутреннего (постановления, приказы) действия.

3. В зависимости от юридической силы – на основные (постановления, приказы) и утверждаемые (инструкции, правила, положения, уставы).

4. По степени открытости – на открытые (доступные для всеобщего пользования) и закрытые (доступные только для ограниченного круга лиц).

В завершение рассмотрения вопроса о нормативных правовых актах МВД Республики Беларусь хотелось бы отметить, что их дальнейшее развитие и оптимизация должны быть неразрывно связаны с фундаментальными разработками и рекомендациями ученых-правоведов и других специалистов по упорядочению системы нормативных актов управления МВД Республики Беларусь и совершенствованию процедурных вопросов их разработки и издания.

С учетом проведенного анализа представляется возможным сформулировать некоторые предложения, направленные на оптимизацию использования нормативных правовых актов МВД Республики Беларусь.

Так, необходимо нормативно определить и обосновать зависимость использования той или иной формы нормативного правового акта управления от ее конкретного содержания. В частности, следует нормативные правовые акты в форме «положений» использовать в основном для регламентации задач, функций, компетенции ОВД, структурных подразделений, служб, должностных лиц и т. д. Желательно установить однозначный исчерпывающий перечень видов нормативных правовых актов ОВД, а также детально выстроить и закрепить их иерархическую систему.

1. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 г. № 31-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 дек. 2007 г., № 611 : в ред. от 19.11.2010 г. № 601 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2003 г., № 359 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 29.11.2013 г. № 529 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Даныкова, Т.Н. К вопросу об актах управления в деятельности органов внутренних дел / Т.Н. Даныкова // Беларусь в современных геополитических условиях: политико-правовые и социально-экономические аспекты устойчивости развития : материалы науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, Минск, 25 марта 2008 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2008. – С. 25–26.

5. Пашкеев, М.А. Теоретические основы правового регулирования деятельности милиции Республики Беларусь : монография / М.А. Пашкеев. – Минск : Право и экономика, 2006. – 148 с.

6. Об утверждении правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания территориальных органов внутренних дел [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 30 нояб. 2016 г., № 315 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Лазарев, В.В. Правовые основы обеспечения общественного порядка : учеб. пособие / Н.Л. Лазарев, Л.Л. Попов. – М. : Акад. МВД СССР, 1987. – 76 с.

8. Гранат, Н.Л. Толкование норм права в правоприменительной деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / Н.Л. Гранат, О.М. Колесникова, М.С. Тимофеев. – М. : Акад. МВД СССР, 1991. – 84 с.

9. Круглов, В.А. О систематизации законодательства в Республике Беларусь / В.А. Круглов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2001. – № 2. – С. 16–19.

УДК 342.72/73

О.А. Дементей, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
Е.Н. Мазаник

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИМЕРЕ ЭВТАНАЗИИ

Появление достижений в ходе научно-технического прогресса в различных отраслях науки позволяет вести речь об общественных отношениях, складывающихся по поводу использования таких достижений. Поэтому совершенствование правовой сферы, обеспечивающей регулирование данных отношений, является принципиально важным и должно осуществляться в тандеме с развитием новых технологий. Таким образом, вносятся изменения в действующие законодательные акты и создаются новые, однако прежде всего развивается юридическая доктрина.

Одним из примеров таких нововведений в правовую науку стали так называемые «соматические права человека», под которыми В.И. Крусс, один из ведущих исследователей данной концепции, понимает «... группу таких прав, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами» [1, с. 43].

Несмотря на некоторую неопределенность относительно природы данных соматических прав, во многих странах, в том числе и Беларуси, предпринимаются меры по правовому регулированию отдельных из них. При таком регулировании, как правило, учитываются этнографические, мировоззренческие, демографические и другие особенности.

Соматические права человека являются, по сути, довольно специфическими. Однако все они имеют общий объект – тело человека.

К таким правам В.И. Крусс отнес право на смерть; право на изменение пола; право на гомосексуальные контакты; право на трансплантацию органов; право на потребление наркотических средств или психотропных средств; право на искусственное репродуктивное; право на стерилизацию; право на аборт; право на клонирование; право на виртуальное моделирование [1, с. 43].

Представляется целесообразным рассмотреть проблемы реализации данной правовой концепции на примере конкретного соматического права. Одним из дискуссионных примеров является, в частности, эвтаназия, являющаяся ключевой составляющей вышеуказанной категории прав. На данный момент запрещена на территории Республики Беларусь [2, ст. 31], причем как ее «активная форма», осуществляемая путем ввода инъекции, так и «пассивная», осуществляемая путем отключения аппарата «сердце-легкие».

Вопрос эвтаназии давно является предметом оживленных дискуссий, а некоторые ученые не могут определиться, какую сторону этого вопроса отстаивать. В первую очередь «активная форма» эвтаназии на современном этапе развития общества может восприниматься сознанием людей как убийство (ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [3]. Об этом также писал профессор уголовного права Петербургского университета дореволюционной России И.Я. Фойницкий: «Убийство не перестает быть убийством, хотя бы оно было сделано с согласия убитого» [4, с. 13].

Однако отдельные ученые, в частности К.С. Захилько, отрицают аналогию эвтаназии и убийства: «Заслуживает особого внимания пози-

ция, согласно которой при эвтаназии аналогично, к примеру, лишению жизни по неосторожности нельзя применять термин «убийство», исходя из особенностей субъективной стороны деяния. Убийце не характерны особые мотивы сострадания, и, кроме того, ему безразлична воля жертвы, тогда как эти признаки и составляют сущность эвтаназии. Указывают, что при эвтаназии норма ст. 139 УК применяется по аналогии, и основания для квалификации рассматриваемого деяния как убийства отсутствуют» [5].

Позиция «противников» эвтаназии имеет массу аргументированных утверждений, которыми и объясняется проблемность вопроса легализации данной составляющей соматических прав.

Во-первых, жизнь человека охраняется государством и является ценностью как самого человека, так и всего общества. В ст. 24 Конституции закреплено: «Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств» [6]. Однако в противовес этому распространенному аргументу, закрепленному в Основном Законе государства, некоторые ученые утверждают, что без установленного в Конституции права умереть достойно, вышеуказанная статья устанавливает фактическую обязанность жить [7, с. 56].

К тому же правовое регулирование эвтаназии затрудняется различными обстоятельствами. В частности, речь идет о парадоксах в медицинской практике, которые не позволяют дать точное заключение: жив или мертв пациент. Это связано со случаями смерти головного мозга, при нормальной работе остальных органов. «Зона неопределенности», в которую попадает умерший, но еще дышащий человек, оказывается, по мнению И.В. Силуяновой, в буквальном смысле вне пространства библейских заповедей. «Шестая заповедь «не убий» в этой зоне не работает» [8, с. 134–135]. Исходя из этого аргумента, можно говорить о существующей разнице во времени между утратой жизни и утратой права на жизнь, когда пусть даже дышащий, но, по сути, мертвый человек обладает данным правом без всякой возможности его реализации.

Во-вторых, существуют противоречия между религией и эвтаназией. В частности, христианская мораль отрицает возможность осуществления субъективного желания ухода из жизни. Это отмечал в своих трудах профессор О.Г. Дробницкий: «Этика православного христианства отвергает возможность намеренного прерывания жизни умирающего пациента, рассматривая это действие как особый случай убийства, если оно было предпринято без ведома и согласия пациента, или самоубийства, если оно санкционировано самим пациентом» [9, с. 94].

В-третьих, ряд ученых высказывают предположения о довольно существенных сдвигах в общественном сознании, о полной перестройке моральных принципов общества. В литературе отмечается, что «появление каждого нового поколения прав человека обусловлено определенными коренными изменениями в обществе, сменой мировоззренческих установок» [10, с. 69].

В-четвертых, при легализации эвтаназии может возникнуть ряд негативных моментов. В первую очередь речь идет о произволе медицинского персонала или родственников в связи с корыстными побуждениями. К примеру, принуждение к подписанию акта завещания, его подделка и другие уголовно наказуемые деяния. Также может иметь место добровольный уход из жизни без необходимых на то медицинских оснований вследствие суицидальных наклонностей пациента, психических заболеваний, пропаганды идеологии отдельных субкультур.

Некоторые авторы считают, что эти проблемы возможно разрешить путем формализации и усложнения порядка организации акта эвтаназии. К тому же, по мнению М.Н. Малениной, данные опасения не являются существенными: «Не считаю, что введение эвтаназии будет сопровождаться значительными злоупотреблениями, поскольку эвтаназия должна быть не просто провозглашена, но и обеспечена дополнительными обязанностями государства, его органов, должностных лиц (предоставить пациенту истинную информацию о заболевании, организовать обязательную предварительную консультацию пациента с психотерапевтом, гарантировать безболезненность кончины, обеспечить присутствие работников прокуратуры, родственников и др.)» [11, с. 75]. Вместе с этим профессор М.И. Ковалев приводит ряд аргументов против легализации эвтаназии. В их числе ошибочное построение некоторых медицинских диагнозов, наличие случаев самореабилитации в борьбе за сохранение жизни, возможность появления средств для лечения от смертельных болезней, нелогичность отождествления врача-спасителя с палачом [12, с. 71].

Однако помимо негативных аспектов реализации «права человека на эвтаназию» некоторыми учеными, в частности И.В. Силуяновой, отстаивается точка зрения о том, что ее осуществление является проявлением гуманности в качестве средства избавления от страданий [8, с. 135–136].

Неоднозначным является мнение ученых относительно «активной формы» эвтаназии. Однако некоторые ученые, в частности К.В. Акименко, придерживаются точки зрения, которая допускает осуществление легализации «пассивной формы» эвтаназии, а также видят реальную возможность разрешения права на ее осуществление путем внесения из-

менений и дополнений в Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении». К примеру, изложить ст. 31 данного закона ряд формальных действий, необходимых для осуществления процесса эвтаназии: предварительного письменного согласия больного; заключение консилиума специалистов о характере болезни, несовместимой с возможностью дальнейшего выживания, и т. д. [13, с. 224].

Также некоторые ученые высказывают свои предположения относительно легализации эвтаназии в целом, в обеих формах.

Отдельные авторы поднимают и более узкие вопросы, связанные с эвтаназией. Так, согласно С.Н. Бакунину, в будущие акты об эвтаназии должны быть включены специальные положения, касающиеся несовершеннолетних. «Это объясняется тем, что если при осуществлении других прав и обязанностей детей некоторые родители могут поступать неправомерно, то существуют определенные гарантии для защиты интересов детей (например, признание сделки по отчуждению имущества несовершеннолетнего недействительной). Если бы родители реализовали право на эвтаназию в отношении своего ребенка и их действия в дальнейшем были признаны незаконными, то никакие последующие меры не восстановят жизнь ребенка» [14, с. 22].

Однако не следует забывать и то обстоятельство, что любое нововведение помимо положительных моментов может также повлечь за собой ряд негативных последствий. Так, кроме проблемы, связанной с несоответствием нормам бытующей морали, религии, как уже было отмечено на примере эвтаназии, существует также ряд других проблем. Например, проблема злоупотребления «соматическими правами». Она также является довольно значимой и по различным причинам может привести, к примеру, к кризисным явлениям в демографической или экономической сфере.

Таким образом, при рассмотрении того или иного соматического права необходимо учитывать возможные последствия, которые могут стать существенными в случае его реализации. Для этого следует максимально проанализировать все «за» и «против», а также состояние морали, влияние религии, готовность населения государства к нововведениям на данный момент. Это представляется возможным определить путем внесения подобных вопросов на республиканский референдум.

Также целесообразно четко разграничить права на те, которые в отдельных случаях являются «необходимыми» для жизнедеятельности человека, и те, которые являются лишь способом «самоутверждения» человека как «владельца своего тела» либо будут использоваться в качестве «развлечения».

На эти моменты в первую очередь важно обратить внимание законодателя в случае рассмотрения возможности реализации того или иного соматического права.

1. Крусс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.

2. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.04.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1916. – 130 с.

5. Захилько, К.С. К вопросу об уголовной ответственности за эвтаназию [Электронный ресурс] [ст. по состоянию на 31.01.2017 г.] / К.С. Захилько // КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

7. Прудникова, О.В. Эвтаназия как право человека на смерть / О.В. Прудникова // Конституционный статус человека и гражданина в Республике Беларусь : сб. материалов IV респ. науч.-практ. конф. – Брест, 2003. – С. 55–57.

8. Силуянова, И.В. Современная медицина и православие / И.В. Силуянова. – М., 1998. – 204 с.

9. Дробницкий, О.Г. Проблемы нравственности / О.Г. Дробницкий. – М., 1977. – 336 с.

10. Абашидзе, А.А. Новое поколение прав человека: соматические права / А.А. Абашидзе, А.М. Солнцев // Моск. журн. междунар. права. – 2009. – № 1. – С. 69–82.

11. Маленина, М.Н. Человек и медицина в современном праве : учеб. и практ. пособие / М.Н. Маленина. – М. : БЕК, 1995. – 260 с.

12. Ковалев, М.И. Право на жизнь и право на смерть / М.И. Ковалев // Государство и право. – 1992. – № 7. – С. 68–75.

13. Акименко, К.В. К вопросу регламентации права на жизнь / К.В. Акименко // Научн. тр. Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2003. – Вып. 3 – С. 222–228.

14. Бакунин, С.Н. Право на жизнь и возможность применения эвтаназии (фрагменты историко-правового исследования) / С.Н. Бакунин // История государства и права. – 2006. – № 1. – С. 21–22.

УДК 342.9

Н.А. Демьянов, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
О.И. Левшук

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СУДА, ОРГАНА, ВЕДУЩЕГО АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Административное правонарушение, как и любой деликт в целом, характеризуется причинением вреда различным общественным отношениям. Кроме того, в качестве отдельного признака административного правонарушения выступает общественная вредность, которая выражается в причинении физического, имущественного и морального вреда, подлежащего стоимостному измерению и возмещению.

В целом, говоря об институте возмещения вреда, можно отметить, что это существенный элемент обеспечения конституционных прав и свобод участников административного процесса. Вполне очевидно, что потерпевшего часто в большей степени интересует не вид и размер административного взыскания, налагаемого на правонарушителя, а возмещение ему причиненного вреда.

Так, согласно части 2 ст. 60 Конституции Республики Беларусь с целью защиты прав, свобод, чести и достоинства граждане в соответствии с законом вправе взыскать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда [1]. Исходя из содержания приведенной нормы, конституционная гарантия права на возмещение вреда включает: возникновение права требования возмещения вреда в целях осуществления защиты прав, свобод, чести и достоинства; реализация права требовать возмещения как имущественного вреда, так и материального возмещения морального вреда; определение оснований возникновения и содержания обязательства по возмещению вреда в законе. Данная конституционная гарантия нашла свое отражение в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИК_оАП).

Общие начала, дающие основу развития института возмещения вреда в административном процессе, закреплены в ст. 1.2, 2.1, 2.3 ПИК_оАП, согласно которым причиненный вред жизни или здоровью, а также имущественный и моральный вред подлежат возмещению, и органы, ведущие административный процесс, принимают меры к этому.

Также право на возмещение причиненного вреда отнесено законодателем к форме реализации одного из основополагающих принципов ад-

министративного процесса – обеспечение защиты прав и свобод. В ч. 6 ст. 2.3 ПИКоАП раскрывается суть данного принципа: «вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод при ведении административного процесса, подлежит возмещению в предусмотренном законодательством порядке» [2].

Часть 6 ст. 2.3 ПИКоАП носит отсылочный характер и конкретизируется в гл. 13¹ ПИКоАП «Возмещение вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконными действиями суда, органа, ведущего административный процесс», где предусмотрен механизм восстановления прав физических и юридических лиц, нарушенных в ходе ведения административного процесса. Однако его законодательная регламентация вызывает ряд серьезных вопросов, одним из которых является правильное толкование незаконности действий и решений судей и должностных лиц органов, ведущих административный процесс.

Для понимания правовой природы института возмещения вреда, причиненного незаконными действиями суда либо органа, ведущего административный процесс, необходимо исследовать ряд вопросов, связанных с реализацией данного института в правоприменительной деятельности. В частности, в ст. 1.4 ПИКоАП дано определение понятия «орган, ведущий административный процесс», под которым понимается «государственный орган, рассматривающий дело об административном правонарушении; должностное лицо, в пределах своей компетенции составляющее протокол об административном правонарушении либо налагающее административное взыскание». Их полномочия по подготовке дел об административных правонарушениях и рассмотрению таковых (подведомственность) определены административно-процессуальными нормами. Они, наделенные административно-юрисдикционными полномочиями, вправе начинать административный процесс при наличии поводов и оснований, предусмотренных ст. 9.1 ПИКоАП, принимать окончательные процессуальные решения по делам об административных правонарушениях. Одним из таких решений является вынесение постановления о прекращении дела об административном правонарушении. Основания для прекращения дела об административном правонарушении можно условно разделить на «реабилитирующие» и «нереабилитирующие». Так, право на возмещение вреда имеет лицо, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено по так называемым «реабилитирующим» основаниям, предусмотренным п. 1, 2, 5, 6, 9, 10 ч. 1 ст. 9.6 ПИКоАП, п. 1, 2, 7, 8 ч. 2 ст. 9.6 ПИКоАП. При этом, как следует из контекста ст. 13¹.1 ПИКоАП, право на возмещение вреда не предоставляется при наличии так называемых «нереабилитирующих» оснований, предусмотренных п. 3, 4, 7 ч. 1 и п. 3, 4, 5

ч. 2 ст. 9.6 ПИКоАП. В случае смерти физического лица, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено по реабилитирующим основаниям, право на возмещение вреда переходит к его наследникам.

Однако, указанные в ст. 9.6 ПИКоАП, «реабилитирующие» основания могут быть установлены во время подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению, рассмотрения дела об административном правонарушении и обжалования постановления по делу об административном правонарушении. Об исполнительской части в кодифицированном законе речь не идет, а следовательно, по смыслу ст. 13¹.2 ПИКоАП у лица, в отношении которого в судебном порядке (в связи с удовлетворением жалобы) прекращено дело об административном правонарушении на стадии исполнения незаконно вынесенного постановления о наложении административного взыскания, право на возмещение вреда не возникает. Отсюда вытекает вопрос: «Имеет ли право на возмещение вреда незаконно привлеченное к административной ответственности лицо?». В данном случае стоит обратиться к Гражданскому кодексу Республики Беларусь (далее – ГК), в котором указаны основания для взыскания материального вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов, в порядке, определенном ст. 933, 938, 939 ГК. Так, в ст. 939 ГК говорится, что вред, причиненный гражданину в результате незаконного наложения административного взыскания в виде ареста, исправительных работ, возмещается за счет средств из республиканского или местного бюджетов в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов уголовного преследования и суда в порядке, установленном законодательными актами [3]. Стоит обратить внимание, что законодатель отмечает возникновение вреда в независимости от вины должностных лиц, следовательно, наложение административного взыскания на невиновное лицо является незаконным, даже если должностное лицо действовало законно и в предусмотренном законом порядке.

Одновременно возникают вопросы: «Почему только за административные взыскания в виде административного ареста или исправительных работ появляется право на возмещение вреда? А в случае незаконного наложения взыскания в виде штрафа, лишения права заниматься определенной деятельностью, лишения специального права и других видов административных взысканий лицо лишено такого права?». В связи с чем видится оправданным скорректировать п. 1 ст. 939 ГК, изложив данную норму в следующей редакции: «Вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, применения принудительных мер безопасности и лечения, привлечения в качестве обвиняемого, задержания,

применения мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, а также незаконного наложения административного взыскания, возмещается за счет казны Республики Беларусь, а в случаях, предусмотренных законодательством, – за счет казны административно-территориальных единиц в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов уголовного преследования, органов, ведущих административный процесс, и суда в порядке, предусмотренном законодательными актами». Приведенная редакция гораздо шире отражает основания возникновения права на возмещение вреда, в том числе причиненного незаконными действиями органа, ведущего административный процесс.

Стоит обратить внимание, что обязательным условием для возмещения вреда является признание действий и решений органа, ведущего административный процесс, незаконными (ст. 13¹.1 ПИКоАП). Проблема определения законности действий и решений суда, органов, ведущих административный процесс, прозрачно проявляется в судебной практике. Видится необходимым рассмотреть пример из судебной практики, чтобы увидеть всю сложность и неоднозначность рассматриваемой проблемы.

Так, постановлением начальника ОГАИ РОВД гражданин Б. был привлечен к административной ответственности по части 2 ст. 18.23 КоАП, однако он был не согласен с данным постановлением и обжаловал его в районный суд. Районным судом жалоба была оставлена без удовлетворения, а постановление начальника ОГАИ РОВД – без изменения. Далее гражданин Б. обратился с жалобой к председателю областного суда, который отменил все ранее принятые решения и дело об административном правонарушении в отношении гражданина Б. прекратил на основании п. 2 ч. 1 ст. 9.6 ПИКоАП. В ходе обжалования данных постановлений гражданин Б. понес затраты на получение юридической помощи и уплату госпошлины за подачу жалоб. Ссылаясь на незаконность действий органа, ведущего административный процесс, гражданин Б. подал исковое заявление с просьбой взыскать за счет казны Республики Беларусь причиненный ему вред в порядке гражданского судопроизводства. Однако судебная коллегия по гражданским делам пришла к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения требований истца. Такое решение основывалось на положениях ст. 13¹.1, 13¹.3 ПИКоАП, ст. 933, 937–939 ГК и ст. 124, 135 Гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь и в материалах дела отсутствовали и отдельно истцом не были представлены доказательства незаконности действий органа, ведущего административный процесс, как на стадии подготовки дела об административном правонарушении, так и при его рассмотрении. Сам факт вынесения постановления о прекращении дела об административном правонарушении не является подтверждением виновных действий

должностных лиц ОГАИ РОВД и основанием для возмещения вреда [4]. Как можно видеть из приведенного примера, суд, вынесший определение, был убежден, что незаконные действия суда и органа, ведущего административный процесс, должны находиться в причинной связи с наступившими последствиями.

Вопрос о законности действий суда, органа, ведущего административный процесс, подлежит исследованию в судебном заседании по иску заинтересованного лица о возмещении вреда. В юридической литературе сформировался подход ученых-административистов, согласно которому само по себе прекращение административного процесса в отношении лица, реабилитированного по предусмотренным ПИКоАП основаниям, является поводом признать действия должностного лица незаконными в части начала административного процесса и его производства, несмотря на то, что должностным лицом были соблюдены все требования для начала административного процесса. Иными словами, даже если должностное лицо органа, ведущего административный процесс, в предусмотренном ПИКоАП порядке осуществляло производство по делу об административном правонарушении в отношении лица, но в конечном итоге дело было прекращено по «реабилитирующему» основанию, предусмотренному ст. 9.6 ПИКоАП, то действия должностного лица признаются незаконными, и у лица появляется право на возмещение вреда. Следует учитывать, что для понимания «незаконности» в рамках данного подхода необходимо обратить внимание на то, что согласно ст. 23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности допускается в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. В то же время общественный порядок предполагает соблюдение физическими и юридическими лицами правовых норм, в случае нарушения которых применяются меры государственного принуждения. В частности, суть административной ответственности заключается в том, что в отношении виновного лица применяются меры принудительного воздействия, приводящего к изменению его правового положения. Следовательно, государство может принудительно изменить правовое положение лица в рамках административно-процессуальных отношений, возникающих в связи с совершением административного правонарушения. Однако в силу презумпции невиновности принудительное изменение правового положения гражданина возможно при условии доказанности вины.

Подводя итог вышесказанному, очевидно, что нормы гл. 13¹ ПИКоАП нуждаются в законодательном разъяснении их применения, поскольку могут привести к ошибочному толкованию, а следовательно, к неправо-

мерным решениям суда, разрешающего иск о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями судей и должностных лиц органов, ведущих административный процесс. Видится необходимым и обоснованным внести изменения в редакцию ст. 13^{1.2} ПИКоАП, дополнив ее отсылкой к гражданскому законодательству, чтобы обеспечить лицо, в отношении которого было незаконно наложено административное взыскание, правом на возмещение вреда. Однако для достижения данной цели в полном объеме необходимо редактировать ст. 939 ГК по образцу, предложенному в данной статье. В совокупности такие нововведения позволят усовершенствовать институт возмещения вреда, причиненного незаконными действиями судов, органов, ведущих административный процесс.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Определение судебной коллегии по гражданским делам [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 342.9

А.Г. Жемайтук, выпускник магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.П. Семенюк*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ И КОНСУЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Общественные отношения в сфере защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств ре-

гулируются нормами дипломатического права, динамично развивающегося в последние годы из-за роста активности межгосударственного сотрудничества. В этой связи важным является обеспечение эффективной работы дипломатического корпуса, благодаря которой сглаживаются противоречия, формируются разнообразные внешние связи, а также оперативно защищаются в государстве пребывания интересы аккредитующего государства и его граждан, находящихся на территории иностранного государства [1, с. 8].

Основными международными актами, регулирующими вопросы обеспечения защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, являются:

Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. (вступила в силу для Республики Беларусь 13 июня 1964 г.);

Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. (вступила в силу для Республики Беларусь 20 апреля 1989 г.);

Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 г.

Как считают авторы, изучающие вопросы дипломатического права И.И. Лукашук, Э.Я. Соловьев, И.С. Искевич, Т.Д. Матвеева, Венская конвенция о дипломатических сношениях – это один из основных нормативных правовых актов в области дипломатического права, определяющий статус и функции дипломатического представительства при главах государств [2, с. 94; 3, с. 74; 4, с. 136; 5, с. 144]. Конвенция регламентирует все основные вопросы дипломатического права: регламентируются виды и функции дипломатических миссий, процедура назначения главы дипломатического представительства, классы глав таких представительств, раскрывается понятие дипломатического иммунитета [6, с. 54].

Конвенция состоит из 53 статей и включает также два факультативных протокола: о приобретении гражданства сотрудниками дипломатических представительств и членами семей этих сотрудников, живущими вместе с ними, и об обязательном разрешении споров относительно толкования или применения Конвенции Международным Судом. Она регламентирует порядок установления и прекращения дипломатических сношений, учреждения дипломатических представительств и их функции, устанавливает три дипломатических класса (посол, посланник и поверенный в делах), порядок аккредитования главы дипломатического представительства и его персонала.

В соответствии со ст. 1, 20, 36 Конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. дипломатическое представительство относится к учрежде-

ниям, пользующимся международной защитой. «Помещение дипломатического представительства – здания или части зданий, используемые для целей представительства, включая резиденцию главы представительства, вне зависимости от права собственности на данные строения. Международная защита распространяется на обслуживающий данное здание земельный участок, предметы, предназначенные для официального использования представительства и личного использования дипломатических представителей» [7, с. 194].

По общей формулировке дипломатическое представительство – орган одного государства, находящийся на территории другого государства для осуществления официальных отношений между ними, учреждаются в соответствии с соглашениями между государствами [8, с. 41].

Значительная часть Венской конвенции посвящена дипломатическим привилегиям и иммунитетам. Их основой является концепция функциональной необходимости иммунитетов и привилегий, поскольку они предоставляются не для выгод отдельных лиц, а для обеспечения эффективного осуществления функций дипломатических представительств, представляющих государства. Об этом, в частности, говорится в преамбуле Венской конвенции 1961 г. Так, дипломатический иммунитет – особое право дипломатических агентов иностранных государств на освобождение от местной юрисдикции, неприменимость к ним мер принуждения, предусмотренных внутренним правом страны пребывания за нарушение ее законов и правил [9, с. 89].

По мнению исследователей вопросов дипломатических привилегий и иммунитетов, дипломатические привилегии – дополнительные льготы и преимущества, направленные на облегчение работы дипломатических представительств и их персонала [4, с. 78; 9, с. 90]. Если дипломатические иммунитеты представляют собой область правовых гарантий для деятельности дипломатических представительств и их персонала, то дипломатические привилегии связаны с вопросами поддержания аккредитующего государства в делах церемониального, протокольного характера, которые регулируются в большинстве случаев не с помощью юридически обязательных норм (как иммунитеты), а лишь на основе норм международной вежливости или существующих на этот счет в международном общении обычных правил (обыкновений).

Основные дипломатические иммунитеты и привилегии предоставляются соответствующим видам официальных представительств государств и их персоналу автоматически, с момента учреждения таких представительств или с момента прибытия самих дипломатических агентов, независимо от наличия или отсутствия специальных соглашений по этому вопросу между государствами-контрагентами [10, с. 312].

В частности, из анализа Конвенции можно выделить положения, относящиеся к дипломатическим иммунитетам и привилегиям:

личность дипломатического агента неприкосновенна и не подлежит аресту или задержанию, даже если его действия были личного характера. Принимающее государство обязано относиться к нему с должным уважением и принимать необходимые меры для его безопасности, свободы и достоинства;

частная резиденция дипломата должна ограждаться от любого вторжения, обыска, и т. д. как и помещение представительства;

дипломатический агент пользуется иммунитетом от уголовной юрисдикции принимающего государства. Также пользуются иммунитетом от гражданской и административной юрисдикции, кроме случаев:

действия, связанные с профессиональной/коммерческой деятельностью в принимающем государстве вне его официальных функций;

вещных исков, связанных с частным недвижимым имуществом на территории принимающего государства за пределами его официальной резиденции, если это имущество не предоставлено для целей представительства;

дипломатический агент не обязан давать показания в качестве свидетеля. Дипломатический агент пользуется иммунитетом от юрисдикции принимающего государства, но не от юрисдикции аккредитующего государства;

иммунитеты, которыми пользуются дипломаты и их персонал, могут быть аннулированы аккредитующим государством;

дипломатический агент, нанимающий служащих, обязан соблюдать законодательство, касающееся социального обеспечения принимающего государства, установленное для работодателей, за исключением случаев, когда служащие не являются постоянными резидентами государства пребывания или на них распространяются социальные гарантии аккредитующего государства;

дипломат должен быть освобожден от всех видов сборов и налогов, личных, имущественных, региональных или муниципальных, за исключением деятельности вне официальных функций, а также косвенных налогов на товары, налогов на частный доход и т. д.;

государство пребывания обязано освобождать дипломатов от всех видов государственных/частных повинностей и от военной обязанности;

личный багаж дипломата и членов его семьи освобождается от досмотра, без серьезных оснований предполагать, что в нем находятся предметы, запрещенные к ввозу/вывозу законами страны пребывания, и т. д.;

члены семьи дипломатических агентов, члены административно-технического и обслуживающего персонала, а также домашние работники членов представительства пользуются иммунитетом в отношении действий, связанных с выполнением своих обязанностей, и освобождаются от сборов и налогов на получаемое по службе вознаграждение, при условии, что они не являются гражданами или постоянными жителями принимающего государства.

Кроме того, в Конвенции закреплён такой важный институт, как ответственность и функции дипломатов, сущность которого состоит в следующем:

все лица, пользующиеся привилегиями и иммунитетом, обязаны уважать законы и постановления принимающего государства;

помещения представительства не должны использоваться каким-либо образом, несовместимым с функциями представительства. Они также обязаны не вмешиваться во внутренние дела принимающего государства;

все официальные дела с принимающим государством, порученные миссии посылающим государством должны осуществляться с ведением Министерством иностранных дел государства пребывания, а также других министерств, с которыми требуется их согласование;

дипломатический агент не должен заниматься любой профессиональной деятельностью с целью получения личной выгоды.

Из анализа Конвенции можно выделить положения, относящиеся к обеспечению защиты дипломатических объектов: определены обязанности принимающего государства в области обеспечения благоприятных условий деятельности, в частности безопасности. Так, принимающее государство должно защитить и обеспечить все условия для безопасности дипломатического представительства и его персонала даже в случае вооружённого конфликта. Оно должно уважать и охранять помещения и имущество представительства и целостность их архивов даже после разрыва отношений или отзыва миссии. Принимающее государство несёт ответственность по защите помещений и членов миссии, принимая адекватные меры. Также помещения, транспорт или другая собственность дипломатических представительств пользуются неприкосновенностью от любого рода досмотров, изъятий или повреждений.

Исходя из положений научного исследования, проводимого Е.С. Воробьевой, Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. дала определение консульского учреждения, консульского округа, консульских должностных лиц, урегулировала установление и осуществление консульских сношений, а также установила преимущества, привилегии и иммунитеты консульских учреждений, консульских должностных лиц.

Республика Беларусь присоединилась к Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. 20 апреля 1989 г. [6, с. 54–68].

Государства, являющиеся ее сторонами, разработали ее, будучи убежденными, что заключение Международной конвенции о консульских сношениях, привилегиях и иммунитетах будет способствовать развитию дружественных отношений между государствами независимо от различий в их государственном и общественном строе, эффективному осуществлению консульскими учреждениями функций от имени их государств. Конвенция является основополагающим международно-правовым договором, регулирующим консульские отношения. Конвенция состоит из пяти глав и статьи с основными понятиями данной конвенции.

Основной интерес в части обеспечения защиты консульских объектов вызывает вторая глава, содержащая обязанности принимающего государства по содействию обеспечения помещениями, основные иммунитеты и привилегии, в которые входят: личная неприкосновенность, неприкосновенность помещений, неприкосновенность архивов и документов, а также начало и конец консульских привилегий и иммунитетов.

Характеристику Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 г. следует начать с того, что она была принята с целью предотвращения нападения на иностранных дипломатов либо их похищения, а также нападения на иностранные дипломатические представительства. В этой Конвенции дается исчерпывающий перечень лиц, которые пользуются международной защитой.

Согласно Конвенции лицом, пользующимся международной защитой, является:

глава государства, глава правительства или министр иностранных дел, находящиеся в иностранном государстве, а также сопровождающие их члены семьи;

любой представитель или должностное лицо государства, или должностное лицо или иной агент международной организации, который во время, когда против него, его официальных помещений, его жилого помещения или его транспортных средств было совершено преступление, и в месте совершения такого преступления имеет право на специальную защиту от любого нападения на его личность, свободу и достоинство, а также проживающие с ним члены его семьи.

Преднамеренное совершение преступлений против таких лиц или участие в них должны рассматриваться каждым государством – участником Конвенции в соответствии с его внутренним законодательством – как тяжкие преступления. Устанавливается также либо юрисдикция данного

государства в отношении таких преступлений, либо обязанность выдачи соответствующих лиц другому государству (на территории которого преступление совершено либо государству их гражданства) [12, с. 94].

Представляется, что в современных условиях положения настоящей Конвенции имеют существенное значение для международного сообщества государств в плане поддержания и укрепления дружественных отношений между всеми государствами.

Конвенция, в частности, подтверждает, что специальная защита указанных в ней лиц вытекает из предписаний действующего обычного международного права [13, с. 161].

Кроме указанных международных договоров при организации мероприятий по обеспечению защиты иностранных дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств могут заключаться двусторонние консульские конвенции.

Таким образом, все вопросы организации защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств регламентированы тремя основными международными договорами – Венской конвенцией о дипломатических сношениях, Венской конвенцией о консульских сношениях и Конвенцией о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов.

Объектом указанных договоров выступают отношения между иностранными государствами по поводу обеспечения защиты дипломатических (консульских) объектов, которые построены на принципах равноправия, паритетности (в части обеспечения взаимной защиты) и невмешательства.

Субъектами международного договора выступают иностранные государства.

Основной принцип организации защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств – паритетность, заключающийся в обязанности государства обеспечить способы охраны, аналогично созданным в стране дипломатического (консульского) объекта.

Стоит отметить, что, несмотря на технический прогресс, внедрение разнообразных способов и видов обеспечения безопасности, положения международных актов не потеряли своей актуальности и сегодня.

1. Попкова, О.В. Стадии и средства дипломатической защиты / О.В. Попкова // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2010. – № 1. – С. 5–8.

2. Лукашук, И.И. Международное право. Особенная часть / И.И. Лукашук. – 3-е изд. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 544 с.

3. Соловьев, Э.Я. Основы дипломатического права : учеб. пособие / Э.Я. Соловьев. – М. : Ось-89, 2005. – 143 с.

4. Искевич, И.С. Дипломатическое и консульское право : учеб. пособие / И.С. Искевич, А.В. Подольский. – Тамбов : ФГБОУ ВПО ТГТУ, 2014. – 136 с.

5. Матвеева, Т.Д. Дипломатическое и консульское право / Т.Д. Матвеева. – М. : РАГС, 2009. – 287 с.

6. Воробьева, Е.С. Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года, Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года в международно-правовом регулировании норм дипломатического протокола / Е.С. Воробьева // Вестн. Казах.-Амер. своб. ун-та. – 2011. – № 4. – С. 54–68.

7. Демин, Ю.Г. Статус дипломатических представительств и их персонала : учеб. пособие / Ю.Г. Демин. – 2-е изд., доп. – М. : Междунар. отношения, 2010. – 223 с.

8. Дипломатическое представительство : слов. междунар. права / М.М. Аваков [и др.] ; редкол.: Б.М. Клименко (отв. ред.), В.Ф. Петровский, Ю.М. Рыбаков. – М. : Междунар. отношения, 1982. – С. 41–42.

9. Кузнецова, В.В. Дипломатические иммунитеты и привилегии, установленные Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 года / В.В. Кузнецова // Государство и право: теория и практика : материалы III Междунар. науч. конф., Чита, июль 2014 г. / редкол.: Г.Д. Ахметова [и др.]. – Чита : Молодой ученый. – 2014. – С. 89–91.

10. Игнатенко, Г.В. Международное право : учеб. для вузов / Г.В. Игнатенко, О.Н. Тиунов. – М. : НОРМА-ИНФРА, 1999. – 584 с.

11. Кузнецов, И.Н. Консульская служба : учеб.-метод. комплекс / И.Н. Кузнецов. – Минск : Изд-во БГУ, 2012. – 108 с.

12. Международное право : учеб. для студентов вузов / В.В. Алешин [и др.] ; под общ. ред. А.И. Микутьшина. – М. : Междунар. отношения, 2005. – 359 с.

13. Влазнев, В.Н. Международное право : учеб.-метод. материалы для студентов / В.Н. Влазнев. – Тамбов : Тамбов. гос. техн. ун-т, 2012. – 161 с.

УДК 343.9

Д.О. Завацкий, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Толочко*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на примере оперативных подразделений по борьбе с экономическими преступлениями)

Принципы права – основные идеи, какие-либо исходные положения, ведущие начала явления или процесса, выражающегося в его формировании, развитии и функционировании.

Отражаясь прежде всего в нормах права, принципы пронизывают всю правовую жизнь общества, правовую систему страны. Они характеризуют не только сущность, но и содержание права, отражают не только его внутреннее строение, статику, но и весь процесс его применения, т. е. динамику. Принципы права оказывают огромное влияние и на весь процесс подготовки нормативных актов, их издания, установления гарантий соблюдения правовых требований.

Принципы оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) и в общем принципы права выступают своеобразной базовой конструкцией, на которой реализуется вся система. Они служат основным ориентиром всех органов, осуществляющих ОРД. От степени соблюдения принципов в прямой зависимости находится уровень слаженности, стабильности и эффективности системы.

Экономика страны – одна из основ государственного устройства. Она оказывает весомое влияние на формирование внутренней и внешней политики, идеологию, национальные интересы и благосостояние государства в целом. На современном этапе обеспечение экономической безопасности государства имеет наивысшую актуальность. Стабильность развития общества невозможно представить без искоренения преступности, в том числе и в сфере экономики. Одним из важнейших направлений в деятельности ОВД является обеспечение экономической безопасности.

Формирование таких органов началось еще в 1917 г. после Октябрьской революции, но только в 1937 г. 16 марта приказом НКВД СССР был образован отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС).

На протяжении долгих лет изменялась структура, направления деятельности и показатели в ОБХСС, но только 25 июня 1991 г. приказом МВД «Об объявлении штатной расстановки аппарата министерства» управление БХСС было переименовано в управление по борьбе с экономической преступностью – УБЭП [1, с. 23].

В целях повышения эффективности работы была разработана новая штатная структура службы и проведена реорганизация – сокращена численность территориальных подразделений БЭП и созданы областные управления по борьбе с экономическими преступлениями в стратегических отраслях экономики, которые с января 2007 г. начали свою работу. Наряду с этим любая служба, подразделение для достижения поставленных целей должны руководствоваться какими-либо начальными положениями, основными идеями, поэтому всякая деятельность должна основываться на каких-либо принципах.

Принципы права – это основополагающие начала, отправные положения, руководящие идеи, характеризующие сущность права, его содержание и назначение в обществе [2, с. 154].

В теории права принято подразделять принципы права на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. Некоторые предлагают классифицировать на общеправовые, конституционные, специальные и др. Мы предлагаем рассмотреть наиболее часто применяемые классификации.

К общеправовым относят такие принципы, как принцип демократизма, социальной справедливости, гуманизма, равноправия, законности, единства прав и обязанностей.

Среди отраслевых принципов выделяют, например, принцип обеспечения здоровых и безопасных условий труда в трудовом праве, принцип индивидуализации наказания в уголовном праве. Как правило, отраслевые принципы содержатся в нормах соответствующих правовых актов [2, с. 156].

К межотраслевым относят принцип состязательности в гражданско-процессуальном и уголовно-процессуальном праве. Отраслевые и межотраслевые принципы рассматриваются в курсах соответствующих отраслевых наук.

Принцип демократизма означает, что единственным источником государственной власти в Республике Беларусь является народ, который осуществляет свою власть непосредственно через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией Республики Беларусь.

Принцип законности в праве заключается в строгой иерархии нормативных правовых актов. В правовом государстве он выражается в требовании верховенства закона, в подчиненности ему всех других подзаконных нормативных актов [2, с. 158].

Таким образом, исходя из сказанного, можно сделать вывод. Принцип – это нечто фундаментальное. Любая система права может нормально существовать и функционировать лишь тогда, когда она наделена какими-либо принципами. Присутствие принципов в правовой системе придает ей логическую завершенность, определяет вектор развития, а также дает возможность представить, что система и ее отдельные элементы будут надежно действовать в различных ситуациях.

Вопрос о правовых принципах является одним из важнейших в юридической науке, таковым он выступает и в теории ОРД. Под принципами ОРД понимаются основополагающие руководящие начала, на которых она строится и формируется в виде определенных правил [3, с. 372].

В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) ОРД осуществля-

ется на принципах законности, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, конспирации, проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) гласно и негласно.

Проанализировав данную правовую норму, видно, что в перечне нормативно закрепленных принципов законность стоит на первом месте как наиболее значимый элемент, определяющий правовое содержание ОРД. Вместе с тем, несмотря на распространенность и достаточно частое употребление термина, до настоящего времени нормативного понятия законности не существует.

Принцип законности является основным. Его суть заключается в том, что только закон определяет точное и безусловное соблюдение всеми органами, должностными лицами Конституции Республики Беларусь и иных нормативных правовых актов. Кроме того, законность в ОРД можно определить, как надлежащее применение норм, в частности проведение ОРМ в соответствии с основаниями и с соблюдением соответствующих условий в установленном законом порядке.

Гарантией законности является контроль за организацией и непосредственным проведением ОРМ со стороны руководителей органов, осуществляющих ОРД. Кроме того, на руководителей оперативных подразделений возложена персональная ответственность за соблюдение законности при организации и проведении ОРМ [4, с. 76].

Важно отметить, что не все подлежит детальной правовой регламентации. Многие правила и процедуры реализуются закрытыми законными и подзаконными актами. В связи с этим для реализации принципа законности требуется высокая правовая культура оперативных сотрудников.

Принцип соблюдения прав, свобод и законных интересов личности предусмотрен ст. 2 Конституции Республики Беларусь: человек, его права, свободы являются высшей ценностью и целью общества и государства. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Это исходит из того, что естественные права и свободы человека возникают и существуют не по воле государства. В качестве их основы выступает человеческое достоинство. На этом основан принцип соблюдения прав и свобод личности. Он распространяется и на лиц, замысливающих, подготавливающих и совершающих преступления и являющихся в связи с этим объектом ОРД.

Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Следовательно, установлены границы

пользования правами и свободами. Нарушение таких границ ведет к нарушению прав и свобод других лиц. На основании санкции прокурора и при соблюдении определенных условий Закон об ОРД дает возможность ограничить право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, а также на неприкосновенность жилища [5, с. 12].

Одной из ключевых категорий ОРД, осуществляемой уполномоченными государственными органами, является конспирация. Принцип конспирации относится к ряду отраслевых принципов (в ст. 5, 8 Закона об ОРД). Исследователи отмечают, что закрепление данного принципа законом направлено на обеспечение эффективности осуществления ОРД путем принятия соответствующих мер по недопущению осведомления представителей криминальной среды о формах, методах и средствах ОРД.

В Законе об ОРД 1999 г. принцип конспирации упоминался лишь в ст. 4, более о нем ничего не было оговорено, но эта ситуация выровнялась в связи с принятием нового Закона об ОРД, хотя некоторые моменты остались не урегулированными.

В Законе об ОРД отсутствует определение понятия «конспирация». С теоретической точки зрения под конспирацией понимается предъявляемая законодателем система требований и условий их реализации, направленная на сохранение в тайне информации об ОРД, выход которой из владения оперативно-розыскного органом может нанести ущерб этой деятельности [6, с. 24]. Вместе с тем новый закон раскрывает содержание конспирации через перечисление сведений, которые должны сохраняться в тайне.

Таким образом, конспирацию в ОРД можно определить как систему мер, основанную на специфических принципах, которая позволяет обеспечивать скрытый (негласный) характер, сохранение в тайне от посторонних лиц как самого факта осуществления ОРД, так и ее содержание.

Принцип проведения ОРМ гласно (относится к ряду отраслевых принципов) и негласно предполагает уведомление либо неуведомление должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, гражданина, в отношении которого оно проводится (ст. 5 Закона об ОРД). При гласном осуществлении ОРМ требуется получение согласия гражданина на его проведение. Негласное проведение ОРМ означает скрытность, неочевидность проведения ОРМ от объектов, в отношении которых они проводятся. Это способствует нейтрализации возможного противодействия со стороны объектов ОРМ, а также обеспечению безопасности жизни, здоровья и имущества участников ОРМ, повышению результативности проводимых мероприятий и сохранению в тайне самого факта проведения ОРМ, применяемых при этом средств и методов.

Полагаем, что принцип проведения ОРМ гласно и негласно, а именно в части негласного проведения, базируется на системе мер, обеспечивающих принцип конспирации, т. е. конспирация является составной частью принципа проведения ОРМ гласно и негласно. Принимая во внимание вышесказанное, целесообразно в Законе об ОРД принцип проведения ОРМ гласно и негласно расположить до принципа конспирации.

На современном этапе деятельности подразделения БЭП постоянно руководствуются вышеперечисленными принципами ОРД, но ввиду динамичности правовых норм различных отраслей права, с которыми взаимодействует ОРД, возникают проблемы при реализации тех самых принципов ОРД, например принцип законности. Актуальной проблемой при обеспечении законности становится проблема использования результатов ОРД в уголовном процессе. Закон не в полной мере закрепил вопросы использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам, что привело к возникновению противоположных мнений. Не позволяет, к сожалению, в полной мере удовлетворить реальные потребности практики в сфере использования в уголовном процессе оперативных данных и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК).

Это обстоятельство вызывает у научных сотрудников и практических работников необходимость в дискуссионном порядке обсудить ряд вопросов, в том числе и в сфере реализации данных ОРД в уголовном процессе.

Достаточно рассмотреть коллизию в таких нормах права, как в ст. 214 УПК «Прослушивание и запись переговоров» и п. 11 ч. 1 ст. 18 Закона об ОРД «Контроль в сетях электросвязи». Статья 214 УПК, в отличие от п. 11 ч. 1 ст. 18 Закона об ОРД, восполняет существующий сегодня в законе пробел, предоставляя возможность прослушивания и записи не только телефонных, но и переговоров с применением иных технических средств (факс, электронная почта, интернет), а также переговоров, ведущихся без использования каких-либо видов связи (разговор между людьми в помещении, офисе и т. д.).

1. История создания и деятельности службы по борьбе с экономическими преступлениями (ОБХСС – БЭП) Беларуси : лекция / С.Ф. Лапанович ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 39 с.

2. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбаток, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 479 с.

3. Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Г.И. Грамовича :

материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 дек. 2012 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – 407 с.

4. Рушайло, В.Б. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник / В.Б. Рушайло. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Лань, 2000. – 579 с.

5. Хлус, А.М. Основы оперативно-розыскной деятельности: ответы на экзаменационные вопросы / А.М. Хлус, И.И. Бранчель. – Минск : ТетраСистемс, 2012. – 198 с.

6. Шумилов, А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учеб. для вузов / А.Ю. Шумилов. – 2-е изд., испр., доп. и перераб. – М. : Изд. дом Шумиловой И.И., 2007. – С. 24.

УДК 342.7

Е.О. Зеленкова, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.Л. Федчук*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАНЦЕВ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» иностранными гражданами в Республике Беларусь признаются лица, не являющиеся гражданами Республики Беларусь и имеющие доказательства своей принадлежности к гражданству другого государства. Лицами без гражданства в Республике Беларусь признаются лица, не являющиеся гражданами Республики Беларусь и не имеющие доказательств своей принадлежности к гражданству другого государства.

В Республике Беларусь создана национальная система предоставления убежища, которая основана на международной признанной концепции убежища. В частности, определены государственные органы, которые осуществляют управление в области вынужденной миграции, разработана и принята необходимая законодательная база, которая соответствует современным тенденциям развития международной правовой защиты лиц, которые ищут убежище, а также создана необходимая инфраструктура для приема вынужденных мигрантов.

Всем без исключения иностранцам, прибывающим на территорию нашей страны и имеющим опасения, связанные с возвращением в государство гражданской принадлежности или прежнего обычного места жительства, гарантирован доступ на территорию страны, а также до-

ступ к процедуре предоставления статуса беженца, дополнительной или временной защиты в Республике Беларусь.

В соответствии со ст. 2 Конституции Республики Беларусь гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства, его права и свободы, и, соответственно, гарантии их реализации являются ориентиром и главной целью общества и государства в целом. Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, которые прямо предусмотрены законодательством нашей страны в интересах национальной безопасности, общественного порядка, нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Иностранцы в Республике Беларусь равны перед законом независимо от своего происхождения, социального и имущественного положения, расы и национальности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий и иных обстоятельств.

Подразделениями по гражданству и миграции во взаимодействии с иными службами и подразделениями ОВД систематически организуются и проводятся мероприятия, направленные на выявление нарушений порядка занятия трудовой деятельностью как со стороны иностранцев, так и юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, их привлекающих, а также пресечение незаконной деятельности, связанной с трудоустройством за пределами нашей страны на безлицензионной основе.

В соответствии со ст. 64 Закона «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» иностранные граждане и лица без гражданства могут быть подвергнуты депортации в случаях и порядке, определенных законодательными актами Республики Беларусь.

Административное взыскание в виде депортации применяется за совершение административных правонарушений, которые предусмотрены следующими статьями Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях: ст. 16.2. «Соккрытие источника заражения венерическим заболеванием либо уклонение от обследования»; ст. 23.24. «Нарушение законодательства об иностранной безвозмездной помощи»; ст. 23.29. «Незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь»; ст. 23.30. «Нарушение пограничного режима»; ст. 23.31. «Нарушение режима Государственной границы Республики Беларусь»; ст. 23.32. «Нарушение режима в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь»; ст. 23.55. «Нарушение законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства».

Иностранец может быть выслан из Республики Беларусь в интересах национальной безопасности нашей страны, общественного поряд-

ка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод граждан Республики Беларусь и других лиц, если он не может быть подвергнут депортации. Полагаем, что необходимо дать определение депортации, которая представляет собой выдворение за пределы Республики Беларусь и применяется в отношении иностранного гражданина и лица без гражданства за совершение административного правонарушения. Высылка представляет собой выдворение иностранного гражданина или лица без гражданства из Республики Беларусь, которая осуществляется как в добровольном, так и принудительном порядке. Иностранцы могут быть подвергнуты депортации в случаях, которые определены законодательством Республики Беларусь, и порядке, который установлен Советом Министров Республики Беларусь.

Решение о выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства принимается ОВД или органами государственной безопасности Республики Беларусь самостоятельно либо по представлению заинтересованных органов. К обращениям заинтересованных органов о необходимости депортации должны прилагаться соответствующие документы, которые, в свою очередь, подтверждают наличие правовых оснований для вынесения постановления о депортации лица. Решение о выдворении иностранца, который законно пребывает на территории нашего государства, влечет за собой аннулирование у данного лица регистрации, разрешения на временное или постоянное проживание в Республике Беларусь. Все расходы, связанные с процедурой депортации и высылки, включая расследование и рассмотрение дела в суде, осуществляются гражданами Республики Беларусь, юридическими лицами (включая индивидуальных предпринимателей), иностранцами, которые и ходатайствовали о въезде выдворяемого лица на территорию Республики Беларусь; депортируемыми иностранцами; за счет средств республиканского бюджета. В течение трех дней после определения даты исполнения постановления о депортации компетентный орган вручает депортируемому иностранцу или ходатайствовавшему лицу уведомление об уплате расходов, связанных с депортацией, и их предварительный расчет. На основании этого решения иностранца включают в Список лиц, въезд которых в Республику Беларусь запрещен либо нежелателен. Депортированному иностранцу въезд в Республику Беларусь может быть запрещен на срок от одного года до пяти лет. Высланному иностранцу въезд в Республику Беларусь может быть запрещен на срок от одного года до десяти лет. Решение о депортации может быть обжаловано в суде в соответствии с законодательством нашей страны.

Привлечение к административной ответственности влечет за собой определенные законом последствия для нарушителя, которые выража-

ются в том или ином виде административного наказания (например, за 2016 г. только в Московском районе Минска выявили 543 иностранца, нарушивших миграционное законодательство). Иностранцы совершают много административных правонарушений. Если же один и тот же человек систематически попадает в поле зрения милиции, ОВД принимает решение о его высылке либо депортации. В 2016 г. в Московском районе Минска было выдворено 103 иностранца [1].

По данному вопросу существуют различные точки зрения. Так, В.В. Альхименко полагает, что понятия «выдворение» и «депортация» равнозначны [2, с. 129]. Е.В. Познизова считает, что депортацию следует отнести к числу мер административного пресечения в качестве отдельной меры административного наказания [3, с. 42]. А.А. Мишунина предлагает рассматривать депортацию иностранных граждан и лиц без гражданства по правовой природе как административно-предупредительную меру административно-правового принуждения [4, с. 27]. Однако согласимся с мнением А.С. Лукьянова, который полагает, что административное выдворение является мерой административного наказания и применяется только за совершение административного правонарушения; депортация – это разновидность мер пресечения, применяемых по отношению к иностранным гражданам в интересах национальной безопасности, общественного благополучия и здоровья [5, с. 38].

Благоприятные экономические условия способствуют притоку в страну мигрантов и, как следствие, действию трансграничных организованных преступных групп, в том числе и по организации каналов незаконной миграции.

Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность иностранцев за следующие преступления: ст. 371 «Незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь»; ст. 371¹ «Организация незаконной миграции»; ст. 371² «Нарушение срока запрета въезда в Республику Беларусь».

Как отмечают правоохранители, существует также проблема, когда граждане нашей страны пытаются улучшить свое материальное положение за счет нелегалов. В 2016 г. 78 граждан Беларуси предоставили жилье иностранцам без оформления регистрации. Часто белорусские граждане превращают свои дома в общежития для мигрантов. В таких условиях соглашаются жить малообеспеченные люди, либо те, у кого документы не в порядке.

Нелегальная миграция как одна из угроз безопасности в пограничной сфере определена в «Стратегии национальной безопасности

Российской Федерации до 2020 года»: «...угрозу безопасности в пограничной сфере представляют деятельность международных террористических и экстремистских организаций по переброске на российскую территорию своих эмиссаров, средств террора и организации диверсий, а также активизация трансграничных преступных групп по незаконному перемещению через государственную границу Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, товаров и грузов, водных биологических ресурсов, других материальных и культурных ценностей, организации каналов незаконной миграции» [6].

Несмотря на то что в странах Евросоюза продолжается миграционный кризис, миграционная обстановка в Республике Беларусь остается стабильной, контролируемой, управляемой и не оказывающей существенного влияния на общественную, социально-политическую и криминогенную ситуацию в белорусском государстве, благодаря взаимодействию различных органов, а также четкой и слаженной работе подразделений.

Задержанные или заключенные под стражу, домашний арест иностранцы без промедления должны быть проинформированы органом, который их задержал или применил к ним меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, на понятном для этих лиц языке о причинах их задержания или применения к ним меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и правах, которые они имеют в соответствии с законодательными актами нашей страны.

Орган, который задержал иностранца или применил к нему меру пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, по требованию иностранца не позднее одних суток с момента его задержания или применения меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста сообщает об этом в Министерство иностранных дел Республики Беларусь (далее – МИД) для уведомления дипломатического представительства или консульского учреждения государства гражданской принадлежности либо обычного места жительства задержанного или заключенного иностранца.

Порядок информирования МИД о задержании иностранца или о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и образец сообщения утверждены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 июня 2010 г. № 917 «Об утверждении Положения о порядке информирования Министерства иностранных дел Республики Беларусь о задержании иностранного гражданина или лица без гражданства или о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста».

В нашем государстве достигнут высокий уровень миграционной безопасности, которая определяется как состояние защищенности ин-

тересов личности, общества и государства, которые могут быть подвержены угрозам в итоге въезда и выезда из республики, пребывания и проживания на ее территории, межрегиональных внутренних перемещений. Реализация миграционной безопасности означает эффективную работу системы правовых норм, институтов, организаций по обеспечению национальных интересов в сфере миграции [7, с. 17]. Правовой статус иностранцев обеспечивается на высоком уровне, соответствуя мировым стандартам.

1. Парахневич, А. Откройте! Миграционная служба / А. Парахневич // На страже. – 2016. – № 42. – С. 10.
2. Административная ответственность: вопросы теории и практики : сборник. – М. : Ин-т государства и права РАН, 2004. – 256 с.
3. Кондрашина, К.П. Административная ответственность за правонарушения в сфере миграции иностранных граждан и лиц без гражданства / К.П. Кондрашина // Адм. право и процесс. – 2006. – № 2. – С. 42.
4. Фиалковская, И.Д. Ответственность за совершение административных правонарушений иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории РФ / И.Д. Фиалковская, Е.Г. Софронова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 27.
5. Лукьянов, А.С. Административное выдворение и депортация в системе административно-правовых методов миграционной политики России / А.С. Лукьянов // Рос. юстиция. – 2009. – № 4. – С. 84.
6. Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов (Москва, 15 апреля 1994 года) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 47.
7. Попов, Г.Г. Миграционная безопасность России: институционально-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.Г. Попов. – Ростов н/Д, 2006. – С. 17.

УДК 342.7

Е.О. Зеленкова, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *С.Г. Луговский*

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Юридическое выражение проблемы прав человека имеет в своей основе вопрос о характере распределения возможностей и обязанностей между людьми в пределах конкретных общественных отношений и социальной реальности. Личность – это такой субъект, которому при-

сути индивидуальные черты и качества, такие как интеллектуальные, эмоциональные и волевые. Понятие «статус» может также использоваться для определения роли и места субъекта (человека, гражданина) в системе правовых отношений, которые, в свою очередь, существуют в обществе и государстве в целом.

Прежде чем перейти к понятию правового статуса гражданина нашей страны, полагаем, что необходимо обратить внимание на соотношение терминов «правовое положение» и «правовой статус», которые, на первый взгляд, являются идентичными. В.А. Зинченко говорил о том, что правовой статус, или правовое положение гражданина в стране определяет в свою очередь полноту прав и свобод граждан этой страны, юридические гарантии защиты предоставленных прав и свобод граждан, а также возможность участия граждан в решении задач, стоящих перед государством, и в целом обязанности граждан перед обществом и государством [1, с. 3].

Личность – это любой человек, поскольку любой человек обладает социальными свойствами, проявляющимися в конкретной деятельности, а последняя дает основание для той или иной оценки личности [2, с. 16]. Вопрос о правовом положении личности всегда занимал важное место в числе социальных проблем. Научный подход к личности дает возможность выявить социальное качество индивида как носителя соответствующих общественных отношений. Он позволяет, с одной стороны, реально определить положение индивида с точки зрения человеческого достоинства, а также его потенциальных возможностей в воздействии на развитие человеческого прогресса в конкретных условиях, а с другой – наиболее рационально юридически закрепить положение личности, определив ее правовой статус [3, с. 1].

Полагаем, что необходимо обратиться к юридическому словарю, чтобы наиболее детально рассмотреть, что же такое правовой статус гражданина. Правовой статус гражданина – это система признанных и гарантируемых государством в законодательном порядке прав, свобод и обязанностей, а также законных интересов человека в качестве субъекта права. Права и свободы представляют собой виды дозволенного и правомерного поведения гражданина, которые признаны и обеспечиваются государством. Обязанности – есть виды должного поведения личности, которые обеспечиваются силой государственного принуждения [4, с. 572–573]. Важное значение в условиях развития нашего общества имеют права и свободы. Только при наличии гарантированных прав и свобод учитываются интересы человека. А.В. Мицкевич под правовым статусом понимал содержание правосубъектности, т. е. совокупность

прав и обязанностей (правоспособности) и соответствующих по содержанию прав и обязанностей, которые, в свою очередь, непосредственно вытекают из действия законодательства страны, составляя содержание правосубъектности или же правовой статус гражданина [5, с. 30].

Н.И. Матузов пишет о том, что правовой статус является закрепленным положением личности в обществе, в основу же правового статуса заложен фактический социальный статус. При этом он полагает, что понятия «правовой статус» и «правовое положение» вполне взаимозаменяемы. Основой правового статуса личности являются ее права, свободы и обязанности, которые, в свою очередь, закреплены в Конституции Республики Беларусь и иных законодательных актах. Правовой статус объективно отражает достоинства, и, конечно же, недостатки реально существующей политико-юридической системы, принципов демократии, государственных основ данного государства. Поэтому его нельзя правильно понять и раскрыть, не обращаясь к сущности того социального уклада, в условиях которого он складывается и функционирует. Автор полагал, что существуют следующие виды правового статуса: общий статус гражданина; специальный, или родовой, статус определенных категорий граждан; индивидуальный статус; статус физических и юридических лиц; статус иностранцев, лиц без гражданства, лиц с двойным гражданством, беженцев; отраслевые статусы: гражданско-правовой, административно-правовой и т. п.; профессиональные и должностные статусы (статус министра, судьи); статус лиц, работающих в различных экстремальных условиях или особых регионах страны [6, с. 186–187].

Белорусский исследователь В.А. Кучинский писал о том, что наряду с юридическими правами и обязанностями граждан страны, которые и составляют их правовой статус, т. е. безотносительно к конкретному индивиду, определяющими пределы дозволенного поведения личности, для координации поведения субъекта, поведения каждого непосредственного участника общественных отношений в соответствии с законом и конкретными жизненными обстоятельствами устанавливаются субъективные права и обязанности граждан. Если правовой статус и отдельные его элементы – статутные права и обязанности – которые, в свою очередь, уравнивают абсолютно всех граждан в их возможностях, устанавливая общие для всех (и для каждого в отдельности) пределы возможного и дозволенного поведения, то с помощью субъективных прав и обязанностей создается индивидуально-определенное правовое положение конкретно-определенной личности [7, с. 26].

В пособии В.Н. Кивель приведено мнение Л.Н. Рассказова, который полагает, что правовой статус личности представляет собой совокупность

прав и свобод личности, которые в обязательном порядке признаются и гарантируются государством. Понятия «правовой статус» и «правовое положение» равнозначны, а в их основу заложен фактический социальный статус, т. е. реальное положение человека в обществе [8, с. 19].

В.О. Лучин считает, что именно с позиции народовластия и демократии определяется конституционный статус личности в государстве. Он весьма отличается от всех иных форм воздействия на личность по своему назначению и, конечно же, по юридической природе. Конституционные права и обязанности опосредуют отношение государства к свободе личности, определяют ее основные юридические параметры и границы дозволенного правомерного поведения, устанавливают условия и гарантии активного участия граждан в различных сферах общественной и государственной жизни. Конституционные нормы имеют перед собой цель, которой является универсальная регламентация статуса личности. Они касаются не какой-либо одной его стороны, а всех наиболее важных его сторон. Однако не в полном объеме, не в деталях, а лишь в обобщенном виде, который и выражает самые существенные черты правового положения личности в целом [9, с. 122].

Вместе с тем Л.Д. Воеводин полагает, что права и гарантии – это два абсолютно самостоятельных элемента правового статуса личности. Каждый из которых имеет свое индивидуализированное содержание. Но стоит отметить, что существует и совершенно противоположное мнение А.А. Чепурнова, который считает, что к числу элементов структуры правового статуса личности относятся лишь основные права, свободы, обязанности и юридически закрепленные общие принципы статуса личности. Гарантии же не являются самостоятельным элементом правового статуса личности, а выступают всего лишь в качестве одного из основных принципов правового статуса личности, который, в свою очередь, и устанавливает механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина на уровне высшей правовой регламентации, и раскрывается с позиции народовластия. При этом экономические, политические, идеологические, социальные, культурные и иные условия реализации прав и свобод человека и гражданина в механизме конституционных гарантий рассматриваются через призму основ конституционного строя и в этом их качестве выступают как созданные государством средства обеспечения возможности прав человека и гражданина, обладания, пользования и распоряжения правами и свободами, и, соответственно, их защиты [10, с. 10].

Российский исследователь М.И. Байтин полагал, что сущность и социальное назначение права раскрываются и конкретизируются прежде

всего в его принципах и функциях. Под принципами права он понимал исходные, определяющие идеи, положения и установки, которые и составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права определенного государства. С одной стороны, принципы права отражают его объективные свойства, которые обусловлены закономерностями развития данного общества, всей гаммой исторически присущих ему интересов, потребностей, противоречий и компромиссов различных классов, групп и слоев населения. С другой стороны, в принципах права воплощается его субъективное восприятие членами общества, их нравственные и правовые взгляды, чувства и требования, которые, в свою очередь, выражаются в различных учениях, теориях, направлениях правопонимания [11, с. 4–16].

Л.Н. Нудненко выделяет четыре общих принципа конституционно-правового статуса личности: уважение достоинства личности; человек, его права и свободы являются высшей ценностью; равенство всех перед законом и судом; признание, соблюдение и защита общепризнанных прав и свобод человека и гражданина являются одной из обязанностей государства.

Специальных принципов конституционного статуса он выделял десять: полнота основных прав, свобод и обязанностей граждан; недопустимость отмены или ущемления прав и свобод человека и гражданина; непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина; допустимость ограничения прав и свобод лишь в случаях, которые установлены законодательством; запрет злоупотребления правами и свободами; гарантированность государственной защиты прав и свобод человека и гражданина; гарантированность судебной защиты прав и свобод гражданина; признание за каждым гражданином права защищать свои права и свободы всеми способами, которые не запрещены законодательными актами нашего государства; гарантированное возмещение государством потерпевшему причиненного ему вреда (ущерба); признание международно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина.

С.Н. Братановский полагает, что конституционные принципы, на которых строится правовое регулирование в области прав и свобод гражданина, являются основой правового статуса личности и носят универсальный характер, определяя тем самым главные черты всех членов общества, выделяя следующие принципы: гарантированности прав, свобод и обязанностей человека и гражданина; реализации прав, свобод и обязанностей гражданина на основе равноправия; равенства всех перед законом; непосредственного действия прав и свобод [12, с. 77–84].

Полагаем, что проведя анализ мнений ученых и различных точек зрения, можно сделать вывод о том, что под принципами конституционно-

правового статуса личности следует понимать основные и наиболее исходные начала, которые определяют положение человека в государстве, характер взаимоотношений государства с отдельными личностями при осуществлении ими своих прав, свобод и законных интересов. Основными принципами правового статуса личности в соответствии с Конституцией Республики Беларусь являются принципы: равенства всех перед законом; гарантированности реализации прав и свобод личности; недопустимости ограничения прав и свобод личности; обладания каждым лицом правами и обязанностями. Принципы правового положения личности имеют универсальное значение. Они определяют основные черты статуса всех членов общества в целом и распространяются на все права и обязанности независимо от того, какой отраслью права они закреплены.

Л.Д. Воеводин приводит следующую конструкцию конституционно-правового статуса личности, считая элементами правового статуса личности: гражданство; правосубъектность (правоееспособность); общеправовые принципы; конституционные права, свободы, обязанности, а также гарантии их реализации [10, с. 17].

Защиту и покровительство гражданам Республики Беларусь, находящимся за пределами страны, оказывают Министерство иностранных дел, дипломатические представительства и консульские учреждения Республики Беларусь, которые находятся на территории иностранных государств. Они обязаны принимать все меры для того, чтобы граждане нашей страны могли пользоваться правами, которые предоставлены им законодательством Республики Беларусь, в государстве, где они находятся.

Таким образом, взаимные отношения государства и личности делятся на протяжении всей жизни человека, а иногда и после смерти (например, авторские права). Особенностью этих отношений является то, что они определяются и устанавливаются государством совместно с личностью. Личность участвует в процессе создания правовых актов государства благодаря синтезу представительной и непосредственной демократии. В Республике Беларусь уровень развития прав человека соответствует международным стандартам в данной области. Характер взаимоотношений между государством и личностью определяется взаимной ответственностью, а также взаимными обязанностями друг перед другом. В нашем государстве права человека являются высшей ценностью, что, в свою очередь, позволяет детально и всесторонне защитить любого человека, находящегося на территории Республики Беларусь.

1. Зинченко, В.А. Правовой статус личности в СССР / В.А. Зинченко. – Алма-Ата : Казахстан, 1983. – 68 с.

2. Бережнов, А.Г. Права личности: некоторые вопросы теории / А.Г. Бережнов. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 140 с.
3. Дробязко, С.Г. Правовой статус личности в Советском государстве (материалы в помощь лектору) / Правление о-ва «Знание» БССР, Науч.-метод. совет по пропаганде знаний о государстве и праве. – Минск, 1978. – 20 с.
4. Большой юридический словарь. – 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. А.Я. Сухарева. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 858 с.
5. Мицкевич, А.В. Субъекты советского права / А.В. Мицкевич. – М. : Юрид. лит., 1962. – 213 с.
6. Матузов, Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 3-е изд. – М. : Дело, 2009. – 528 с.
7. Кучинский, В.А. Личность, свобода, право / В.А. Кучинский. – Минск : Наука и техника, 1989. – 198 с.
8. Кивель, В.Н. Теоретические основы правового статуса личности в Республике Беларусь / В.Н. Кивель. – Минск : МИТСО, 2014. – 355 с.
9. Лучин, В.О. Конституционные нормы и правоотношения : учеб. пособие / В.О. Лучин. – М. : ЮНИТИ, 1997. – 157 с.
10. Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе / под общ. ред. Л.Д. Воеводина. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – 342 с.
11. Байтин, М.И. О принципах и функциях права: новые моменты / М.И. Байтин // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 4–16.
12. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. / С.А. Авакьян. – 4-е изд., перераб. и доп. – Т. 1. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2011. – 864 с.

УДК 343.985

А.М. Зуй, выпускник факультета милиции
 Научный руководитель – *С.А. Войтихович*

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННЫМ СДЕЛКАМ С ДРАГОЦЕННЫМИ МЕТАЛЛАМИ И (ИЛИ) КАМНЯМИ

Одним из важнейших направлений государственной деятельности в Республике Беларусь является укрепление законности и правопорядка. Вместе с тем методы, применяемые при выявлении отдельных преступлений, остаются без изменений. Это не лучшим образом влияет на практику выявления экономических преступлений, в том числе совершаемых в сфере незаконных сделок, связанных с драгоценными металлами и (или) камнями.

На протяжении всей истории государства на криминализацию или декриминализацию сделок с драгоценными металлами и (или) камнями в

целом влияла политика государства. Уголовно-правовая политика была сформирована на осознании важности регулирования отношений, связанных с данными предметами.

Расширение законодательства Республики Беларусь в сфере драгоценных металлов и (или) камней показывает ее развитие как в экономическом, так и политическом плане. В процессе совершенствования указанных общественных отношений сложилось так, что драгоценные металлы и природные драгоценные камни служили уникальным товаром, имеющим особый вещный статус – всеобщего эквивалента стоимости [1, с. 145]. Ввиду имеющихся обстоятельств, способствующих развитию рынка драгоценных металлов и (или) камней в государстве и на международной арене в целом, необходим особый контроль правоотношений, возникающих из сделок, предметом которых являются данные предметы. Государствами различных стран было установлено, что государственная монополия на драгоценные металлы и (или) камни представляет собой исключительное право государства в лице уполномоченных им органов на совершение всех операций с драгоценными металлами и (или) камнями [2, с. 75].

Динамика законодательства о драгоценных металлах и природных драгоценных камнях в Республике Беларусь является отражением экономических, политических и правовых изменений, имевших место на протяжении всей истории страны.

В современной юридической литературе существует несколько точек зрения по поводу того, с какого именно времени появилось юридическое закрепление государственной монополии на добычу и сделки с драгоценными металлами и природными драгоценными камнями [3, с. 48]. Следует отметить, что с момента возникновения Советского государства правительством постоянно принимались нормативные акты, в той или иной мере регулирующие правовое положение драгоценных металлов и (или) камней и изменения уголовной политики в данной области. В период перестройки в связи с либерализацией политического и экономического курсов развития страны государство постепенно стало отказываться от абсолютной монополии в области оборота драгоценных металлов и природных драгоценных камней [4, с. 24].

Учитывая мнения многих исследователей по данной теме, можно выделить три периода развития политики в отношении драгоценных металлов и (или) камней.

Первый период – домонопольный (соответствует времени нахождения белорусских земель в составе Российской империи вплоть до 1917 г.). Характеризуется полным отсутствием контроля со стороны

государства отношений, связанных с драгоценными металлами и (или) камнями. В этот период не существовало правовых норм, указывающих на преступность действий с данными предметами правоотношений.

Второй период – монопольный (охватывает время существования СССР и завершается в начале 1990-х гг.). Характеризуется монопольным положением на любые валютные отношения. Исключительное право на любые операции, связанные с драгоценными металлами и (или) камнями, принадлежало Советскому государству. Уголовное законодательство в этот период было направлено на полный контроль государством данных отношений. В связи с этим были установлены жесткие санкции за нарушение операций, связанных с ними.

Третий период (начинается с 1991 г. и продолжается по настоящее время) – послемонопольный. Характеризуется прекращением монополистической деятельности государства на отношения, связанные с драгоценными металлами и (или) камнями, и передаче их в частные руки, однако сохранены и развиваются некоторые меры государственного контроля и надзора операции. На данный момент этот период еще не завершен и остается множество неразрешенных вопросов [5, с. 24–25].

Основным нормативным актом, регламентирующим порядок обращения драгоценных металлов и (или) камней, является Закон Республики Беларусь от 21 июня 2002 г. № 110-3 «О драгоценных металлах и драгоценных камнях». Законом регулируются все правоотношения по поводу указанных предметов, кроме порядка совершения сделок, заключаемых между физическими лицами с продукцией (изделиями) из драгоценных металлов и (или) камней, если такие сделки не связаны в соответствии с законодательством Республики Беларусь с предпринимательской деятельностью. Также следует учитывать такие нормативные правовые акты, как постановление Совета Министров Республики Беларусь от 6 июня 2014 г. № 548 «Об утверждении Положения о государственном пробирном надзоре в Республике Беларусь и признании утратившими силу постановлений Совета Министров Республики Беларусь», постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 15 марта 2004 г. № 34 «Об утверждении Инструкции о порядке использования, учета и хранения драгоценных металлов и драгоценных камней» и др.

Анализ работы подразделений БЭП ОВД Республики Беларусь свидетельствует о сложной криминогенной ситуации в сфере обращения драгоценных металлов и (или) камней. Учитывая то, что ювелирные изделия имеют малый вес и объем, а их незаконная реализация приносит высокий доход, указанная сфера деятельности является притягательной для отдельных физических лиц.

Продолжают сохраняться негативные тенденции, связанные с функционированием каналов нелегального ввоза драгоценных металлов и (или) камней из стран Западной Европы (в основном Польши) и России, ростом выявляемых преступлений.

Вместе с тем, как показывает анализ результатов работы, подразделения БЭП ОВД в регионах в основном «бьют по верхам», ограничиваясь задержаниями лиц при сбыте ими единичных изделий, что не требует проведения всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий.

На сегодня в Республике Беларусь наиболее распространенным способом совершения преступления, предусмотренного ст. 223 Уголовного кодекса, является покупка ювелирных изделий польского или турецкого производства на территории соответствующих государств, их последующий незаконный ввоз в Республику Беларусь без уплаты существующих пошлин и дальнейшая перепродажа через распространителей ниже стоимости ювелирных изделий, реализуемых в торговых сетях.

На первоначальном этапе работы в ходе повседневной деятельности преступлений данной категории необходимо проведение мероприятий, направленных на получение информации о фактах и конкретных лицах, занимающихся указанной противоправной деятельностью.

Информация анализируется и проверяется оперативным сотрудником. При проверке оперативной информации следует получить сведения из криминалистических, оперативно-розыскных, справочных учетов (узнать данные о личности гражданина, привлекался ли к административной или уголовной ответственности, в том числе и за аналогичные преступления, имеется ли автомобиль и др.).

В ходе проверочной закупки осуществляется приобретение ювелирных изделий в целях проведения их исследования в Государственном комитете судебных экспертиз либо Государственной инспекции пробирного надзора Министерства финансов Республики Беларусь на предмет установления того, что изделия изготовлены из драгоценного металла и на них отсутствуют оттиски клейм Республики Беларусь или бывшего СССР. Приобретенные изделия упаковываются в установленном порядке, после чего выносятся постановление о назначении экспертизы.

Специалисты должны ответить на следующие вопросы: из какого металла изготовлены представленные к экспертизе ювелирные изделия, какова их проба; каков вес представленных для исследования изделий; имеются ли на представленных к экспертизе ювелирных изделиях государственные пробирные клейма Республики Беларусь или пробирные клейма государственной инспекции пробирного надзора СССР?

В случае установления экспертами факта отсутствия либо подделки пробирных клейм на изделиях материалы передаются в следственные

подразделения для решения вопроса о возбуждении в отношении лица уголовного дела.

Однако такой подход не позволяет установить длительный характер преступного промысла, а также всех соучастников преступления и каналы поставки ювелирных изделий.

В целях полного установления преступной деятельности необходимо проводить оперативный эксперимент. В рамках данного оперативно-розыскного мероприятия на законных основаниях возможно искусственно создать обстановку заинтересованности лица, участвующего в ее проведении, приобретении значительного количества украшений или в единовременном обозрении большего количества ценностей с целью выбора чего-то особенного. В этом случае правонарушитель, стремясь получить максимальную выгоду от сделки, сам извлечет ценности, если таковые имеются, из тайника или доставит к месту сделки новую партию изделий (деталей), что позволит не прибегать к длительным и, возможно, безуспешным поисковым мероприятиям.

Осуществление оперативного эксперимента не может считаться провокацией, т. е. своеобразным подталкиванием лица к совершению сделки с драгоценными металлами и (или) камнями, так как в ходе проведения оперативного эксперимента создаются условия, при которых лицо, в отношении которого проводится оперативно-розыскное мероприятие, оказывается перед добровольным выбором: совершить сделку либо отказаться от ее совершения. Фактически лицо, участвующее в оперативно-розыском мероприятии, задаст лицу, сбывающему изделия, один вопрос – желает ли он продать или купить ювелирные изделия, другие ценности с содержанием драгоценных металлов? В случае положительного ответа далее следуют лишь уточнения обстоятельств сделки (цена, количество, срок и т. д.). Доказательством добровольности намерений лица впоследствии выступают материалы слухового контроля, наличие черновых записей, свидетельствующих о его предшествующей деятельности, изъятие большого количества ценностей, бирок, весов и других сопутствующих материалов. При отрицательном ответе на вышеуказанный вопрос оперативный эксперимент подлежит прекращению, а лицо остается в неведении относительно проводившихся в отношении его мероприятий, что не ущемляет его конституционные права и не оскорбляет человеческое достоинство.

Полученные при проведении оперативного эксперимента сведения могут быть также закреплены в протоколах опросов лиц, участвовавших в проведении оперативно-розыскного мероприятия.

Полученные вышеуказанным способом данные достаточны для возбуждения уголовного дела по ст. 223 Уголовного кодекса Республики Беларусь и в установленном законом порядке передаются в следственные подразделения.

На первоначальном этапе расследования уголовного дела одним из важнейших следственных действий является обыск по месту жительства и (или) работы правонарушителя, проводимый, как правило, сотрудниками подразделений БЭП по поручению следователя. В ходе обыска подлежат установлению черновые записи, отражающие сделки с ценностями или заказы на их доставку, которые будут вещественными доказательствами по делу. Кроме того, информация, содержащаяся в данных записях, может быть использована при выявлении дополнительных фактов преступной деятельности. Также в ходе обыска могут быть обнаружены укачочные материалы для украшений – пакеты, бирки, реактивы и т. д.

Учитывая то, что санкция статьи предусматривает как дополнительное наказание конфискацию имущества, другим, не менее важным следственным действием, является наложение ареста на имущество правонарушителя, в том числе на хранящиеся для продажи ценности.

В целях установления дополнительных фактов преступной деятельности оперативный сотрудник передает следователю легализованные материалы оперативно-розыскной деятельности, в которых содержатся сведения о лицах, ранее приобретавших ювелирные изделия у подозреваемого. После изучения материалов следователь самостоятельно (либо поручает оперативному сотруднику) проводит допросы лиц по фактам приобретения ими изделий, а также их выемки (не является нарушением процессуального законодательства изъятие ювелирных изделий протоколом осмотра места происшествия).

Таким образом, соблюдение данных организационных аспектов позволит оперативному сотруднику наиболее эффективно перекрывать каналы нелегального ввоза на территорию республики ювелирных изделий из драгоценных металлов и (или) камней и изобличать лиц, совершающих противоправные действия с данными предметами правоотношений.

1. Комисаров, В.В. Международные валютные и кредитные отношения / В.В. Комисаров. – М., 1965. – 305 с.
2. Фрей, Л.И. Валютные и финансовые расчеты капиталистических стран / Л.И. Фрей. – М., 1969. – 304 с.
3. Серебряков, И.П. Актуальные проблемы гражданского права / И.П. Серебряков. – М., 1999. – 396 с.
4. Осипов, С.К. Государственно-правовые основы валютного регулирования и валютного контроля в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.37.01 / С.К. Осипов. – М., 2000. – 24 с.

5. Рыбалкин, С.В. Некоторые вопросы применения законодательства в сфере регулирования оборота природных алмазов / С.В. Рыбалкин // Юрид. мир. – 2010. – № 5. – С. 24–25.

УДК 343.13

В.А. Ильчук, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – *С.В. Шаруно*

О ВНЕДРЕНИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Зарубежный опыт именно негласной деятельности полиции зарубежных стран очень важен. Изучать положительный опыт иностранных государств необходимо, особенно сейчас, в эпоху глобализации, когда идут процессы всемирной экономической, политической, культурной интеграции. Кроме того, преступность приобретает международный характер, особенно это касается преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Одним из наиболее негативных явлений является рост транснациональной преступности. Так, по данным управления ООН по наркотикам и преступности, незаконный оборот наркотиков по-прежнему наиболее прибыльное направление преступного бизнеса. На кокаине, вывозимом из Андского региона в страны Северной Америки и Европы, преступники зарабатывают 72 млрд долл. США в год. Ежегодные доходы от героина, ввозимого в Европу из Афганистана, достигают 33 млрд долл. США. В целом же данный вид преступлений приносит прибыль, объем которой ежегодно составляет около 500 млрд долл. США. С учетом этого особое значение приобрело объединение усилий различных государств в поиске наиболее оптимальных, научно обоснованных способов противодействия преступности и осуществление на этой основе обмена положительным опытом.

Необходимость исследования зарубежного опыта ставит вопрос о выборе государства, правовая система которого могла бы послужить объектом исследования. Очевидно, что нам в Республике Беларусь надо следить в первую очередь за положительным опытом Российской Федерации, однако на этом не стоит останавливаться. Мы рассмотрим, каким образом в ФРГ проводится негласное расследование, т. е. осуществляется оперативно-розыскная деятельность. Учитывая, что ФРГ является одной из ведущих стран мира, кроме того правовая система Германии относится к той же правовой семье, что и правовая система Республики

Беларусь. Немаловажным является тот факт, что ФРГ является одной из самых крупных по численности населения стран мира, представляя собой одну из лидирующих по величине внутреннего валового продукта в мире и самую крупную в Европе [1, с. 4].

Борьбе с таким социальным явлением, как преступность в Германии, традиционно уделяют большое внимание. В контексте обеспечения общественной безопасности в качестве одной из эффективных мер немецкие правоведы рассматривают «расследование». Цель расследования – раскрытие преступления, т. е. отнесение определенного противоправного деяния определенному лицу.

Полиция в Германии осуществляет как гласное, так и негласное расследование. Негласное расследование осуществляют органы и служащие криминальной полиции федерального уровня и уровня федеральных земель, а также федеральной полиции и ряда иных ведомств, выполняющих полицейские функции. Уголовное преследование в ФРГ осуществляет прокуратура. Учитывая то, что прокуратура не располагает собственными исполнительными органами, она чаще всего возлагает уголовное преследование на полицию. Прокуратура Германии имеет право давать обязательные просьбы и поручения, а также контролирует законность действий служащих полиции, кроме того прокуратура поддерживает государственное обвинение в суде. Вместе с тем на прокуратуру возложен контроль за правомерностью деятельности полиции, участвующей в расследовании. Прокуратура также несет ответственность за правильность получения и достоверность доказательств. Прокуратура имеет право участвовать в следственных действиях, а по тяжким преступлениям обязана проводить их лично. Однако данные полномочия прокуратуры ограничены рамками уголовного преследования и не распространяются на превентивную деятельность, в частности на мероприятия, направленные на предотвращение преступлений.

В полиции к категории лиц, осуществляющих предварительное расследование для прокуратуры, относятся служащие полиции от полицейского специалиста (Polizeimeister) (в криминальной полиции – криминального специалиста (Kriminalmeister)) до первого полицейского главного комиссара (Erste Kriminalhauptkommissar). Более высокие должностные лица чаще всего не причисляются к рассматриваемой категории, поскольку они лично мероприятия не проводят, а лишь делегируют указанные полномочия своим подчиненным.

Исследователи указывают на своеобразную двойную подчиненность органов полиции Германии. С одной стороны, как лицо, осуществляющее предварительное расследование для прокуратуры, соответствующее

щий служащий должен выполнять поручения прокуратуры, с другой – он подчиняется руководству органа полиции. Прокуратура и руководство органа полиции в ряде случаев могут иметь различные приоритеты в своей деятельности. Если для прокуратуры важным является осуществление наиболее полного расследования уголовного дела, то для руководства полиции немаловажное значение имеет получение более ранних результатов расследования. В ряде случаев данное противоречие может приводить к возникновению конфликтных ситуаций, что не может способствовать достижению общей цели – эффективной борьбы с преступностью [1, с. 25–26].

Негласное расследование охватывает различные тайные мероприятия репрессивного и превентивного характера, направленные на получение информации в целях изобличения лица, совершившего преступление, или предотвращения опасности.

В данном случае интересен тот факт, что такое негласное расследование регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Германии [2, с. 123–126]. Отличительной чертой в законодательстве Германии по вопросам расследования преступлений являются его исключительная рациональность, стремление к экономии сил и средств, отсутствие дублирования и параллелизма. В ходе предварительного расследования должностные лица, которые уполномочены проводить расследование, меньше всего занимаются составлением процессуальных документов, протоколы допроса свидетелей представляют собой простые заметки. По цели проведения исследователи разделяют мероприятия на несколько групп, среди которых: мероприятия, обеспечивающие получение и фиксацию доказательств; мероприятия, направленные на конфискацию имущества; мероприятия по задержанию преступника [1, с. 37].

В Республике Беларусь Указом Президента от 12 сентября 2011 г. № 409 «Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь» создан Следственный комитет по примеру аналогичного органа в Российской Федерации. Изначально в качестве одной из причин создания комитета называлась необходимость повышения качества предварительного расследования. На практике это вылилось в ужесточении к требованиям, предъявляемым к материалам доследственной проверки, и особенно к возбужденным органами дознания в порядке ст. 186 УПК уголовным делам. Закономерным результатом стала массовая практика возврата материалов в милицию для проведения дополнительной проверки. Фактически следственный аппарат желает получать идеальные материалы проверки, без внутренних противоречий и неясностей. Попытки обжаловать решения следственных подразделений о возврате

материалов для проведения дополнительной проверки, как правило, ни к чему не приводят, часто в Следственном комитете и прокуратуре трудятся вчерашние коллеги.

Можно предположить, что возрастание требований к качеству материалов доследственной проверки и их возврат подталкивают оперативные службы к поиску оснований для решения об отказе в возбуждении уголовных дел или о переводе деяний, содержащих признаки преступления, в разряд административных правонарушений. Возможно, в этом и кроется резкий спад преступности. В данной ситуации статистика выявленных преступлений по числу возбужденных уголовных дел не может давать объективную картину о реальной ситуации с общественной безопасностью.

Исходя из вышесказанного, возникает вопрос: почему в Республике Беларусь сотрудник органов внутренних дел не может совместить полномочия оперуполномоченного и следователя, как это сделано в Германии? Данный подход можно считать более разумным по следующим причинам:

следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия по своему содержанию сходны и, по сути, дублируют друг друга;

оперуполномоченный, который первым работает по делу, в рамках материалов проверки до возбуждения уголовного дела лучше ориентируется по этому делу и разбирается в людях, которые по данному делу проходят, в связи с чем возникает вопрос: какой смысл передавать это дело другому человеку, в данном случае следователю?

контроль за правильностью и законностью проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий достаточно возложить на органы прокуратуры, как это сделано в Германии;

в ведомственных учреждениях образования правоохранительного профиля будущих сотрудников оперативных подразделений обучают на должном уровне различным дисциплинам, в том числе и уголовному процессу, в связи с чем оперативный сотрудник способен сам составлять необходимые процессуальные документы, например, вынести постановление о возбуждении уголовного дела или передаче уголовного дела прокурору для направления в суд.

Таким образом, есть смысл плавно реформировать структуру правоохранительных органов. В качестве эксперимента в отдельно взятом районе Республики Беларусь можно упразднить подразделение Следственного комитета, а его сотрудников частично направить в органы прокуратуры, остальных переподготовить и направить для прохождения службы на должности или оперуполномоченных, или участковых инспекторов. Можно также провести более плавные реформы, не меняя структуру

правоохранительных органов, изменить функциональные обязанности таким образом, чтобы оперуполномоченный и следователь вместе работали по материалам и уголовным делам с самого начала, находясь в одном кабинете. Кроме того, следует внести изменения в УПК Республики Беларусь, дав возможность осуществления уголовного преследования оперуполномоченному (по сложным делам, где необходимо проведение оперативно-розыскных мероприятий) или участковому инспектору милиции (по очевидным преступлениям, где нет необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий). Во-первых, это значительно сократит расходы бюджета на борьбу с преступностью, а освободившиеся средства можно использовать на увеличение заработных плат сотрудников и материально-техническое обеспечение правоохранительных органов. Кроме того, за счет освободившихся кадров в связи с сокращением Следственного комитета можно увеличить штатную численность сотрудников милиции и практически полностью сократить имеющийся некомплект сотрудников, что значительно увеличит эффективность работы милиции и, соответственно, борьбы с преступностью.

1. Харевич, Д.Л. Негласное расследование в Германии : монография / Д.Л. Харевич ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2010. – 287 с.

2. Харевич, Д.Л. Скрытое расследование в Германии: история и современность / Д.Л. Харевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2006. – № 2. – С. 123–126.

УДК 343.985.7

П.А. Каница, выпускник магистратуры

Навуковы кіраўнік – доктар юрыдычных навук,
дацэнт *А.Я. Гучок*

СТРУКТУРА ТЭОРЫ АРГАНІЗАЦЫІ РАССЛЕДАВАННЯ ЗЛАЧЫНСТВАЎ

У навуковай літаратуры некаторыя аўтары, якія даследавалі сутнасць арганізацыі расследавання злачынстваў, а таксама прапаноўвалі вылучаць вучэнне аб ёй у асобны раздзел крыміналістыкі, рабілі спробы сістэматызаваць гэтае вучэнне.

Так, І.П. Мажаевай прапанавана вылучэнне дзвюх частак: агульныя і прыватныя палажэнні. У першай павінны змяшчацца:

гістарычныя аспекты фарміравання крыміналістычнага вучэння аб арганізацыі расследавання злачынстваў;

паняцце, аб'ект, прадмет крыміналістычнага вучэння аб арганізацыі расследавання злачынстваў;

структура крыміналістычнага вучэння аб арганізацыі расследавання злачынстваў;

месца вучэння аб арганізацыі расследавання злачынстваў у сістэме навукі крыміналістыкі;

прынцыпы крыміналістычнага вучэння аб арганізацыі расследавання злачынстваў;

мэты і задачы крыміналістычнага вучэння аб арганізацыі расследавання злачынстваў;

функцыі крыміналістычнага вучэння аб арганізацыі расследавання злачынстваў;

метады крыміналістычнага вучэння аб арганізацыі расследавання злачынстваў;

агульныя пытанні навуковай арганізацыі дзейнасці следчага.

Другая частка, на думку аўтара, павінна ўключаць палажэнні, якія адносяцца да канкрэтных умоў, сродкаў, прыёмаў і метадаў арганізацыйнай дзейнасці, а таксама рэкамендацыі па выкарыстанні арганізацыйна-тэхнічных, арганізацыйна-тактычных, арганізацыйна-метадычных і іншых прыёмаў, метадаў і сродкаў, якія забяспечваюць эфектыўнае і аптымальнае выяўленне, расследаванне і папярэджанне злачынстваў:

інфармацыйныя асновы расследавання;

крыміналістычнае прагназаванне;

крыміналістычныя рашэнні;

планаванне расследавання;

арганізацыя крыміналістычных аперацый і арганізацыя крыміналістычных камбінацый;

арганізацыя ўзаемадзеяння пры выяўленні, расследаванні і папярэджанні злачынстваў;

арганізацыя ўдзелу насельніцтва ў выяўленні, расследаванні і папярэджанні злачынстваў;

арганізацыя вышуковай дзейнасці следчага;

арганізацыя пераадолення супрацьдзеяння расследаванню;

крыміналістычная прафілактыка [1, с. 69].

А.Г. Філіпаў, вылучыўшы навуковыя палажэнні аб арганізацыі расследавання ў асобны раздзел крыміналістыкі, уключыў у яго:

планаванне расследавання і распрацоўку версій;

палажэнні аб вышуковай працы следчага;

палажэнні аб выкарыстанні дапамогі грамадскасці ў расследаванні злачынстваў;

палажэнні аб дзейнасці следчых па праверцы заяў і паведамленняў аб злачынствах да ўзбуджэння крымінальных спраў;

рэкамендацыі аб арганізацыі ўзаемадзеяння следчага з іншымі ўдзельнікамі раскрыцця і расследавання злачынстваў [2, с. 118].

У падручніку па крыміналістыцы, падрыхтаваным А.Г. Філіпавым у сааўтарстве з У.В. Агафонавым, у раздзел аб арганізацыі расследавання злачынстваў уключаны таксама палажэнні аб крыміналістычнай рэгістрацыі (выкарыстанні следчым крыміналістычных улікаў) [3].

У.Д. Зяленскі ў крыміналістычным вучэнні аб арганізацыі расследавання злачынстваў вылучыў наступныя складальныя часткі:

паняцце, змест і роля арганізацыі расследавання злачынстваў;

узроўні арганізацыі расследавання;

прынцыпы арганізацыі расследавання;

арганізацыйна-падрыхтоўчыя дзеянні ў расследаванні;

структура расследавання як прадмет арганізацыі;

крыміналістычная складанасць расследавання;

этавызначэнне і планаванне расследавання;

кіраўніцтва расследаваннем;

арганізацыйныя функцыі суб'ектаў расследавання;

стварэнне ўмоў для якаснага выканання следчых і іншых дзеянняў;

арганізацыя следчых дзеянняў;

арганізацыя тактычных аперацый;

узаемадзеянне і каардынацыя ў расследаванні;

арганізацыйна-кіраўніцкія рашэнні ў расследаванні;

арганізацыя выкарыстання спецыяльных ведаў у расследаванні;

арганізацыя першапачатковага этапа расследавання;

арганізацыя выяўлення падазраванага і выкрыцця абвінавачванага;

арганізацыя расследавання ў крыміналістычна складаных сітуацыях;

арганізацыя заканчэння расследавання;

арганізацыя расследавання ў органе і адміністрацыйным раёне (рэгіёне);

арганізацыя сістэмы расследавання злачынстваў у краіне [4, с. 94–95].

Такім чынам, рознымі аўтарамі, нягледзячы на пэўныя агульныя рысы, прапануецца розны змест тэорыі арганізацыі расследавання злачынстваў. Справядлівым з'яўляецца сцвярджэнне А.Г. Філіпава, які адзначыў, што сістэма вучэння аб арганізацыі расследавання злачынстваў у цяперашні час недасканала распрацавана і не завершана [5, с. 341].

У Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь кафедрай папярэдняга расследавання следча-экспертнага факультэта ў дзённай форме выкладаецца шэраг дысцыплін, звязаных з арганізацыяй расследавання:

арганізацыя расследавання асобных відаў злачынстваў;

арганізацыя расследаванняў злачынстваў у сферы эканомікі;

арганізацыя расследавання дарожна-транспартных здарэнняў;

арганізацыя расследавання злачынстваў у сферы высокіх тэхналогій;

арганізацыя расследавання злачынстваў супраць асобы;

дасудовае справаводства па матэрыялах і крымінальных справах у органах унутраных спраў (на факультэце міліцыі) [6].

Разгледзім структуру вучэбнай дысцыпліны па арганізацыі расследавання на прыкладзе вучэбнай дысцыпліны «Арганізацыя расследавання злачынстваў асобных відаў». Матэрыял дысцыпліны дзеліцца на агульную і асаблівую часткі.

Агульная частка ўключае наступныя тэмы:

1) Асновы арганізацыі расследавання асобных відаў злачынстваў.

У межах гэтай тэмы вывучаюцца:

расследаванне як функцыя сістэмы органаў крымінальнага пераследу;

паняцце і ўзроўні арганізацыі расследавання злачынстваў, яе прадмет як вучэбнай дысцыпліны;

асаблівасці арганізацыі расследавання ў падраздзяленнях Следчага камітэта (раён, горад, вобласць, рэспубліка);

дзейнасць следчага (асобы, якая выконвае дазnanне) па выкананні патрабаванняў Закона Рэспублікі Беларусь «Аб адзінай дзяржаўнай сістэме рэгістрацыі і ўліку правапарушэнняў» (вядзенне Адзінага дзяржаўнага банка дадзеных аб правапарушэннях);

працэсуальны кантроль у падраздзяленнях Следчага камітэта пры расследаванні асобных відаў злачынстваў; яго формы і метады.

2) Арганізацыя працы следчага на розных этапах справаводства па матэрыялах і крымінальных справах. Да гэтай тэмы адносяцца:

арганізацыя працы следчага пры прыняцці рашэнняў па заявах і паведамленнях аб злачынствах;

планаванне працы следчага;

арганізацыя працы следчага пры прыцягненні асобы ў якасці абвінавачванага;

арганізацыя працы следчага на завяршальным этапе расследавання.

3) Выкарыстанне метадаў крымінальнага аналізу ў расследаванні злачынстваў. У межах гэтай тэмы разглядаюцца:

паняцце, задачы і прынцыпы крымінальнага аналізу;

дыяграма сувязяў, этапы яе пабудавання;

аналіз тэлефонных злучэнняў як элемент крымінальнага аналізу;

схема злачыннай дзейнасці, аналіз храналогіі падзей, храналагічныя схемы злачынстваў.

Асаблівая частка вучэбнай дысцыпліны ўключае навуковыя распрацоўкі і практычныя парады па арганізацыі расследавання злачынстваў

асобных відаў: ухілення бацькоў ад утрыманьня дзяцей; ухілення ад прэвентыўнага нагляду; ухілення ад мерапрыемстваў закліку на вайсковую службу; крадзяжоў; незаконнага палявання, здабычы рыбы або іншых водных жывёл; злачынстваў, звязаных з парушэньнем правілаў вытворчых тэхнічнай дысцыпліны, правілаў бяспекі або правілаў аховы працы; неналежнага выканання прафесійных абавязкаў медыцынскім работнікам; незаконнага абароту наркатыхчых сродкаў, псіхатропных рэчываў, іх прэкурсораў і аналагаў; хуліганства. Пры гэтым у кожнай тэме ёсць агульны «каркас», гэта значыць арганізацыя расследавання злачынстваў выкладаецца ў адпаведнасці з пэўнай структурай. Так, у большасці тэм сустракаюцца:

крымінальна-прававая і крыміналістычная характарыстыка злачынстваў канкрэтных відаў;

нарматыўнае рэгуляванне расследавання злачынстваў пэўнага віду;

асабліваасці правядзення праверак па заявах і паведамленнях;

нагоды і падставы для ўзбуджэння крымінальнай справы;

алгарытмы следчых і іншых працэсуальных дзеянняў па вызначэнні абставінаў, якія падлягаюць даказанню;

асабліваасці фармулявання абвінавачвання па крымінальных справах аб злачынствах [7].

Пры пабудаванні структуры тэорыі арганізацыі злачынстваў, на нашу думку, павінен улічвацца досвед крыміналістыкі і іншых юрыдычных навук, а таксама веды аб узроўнях арганізацыі злачынстваў. Таму арганізацыя расследавання злачынстваў як галіна ведаў павінна складацца, як і ўзгаданая вучэбная дысцыпліна, павінна складацца з агульнай і асаблівай частак.

У агульную частку варта ўключыць:

1. Агульнатэарэтычныя палажэнні вучэння аб арганізацыі расследавання злачынстваў (сістэма ведаў аб паняцці, сутнасці арганізацыі расследавання злачынстваў як раздзела крыміналістыкі і практычнай дзейнасці, прадмет, аб'ект, метады тэорыі арганізацыі расследавання, сувязь з іншымі раздзелаў крыміналістыкі і іншымі навукамі);

2. Сістэму ведаў па арганізацыі расследавання злачынстваў на агульнадзяржаўным узроўні (прыняцце нарматыўных прававых актаў, стварэнне і ўдасканаленне праваахоўных органаў);

3. Вучэнне аб арганізацыі расследавання злачынстваў на ўзроўні следчага падраздзялення (аптымізацыя структуры следчых падраздзяленняў, даручэнне расследавання следчым групам, арганізацыя дзейнасці следча-аператыўных груп, падбор і падрыхтоўка кадраў, працэсуальны кантроль і інш.);

4. Сістэму ведаў аб дзеяннях асобнага следчага па арганізацыі расследавання (вучэнне аб асобных напрамках арганізацыі):

4.1. Сістэму ведаў аб версіях і планаванні расследавання;

4.2. Сістэму ведаў аб удзеле следчага ў праверках па заявах і паведамленнях аб злачынствах і арганізацыі іх следчым (у тым ліку, і аб узаемадзеяннях з органамі даследавання на гэтым этапе);

4.3. Сістэму ведаў аб вышуковай працы следчага (арганізацыя вышуку абвінавачванага, прадметаў злачыннага замаху і іншых прадметаў і дакументаў, якія маюць значэнне для прыняцця рашэння па справе, асобы, якая знікла без звестак);

4.4. Сістэму ведаў аб узаемадзеянні следчага падчас расследавання з органамі даследавання, іншымі дзяржаўнымі органамі і грамадскасцю;

4.5. Веды аб арганізацыі крыміналістычных улікаў.

У асаблівую частку тэорыі арганізацыі расследавання неабходна змясціць палажэнні агульнай часткі, адаптаваныя да расследавання злачынстваў канкрэтных відаў.

Многія з пералічаных складальных частак тэорыі арганізацыі расследавання даволі грунтоўна даследаваны (напрыклад, версіі і планаваанне расследавання). Аднак кожны з вылучаных раздзелаў патрабуе далейшай навуковай распрацоўкі і можа вывучацца ў межах самастойнага даследавання.

Схематычна структура тэорыі арганізацыі расследавання змешчана ў дадатку да гэтай дысертацыі. Адзначым, што прапанаваная схема ў незавершаным выглядзе. Яе можна дапоўніць і іншымі падраздзелаў.

Такім чынам, рознымі даследчыкамі прапанована розная структура крыміналістычнага вучэння аб арганізацыі расследавання злачынстваў. Класіфікацыя ведаў аб арганізацыі расследавання павінна быць заснавана на даследаваннях іншых раздзелаў крыміналістыкі, ведах аб узроўнях арганізацыі расследавання. Тэорыю арганізацыі расследавання злачынстваў можна падзяліць на агульную і асаблівую часткі. У агульнай частцы павінны змяшчацца даследаванні па асобных напрамках арганізацыі расследавання, у асаблівай – палажэнні агульнай часткі прымяняльна да расследавання злачынстваў асобных відаў.

1. Можаява, И.П. Концепция криминалистического учения об организации расследования преступлений : монография / И.П. Можаява. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 246 с.

2. Филиппов, А.Г. Криминалистика : учеб. пособие / А.Г. Филиппов. – М. : Новый Юрист, 1998. – 224 с.

3. Агафонов, В.В. Криминалистика : курс лекций / В.В. Агафонов, А.Г. Филиппов. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2010. – 178 с.

4. Зеленский, В.Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений : монография / В.Д. Зеленский. – Краснодар : КубГАУ, 2011. – 156 с.

5. Филиппов, А.Г. Криминалистика : учебник / А.Г. Филиппов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Спарк, 2000. – 687 с.

6. О некоторых мерах по выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений и правонарушений : приказ Председателя Следств. ком. Респ. Беларусь, 24 февр. 2015 г., № 33.

7. Организация расследования отдельных видов преступлений : учебн. программа / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; сост.: Ю.В. Варавко [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2015. – 50 с.

УДК 343.5

Н.С. Касперович, выпускница факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
А.В. Григорьев

ПОЛИГРАФ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (на примере Республики Беларусь и Российской Федерации)

Реформирование системы органов внутренних дел (далее – ОВД) – процесс постоянный. Он тесно связан с происходящими в стране политическими и экономическими изменениями. На том или ином этапе развития общества меняются и функции, возлагаемые на правоохранитель. За последние годы в структуре милицейского ведомства произошли значительные организационно-штатные изменения. Например, на базе отдельных структурных подразделений МВД созданы новые органы государственного управления – Следственный комитет и Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь.

Подходы к работе правоохранительных органов совершенствуются с учетом изменений характера преступлений. В целом за последнее десятилетие в Республике Беларусь стало меньше организованной преступности, в 2,5 раза сократилось количество зарегистрированных преступлений по линии уголовного розыска, возросла эффективность выявления преступлений против экономических интересов государства.

Современному сотруднику органов внутренних дел приходится трудиться в очень непростых условиях, однако он должен быть готов осознанно и качественно выполнять служебные задачи с учетом всех рисков и угроз нашего времени.

По данным 2017 г., ОВД доверяют более 65 % опрошенных. Респонденты считают, что стражи порядка стали эффективнее противодейство-

вать коррупции, пьянству и самогоноварению, надежнее обеспечивать безопасность дорожного движения и более результативно осуществлять профилактику правонарушений среди несовершеннолетних. Повысилась оценка населения и по критериям оперативности реагирования нарядов милиции на обращения граждан, а также качества их рассмотрения. Большинство участников опроса отметили, что безопасно чувствуют себя как дома, так и в общественных местах.

Примечательно, что 68 % опрошенных в 2017 г. заявили о готовности оказывать милиции посильную помощь в борьбе с преступностью.

В связи с происходящими в настоящее время негативными изменениями в имеющемся потенциале трудовых ресурсов для правоохранительных органов (неблагоприятная наркологическая ситуация в стране, возможность проникновения лиц, причастных к наркокоррупции, криминальным кругам) проблема активного внедрения современных технологий в профессиональный психологический отбор значительно актуализировалась.

В последнее время в России в силовых структурах при проверке кадров все шире находит свое применение психофизиологический метод выявления скрытой информации с использованием полиграфа. Эти психофизиологические исследования используются при реализации специальных целей и предназначены для получения дополнительной (скрываемой) информации, имеющей значение для общей оценки кандидата по следующим направлениям:

выявление отрицательных мотивов поступления на службу;

выявление расстройств поведения, связанных с употреблением психоактивных веществ (алкоголь, наркотические вещества, отдельные лекарственные средства и др.);

уточнение анкетных данных (наличие второго гражданства, использование фальшивых документов и т. д.);

выявление возможных контактов с криминальными элементами или разведывательными службами зарубежных стран;

выявление наличия вредных наклонностей и некоторых особенностей поведения (склонность к садизму и т. д.);

установление фактов совершения в прошлом антисоциальных поступков и различных преступлений (привлечение к административной или уголовной ответственности);

наличие выраженного установочного поведения (получение недостоверных результатов психодиагностического обследования).

Первые попытки «распознавания лжи» инструментальными методами восходят к 1875 г., когда ученик Ломброзо итальянский физиолог Мос-

со демонстрировал опыты по «обнаружению лжи» с помощью прибора, записывающего колебания давления крови и частоты пульса. Такой же аппарат применял и сам Ломброзо, участвуя в работе итальянской сыскальной полиции. В пользу применения прибора выступали в 1908 г. психиатр Мюнстерберг (США) и в 1914 г. Ф. Бенусси (Германия). Активная разработка и применение «разоблачителей лжи» в США с начала 20-х гг. связана с именами полицейского врача Ларсона, священника Суммера, В.М. Марстона и их последователей – Л. Киллера, Дж.Э. Рейда, Фр.Э. Инбау и др. Широкое применение полиграф получил во многих странах Северной и Латинской Америки, Европы и Азии.

В настоящее время имеет место тенденция увеличения практики применения опросов с использованием полиграфа в ведущих странах мира: США, Франции, Италии, Германии. Военная разведка, полиция, Министерство обороны, ФБР, ЦРУ применяют эту методику так же как и промышленные компании, банки, торговые фирмы. По данным Американской ассоциации операторов полиграфа, полиграф используют более 60 государств. Сегодня США являются мировым лидером в данной области и выполняют ежегодно не менее миллиона проверок на полиграфе, т. е. больше, чем все остальные страны мира.

За последние годы в России разработана система применения полиграфа применительно к оперативно-розыскной деятельности: создана нормативная база, разработаны квалификационные требования к специалистам, проводящим опросы, методика их подготовки, отработаны приемы проведения опроса и подготовлены рекомендации по его проведению. Вместе с тем использование полиграфа по-прежнему остается научной, нравственной и практической проблемой.

Серьезной проблемой использования полиграфа в правоприменительной практике является соблюдение методических принципов проведения исследования.

К основным принципам относятся: принцип добровольности (опрашиваемый должен выразить добровольное согласие на проведение опроса); наличие предварительной беседы (с целью подготовить опрашиваемого к процедуре опроса); ознакомление опрашиваемого с содержанием вопросов (чтобы исключить различное понимание смысла вопросов и их новизну); одновременная регистрация как минимум трех физиологических показателей: дыхания, сердечно-сосудистой деятельности и кожно-гальванической реакции; многократное (не менее трех раз) повторение задаваемых вопросов в целях исключения случайных реакций; правильная организация условий проведения исследования: отсутствие побочных раздражителей, лишних людей в помещении, шума и т. д.

Деятельность ряда специалистов-полиграфологов показывает, что часто ими при проведении исследования нарушаются основные правила использования полиграфа. Это приводит к резкому снижению результативности опроса и делает выводы недостоверными.

Еще совсем недавно люди могли узнать о тонкостях проведения проверки на полиграфе лишь из телепередач и кинофильмов. Сегодня же правоохранительные органы и многие организации, в том числе частные предприятия, могут позволить себе проверить человека на детекторе лжи, если он претендует на должность, либо уже состоит в ней.

Практически все руководители, которые проверяли своих сотрудников на полиграфе, утверждают, что такая проверка дает поразительные результаты, оказывая положительное влияние на сотрудников: работники становятся более дисциплинированными; у них появляется более внимательное и ответственное отношение к работе; сотрудники опасаются совершать какие-либо действия, которые могут нанести ущерб деятельности; существенно снижаются показатели финансовых потерь; в несколько раз повышается работоспособность сотрудников; увеличивается доход.

Положительным является факт, что проверка сотрудников посредством полиграфа требует минимальных финансовых затрат. Кроме того, такая процедура отнимает немного времени.

Проведя проверку персонала с помощью полиграфа, руководитель сможет располагать той информацией о своих сотрудниках, какую он не смог бы получить, используя любые другие методики проверки.

Действующим законодательством не предусмотрена обязанность проведения такого рода проверки сотрудников. Однако если такое требование является обязательным и прописано в соответствующих внутренних документах организации, пройти проверку на полиграфе сотрудник будет обязан, так как при приеме на работу он поставил подпись под своими должностными обязанностями, тем самым согласившись со всеми условиями труда, в том числе с возможностью применения к нему проверки с помощью полиграфа.

В любом случае сотрудник должен дать свое письменное согласие на применение к нему проверки на детекторе лжи. Таким образом, можно смело утверждать, что проведение проверки на полиграфе с точки зрения законности может носить рекомендательный характер. А принуждение к прохождению такой проверки со стороны руководителей недопустимо.

Как правило, отказы от прохождения проверки поступают от сотрудников редко. Если работник не совершил никаких противоправных

деяний, проверка на полиграфе на работе не должна вызвать у него никаких опасений.

Однако в практике встречались случаи отказа сотрудников от проверки на детекторе лжи. Такие ситуации должны навести руководителей на мысль о том, что отказавшемуся сотруднику есть чего бояться, и он обладает информацией, которую хочет скрыть; сотруднику безразлично, продолжит ли он свою деятельность в компании.

Иногда встречаются ситуации, когда сотрудник не может даже привести аргументы и объяснить, по каким причинам он испытывает страх перед проверкой.

Несколько сложнее дело будет обстоять, если руководитель попытается принудить сотрудника пройти проверку на полиграфе в связи со служебным расследованием. Скорее всего, сотрудник обратится в суд, где признают его правоту, соответственно, он выигрывает дело.

Примечательно, что сейчас МВД работает над новыми способами отбора кадров, уделяя внимание тем, кто сейчас учится в специальных учебных заведениях – кадетских училищах, лицее при МВД.

В настоящее время при приеме на службу в ОВД и на учебу в учреждения высшего образования МВД России действует обязательная схема профессионального отбора кандидатов, включающая социально-правовое изучение, военно-врачебную экспертизу и экспертизу профессиональной психологической пригодности. Считаем, что данная практика эффективна и для Республики Беларусь.

Полиграф – мощное оружие в руках опытного специалиста. Область его применения практически безгранична. По сути, это «измеритель» психологического стресса, он может успешно использоваться во всех случаях, когда пересекаются две задачи: получить информацию – скрыть эту информацию. Неважно, где и для решения каких задач необходимо получение информации, важно другое: чем выше уровень мотивации в сокрытии информации, тем сильнее выражены изменения в нервно-психической сфере обследуемого, тем четче фиксируемые изменения на полиграфе.

В последние годы в связи со сложившейся социально-психологической обстановкой в стране остро стоит вопрос качественного кадрового отбора в ОВД на службу, высшие и средние специальные образовательные учреждения МВД. Среди кандидатов на службу и в учебные заведения ОВД резко выросло количество лиц, потреблявших в прошлом наркотические и психотропные вещества. Достаточно остро в ОВД стоит вопрос о нарушении сотрудниками милиции законности несения службы и служебной дисциплины.

В заключение подчеркнем, что решение задач проверки с использованием полиграфа благонадежности кандидата на службу в ОВД и выявление возможных нарушений законности способствуют качественному кадровому отбору в целом, сокращению числа служебных нарушений среди личного состава, снижению текучести кадров.

1. Лурия, А.Р. Диагностика следов аффекта / А.Р. Лурия // Психология эмоций. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 398 с.
2. Белошнина, О.В. Полиграф как средство защиты / О.В. Белошнина, А.Н. Ладченко // Рос. адвокат. – 2005. – № 2. – С. 16–17.
3. Куликова, Е.Г. Проблемы использования полиграфа в современном уголовном процессе России / Е.Г. Куликова // Политика, государство и право. – 2016. – № 4. – С. 19–22.

УДК 343.5

Н.С. Касперович, выпускница факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.Л. Федчук*

СЛУЖБА ЖЕНЩИН В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И ДИСЦИПЛИНЫ

Вопросы обеспечения гендерного равенства и ликвидации любой формы дискриминации в отношении женщин начали активно обсуждаться еще в XX в., но и до настоящего времени они не утрачивают своей актуальности. Это обусловливается в первую очередь тем, что решение вышеизложенных вопросов является залогом построения действительно правового государства, а также реального обеспечения прав и законных интересов населения.

Республика Беларусь с советских времен в наследство получила сравнительно высокий уровень занятости и образования женщин, а также провозглашенное гендерное равенство. Но это вовсе не означает, что равенство с мужчинами де-юре закрепляет за женщинами равные возможности де-факто. Сегодня действенные меры по реальному обеспечению гендерного равенства принимаются на высоком уровне.

Проблема службы женщин в правоохранительных органах является актуальной, особенно в настоящее время, когда общая стратегия и приоритетные направления государственной политики в области улучшения положения женщин направлены на приведение законодательства

в соответствие с нормами международного права, создание условий и правовых норм, необходимых для осуществления на практике конституционного принципа равных прав и возможностей.

Актуальность данной темы на сегодня обусловлена прежде всего тем, что решение гендерных проблем является важным ресурсом для повышения комфорта граждан, социальной стабильности. Это способствует укреплению белорусской государственности, основ демократического устройства государства и общества, а также модернизации общества. Проблема гендерного равенства в трудовой сфере чрезвычайно интересна и важна, и одновременно трудно решается.

Можно утверждать, что на современном этапе развития международных отношений проблема обеспечения и защиты прав человека становится все более актуальной. Важно также учитывать, что процессы глобализации требуют унификации и адаптации национального законодательства по правам человека с международными стандартами. Республика Беларусь является участницей большинства специальных конвенций и универсальных соглашений по правам человека, защите прав женщин, активно принимает участие в международном правотворческом процессе в данной сфере.

Следует заметить, что приняв на себя договорные обязательства, Республика Беларусь должна следовать общепризнанному принципу международного права *pacta sunt servanda*, в соответствии с которым государство обязано предпринять все необходимые действия по осуществлению международного договора во внутригосударственных отношениях. Несомненно, ведущую роль в формировании нормативной базы государства колоссальное значение имеет имплементация международных правовых норм.

Республика Беларусь подписала и ратифицировала ряд базовых документов ООН, которые направлены на защиту интересов женщин и достижение гендерного равенства. Международные обязательства Беларуси подразумевают, что государство должно определить гендерное равенство одним из своих основных приоритетов и сформировать эффективную национальную гендерную политику [1, с. 186].

Государство должно обеспечивать формально-юридическое и фактическое гендерное равенство на международном уровне. Антидискриминационные обязательства, налагаемые на государство в рамках международного права, можно разделить на три большие группы. Государство обязано:

соблюдать право на свободу от дискриминации – это значит, что законы и порядки, сложившиеся в государстве, не должны носить дискриминационный характер;

защищать право на свободу от дискриминации – государство обязано осуществлять эффективное регулирование и контроль за соблюде-

нием законов, чтобы гарантировать людям защиту от дискриминации со стороны третьих лиц;

осуществлять право на свободу от дискриминации, что требует от государств принятия необходимых законодательных, административных, бюджетных, судебных и разъяснительных мер, которые смогут обеспечить полное осуществление права на свободу от дискриминации.

В соответствии с этими обязательствами перед государством встает задача разработки и принятия специального антидискриминационного закона, с помощью которого оно могло бы успешно выявлять массовую гендерную дискриминацию, бороться с ее причинами и предотвращать новые ее проявления.

Как показывает мировой и отечественный опыт, путь в истории идеи гендерного равенства был очень долгим и тернистым. Кроме того, известно, что сформировавшиеся еще в древности представления о греховной сущности женщины были чрезвычайно живучи. На протяжении многих веков женщина считалась существом низшим по отношению к мужчине, на основании чего оценивалась законодателем как нуждающееся в мужской опеке существо, поэтому была достаточно сильно ограничена в правах. Ее место и роль в обществе ограничивались семейной сферой, что было связано с выполнением ею репродуктивной функции.

Мировой опыт убедительно свидетельствует о том, что предпринятые за прошедшее время усилия и мобилизованные немалые денежные средства не дали того результата, которого ожидали. Международное сообщество обеспокоено особо уязвимым положением женщин, особенно в развивающихся государствах.

Одним из приоритетных направлений правительства страны всегда было повышение конкурентоспособности женской рабочей силы. Более активно женщины стали приглашаться на руководящие должности. В последние годы отмечается увеличение в организациях численности женщин на руководящих должностях – с 47 % от общего числа служащих в 2010 г. до 48 % на начало 2015 г. Почти каждый третий руководитель (первое лицо в организации) – женщина [2, с. 10].

В Республике Беларусь существует перечень запрещенных для женщин профессий. Существует мнение, согласно которому данный перечень прямо дискриминирует женщин в области занятости и нарушает их право на свободный выбор профессии или рода работы.

Вместе с тем в ряде государственных учреждений высшего образования, а именно: Академия Министерства внутренних дел, Военная академия, Институт пограничной службы, Университет гражданской защиты Министерства чрезвычайных ситуаций, военный факультет Белорусско-

го государственного университета, существует отдельный конкурс при поступлении. Девушкам устанавливают отличные от юношей проходные баллы, выделяют меньшее количество мест или в принципе не осуществляют набор на определенные специальности и (или) факультеты.

Согласно ст. 22 Конституции Республики Беларусь 1994 г. все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов.

В соответствии со ст. 39 Конституции в Республике Беларусь женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, труде и продвижении по службе, общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья. Статья 42 гарантирует право каждого на равное вознаграждение за труд равной ценности, ст. 47 – социальное обеспечение в старости, ст. 49 – право на образование.

Прохождение службы женщинами в правоохранительных органах имеет свои особенности, которые зависят от следующих факторов: подразделения, в котором женщина-сотрудник непосредственно проходит службу; региона; семейного положения женщины-сотрудника [3, с. 17–19].

Действующее законодательство о службе в правоохранительных органах недостаточно учитывает специфику ее прохождения женщинами-сотрудницами. Отсутствуют гарантии государственной, социальной и правовой защиты женщин-сотрудников правоохранительных органов, что отрицательно сказывается на результативности служебной деятельности и морально-психологическом состоянии не только отдельных сотрудников, но и служебных коллективов [4, с. 85].

Все вышесказанное предопределяет разработку более эффективного механизма правового регулирования прохождения женским персоналом службы в правоохранительных органах, который бы учитывал сочетание служебных и семейных обязанностей; особенности привлечения к службе в экстремальных условиях; трудности в овладении боевыми и физическими навыками.

В связи с этим для решения вопросов, возникающих при реализации проблем в сфере социально-правовой защищенности женщин, находящихся на государственной службе, в том числе на правоохранительной, необходимо разработать и принять Закон «О гарантиях государственной защиты женщин, проходящих военную и правоохранительную службу».

С целью обеспечения защиты интересов женщин, находящихся на службе в правоохранительных органах, важно разработать для них отдельный вид контракта о прохождении службы, предусмотрев в нем

нормы, учитывающие особенности прохождения службы женщинами-сотрудницами.

Особенности физического и психофизиологического характера ограничивают использование женщин-сотрудников органов внутренних дел в ситуациях служебно-боевого, оперативно-розыскного характера и иных экстремальных обстоятельствах, в большинстве случаев связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

В связи с этим в нормативных правовых актах МВД России по организации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел следует предусмотреть обучение женщин по специальным программам в учебных центрах, образовательных учреждениях и по месту службы, в том числе с учетом опыта стран Западной Европы, США и Канады.

Осуществление государственной защиты женщин-сотрудников и реализация в данной сфере принципа социального партнерства требуют разработки системы профсоюзной поддержки в ОВД Республики Беларусь и приведения правовых норм законодательства в соответствие с международными.

Несомненно, на процесс реализации гендерной политики существенное влияние оказывают факторы внешней среды:

существующие в обществе традиционные ценности относительно гендерных ролей, а также гендерные стереотипы;
международные и региональные правовые документы;
общественно-политическая и гендерная ситуация в мире;
реакция общества на деятельность органов государственной власти по вопросам гендерной политики в трудовом праве и др.

Примечательно, что судебная практика по защите женщин от дискриминации практически отсутствует. Несмотря на наличие ряда антидискриминационных статей в белорусском законодательстве, наблюдается расхождение между закрепленным законом правом и его практической имплементацией.

На основании проведенных исследований перспективными мероприятиями в области гендерной политики Республики Беларусь представляются следующие:

совершенствование нормативной базы;
повышение осведомленности граждан Республики Беларусь о существующих гендерных проблемах, а также о деятельности различных учреждений и организаций, функционирующих в области их решения;
привлечение дополнительных источников финансирования;

освещение гендерной проблематики в СМИ и разрушение гендерных стереотипов, увеличение количества тематических статей, передач по гендерной тематике.

На наш взгляд, предлагаемые новеллы будут способствовать эффективной реализации женщинами своих прав, а также экономии бюджетных средств, ассигнуемых на правоохранительную деятельность, обусловленную направленностью исследования на обеспечение правильного и единообразного применения норм трудового законодательства, исключение из практики ошибок, связанных с неверным применением указанных норм.

1. Сярговец, Е.В. Осуществление гендерного равноправия в Республике Беларусь: основные проблемы / Е.В. Сярговец // *Право.by*. – 2009. – № 2. – С. 185–189.
2. Заостровцева, Е.А. Существует ли гендерная дискриминация? / Е.А. Заостровцева // *World Economic Journal*. – 2012. – № 2. – С. 8–11.
3. Бодак, А.Н. Гендерные аспекты законодательства Республики Беларусь / А.Н. Бодак // *Юстыцыя Беларусі*. – 2014. – № 3. – С. 17–19.
4. Помалейко, О.Л. Женский взгляд на женский вопрос. Трактовка и практическая реализация гендерного равноправия в Беларуси на рубеже XIX–XX веков / О.Л. Помалейко // *Беларус. думка*. – 2014. – № 5. – С. 84–91.

УДК 351.74:004

В.Ф. Кетурко, выпускник магистратуры
Научный руководитель – кандидат юридических наук
М.В. Губич

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ФОТО-, ВИДЕОФИКСАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Применение средств фотофиксации в органах внутренних дел (далее – ОВД) стало первым этапом использования технических средств в правоохранительной деятельности. В этом году исполняется 179 лет с момента открытия фотографии. С самого начала своего существования она получила применение не только в быту, но и активно использовалась в решении научных задач. Термин «фотография» происходит от греческих слов фото – свет, графо – пишу. Появлению фотографии способствовали открытия многих ученых. Первая фотокамера (камера-обскура) представляла собой светонепроницаемый ящик с отверстием в стенке, принцип работы которой описал в своих трудах выдающийся итальянский ученый и художник Леонардо да Винчи [1].

Неоценимый вклад в развитие фотографии внесли французы Жозеф Нисефор Ньепс, Луи Жак Манде Дагерр и англичанин Вильям Фокс Генри Талболт. Дагерр, работавший до 1883 г. совместно с Ньепсом, получил изображение на серебряной пластинке, обработанной парами ртути и закрепленной с помощью раствора поваренной соли. Данный способ он назвал дагерротипией. В работах Дагерра прослеживается использование материалов исследований Ньепса, однако он никогда об этом не упоминал. Технология Дагерра не позволяла размножить снимки, и только изобретение Талболта способствовало началу разработки негативно-позитивного метода получения фотоснимков, а также открытие нового способа приготовления светочувствительной бумаги. Талболт в 1835 г., пропитав хлористым серебром бумагу, получил на ней снимок окна своего дома в виде негатива. Затем, приложив к нему бумагу, обработанную тем же раствором, он получил позитивный отпечаток. Снимки были далеки от совершенства. Однако своим изобретением Талболт доказал возможность копирования отпечатков [1].

Фотография в работе ОВД занимает видное место и широко применяется как средство фиксации доказательств при производстве различных действий. Фотография позволяет воспринимать запечатленные объекты в предметно-пространственной форме, все это разрешает использовать ее для более детального письменного описания различных объектов.

Практическое значение фотографии в правоохранительной деятельности исключительно велико. Она служит основным средством запечатления внешнего вида самых различных объектов, их признаков, а в ряде случаев и свойств. Фотоснимки могут служить не только иллюстративным материалом, но и источником доказательств, средством для розыска и идентификации различных объектов.

Объектами съемки в правоохранительной практике являются: места происшествий с их обстановкой, трупы, следы преступления и преступника, вещественные доказательства, лица, обвиняемые в совершении преступления, и т. д. [1].

На современном этапе в ОВД получили свое активное применение цифровая фотография и видеозапись, что позволило более эффективно выполнять поставленные перед правоохранительными органами задачи.

Поскольку обработка полученных файлов изображения производится на компьютере или на другой цифровой технике, цифровая фотография и видеозапись часто относятся к области информационных технологий. Это способствовало возникновению новых возможностей применения средств фото-, видеофиксации в правоохранительной деятельности.

Вместе с тем в ходе изучения имеющихся трудов современных ученых установлено, что термины «фотофиксация», «видеофиксация» не имеют конкретного определения, однако обширно используются как в правовом лексиконе, так и в практической деятельности. Так, в соответствии с СПС «КонсультантПлюс» термины «фотофиксация», «видеофиксация» использованы в 42 нормативных правовых актах, при этом отсутствует их легальное определение. Кроме того, отсутствуют научные труды, раскрывающие сущность и содержание терминов «фотофиксация» и «видеофиксация».

В специальной литературе и действующих нормативных правовых актах содержатся определения таких терминов, как фотография и видеозапись. Термин «фотография» – изображение, полученное фотографическим способом на фоточувствительном материале [2]. В нормативных правовых актах Республики Беларусь под фотографией понимается область науки, техники и искусства, изучающая и использующая методы и средства получения устойчивых видимых изображений на светочувствительных материалах [3]. При этом также используется термин «фотодокумент на электронном носителе», под которым понимается оригинал фотодокумента, полученный в результате цифровой фотосъемки и предназначенный для воспроизведения информации, изготовления копий с помощью компьютерной техники [4, п. 5.2].

Под видеозаписью принято понимать электронную технологию записи визуальной информации, предоставленной в форме видеосигнала или цифрового потока видеоданных, на физический носитель в целях сохранения этой информации и возможности последующего ее воспроизведения и отображения на устройстве вывода. При этом, как нам представляется, определение термина «видеозапись», имеющееся в правовом лексиконе, является недостаточно четким и полностью отвечающим нуждам правоприменительной практики, особенно в правоохранительной деятельности – «запись сигналов изображения» [5]. В юридической практике наряду с указанным термином используется также такое понятие, как «видеодокумент» – аудиовизуальный документ, содержащий изобразительную и звуковую информацию, зафиксированную посредством определенной системы видеозвукозаписи [4, п. 12].

Общеизвестно, что термин «фиксация» означает процесс закрепления чего-либо. В этой связи фото-, видеофиксация являются процессом закрепления фото-, видеоинформации. С учетом того, что фотография, видеозапись сами по себе являются результатом закрепления на материальный носитель информации о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, представляется логичным внедрить в правовой

лексикон термин, означающий не только физическую составляющую данного процесса, но и отражающий его правовое содержание.

Поясним, видеокамера, установленная в торговом объекте, не является техническим средством фото-, видеофиксации, она – средство видеозаписи происходящих событий. При этом следует отметить, что в случае осуществления данным техническим средством записи правонарушения, данная запись может быть использована в качестве доказательства в производстве по делу об административном правонарушении либо по уголовному делу лишь после прохождения определенной процессуальной процедуры, доказывающей возможность использования этого объекта в качестве доказательства.

В случае, когда мы ведем речь о технических средствах фото-, видеофиксации, как правило, подразумевается то, что фото-, видеоматериалы, полученные с использованием таких средств, могут рассматриваться в качестве доказательств по указанным категориям дел.

В этой связи представляется необходимым предложить авторское определение понятия «средства фото-, видеофиксации» – это технические средства, предназначенные для закрепления визуальной (аудиовизуальной) информации на цифровом либо ином носителе информации, которые прошли установленную нормативными правовыми актами процедуру, позволяющую использовать полученную ими информацию в качестве источника доказательств.

Введение в юридический оборот понятия «средства фото-, видеофиксации» создаст необходимую основу для нормативного правового регулирования имеющихся проблем при использовании данных средств в ходе осуществления правоохранительной деятельности.

Изложенные в настоящей статье теоретико-правовые аспекты использования средств фото-, видеофиксации в деятельности ОВД позволяют сделать следующие выводы.

На современном этапе в ОВД получили свое активное применение цифровая фотография и видеозапись, что позволило более эффективно выполнять поставленные перед правоохранительными органами задачи.

Вместе с тем термины «фотофиксация», «видеофиксация» не имеют конкретного определения, однако широко используются как в правовом лексиконе, так и в практической деятельности.

В Республике Беларусь создана правовая основа использования ОВД средств фото-, видеофиксации. Вместе с тем нет четких нормативных правовых предписаний по их применению, что выражается в отсутствии специального нормативного правового акта, регламентирующего порядок использования и применения рассматриваемых средств.

1. Аминжанова, Р.Э. Применение судебной фотографии при расследовании уголовных дел: тактические, организационно-правовые и методические аспекты : дис. ... магистра юрид. наук : 40.04.01 / Р.Э. Аминжанова. – Новосибирск, 2016.

2. Радиванович, Н.Н. Обзор законодательства Республики Беларусь в сфере информатизации [Электронный ресурс] / Н.Н. Радиванович // Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2017/september/25470/>. – Дата доступа: 05.05.2018.

3. Об утверждении и введении в действие образовательного стандарта по специальности профессионально-технического образования 3-39 02 52 «Техническое обслуживание и ремонт радиоэлектронных средств» : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 24 дек. 2014 г., № 203 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Об утверждении Правил работы государственных архивов Республики Беларусь с кино-, фото-, фоно- и видеодокументами : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 9 апр. 2007 г., № 27 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Об утверждении Положения о порядке функционирования единой государственной системы регистрации и учета правонарушений [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 июля 2006 г., № 909 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.4

И.П. Клочок, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *Е.В. Ермоленко*

СОСТАВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Формируя правовую базу государства, законодатель преследует цель упорядочить отношения в различных сферах общества путем установления общепринятых правил поведения. Однако не все действия субъектов правоотношений соответствуют требованиям норм права. В теории права данное явление получило название правонарушения. Несмотря на то что каждый вид правонарушения обладает своими особенностями, в теории права существуют отдельные признаки правонарушения, присущие для всех его видов. Так, наказуемость как один из общеотраслевых признаков правонарушения заключается в том, что лицо, со-

вершившее правонарушение, обязано претерпеть неблагоприятные последствия [1, с. 354]. Из этого следует, что правонарушение выступает основанием для применения мер юридической ответственности.

Основанием применения мер гражданской процессуальной ответственности является гражданское процессуальное правонарушение. На наш взгляд, гражданское процессуальное правонарушение – это противоправное виновное деяние субъекта гражданских процессуальных отношений, а также других лиц, присутствующих в судебном разбирательстве по гражданскому делу, посягающее на правильную, своевременную и эффективную защиту прав и законных интересов в процессе гражданского судопроизводства и влекущее применение установленных законом мер гражданского процессуального воздействия. На сегодня ведется множество дискуссий по поводу самостоятельности мер гражданской процессуальной ответственности. Положения настоящего исследования будут построены на нормах Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), которые презюмируют существование гражданской процессуальной ответственности, что подтверждается гл. 19 ГПК.

Как и любой другой вид правонарушения, гражданское процессуальное правонарушение можно представить в виде идеальной модели, включающей в себя лишь те элементы, без которых деяние не может быть признано правонарушением. В теории права данная модель получила название состав правонарушения. Традиционно состав правонарушения состоит из совокупности следующих элементов: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. В связи с тем, что гражданское процессуальное право является самостоятельной отраслью права, элементы состава гражданского процессуального правонарушения ввиду специфики механизма реализации гражданских процессуальных норм существенно отличаются от элементов состава других видов правонарушений. Остановимся более подробно на каждом из элементов состава гражданских процессуальных правонарушений.

Первым элементом состава правонарушения выступает объект. Объект правонарушения – общественные отношения, которым в результате совершения деяния причиняется вред. На сегодня предложено множество понятий объекта гражданского процессуального правонарушения. Так, А.В. Юдин под объектом гражданского процессуального правонарушения понимал общественные отношения в сфере отправления правосудия по гражданским делам [2, с. 22]. В свою очередь М.А. Гальперин указывал, что объектом гражданского процессуального правонарушения

выступают отношения, возникающие в связи с осуществлением судом руководящей процессуальной деятельности для реализации задач гражданского судопроизводства [3, с. 47]. Однако в обоснованность своих позиций данные исследователи не приводили каких-либо весомых аргументов. На наш взгляд, прежде чем дать понятие объекта гражданского процессуального правонарушения, необходимо разобраться в структуре данного элемента состава правонарушения. В теории права в зависимости от общности отношений, которым причиняется вред, выделяют следующие группы объектов состава правонарушения: общий, родовый и непосредственный. При этом более общий объект гражданского процессуального правонарушения состоит из нескольких менее общих. Из этого следует, что для того, чтобы дать полное понятие объекта состава гражданского процессуального правонарушения, целесообразно проанализировать видовой и непосредственный объект правонарушения. Так, в гражданском процессуальном праве существуют следующие видовые объекты состава правонарушения: общественные отношения, складывающиеся на этапе возбуждения производства по делу (непосредственный объект – общественные отношения, складывающиеся в процессе подачи процессуальных документов, рассылки судебной корреспонденции); общественные отношения по поводу установленного порядка разрешения дела (непосредственный объект – порядок в судебном заседании, своевременность рассмотрения дела по существу) и общественные отношения, складывающиеся в процессе вынесения судебных постановлений (непосредственный объект – установленный порядок распределения судебных расходов, законность и обоснованность судебного решения).

На основании вышеизложенного следует, что объектом гражданских процессуальных правонарушений выступают общественные отношения, возникающие между судом, участниками гражданского процесса, иными лицами, присутствующими при рассмотрении дела, по поводу установленного порядка обращения в суд, правильного и своевременного рассмотрения и разрешения исковых дел, дел, возникающих из административно-правовых отношений, дел особого производства, дел приказного производства, иных дел, а также исполнительного производства.

Следующим элементом состава правонарушения выступает объективная сторона. Объективную сторону образуют все те элементы противоправного деяния, которые характеризуют его с внешней стороны, с точки зрения его объективного проявления [1, с. 355]. Согласно общим положениям теории права объективную сторону правонарушения обра-

зуют: противоправное деяние, вредные последствия противоправного деяния, причинно-следственная связь между противоправным деянием и его последствиями, место, время, способ, средство, орудие совершения правонарушения. Исходя из конструкции объективной стороны, основная масса гражданских процессуальных правонарушений имеет формальный состав, что означает, что за совершение противоправного деяния не требуется наступления каких-либо вредных последствий. Однако само противоправное деяние может быть выражено в различных формах: действии или бездействии. Так, например, противоправное деяние в форме действия выражается в нарушении порядка в судебном заседании. Примером противоправного деяния в форме бездействия выступает неявка истца по вызову в суд. Однако одно и то же гражданское процессуальное правонарушение может выражаться как в форме действия, так и в форме бездействия. Так, сторона может не являться в судебное заседание, не совершая каких-либо активных действий, либо же – умышленно избегать лиц, которым поручено осуществить его привод в зал суда. При этом деяние будет противоправным только в том случае, если субъект своими действиями (бездействиями) не исполняет (дача ложных объяснений свидетелем) либо ненадлежащим образом исполняет (несвоевременное предоставление доказательств) процессуальные обязанности.

Для объективной стороны многих составов гражданского процессуального правонарушения также характерно наличие таких обязательных признаков, как время и место. Их наличие обусловлено спецификой предмета отрасли гражданского процессуального права. Так, гражданские процессуальные правонарушения можно совершить в любое время, но в рамках стадий гражданского процесса (начиная от стадии возбуждения производства по делу и заканчивая стадией исполнительного производства). При этом отдельные правонарушения (неявка на судебное заседание) можно совершить сугубо на конкретной стадии гражданского процесса. Что касается такого признака, как место, то оно характерно для гражданских процессуальных правонарушений, совершаемых на стадии судебного разбирательства (нарушение порядка судебного заседания), поскольку специфика отрасли гражданского процессуального права не позволяет совершить данное правонарушение в каком-либо ином месте, что обусловлено сущностью процесса.

Такие элементы объективной стороны, как вредные последствия и причинно-следственная связь между противоправным деянием и вредными последствиями характерны для такого правонарушения, как заведомо ложное указание на основания для освобождения от уплаты су-

дебных расходов. Вредным последствием выступает вынесение судом определения об освобождении от уплаты судебных расходов. При этом основанием для вынесения указанного определения являются упомянутые данным участником ложные указания, а не какие-либо другие обстоятельства (наличие причинно-следственной связи).

Субъект – лицо, совершившее правонарушение. Исходя из общетеоретических подходов к составу правонарушения, выделяются два вида субъектов: общий (физическое лицо, вменяемое, достигшее возраста юридической ответственности) и специальный (лицо, обладающее специальным статусом). Вопрос субъектов гражданского процессуального правонарушения напрямую связан с таким институтом, как участники гражданского судопроизводства. Поскольку субъектами гражданских процессуальных правоотношений выступают сугубо участники гражданского процесса, считается необоснованным выделение общего субъекта гражданского процессуального правонарушения. Таким образом, субъект гражданского процессуального правонарушения – участник гражданского судопроизводства, который в результате своего неправомерного деяния не исполняет либо ненадлежащим образом исполняет свои процессуальные обязанности. Однако в данном утверждении есть оговорка. Поскольку законодатель позволяет гражданам, не являющимся участниками гражданского судопроизводства, присутствовать в судебном заседании, в ГПК предусмотрены меры процессуального воздействия, применяемые к данным лицам, за совершение такого гражданского процессуального правонарушения, как нарушение порядка судебного заседания.

Дискуссионным является вопрос о том, является ли суд субъектом гражданского процессуального правонарушения. М.Л. Гальперин считает, что суд не является субъектом правонарушения, поскольку к нему не могут быть применены меры гражданской процессуальной ответственности [3, с. 110]. Однако тот факт, что к суду не могут быть применены меры гражданской процессуальной ответственности, не является основанием для того, чтобы категорически утверждать, что суд не является субъектом гражданского процессуального правонарушения, поскольку следствием совершения правонарушения могут выступать не только меры юридической ответственности, но и меры защиты. Так, в случае вынесения судом решения или определения с нарушением норм материального или процессуального права к нему может быть применена такая мера защиты, как отмена соответствующего незаконного судебного постановления.

Таким образом, субъектами гражданской процессуальной ответственности являются участники гражданского судопроизводства, суд, а также граждане, присутствующие во время судебного разбирательства.

Последним элементом состава правонарушения выступает субъективная сторона, которая представляет собой внутреннее отношение лица к совершенному им правонарушению, совокупность внутренних побудителей и установок, которыми руководствовался субъект правонарушения. Субъективная сторона состоит из таких элементов, как вина, мотив и цель.

Вина – психическое отношение правонарушителя к своему противоправному деянию и его последствиям [1, с. 356]. В гражданском процессуальном праве, как и в большинстве других отраслей права, вина выступает обязательным элементом гражданского процессуального правонарушения. Данное положение нашло отражение в ГПК, согласно которому к лицу, неявившемуся в судебное заседание, не могут быть применены меры процессуального воздействия в том случае, если лицо совершило указанное деяние при наличии уважительных причин (т. е. деяние, формально содержащее признаки гражданского процессуального правонарушения, не является таковым ввиду отсутствия виновности). Однако, в отличие от уголовного или административно-деликтного права, форма вины в гражданском процессуальном праве не имеет какого-либо значения. Например, лицо, нарушающее порядок судебного заседания, может совершать данные деяния как умышленно, так и неосторожно.

Для отдельных гражданских процессуальных правонарушений обязательным элементом субъективной стороны выступает такая цель, как затягивание процесса. Однако термин затягивание процесса является оценочным, поэтому судья, установив виновность лица в совершении гражданского процессуального правонарушения, не устанавливает факт наличия цели затягивания процесса, а презюмирует ее наличие.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным сделать следующие выводы:

1. Гражданское процессуальное правонарушение – это противоправное виновное деяние субъекта гражданских процессуальных отношений, а также других лиц, присутствующих в судебном разбирательстве по гражданскому делу, посягающее на правильную, своевременную и эффективную защиту прав и законных интересов в процессе гражданского судопроизводства и влекущее применение установленных законом мер гражданского процессуального воздействия.

2. Гражданское процессуальное правонарушение, как и другие виды правонарушений имеет свою упрощенную модель – состав гражданско-

го процессуального правонарушения. При этом особенности элементов состава правонарушения связаны со спецификой самой отрасли гражданского процессуального права.

3. Состав гражданского процессуального правонарушения характеризуется тем, что основными субъектами такого правонарушения выступают участники гражданского судопроизводства, совершающие виновные (вне зависимости от ее формы) деяния (вне зависимости от их последствий), на любой из стадий гражданского процесса, посягая на установленный порядок обращения в суд, правильность и своевременность разрешения гражданских дел и вынесения по ним законных и обоснованных судебных постановлений.

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 479, [1] с.

2. Юдин, А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / А.В. Юдин ; Гос. образовател. учреждение высш. проф. образования «С.-Петерб. гос. ун-т». – 2009. – 49 с.

3. Гальперин, М.Л. Ответственность в гражданском судопроизводстве: актуальные вопросы теории и процессуальной политики : монография / М.Л. Гальперин ; предисл. от рук. серии: В.В. Ярков ; предисл.: В.А. Мусин ; вступ. сл.: Ю.С. Любимов. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 256 с. – (Серия «Гражданский и арбитражный процесс: современный взгляд»).

УДК 343.9

Е.Г. Коновалов, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Толочко*

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Эффективность выявления преступлений в сфере экономики на сегодня связана прежде всего с надлежащей организацией данного процесса. Выявление преступлений предполагает определение важнейших направлений борьбы, устанавливаемых на основе анализа состояния преступности и комплекса всех мер, используемых для предупреждающего, контролирующего и вытесняющего воздействия на нее [1, с. 23].

Латентный характер преступлений экономической направленности, совершаемых в условиях неочевидности, обуславливает необходимость и приоритет поисковой деятельности. Установление самого факта нарушения законных интересов, например, собственника (при хищении), государственного бюджета (в связи с неуплатой обязательных платежей) – первоочередная задача в противодействии экономическим преступлениям [2, с. 105].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что экономическая преступность сейчас, в отличие от прошлых времен, когда она демонстративно дистанцировалась от общеуголовной преступности, все чаще прибегает к методам и средствам последней в достижении своих целей. Объясняется это, видимо, тем, что общеуголовная преступность постепенно расширяет сферу своего влияния и находит финансовую опору в незаконном бизнесе, беря под контроль не только отдельные коммерческие структуры, но и целые виды предпринимательской деятельности [3, с. 42].

Практика работы оперативных подразделений выработала основные положения организации оперативного обслуживания, позволяющие наиболее эффективно использовать все имеющиеся силы и средства в борьбе с преступностью. Однако уровень образованности лиц, совершающих преступления в сфере экономики, неустанно растет. Это негативно сказывается на разработанных способах и приемах борьбы с экономической преступностью [1, с. 23].

Личность преступника, совершающего экономическое преступление, в каждом отдельно взятом случае уникальна, как уникально и само событие преступления. К преступникам, совершающим преступление в экономической сфере, относят лиц, совершающих обман как потребителей, так и руководителей предприятий и банков. Выделяя те или иные типичные черты личности, присущие лицу, совершающему экономическое преступление, необходимо исходить, во-первых, из того общего, что есть между лицами, совершающими преступления данного вида, во-вторых, акцентировать внимание на признаках, характерных для лиц, совершающих деяния повышенной общественной опасности [1, с. 7].

Нельзя не отметить и такие субъективные параметры, как коммуникабельность и организаторские способности. Коммуникабельность отражает способность субъекта общаться с другими людьми, входить в их круг доверия, устанавливать бесконфликтные отношения. Коммуникабельность – необходимая черта руководителя, во многом определяющая эффективность управленческой работы. Это качество является типичным для личности экономического преступника. Такое обстоятельство

объясняется как высоким социальным статусом данной категории лиц, так и способами совершения экономических преступлений [1, с. 9].

Работа в сфере экономических отношений требует знаний различных отраслей права, что предполагает либо юридическое образование субъекта, либо его правовое самообразование. Многие преступники в ходе подготовки и совершения экономических преступлений хорошо знакомы с уголовным правом, уголовным процессом, криминалистикой и оперативно-розыскной деятельностью, а следовательно, со спецификой работы правоохранительных органов, в частности органов, расследующих экономические преступления [1, с. 8].

Отличительной чертой экономического преступника является нежелание идти на открытый конфликт с уголовным законом. Экономический преступник формирует и реализует противоправный замысел, как правило, в рамках существующих механизмов и противоречия внутри них. Следствием данных черт личности являются высокая латентность соответствующих преступлений, сложность их выявления и доказывания по уголовному делу. Лицо стремится получить не только немедленный преступный результат, но и обеспечить легальность своих действий, избежать выявления преступлений и своей ответственности [1, с. 7].

Что касается мотивации противоправного поведения экономического преступника, то для него характерен «корыстно-статусный мотив», т. е. стремление к обогащению и достижению высоких социальных позиций в обществе или к сохранению уже достигнутых [4, с. 58].

Несмотря на эти факторы, сотрудники органов внутренних дел ведут активную работу по выявлению преступлений в сфере экономики. Надлежащий уровень образования позволяет сотруднику постоянно получать информацию, необходимую для решения поставленных задач. Получаемая оперативно-розыскная информация подлежит анализу, результаты которого необходимы для выдвижения и отработки версий, подбора граждан для конфиденциального содействия и внедрения их в среду лиц, осведомленных о деятельности преступных групп, ориентирования используемых сил на оперативный поиск, выбора тактики оперативно-розыскных мероприятий и принятия иных решений [1, с. 24].

Оперативно-розыскную информацию можно разделить на четыре группы и представить в следующем виде. Первую группу информации составляют сведения, получаемые от отдельных граждан гласно или негласно. Во вторую группу входят сведения, носящие в той или иной мере официальный характер, поскольку исходят от должностных лиц. Третью группу представляют собой сведения, получаемые из каких-

либо информационных систем как непосредственно, так и опосредованно. Четвертую группу составляют сведения и данные, получаемые оперативными подразделениями ОВД в ходе проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий [1, с. 24].

Преступные действия в сфере экономики разнообразны как в количественном, так и качественном выражении. Они зависят от вида преступления, предмета посягательства, механизма совершения преступления и ряда других объективных и субъективных факторов. Внешне преступные действия выглядят вполне обычными, легальными. Допуская определенную условность, все способы совершения экономических преступлений можно подразделить в зависимости от сложности на простые или сложные. Примером простого способа могут служить хищения, совершаемые путем непосредственного противоправного завладения тем или иным лицом, вверенного ему имущества. Данные действия, как правило, влекут за собой недостачу товарно-материальных ценностей или денежных средств, которая сравнительно легко может быть выявлена, например хищение работниками торговли товаров или денежной выручки из кассы магазина. Однако в чистом виде такие способы встречаются редко. Обычно, чтобы похитить материальные ценности или денежные средства, преступники либо предпринимают действия по сокрытию недостачи либо создают их излишки, которые затем похищаются. Но в таких случаях речь идет уже о способах, относящихся к категории сложных. Сложные способы совершения экономических преступлений включают в себя действия, обеспечивающие не только непосредственное совершение противоправного деяния, но и его маскировку под легальные действия, а также сокрытие следов [1, с. 9–10].

Подготовительная стадия совершения экономических преступлений включает:

- изучение соответствующей сферы экономики, конкретного субъекта хозяйствования, сбор другой необходимой информации;

- формирование общего замысла преступного деяния (цель, способ совершения и сокрытия);

- привлечение соучастников, а также иных лиц, способных облегчить совершение преступления;

- действия по созданию благоприятных условий для совершения преступления, включая организационное и материально-техническое обеспечение;

- планирование действий по маскировке приготовления и совершения преступления.

Стадия совершения преступления включает в себя действия, непосредственно направленные на достижение преступного результата. В каждом конкретном случае их набор уникален и варьируется в зависимости от вида преступления, сферы деятельности преступника и совокупности иных объективных и субъективных факторов (места, времени совершения, предмета посягательства, личности преступника и т. д.) [1, с. 10].

Анализ оперативно-розыскной практики позволяет сделать вывод, что в ходе выявления преступлений в сфере экономики необходимо устанавливать данные о следующих фактах и обстоятельствах:

непосредственное участие фигурантов в предпринимательской деятельности либо оказание содействия в ней физическим или юридическим лицам для извлечения личной выгоды;

использование служебного положения для перевода государственных средств в коммерческие структуры, созданные для обналичивания денег;

приобретение недвижимости в процессе приватизации;

участие проверяемых лиц в незаконных операциях в сфере распределения, торговли товарами и экспорта стратегически важных товарно-сырьевых ресурсов;

нарушение при осуществлении финансового и иного контроля деятельности предпринимательских и коммерческих структур;

участие в неправомерном распределении помещений, земельных участков, государственных заказов;

различные злоупотребления с участием чиновников в процессе распределения и перераспределения бюджетных денежных средств;

участие в контрабанде и незаконном перемещении капитала за рубеж;

незаконное предоставление кредитов и их распределение, перечисление денежных средств на лицевые счета руководителей банков;

заключение фиктивных договоров, контрактов и соглашений в целях маскировки криминальных деяний и т. д. [1, с. 30–32].

В структуре информационно-аналитической работы оперативных подразделений обязательно присутствует оперативно-тактическое прогнозирование, которое является результатом мыслительной деятельности оперативника, поиска им ответов на вопросы о том, как может измениться оперативно-тактическая ситуация, как следует действовать в неожиданных ситуациях, как поведет себя противоборствующая сторона [1, с. 32].

Невзирая на индивидуальность каждого совершенного преступления по обстановке, способам, участникам и иным обстоятельствам, практика рассмотрения дел в сфере экономики позволяет отобрать ти-

пичные, характерные для данной категории дел обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. По делам об экономических преступлениях среди всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, на первое место должен быть поставлен способ подготовки, совершения и сокрытия преступления. Кроме того, при совершении преступлений в сфере экономики сама преступная деятельность скрывается, осуществляется под прикрытием правомерной или включается в законную, что ставит перед правоохранительными органами задачу выяснения характера криминальной деятельности [1, с. 39–40].

Существенное снижение преступности в сфере экономики, устранение причин и условий ее возникновения могут быть достигнуты лишь в результате планомерного осуществления комплекса социально-экономических и культурно-воспитательных мероприятий, рассчитанных не только на сегодня, но и на перспективу. Комплексный анализ состояния преступности и результатов борьбы с ней за квартал, полугодие, год дает возможность хорошо изучить оперативную обстановку в районе, городе, проследить изменение удельного веса отдельных категорий преступлений в общей структуре и динамике преступности, установить причины распространения тех или иных видов преступлений, выявить определенные категории лиц, участвовавших в их совершении, оценить эффективность работы по борьбе с преступностью и на этой основе разработать конкретные мероприятия по противодействию ей [1, с. 32–33].

Таким образом, эффективность выявления преступлений в сфере экономики зависит от уровня организации деятельности оперативных подразделений ОВД. Эта деятельность должна строиться на изучении, анализе и оценке оперативной обстановки, а также на выявлении факторов, которые будут ее обуславливать как на данном этапе, так и в будущем [1, с. 34].

1. Маркова, О.В. Предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере экономики и финансово-банковского дела : практ. пособие / О.В. Маркова // М-во внутр. дел, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 48 с.

2. Епишин, В.В. Экономические методы в практике раскрытия преступлений / В.В. Епишин, С.В. Мельницын // Вестн. Нижегород. Акад. МВД России. – 2010. – № 1. – С. 104–108.

3. Волобуев, А.Ф. Противодействие расследованию экономических преступлений и его преодоление / А.Ф. Волобуев // Государство и право. – 2002. – № 4. – С. 42–48.

4. Иванова, Е.А. Характеристика личности, совершающей экономические преступления / Е.А. Иванова // Вестн. Таганрог. ин-та упр. и экономики. – 2015. – № 2. – С. 57–60.

С.В. Король, курсант факультета милиции
 Научный руководитель – кандидат исторических наук
А.И. Мурашко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО (АГЕНТУРНОГО) НАБЛЮДЕНИЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Внутреннее (агентурное) наблюдение – это наиболее эффективный метод оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в Российской империи. Если в XIX в. приобретение и использование внутренней агентуры зависели от инициативы начальников розыскных органов, то в XX в., и особенно с началом первой русской революции, это вменяется им в обязанность. Происходит полицейская классификация внутренних агентов на секретных сотрудников и вспомогательных агентов, а по их использованию – на постоянно действующих и «штучников», и отмечается нежелательность использования последних [1, с. 42].

Данный вид ОРД зарекомендовал себя с положительной стороны и помог выявить не одну сотню преступников. В связи с этим руководство различных подразделений, осуществляющих ОРД, вменяло в обязанность своим сотрудникам иметь внутреннюю агентуру. Например, руководство Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов требовало от железнодорожных жандармов, чтобы на крупных железнодорожных станциях обязательно приобреталась партийная агентура внутреннего наблюдения, а в тех местах, где не было большого количества мастерских можно было обходиться и вспомогательными агентами. Надо отметить, что метод внутреннего наблюдения активно использовался в ОРД политической полиции Российской империи [2, с. 83].

Секретные агенты приобретались различными способами. Как правило, вербовались секретные агенты среди лиц арестованных по политическим преступлениям. Сотрудникам правоохранительных органов, осуществлявшим агентурную работу, рекомендовалось, используя слабые стороны арестованных (слабохарактерность, недостаточную убежденность в революционных идеях, имеющих обиду на организацию, склонность к легкой наживе и т. п.), склонять их путем убеждения на свою сторону и в дальнейшем использовать в качестве секретного агента. Такие секретные агенты признавались наилучшими. Помимо бесед с лицами, уже привлеченными к дознаниям, рекомендовалось также

приобретать секретных агентов и из лиц еще не арестованных, которые приглашались для бесед лицом, ведающим розыском [3, с. 99].

Правовой основой для осуществления агентурной работы являлась Инструкция по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях, утвержденная в 1907 г., и аналогичная Инструкция 1914 г.

Инструкции детально регламентировали методы работы с секретными агентами (применение различных видов стимулирования и материального вознаграждения, пределы посвящения в цели розыска, организация встреч, соблюдение конспирации и тайны информации о секретном агенте, способы разрыва взаимоотношений, способы реализации полученной секретной информации без ущерба для агента и др.). Так, например, расставаясь с секретным агентом, сотрудникам рекомендовалось не обострять с ним личных отношений и вместе с тем не ставить его в такое положение, в котором он в дальнейшем мог бы эксплуатировать лицо, ведущее розыск, неприемлемыми требованиями. При этом сведения о секретных агентах, зарекомендовавших себя с отрицательной стороны должны были незамедлительно передаваться в Департамент полиции и другие правоохранительные органы, занимающиеся розыскной работой [3, с. 103, 106].

В Инструкции указывалось, следующее: «Для успешной работы в деле политического розыска у руководства внутренней агентуры лица, ведающие розыском, должны знать программы революционных партий, быть знакомы с историей революционного движения, положением его, движения, в данный момент и следить за революционной литературой» [4, с. 71]. Из положений Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения следует, что к агентам, ведущим внутреннее наблюдение, предъявлялся определенный ряд требований при выборе их кандидатуры. Это в первую очередь говорило о том, что внутреннее наблюдение занимало одно из важнейших мест по раскрытию преступлений и предотвращению их совершения.

Сотрудники, занимающиеся внутренним (агентурным) наблюдением, должны были быть членами одной из революционных организаций (сведения о которых они предоставляли), или тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых партий. В этом случае считалось, что сведения, полученные такими сотрудниками, будут достоверными и ценными. Это обосновывалось и тем фактом, что агент, состоящий в какой-либо партии может без труда завладеть нужной ему информацией, не вызывая при этом в отношении себя никаких подозрений.

Членство агента внутреннего наблюдения в одной из революционных партий являлось гарантом отсутствия к нему всякого рода подозрений.

Находясь в определенной партии, агент, занимающийся внутренним наблюдением, мог спокойно и без лишних подозрений вникнуть в дела партии, жизнь того или иного нужного ему человека, разведать более подробную информацию по конкретному вопросу. Сотрудникам внутреннего (агентурного) наблюдения при этом запрещалось заниматься провокациями, которые каким-либо образом могли спровоцировать преступление. «Состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым «провокачеством», т. е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли. Хотя для сохранения своего положения в организациях сотрудникам приходится не уклоняться от активной работы, возлагаемой на них сообществами, но в таких случаях они должны каждый отдельный случай испрашивать разрешения лица, руководящего агентурой, и уклоняться во всяком случае от участия в предприятиях, угрожающих серьезной опасностью» [2, с. 98].

В Инструкции 1907 г. по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения дается разъяснение по поводу сведений лиц, не относящихся к таким партиям: «Лица, не состоящие в революционных организациях и не соприкасающиеся с ними, особенно различные местные «сторожилы», принадлежащие иногда к крайним правым партиям, часто не только не бывают полезны в целях политического розыска, но даже и вредны, так как заставляют неопытных и неосведомленных лиц, ведающих розыском, направлять таковой в ложную сторону и совершенно произвольно тратить силы и средства» [3, с. 97].

Важно отметить, что агенты, которые занимались внутренним наблюдением, были «секретными», т. е. об их деятельности не мог знать никто из их окружения: все имена, фамилии и клички таких сотрудников были засекречены и тщательно скрывались. Секретные сотрудники ни в коем случае не могли знать друг друга, так как это могло повлечь провал операции или даже смерть одного из них. Агенты внутреннего наблюдения не должны были вызывать никаких подозрений: это обычные люди, работавшие на благо страны, внешне не отличающиеся от всех остальных. Не должны были посвящаться они и в сведения, даваемые другими агентами. С особой осторожностью следовало относиться вообще к ознакомлению агента с ходом розыска, а также деятельностью и личным составом розыскного учреждения. При сношениях с агентом рекомендовалось получать от него все необходимое и, по возможности, не разоблачать перед ним ничего. В противном случае лицо, ведущее агентуру, быстро могло оказаться в руках агента, из коих очень многие

склонны вести двойную игру, а в случае разрыва отношений с ними, розыскному делу и лицам, ведущим его, будет всегда угрожать крайняя опасность [3, с. 101].

Сведения, даваемые секретными агентами, должны были храниться с соблюдением особой осторожности и в строгой тайне и обязательно проверяются, если имелась такая возможность, наружным наблюдением. Не рекомендовалось заставлять агента форсировано добывать сведения, так как это часто приводило к провалам.

Производя ликвидацию революционной организации, не следовало арестовывать всех, окружающих агента, лиц, оставляя его одного на свободе. При аресте рекомендовалось оставлять на свободе еще несколько лиц, более близких к секретному агенту и менее вредных, или дать ему возможность заранее уехать по делам, или, в крайнем случае, арестовать и его самого, освободив впоследствии с близкими к нему и наименее вредными лицами по недостатку улики. О предстоящем аресте агента всегда нужно войти с ним в соглашение. Арест агента допустим лишь в случаях неустранимой необходимости. После ликвидации революционной организации необходимо дать агенту возможность на время прекратить активные сношения с товарищами [3, с. 101–102].

Руководство внутренней агентурой требовало высокой квалификации розыскных офицеров. Подготовка внутренней агентуры сводилась к тщательному и поэтапному обучению конспирации и выработке направлений розыска. При этом способы руководства сотрудниками разрабатывались каждым офицером и составляли его личную тайну [4, с. 43].

Одним из наиболее важных моментов в начале агентурной деятельности являлась проверка нового агента. Достаточно часто агенты, которые еще не заслужили свою репутацию в политическом розыске, проверялись руководством по нескольку раз. Информация, полученная от таких агентов, перепроверялась более опытными коллегами. Точность информации агента внутреннего наблюдения – один из основных факторов, влияющих на ход раскрытия преступления.

Среди основных причин прекращения деятельности внутренней агентуры можно выделить следующие: провал агента, т. е. выявление революционной организацией сотрудничества одного из ее членов с охранкой; утрата доверия к сотруднику вследствие некачественной информации или неверного его поведения; изменения в руководстве охранки и, соответственно, стратегии политического розыска [1, с. 45]. В любом случае лицу, занимающемуся ОРД, расставаясь с агентом, рекомендовалось поставить его в такие условия, чтобы он не мог предъявлять какие-либо требования руководству розыскного органа.

Основным плюсом внутреннего наблюдения была его малозатратность. Также можно отметить действенность данного способа оперативно-розыскной деятельности: достаточно большое количество агентов, осуществляющих внутреннее наблюдение, приносили достоверную информацию, помогающую не только раскрыть преступление в более короткие сроки, но и предотвратить его.

Агенты-осведомители получали за свою работу вознаграждение, выплата которых была урегулирована Правилами расходования чинами полиции кредита сметы Министерства внутренних дел на сыскные надобности и формы отчетности этими издержками: «Негласные агенты-осведомители могут получать вознаграждение или в виде сдельной оплаты за каждое отдельное успешно исполненное ими поручение или же в случаях, когда они не происходят из преступного класса и вполне заслуживают доверия, то в виде определенной ежемесячной платы, причем постоянный характер агентурного доставления сведений подобными лицами вовсе не может служить препятствием к получению ими вознаграждения не ежемесячного, а сдельного» [5].

Одним из интереснейших примеров внутренней агентурной работы является деятельность Е. Азефа, российского революционера-провокатора, руководителя партии социалистов-революционеров и одновременно агента Департамента полиции. Вместе с Г.А. Гершуни объединил отдельные организации эсеров, став одним из лидеров партии, после чего Гершуни был в 1903 г. арестован, а Азеф остался центральной фигурой и возглавил Боевую организацию эсеров, осуществлявшую террористические акты. Азеф активно продвигал террор, одновременно как агент полиции предотвращал некоторые террористические акты (покушение на министра внутренних дел И.Н. Дурново, царя Николая II). Информировал Департамент полиции о деятельности ЦК ПСР и некоторых эсеров-боевиков. Одновременно организовал более 30 террористических актов, осуществил убийства видных представителей государственного аппарата. Во избежание раскрытия действовал по следующей схеме – часть терактов он готовил в тайне от Департамента полиции с таким расчетом, чтобы они удались. О других терактах он своевременно сообщал в Департамент, и они, соответственно, проваливались. Благодаря этой схеме Азефа считали «своим» одновременно революционеры и полиция. Каждый раз, когда его пытались разоблачить, кто-нибудь из революционеров доказывал, что человек, совершивший столько много успешных террористических акций, не может быть агентом охраны [6].

Еще одним секретным агентом был Р.В. Малиновский, активный участник рабочего движения, член РСДРП. В 1910 г. он стал секретным

агентом Департамента полиции. В 1912 г. при поддержке Департамента полиции был избран депутатом 4-й Государственной думы от рабочей курии Московской губернии, а в 1913 г. возглавил фракцию большевиков в Государственной думе. Являлся членом Центрального комитета партии большевиков. Имея такого секретного сотрудника, Департамент полиции получал ценные сведения о происходящем в партии большевиков, которые в дальнейшем использовались в борьбе с революционным движением [7].

В конце XIX – начале XX в. оперативной разработкой Гомельского комитета социал-демократической организации занимались жандармы Могилевского губернского жандармского управления. Они завербовали секретного агента-железнодорожника, который являлся активным членом комитета и получал за свою работу 10 р. в месяц. В течение 1899–1902 гг. сотрудники жандармского управления полностью контролировали развитие социал-демократического движения в Гомеле. На основании информации секретного агента пресекали основные мероприятия организации, направленные на подрыв основ государственного строя. «... Деятельность сотрудника заслуживает полного одобрения и указывает, что Вами был сделан очень удачный выбор, из чего следует, что его надо беречь как зеницу ока», – писал заведующий Особым отделом Департамента полиции Л.А. Ратаев начальнику Могилевского губернского жандармского управления А.А. Власьеву о секретном агенте [8, с. 53].

Стоит отметить, что именно внутреннее наблюдение, которое выполнялось исключительно секретными агентами, давало положительные результаты в противодействии революционному движению.

С ростом революционной эмиграции и с созданием колоний русских революционеров за рубежом органы политического сыска решают проводить наблюдение за деятельностью российских революционеров в странах Европы и США. Создается заграничная агентура.

Необходимо отметить важность агентурного наблюдения для всех правоохранительных органов Российской империи. Благодаря данному методу раскрытие преступлений стало более быстрым и эффективным. Стоит заметить, что организационно-правовые методы ОРД в Российской империи были заложены в основу ОРД ОВД, органов государственной безопасности и других правоохранительных органов Советского государства и Республики Беларусь. Поэтому преуменьшать роль агентурной работы с начала ее становления в Российской империи никак нельзя. Об ее эффективности свидетельствует и исторически отмеченный факт: с началом применения агентурного наблюдения в оперативно-розыскных органах Российской империи произошел резкий скачок раскрываемости и предотвращения совершения преступлений.

1. Жаров, С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Жаров ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2010. – 57 с.

2. Мурашко, А.И. Жандармская полиция на железных дорогах Беларуси: организация и деятельность (1861–1917 гг.) / А.И. Мурашко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2015. – 135 с.

3. Щербакова, Е.И. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917 г. / Е.И. Щербакова ; под ред. Г.А. Бордюгова. – М. : АИРО – XXI ; СПб. : «Дмитрий Буланин», 2006. – 384 с.

4. Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения / публ. подгот. Ф.М. Лурье, З.И. Перегудова // Из глубины времен. – 1992. – № 1. – С. 71–83.

5. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 80866.

6. Азеф, Е. Российский революционер-provokator [Электронный ресурс] / Е. Азеф. – Режим доступа: <http://www.peoples.ru/military/scout/azeff/>. – Дата доступа: 03.01.2018.

7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.info/biograf/bio_m/malinovski_rv.php. – Дата доступа: 08.01.2018.

8. Бухбиндер, Н.А. Еврейское рабочее движение в Гомеле (1890–1905 гг.). По неизданным архивным материалам / Н.А. Бухбиндер // Крас. летопись. – 1922. – № 2–3. – С. 38–102.

УДК 343.575

Е.В. Костючук, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
И.А. Шаматуйский

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА БОРЬБУ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Масштабы и темпы распространения наркомании, широкий размах незаконного оборота наркотических средств свидетельствуют о том, что принимаемых правоохранительными органами мер недостаточно. Поводы и основания для возбуждения уголовного дела указаны в ст. 108 УПК, и основное требование, которое установлено уголовно-процессуальным законом, и необходимое для возбуждения уголовного дела – это наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Наиболее частый повод к возбуждению уголовных дел рассматриваемой категории – непосредственное обнаружение органами дознания признаков

преступления в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Данный вид деятельности закреплен и регламентирован Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», который определяет ее содержание и закрепляет систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). ОРД, осуществляемая гласно и негласно, проводится в целях обеспечения защиты жизни, здоровья, прав и свобод личности, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [1].

При наличии сведений о фактах совершения противоправных действий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в целях выявления таких действий, а также лиц и преступных групп, в них участвующих, действующее законодательство дает возможность осуществлять целый комплекс ОРМ. Наиболее часто применяемыми в таких ситуациях являются проверочная закупка, наблюдение, оперативный осмотр, контроль почтовых отправлений, контроль в сетях электросвязи, контролируемая поставка, оперативный эксперимент.

Принятие решения о проведении того или иного ОРМ должно быть обоснованным. Можно выделить процессуальные и тактические основания для проведения вышеуказанных мероприятий.

К процессуальным будут относиться наличие возбужденного уголовного дела и поручения следователя по нему, адресованного оперативным сотрудникам. По своему содержанию данное основание является общим и включает в себя ряд иных, указанных в законе, оснований. При этом оперативно-розыскная ситуация, складывающаяся в связи с наличием возбужденного уголовного дела, может быть нескольких видов. Во-первых, ОРМ почти всегда проводится в связи с обнаружением признаков преступления, когда неизвестно лицо, его совершившее, с целью его установления, а также иных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Во-вторых, ОРМ могут проводиться при наличии уголовного дела, возбужденного самим оперативно-розыскным подразделением как органом дознания. В данной ситуации субъект проведения следственного действия и ОРМ совпадает. В-третьих, при наличии возбужденного уголовного дела ОРМ могут осуществляться на основании поручения соответствующего органа или должностного лица, осуществляющего предварительное расследование. При этом в поручении не должно содержаться указаний на конкретные средства и методы проведения ОРД. Оно должно носить характер постановки общей задачи перед органом дознания о проведении ОРМ, а орган дознания самостоятельно определяет мероприятия и формы их проведения.

К тактическим основаниям относят ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о признаках подготавливаемого или совершенного противоправного деяния, связанного с незаконным оборотом наркотиков, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных оснований для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Помимо многократного роста числа преступлений и веса изымаемых наркотиков отмечается качественное изменение наркопреступности. Если ранее основными потребляемыми наркотиками были изготовленные из местного сырья экстракционный опий и марихуана, то в последние годы на нелегальном рынке Беларуси широкое распространение получили тяжелые формы наркотиков, поставки которых осуществляются из-за пределов нашей страны организованными преступными группами. В связи с этим начнем с ОРМ, которое проводится не только в пределах Республики Беларусь, но и носит больше межнациональный характер, а именно с *контролируемой поставки*. Данное ОРМ представляет собой перемещение гражданином, организацией предметов и документов, контролируемое должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [1].

Цель проведения контролируемой поставки в данной сфере заключается:

в пресечении незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ;

выявлении лиц, принимавших участие в таком сбыте.

Виды: внутренняя (в пределах страны); внешняя (за пределами страны); обычная – без изъятия наркотических средств из оборота; подменная («чистая») – с изъятием наркотических средств и заменой их муляжом; комбинированная – с частичной подменой наркотических средств; сопровождаемая (курьерами) и не сопровождаемая; автомобильная, авиационная, железнодорожная, водная, контейнерная, багажная, почтовая.

Анализ практики показывает, что чаще всего оперативными сотрудниками применяется такой вид ОРМ, как *проверочная закупка*. Проверочная закупка представляет собой приобретение без цели сбыта или потребления у гражданина, организации предметов и документов, сведений или осуществление заказа на выполнение работ (оказание услуг) для получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [1]. Суть данного мероприятия заключается в совершении мнимой сделки купли-продажи с лицом, подозреваемым в торговле запрещенными в

гражданском обороте предметами (наркотическими средствами) с целью подтверждения факта конкретного правонарушения.

К общим требованиям для проведения проверочной закупки относятся внезапность, наступательность, своевременность ее объявления, обеспечение сохранности приобретаемого товара по количеству и качеству.

Наблюдение является наиболее действенным мероприятием. Оно представляет собой визуальное или иное восприятие деяний гражданина, в отношении которого проводится ОРМ, явлений, процессов, событий, деяний иных граждан, происходящих в жилище и ином законном владении гражданина, помещении, здании, сооружении, транспортном средстве, на ином объекте и территории организации, участке местности, непосредственно или опосредованно в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [1].

В процессе наблюдения могут проводиться негласные фото-, кино- съемка или видеозапись. Организация и тактика наблюдения специально уполномоченными на это подразделениями, порядок оформления полученных результатов регламентируются ведомственными нормативными актами МВД Республики Беларусь.

Под *оперативным осмотром* следует понимать обследование жилища и иного законного владения гражданина, помещений, зданий, сооружений, транспортных средств, иных объектов и территории организации, участка местности в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [1].

При проведении данного мероприятия до возбуждения уголовного дела оперативный сотрудник в целях обеспечения дальнейшего взаимодействия должен поставить в известность следователя о планируемых действиях и согласовать с ним порядок и условия их производства [2, с. 39].

Контроль в сетях электросвязи представляет собой получение, преобразование и фиксацию с помощью технических средств данных и сообщений, принимаемых, передаваемых, обрабатываемых, хранящихся в сетях электросвязи, прерывание соединений в сетях электросвязи с одновременным установлением абонентских номеров и (или) уникальных кодов идентификации абонентов (пользователей услуг электросвязи) и (или) их местонахождения в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [1].

Данное мероприятие осуществляется в порядке, регулируемом ведомственными нормативными правовыми актами МВД Республики Беларусь.

Оперативный эксперимент – одно из наиболее сложных ОРМ с точки зрения познания его сущности, форм, условий проведения, законности и возможности использования полученных результатов [3, с. 172].

Оперативный эксперимент представляет собой вовлечение под контролем должностного лица органа, осуществляющего ОРД, гражданина, в отношении которого имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную на основе этих сведений обстановку, максимально приближенную к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина, в целях вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [1].

Перед проведением оперативного эксперимента необходимо убедиться в том, что:

характер создаваемых условий в разумной степени очевиден и в связи с этим правильно оценен и воспринят объектом, совершающим преднамеренные действия;

существуют основания предполагать, что планируемое ОРМ выявит законспирированную противозаконную деятельность;

создание для объекта соответствующих условий не является неоправданным ввиду характера противоправной сделки, в которой объект ОРД намерен участвовать [4, с. 376].

Исходя из анализа практики применения данного ОРМ, можно выделить несколько организационных этапов его проведения, составляющих некий алгоритм действий оперативников:

получение достоверной информации о причастности лица к замаскированной преступной деятельности;

принятие решения о проведении оперативного эксперимента, вынесение постановления, составление плана ОРМ;

осуществление мер по документированию противоправных действий подозреваемых в ходе проведения эксперимента, проведение комплекса мероприятий по выявлению и фиксации следов преступления;

принятие мер к задержанию подозреваемого в момент совершения преступления или разыскиваемого в момент обнаружения [4, с. 377].

Экспериментальные действия по сбыту указанных веществ могут быть правомерными только при условии, что инициатива принадлежит объекту ОРМ, т. е. лицу, приобретающему их. В противном случае участники ОРМ, работая на показателе, сами будут искусственно воспроизводить преступность, а не бороться с ней [4, с. 375].

Контроль почтовых отправлений представляет собой просмотр почтовых отправлений в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [1].

В последнее время отмечается тенденция активного использования наркогруппировками каналов международной почтовой связи для организации контрабандных поставок наркотиков и новых психоактивных

веществ. Анализ информации свидетельствует о том, что наркотики в международных почтовых отправлениях поступают из Нидерландов, Великобритании, Германии, Беларуси, Украины, Польши, Канады, Испании, Казахстана, США, Хорватии, Израиля, Вьетнама, Мексики, Венгрии, Чехии, Южной Африки, Швеции, Филиппин, Молдовы, Индии, Дании, Португалии, Латвии. Синтетические каннабиноиды и производные N-метилэфедрона в основном поступают из Китая.

Практика показывает, что на этом направлении имеется ряд недостатков организационного, технического и правового характера, не препятствующих контрабанде наркотиков данным способом. Например, отсутствие практики досмотра грузов во многих транспортных и логистических компаниях, не являющихся операторами почтовой связи, необязательность регистрации полных паспортных данных физических лиц, отправляющих и получающих грузы в логистических компаниях, недостаточная техническая оснащенность мест международного почтового обмена [5, с. 28].

Эффективность осуществления противодействия сбыту наркотических средств, психотропных веществ требует использования всего спектра возможностей ОРД. При этом сотрудникам приходится сталкиваться с различными изощренными и ранее неизвестными мерами конспирации и приемами противодействия, применяемыми сбытчиками наркотиков.

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Пидусов, Е.А. Применение специальных знаний при проведении оперативно-розыскных мероприятий в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ / Е.А. Пидусов, О.Н. Рябчунова // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2009. – № 3. – С. 36–42.

3. Остяков, С.Г. Практика применения оперативного эксперимента подразделениями органов наркоконтроля / С.Г. Остяков // Современные проблемы противодействия наркопреступности и распространению наркомании в азиатско-тихоокеанском регионе : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Хабаровск, 28–29 апр. 2010 г. / Дальневосточ. ин-т повышения квалификации ФСКН России. – Хабаровск, 2010. – С. 172–179.

4. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Голяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 832 с.

5. Морозов, А.В. О проблемах борьбы с распространением новых синтетических наркотиков и новых психоактивных веществ / А.В. Морозов // Вестн. Всерос. ин-та повышения квалификации сотрудников М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – 2016. – № 1. – С. 22–31.

РОЛЬ СОТРУДНИКА ОПЕРАТИВНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ У ГРАЖДАН МОТИВОВ СОДЕЙСТВИЯ ОРГАНАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ

Преступность в современном мире является неотъемлемой составляющей повседневной жизни. Она носит социальный характер, что объясняется природой ее зарождения. Преступность порождена обществом, зависима и производна от условий и характера общественного уклада. По содержанию она представляет собой специфический вид поведения людей, вносящий существенные отклонения от нормальной организации и функционирования жизнедеятельности социума.

Общеизвестным и не требующим дополнительного объяснения фактом является необходимость снижения уровня преступности до минимально возможных показателей.

Однако снижение официальных показателей преступности не является гарантом нормального существования общества как социальной системы. Существенной особенностью преступности можно считать разделение ее на две обособленные подсистемы: официально зарегистрированную и скрытую от правоохранительных органов латентную преступность.

Латентная преступность является серьезным криминогенным фактором, детерминирующим дальнейшее распространение преступности. И особенно важно то, что наличие высокой латентной преступности существенно нарушает права человека, т. е. реально пострадавшие от преступлений граждане не получают от государства необходимой, задекларированной в Конституции, правовой помощи и защиты [1, с. 314].

Эффективность деятельности правоохранительных органов, а в частности подразделений криминальной милиции, по борьбе с преступностью в большей степени достигается за счет высокой оперативной осведомленности, позволяющей противостоять преступным проявлениям в современном обществе.

Организовать эффективное противостояние преступности видится возможным только при наличии полной и достоверной информации обо всех обстоятельствах совершения конкретных обособленных преступлений.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о необходимости привлечения граждан к конфиденциальному содействию органам

внутренних дел (далее – ОВД). Следует обратить особое внимание на конфиденциальность сотрудничества. Это обусловлено обеспечением дополнительной безопасности конфиденентов и доверительными взаимоотношениями их с лицами, входящими в круг их общения и представляющими интерес для органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД). Однако имеет место быть мнение, согласно которому, если могут быть определены иные источники информации, то от привлечения лиц к негласному сотрудничеству следует воздержаться. Вместе с тем наличие преступлений, представляющих большую общественную опасность для общества и скрытых от правоохранительных органов, предопределяет необходимость задействования конфиденентов, с помощью которых представляется возможным выявление и пресечение сложных механизмов преступной деятельности.

Устанавливать отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие и желание оказывать содействие ОВД на конфиденциальной основе, – это право сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих ОРД.

Негласное содействие граждан ОВД заключается в установлении лично-деловых отношений сотрудника оперативного подразделения с гражданином на основе особого психологического контакта. Нельзя не отметить роли мотивационных начал в процессе оказания содействия ОВД.

Мотив в значительной степени влияет на эффективность ОРД, детерминирует способы поведения и психологические характеристики ее субъектов.

Каждое привлечение должно отвечать принципам целесообразности, целеустремленности и перспективности [2, с. 193]. Оперативные работники обязаны всесторонне изучить и объективно оценить возможности, способности, навыки, умения, наклонности и личность привлекаемых к содействию лиц в целом. Немаловажным моментом оценки личности на предмет возможности сотрудничества с ОВД является установление мотивации содействия, так как она выступает непосредственной причиной поведения конфиденента и гарантом его заинтересованности в оказании помощи.

Наличие аппарата, оказывающего конфиденциальное сотрудничество, несомненно, является отличительной особенностью ОРД. Однако привлечение граждан к содействию на конфиденциальной основе требует от сотрудников оперативного подразделения высокого уровня профессионализма и глубоких знаний в области психологии личности. Неотъемлемой частью процесса привлечения граждан к сотрудничеству является формирование мотива содействия у привлекаемого лица.

На современном этапе как в юридических, так и психологических науках нет однозначного подхода к пониманию определения мотива и процесса мотивации в целом.

Анализируя работы многочисленных авторов, видится возможным выделение трех, наиболее распространенных подходов к определению мотивов. Так, в качестве мотива может рассматриваться:

побуждение как основная форма удовлетворения потребностей личности, а также условия и обстоятельства, способствующие достижению цели; предмет как материально выраженный, так и абстрактно определенный, побуждающий к той или иной деятельности;

причина, которая заложена в основу совершения тех или иных действий.

Следует обратить внимание также на отсутствие единого мнения об основаниях классификации мотивов содействия. Многие авторы неоднократно пытались классифицировать мотивы с разных позиций.

Однако необходимо отметить, что выделение видов мотивов и их классификация зависят от того, как тот или иной автор понимает сущность мотива. Так, имеет место разграничение мотивов на биологические и социальные, выделение мотивов самоуважения, самоактуализации, мотивов-стремлений к результату (мотивы достижения), мотивов-стремлений к самой деятельности, мотивов к успеху и избежанию неудачи. Нередки случаи деления мотивов в зависимости от принадлежности стимулов, вызывающих потребности, к внешним или внутренним.

Отметить важность мотивов содействия видится возможным через определение основных их функций и задач. Так, можно выделить три основные функции: побудительную, координационную и контролирующую.

Побудительная заключается в том, что мотивы являются порождающим фактором поступков личности, ее поведения и деятельности.

Координационная состоит в осуществлении конкретной линии поведения или деятельности.

Сущность контролирующей функции заключается в наличии прямой зависимости поведения и деятельности лица от характера личной мотивации.

К основным задачам мотивов содействия граждан ОВД можно отнести: формирование у каждого конфиденца устойчивого понимания сущности и значимости выполняемой ими работы;

обеспечение наибольшей продуктивности конфиденцев;
обеспечение устойчивости и системности содействия.

Проанализировав социальную практику, видится возможным выведение закономерности качества выполнения поставленных задач и целей от степени осознанности и мотивированности деятельности че-

ловека. Так, чем выше степень убежденности в необходимости совершения определенных действий и в целом устойчивости мотива, тем выше уровень стремления к достижению положительных результатов деятельности.

Степень устойчивости мотива – один из ключевых факторов определения готовности и возможности конфиденца осуществлять те или иные задания в целях реализации задач ОРД.

Очевидным фактом является важность правильного поведения сотрудника органов внутренних дел в процессе формирования и закрепления мотива содействия у потенциальных конфиденцев.

Механизм мотивации весьма сложен. В качестве первоначальных действий сотруднику оперативного подразделения необходимо определить наиболее ярко выраженный и устойчивый мотив у возможного конфиденца. Однако уже на этом этапе могут возникнуть проблемы с выделением конкретного мотива. Это связано прежде всего с тем, что часто деятельность человека побуждается не единственным мотивом, а их взаимосвязанной и взаимообусловленной совокупностью. В связи с этим необходимо определить группу, к которой относятся выявленные мотивы. Так, видится вполне обоснованным разделение всех мотивов по потребностям на: органические (физиологические), материальные, социальные, познавательные, самовыражения, духовные, потребности в безопасности.

В качестве следующего этапа в формировании мотива можно выделить действия сотрудника оперативного подразделения по созданию благоприятной, доверительной психологической обстановки в процессе общения с конфиденцем. Для эффективного проведения беседы и достижения цели укрепления устойчивости мотива важно уделить особое внимание противоречиям во взглядах конфиденца на содействие ОВД. Сам факт сотрудничества с правоохранительными органами часто вызывает у привлеченных к содействию лиц борьбу мотивов. Особенно ярко данное явление прослеживается у лиц, придерживающихся анти-социального образа жизни. Именно в такой ситуации роль сотрудника оперативного подразделения особенно высока. От правильности выбора поведения сотрудника в данной ситуации зависят дальнейшая эффективность и надежность негласного аппарата в лице данного конфиденца. Видится возможным определение наиболее рациональных методов воздействия на конфиденца в целях устранения неблагоприятных мотивов в рамках формирования его субъективного мировоззрения, направленного на оказание помощи правоохранительным органам. Так, целесообразно выделить стимулирование, логическое и психологическое воздействие.

Под стимулированием в такой ситуации следует понимать воздействие на внешние обстоятельства, имеющие значение для данного конфиденнта с помощью благ. Этот вид воздействия наиболее рационален в случае корыстной заинтересованности содействия.

Логическое воздействие заключается в доведении конфиденнту положительной составляющей конфиденциального сотрудничества, установленной путем логического анализа результатов деятельности негласного аппарата в процессе борьбы с преступностью. Целесообразно использовать этот метод в случае преобладания идеологических мотивов содействия.

Психологическое воздействие в данном контексте представляет собой преднамеренное влияние оперативного сотрудника на психологическое состояние, чувства и эмоции конфиденнта. Этот метод наиболее эффективен в случае потребности лица, привлекаемого к конфиденциальному сотрудничеству, в самоутверждении как одной из форм мотива самовыражения.

Эффективность формирования мотива содействия в подобной ситуации находится в прямой зависимости от уровня профессионализма сотрудника оперативного подразделения.

Заключительным этапом в формировании устойчивого мотива оказания помощи ОВД является проверка реальной возможности и готовности конфиденнта к выполнению поставленных задач. Проверочные действия могут выражаться в различных формах. Так, вполне логичным будет проведение инсценировки того или иного оперативно-розыскного мероприятия с обязательным привлечением конфиденнта. Скорость и качество выполнения предназначенного для конфиденнта задания позволят сделать вывод о его заинтересованности, в частности и устойчивости мотивации в целом.

Оперативный сотрудник органов внутренних дел должен стремиться к тому, чтобы у лиц, постоянно оказывающих содействие, сформировались устойчивые идеологические мотивы содействия [3, с. 71].

Все вышеперечисленное является подтверждением значительной весомости роли сотрудника оперативного подразделения в формировании у граждан мотива содействия ОВД. От уровня организованности тактических действий сотрудников в данном направлении напрямую зависит эффективность агентурного метода как одного из элементов ОРД.

1. Алауханов, Е.О. Криминология : учебник / Е.О. Алауханов. – Алматы, 2008. – 429 с.

2. Маркушин, А.Г. Оперативно-розыскная деятельность : учебн. и практикум для СПО / А.Г. Маркушин. – 3-е изд., переб. и доп. – М., 2017. – 301 с.

3. Сыпачев, А.Ю. Гласное содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел : монография / А.Ю. Сыпачев, Д.А. Бражников. – Тюмень, 2013. – 105 с.

УДК 343.985.8 + 004

А.В. Лазуткин, курсант факультета милиции
Научный руководитель – *А.М. Шинкевич*

ПРИНЦИПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КРИМИНАЛЬНОЙ МИЛИЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одним из важнейших факторов, определяющим успех и эффективность оперативно-служебной деятельности сотрудников криминальной милиции, является уровень ее информационного обеспечения, предполагающего своевременное выявление и предоставление (передачу) оперативно значимой информации лицу, непосредственно желающему ее в дальнейшем использовать.

Специфика информационного обеспечения заключается в том, что информация собирается, обрабатывается, систематизируется, хранится и предоставляется в определенной форме. Именно информация является тем самым необходимым компонентом, на основе которого с помощью информационных средств сотрудник криминальной милиции органов внутренних дел может получать необходимые сведения [1, с. 6].

Весь процесс информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений от получения первичной информации, содержащейся в заявлениях и сообщениях о преступлениях, результатах следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, до передачи ее конкретному пользователю реализуется в строгом соответствии с определенными правилами (принципами) [2, с. 98].

Основополагающими, на наш взгляд, являются принципы законности, своевременности, эффективности, непрерывности и защищенности.

Законность выступает общеправовым принципом, закрепленным в ст. 7 Конституции Республики Беларусь. Этот принцип включает в себя требование точного и неуклонного соблюдения и исполнения законов всеми субъектами оперативно-розыскной деятельности.

Своевременность обеспечения информацией заключается в том, что она необходима сотрудникам криминальной милиции органов внутренних дел на определенном этапе работы по выявлению, предупреждению, пре-

сечению и (или) раскрытию преступлений в сроки, установленные правовыми актами Республики Беларусь, а потому информация должна максимально соответствовать моменту раскрытия преступления [2, с. 98].

Эффективность информационного обеспечения означает предоставление сотруднику криминальной милиции органов внутренних дел такой информации, которая способствует достижению наивысшего результата его работы. Эффективность прежде всего зависит от полноты и достоверности информации, находящейся в распоряжении правоохранительных органов [2, с. 99].

Для повышения эффективности информационного обеспечения в ОВД используются и совершенствуются компьютерные средства обработки данных, вводятся в эксплуатацию новые программные комплексы, имеющие своей целью не только увеличение скорости обработки информации, но и упрощение работы с базами данных.

Непрерывность информационного обеспечения. Для достижения целей своевременного и эффективного предоставления информации в распоряжение сотрудника криминальной милиции органов внутренних дел необходимо соблюдение непрерывности информационного обеспечения. Сущность данного принципа состоит в том, что в системе МВД Республики Беларусь осуществляется постоянное пополнение всех видов учетов, призванных обеспечивать результативную оперативно-розыскную деятельность.

Защищенность информации. Защищенность информации представляет собой ограничение доступа к информации лицам, не имеющим право знакомиться с ней. Любую информацию в зависимости от круга ее распространения можно подразделить на свободную (общедоступную) и информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено (ограниченного распространения).

Согласно ст. 17 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, относятся: информация о частной жизни физического лица и персональные данные; сведения, составляющие государственные секреты; служебная информация ограниченного распространения; информация, составляющая коммерческую, профессиональную, банковскую и иную охраняемую законом тайну; информация, содержащаяся в делах об административных правонарушениях, материалах и уголовных делах органов уголовного преследования и суда до завершения производства по делу; иная информация, доступ к которой ограничен законодательными актами Республики Беларусь.

Практически вся информация, циркулирующая в подразделениях криминальной милиции ОВД, относится к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено и имеет конфиден-

циальный характер, поскольку служит для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

В целях предотвращения утечки, хищения, утраты, искажения, несанкционированных действий по уничтожению, копированию информации, сохранения государственной тайны и конфиденциальности информации у правоохранительных органов постоянно существует необходимость в ее защите. Защита информации в основном осуществляется с помощью специальных программно-технических средств. К таким средствам относятся: программы, блокирующие доступ пользователя к информационным ресурсам без регистрации (ввода имени пользователя и пароля); программы, контролирующие работу пользователя с информационными ресурсами (время начала и окончания работы, использованные в работе файлы и т. д.); антивирусные программы.

К техническим средствам защиты относятся: охранные сигнализации и средства видеонаблюдения; блокировка дверей, укрепление стен, пола и потолка в помещениях, где хранится информация, распространение и (или) предоставление которой ограничено; использование генераторов шума – устройств, генерирующих электромагнитные помехи с целью недопущения перехвата информации аппаратурой, использующей электромагнитные излучения источников хранения информации [2, с. 100].

Также немаловажную роль в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений играют такие факторы, как строжайшее соблюдение правоохранительными органами учетно-регистрационной дисциплины, наличие необходимой правовой базы, регулирующей процесс информационного обеспечения, материально-финансовое и техническое обеспечение правоохранительной деятельности [2, с. 100].

Для максимальной эффективности информационного обеспечения подразделений криминальной милиции ОВД необходимо полное и неукоснительное соблюдение данных принципов. В настоящее время соблюдение вышеназванных принципов осуществляется путем дальнейшего развития уже существующей информационной инфраструктуры ОВД, в ходе развития которой решаются следующие задачи:

создание интегрированной универсальной транспортной среды связи ОВД, обеспечивающей взаимодействие с телекоммуникационными системами других органов государственной власти;

модернизация автоматизированных банков данных общего пользования на базе унифицированных программно-технических комплексов информационно-аналитических центров ОВД;

создание специализированных территориально-распределенных автоматизированных информационных систем по приоритетным направлениям оперативно-служебной деятельности ОВД;

интеграция автоматизированных ресурсов в единое информационное пространство ОВД;

организация санкционированного доступа сотрудникам криминальной милиции органов внутренних дел к информационным ресурсам в режиме реального времени;

обеспечение необходимого уровня информационной безопасности при информационно-телекоммуникационном обеспечении ОВД;

внедрение в практическую деятельность сотрудников криминальной милиции органов внутренних дел новых и перспективных интеллектуальных информационных технологий поддержки принятия управленческих решений.

Для реализации данных задач важно решение вопросов по следующим направлениям:

1. Создание и развитие интегрированной мультисервисной телекоммуникационной системы (далее – ИМТС) ОВД. Эта система будет являться базовой универсальной телекоммуникационной инфраструктурой ОВД. Предполагается, что она станет системообразующим компонентом единой ИМТС ОВД, который обеспечивает формирование единого информационного пространства, реальную интеграцию и эффективное использование распределенных информационных ресурсов МВД Республики Беларусь. ИМТС направлена на обеспечение информационного взаимодействия подразделений ОВД с другими правоохранительными органами и органами государственной и исполнительной власти на республиканском, областном и районном уровнях. ИМТС обеспечивает возможность использования широкого комплекса телекоммуникационных услуг подразделениям системы МВД Республики Беларусь и возможность взаимодействия с магистральными сетями связи.

2. Создание инфраструктуры единого информационного пространства. В качестве основных элементов единого информационного пространства, обеспечивающих взаимодействие существующих автоматизированных информационных ресурсов ОВД, предлагается разработать унифицированные средства сопряжения различных уровней управления ОВД на базе современных аппаратно-программных и программных средств для обеспечения доступа сотрудникам подразделений криминальной милиции органов внутренних дел.

3. Развитие системы автоматизированных банков данных общего пользования. Мероприятия по развитию этой системы нацелены на создание инфраструктуры, интегрирующей информационные ресурсы общего пользования в системе МВД Республики Беларусь.

4. Совершенствование информационно-технологического обеспечения служб ОВД. Мероприятия данного блока нацелены на создание автоматизированных информационных систем по приоритетным направлениям деятельности ОВД.

5. Развитие инфраструктуры информационной безопасности. Предполагается, что не менее 90 % всей информации, которая будет циркулировать в единой интегрированной телекоммуникационной сети ОВД, будет носить характер конфиденциальной или содержать сведения, составляющие государственную тайну. Поэтому без решения вопросов технической защиты информации создание и внедрение единой интегрированной телекоммуникационной сети ОВД практически невозможно.

Реализация мероприятий по этим направлениям обеспечит интеграцию в единое информационно-телекоммуникационное пространство различных как существующих и успешно функционирующих, так и вновь создаваемых и модернизируемых автоматизированных информационных систем ОВД, что даст возможность подразделениям криминальной милиции наиболее быстро и эффективно решать каждодневные оперативно-служебные задачи.

Данный подход позволит, с одной стороны, сконцентрировать на приоритетных направлениях выделяемые финансовые ресурсы на информационно-аналитическое обеспечение оперативно-служебной деятельности, а с другой – повысит эффективность отдачи от уже вложенных финансовых ресурсов в сферу информатизации ОВД.

Таким образом, главными принципами информационного обеспечения субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, являются принцип законности, своевременности обеспечения информацией, эффективности и непрерывности информационного обеспечения, а также принцип защиты информации. Неукоснительное соблюдение принципов информационного обеспечения способствует повышению эффективности и результативности работы подразделений криминальной милиции ОВД. Создание и внедрение в практическую деятельность подразделений криминальной милиции ОВД современных информационных и телекоммуникационных технологий и систем являются одними из важнейших направлений развития инфраструктуры системы МВД Республики Беларусь.

1. Зуев, С.В. Информационное обеспечение уголовного процесса : метод. рекомендации / С.В. Зуев. – Челябинск : Челяб. юрид. ин-т, 2004. – С. 9.

2. Белов, О.А. Принципы информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений / О.А. Белов // Вестн. криминалистики. – 2006. – № 3. – С. 98–100.

А.А. Масловская, курсант факультета милиции
 Научный руководитель – *С.В. Пиллюшин*

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ

В настоящее время коррупция приобрела признаки непредсказуемого по характеру глобального правового, социального и политического феномена. Это явление дестабилизирует все сферы общественной жизни: видоизменяет правовые и этические отношения, деформирует общественное правосознание и мораль. Коррупция не только отражает тревожные тенденции развития общества, но и препятствует полноценному поступательному экономическому и политическому развитию государства, а также представляет угрозу для эффективного развития социума.

Следует понимать, что коррупция – это собирательное название разнообразных нарушений закона чиновниками и бизнесом. Главным стимулом коррупции является возможность получения экономической выгоды, связанной с использованием властных полномочий. Согласно научным исследованиям коррупция есть крупнейшее препятствие экономическому росту и развитию, способное поставить под угрозу любые преобразования.

В этой связи вопрос противодействия коррупции по-прежнему является одним из самых актуальных направлений деятельности государственных органов Республики Беларусь, осуществляющих борьбу с таким социальным злом.

В Республике Беларусь сформировалась определенная система организации борьбы с коррупцией, которая включает:

- разработку и принятие антикоррупционной нормативной правовой базы и определение механизма ее выполнения;
- разграничение между государственными органами их функций, зон ответственности и организацию взаимодействия по противодействию коррупции;
- создание и обеспечение деятельности специальных подразделений по борьбе с коррупцией;
- образование на различных уровнях комиссий, координационных советов и совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией; специальных информационно-аналитических и криминалистических центров;
- обеспечение научного сопровождения деятельности государственных органов по борьбе с коррупцией;

использование государственных СМИ, активное вовлечение граждан, общественных организаций и трудовых коллективов в деятельность по противодействию коррупции [1, с. 75].

Базовыми нормативными правовыми актами, регламентирующими противодействие коррупции в Республике Беларусь, выступают: Закон от 15 июля 2015 г. № 305-3 «О борьбе с коррупцией»; Указ Президента от 23 сентября 2010 г. № 485 «О государственной программе по борьбе с преступностью и коррупцией»; Закон от 4 января 2014 г. № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»; Указ Президента от 4 декабря 2007 г. № 611 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел и организаций, входящих в систему органов внутренних дел»; Указ Президента от 16 июня 2007 г. № 330 «О специальных подразделениях по борьбе с коррупцией и организованной преступностью» и др.

Непосредственное противодействие коррупции осуществляют органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности, в которых создаются специальные подразделения по борьбе с коррупцией. Государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, решают стоящие перед ними задачи самостоятельно и во взаимодействии между собой, с другими государственными органами и иными организациями, а также при содействии граждан Республики Беларусь.

Следственный комитет, органы Комитета государственного контроля, Государственный таможенный комитет и таможи, Государственный пограничный комитет и иные органы пограничной службы, Министерство по налогам и сборам и его инспекции, Министерство финансов и его территориальные органы, Национальный банк, другие банки и небанковские кредитно-финансовые организации, а также другие государственные органы и иные организации Республики Беларусь участвуют в борьбе с коррупцией в пределах своей компетенции в соответствии с актами законодательства.

Кроме того, борьба с коррупцией осуществляется государственными органами и иными организациями посредством комплексного применения следующих мер, представленных в Законе «О борьбе с коррупцией»:

- планирование и координация деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией;
- установление ограничений, а также специальных требований, направленных на обеспечение финансового контроля в отношении государственных должностных и приравненных к ним лиц в целях предотвращения проявлений коррупции и их выявления;

обеспечение правовой регламентации деятельности государственных органов и иных организаций, государственного и общественного контроля, а также надзора за этой деятельностью;

совершенствование системы государственных органов, кадровой работы и процедуры решения вопросов, обеспечивающих защиту прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, и др.

Основной целью принятия Закона «О борьбе с коррупцией» было снижение показателей коррупционных преступлений, однако если обратиться к статистическим данным МВД, то можно отметить, что составы взяточничества за 2016 г. по сравнению с 2015 г. возросли на 53,3 %, а за 2017 г. (по сравнению с 2016 г.) – на 12,8 %; показатели хищений путем злоупотребления служебными полномочиями за 2016 г. по сравнению с 2015 г. возросли на 7,2 %, а за 2017 г. (по сравнению с 2016 г.) – на 11,4 % [2].

Рост коррупционных проявлений, по нашему мнению, свидетельствует не столько о неэффективности принимаемых государством мер по противодействию коррупции, сколько о снижении степени латентности и улучшению работы по противодействию коррупции.

Меры борьбы с коррупцией реализуются в республиканских органах государственного управления и иных государственных организациях, подчиненных правительству Республики Беларусь, областных, Минском городском, городских, районных исполнительных комитетах, местных администрациях районов в городах посредством создания и деятельности комиссий по противодействию коррупции. Эти комиссии выполняют ряд функций, утвержденных постановлением Совета Министров от 26 декабря 2011 г. № 1732.

Все органы власти необходимо привлечь к противодействию коррупции. Поэтому их деятельность в этом направлении сводить к содействию в предоставлении документов и иных материалов явно недостаточно. Следует проводить анализ причин и условий, способствовавших коррупционному преступлению, чем и занимаются органы прокуратуры.

Координация деятельности по профилактике правонарушений в пределах компетенции осуществляется Генеральным прокурором Республики Беларусь и нижестоящими прокурорами территориальных и транспортных прокуратур, в том числе посредством организации работы координационных совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией. Также Совет Министров разрабатывает совместно с Генеральной прокуратурой комплексные планы по борьбе с преступностью и коррупцией и выносит их на утверждение республиканскому координационному совещанию по борьбе с преступностью и коррупцией.

Информационно-аналитическое обеспечение деятельности по выявлению преступлений является сложным системным образованием. В современных условиях противодействия экономической преступности выстроена целая система получения оперативной информации, которая позволяет эффективно решать задачи оперативно-розыскной деятельности. Ведь в основном оперативный сотрудник свою информационную работу строит по наработанным схемам, повторяющимся из года в год и, как правило, только в части анализа негласной информации. Построение такой системы обеспечит решение информационных проблем деятельности подразделений БЭП ОВД. Это будет способствовать расширению возможностей осуществления оперативного поиска при выявлении экономических преступлений.

Также в целях сбора, хранения, анализа и обобщения информации о фактах, свидетельствующих о коррупции, в том числе о физических и юридических лицах, причастных к коррупции, в специальных подразделениях по борьбе с коррупцией создаются и ведутся оперативные учеты и централизованные банки данных.

Республика Беларусь стремится минимизировать коррупционное проявление всеми доступными способами, однако искоренение столь латентной деятельности невозможно без усиления мер как государственного, так и общественного регулирования.

Одной из форм государственного контроля по противодействию коррупции выступает Государственная программа по борьбе с преступностью и коррупцией (далее – Программа). Данная Программа составляется на каждые два года. Она направлена на реализацию комплексной, согласованной и последовательной политики Республики Беларусь, основанной на планировании и координации деятельности государственных органов и иных организаций в сфере противодействия преступности и коррупционным проявлениям.

Целями Программы являются снижение уровня и позитивное изменение структуры преступности в Республике Беларусь посредством совершенствования деятельности государственных и общественных структур по предупреждению противоправного поведения, пресечению преступлений и коррупционных проявлений, устранению их негативных последствий.

Программа направлена на решение следующих основных задач:

мониторинг и прогнозирование состояния и структуры преступности и коррупции в целях предотвращения негативных изменений, создающих угрозу национальной безопасности;

обеспечение эффективного функционирования и дальнейшего совершенствования системы профилактики правонарушений посредством

скоординированной деятельности и расширения взаимодействия государственных и общественных структур;

повышение результативности антикриминальной политики, уровня экономической и общественной безопасности, в том числе путем оптимизации правовых и организационных условий деятельности правоохранительных органов;

внедрение инноваций, передового опыта в сфере противодействия противоправному поведению, проявлениям коррупции и экстремизма, алкоголизации и наркотизации населения.

Прогнозируемые результаты реализации Программы:

снижение количественных показателей, недопущение негативных структурных изменений преступности и коррупции;

улучшение состояния законности и правопорядка, общественной и экономической безопасности;

сокращение социального ущерба, в том числе гибели граждан от преступных посягательств.

На 2017–2019 гг. Программа предусматривает следующие меры по предупреждению и пресечению коррупции:

разработку и реализацию комплекса мер, направленных на расширение участия общественных организаций, политических партий, а также граждан в реализации мер по предупреждению коррупции;

проведение мониторинга практики применения Закона «О борьбе с коррупцией» и внесение при необходимости предложений по его совершенствованию;

принятие мер по обеспечению прозрачности проведения процедур государственных закупок, в том числе путем создания и функционирования государственной автоматизированной системы по управлению государственными закупками, ее интегрирования с системой государственного казначейства, автоматизации процессов сбора и обработки содержащейся в системе информации по различным параметрам.

Таким образом, коррупция – социальное зло, поразившее практически все сферы жизнедеятельности общества. Анализ обобщенных статистических данных за последние три года, проведенный нами, свидетельствует о высокой степени «зараженности» коррупцией большинства социальных систем: здравоохранение – 19,1 %, сельское хозяйство – 7,6 %, транспорт – 3,8 %, образование – 13 %, торговля – 6,6 %, промышленность – 10,7 %, финансы, страхование – 1,3 %, строительство – 12,2 %, культура, спорт – 2,2 %, социальные услуги – 13,8 %, государственное управление – 9,7 % [3].

В настоящее время общественный контроль в сфере борьбы с коррупцией и обеспечении национальной безопасности, который осущест-

вляется гражданами Республики Беларусь, организациями, в том числе общественными объединениями, в порядке, определенном законодательными актами, постановлениями Совета Министров Республики Беларусь, весьма актуален и способствует противодействию коррупционным проявлениям.

Деятельность граждан Республики Беларусь, организаций, в том числе общественных объединений, при осуществлении общественного контроля в сфере борьбы с коррупцией может осуществляться в следующих формах:

участие в разработке и всенародном (общественном) обсуждении проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией;

участие в деятельности созданных в государственных органах и организациях комиссий по противодействию коррупции;

иные формы такого участия, предусмотренные законодательными актами.

Деятельность представителей общественных объединений может осуществляться в следующих формах:

проведение общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией и направление соответствующих заключений в государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией;

участие в заседаниях коллегий государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, координационных совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией с правом совещательного голоса;

участие в подготовке проектов нормативных правовых актов, решений органов исполнительной власти и иных документов, затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций;

участие в проведении социологических опросов по вопросам противодействия коррупции [4].

Несмотря на достаточно широкий спектр путей и способов участия граждан и общественных институтов в противодействии коррупции, их потенциал в настоящее время в полном объеме не используется.

Исходя из изложенного, хотелось бы подчеркнуть, что на сегодня в Республике Беларусь создана законодательная база, в которой закреплены меры, методы и способы противодействия коррупционным проявлениям.

Важнейшим резервом по повышению эффективности противодействия коррупционным проявлениям в нашем государстве является не только привлечение государственных органов, но и не формальное, а реальное привлечение к нивелированию коррупционных угроз граждан и общественных организаций. Видится, что именно усиление обще-

ственного контроля за деятельностью органов исполнительной власти позволит в значительной степени снизить латентность коррупционной преступности с одной стороны, а с другой – повысит ответственность должностных лиц при принятии решений.

1. Барановский, Н.А. Социально-правовой контроль и противодействие коррупционной преступности / Н.А. Барановский // Юстыця Беларусі. – 2009. – № 10. – С. 75–76.

2. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Офф. сайт. – Режим доступа: <http://www.mvd.gov.by>. – Дата доступа: 22.06.2018.

3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 22.06.2018.

4. Васильев, Г.А. Сочетание мер правового и общественного воздействия – важнейший фактор противодействия коррупции [Электронный ресурс] / Г.А. Васильев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.985.7

Л.Л. Мельник, выпускник магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Р.В. Скачек*

КЛАССИФИКАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Выбор информационных технологий при расследовании преступлений против информационной безопасности обуславливают некоторые особенности данных преступлений.

Трансграничный характер преступности. Данная особенность характерна тем, что благодаря интернету преступники могут быть между собой незнакомы, находиться в одном государстве, а направлять свои преступные действия в отношении объекта, который расположен на территории другого государства. Эффективное противодействие трансграничному характеру преступности может быть обеспечено международным взаимодействием. В настоящее время основным нормативным правовым документом среди европейских стран по вопросам взаимодействия по борьбе с киберпреступностью является Европейская конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве) (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). Проблемой при международном сотрудниче-

стве для правоохранительных органов Республики Беларусь является то обстоятельство, что Беларусь к данной конвенции не присоединилась.

Разносторонность в способах совершения преступного деяния, которые видоизменяются ежедневно ввиду развития технологий. По данным отчета компании Cyberwar and Cybersecurity, опубликованного TechRepublic, номером один являются внешние вредоносные источники, затем случайные инциденты и вредоносные инсайдеры. Первая тройка источников кибератак не меняется и их можно признать традиционными.

Возможность совершать массовые преступные деяния, которые могут исчисляться миллионами эпизодов посредством автоматизации совершения преступления. По данным, предоставленным в отчете Cyber Security Intelligence Index 2016, клиенты компании IBM столкнулись более чем с 52 млн событиями против безопасности [1].

Определенная техническая подготовка преступника перед совершением преступления. Как правило, для совершения преступлений против информационной безопасности требуется наличие навыков обращения с компьютерами и различными периферийными устройствами к нему, а часто и специальные навыки программирования.

Широкое использование средств для своей анонимности при совершении преступления. Для достижения данных целей преступники широко используют различные анонимайзеры, которые работают в интернете, такие как Тор-браузеры, VPN-серверы, а также темный интернет. В географическом разрезе могут быть рассмотрены только сетевые атаки, так как по IP-адресу хоста можно локализовать его принадлежность. Kasperski-Security-Bulletin компании АО «Лаборатория Касперского» в своем годовом отчете за 2016 г. предоставил сведения об источниках кибератак, в котором лидируют США, ФРГ, Нидерланды и Россия.

Высокая латентность данных преступлений, ввиду чего пострадавшие от них лица часто не знают о факте противоправных деяний, совершенных в отношении их. По некоторым оценкам, латентность преступлений против информационной безопасности составляет в России 90 %, США – 80 %, Германии – 75 % [2, с. 2].

Постоянно увеличивающаяся сеть охвата населения средствами доступа к интернету, при этом часто данные потребители не знают основ безопасного поведения в интернете. В 2017 г. количество лиц, которые имеют доступ в интернет, составляют 3,58 млрд. В период с 2000 по 2015 г. удельный вес пользователей интернета увеличился почти в семь раз с 6,5 % до 43 % мирового населения.

Большой материальный ущерб от данного вида преступлений. Согласно данным, приведенным в совместном отчете Центра стратегических и международных исследований и компаний McAfee, ежегодные

экономические потери мировой экономики от киберпреступлений составили порядка 500 млрд долл. США [3].

С целью всесторонности предварительного следствия по уголовным делам против информационной безопасности следователями используется ряд научно-технических средств, выбор которых зависит от изучаемого способа совершения преступления, объекта исследования, целей и задач в каждом конкретном случае, которые стоят перед следователем на том или ином этапе расследования. Наличие большой вариативности применяемых технических средств и программ при этом напрямую связано с разнородностью и сложной структурой преступлений против информационной безопасности. Выделяют следующую классификацию информационных технологий, используемых при расследовании киберпреступлений:

1. Технические средства. Для сохранения электронных доказательств следователи используют перечень компьютерной техники, которая обладает свойствами хранения информации. К такой технике относятся: устройство HDD (hard disk drive, накопитель на жестких магнитных дисках, жесткий диск, винчестер), устройство внешний жесткий диск.

Кроме того, для осмотра изъятых предметов и документов, как правило, используются следующие технические средства: адаптеры для присоединения жестких дисков и их последующего осмотра; программно-аппаратный комплекс Cellebrite UFED Touch, предназначенный для извлечения информации из мобильных телефонов и планшетов.

Кроме того, используется модуль EnCase Fast BlockSoftware Edition (SE). Модуль FastBloc предназначен для программной блокировки по записи носителей данных с распространенными интерфейсами подключения – IDE, в том числе адаптеры типа Promise, FireWire, USB, SCSI.

Для подключения к служебному компьютеру накопителя на жестких магнитных дисках с целью его исследования используются различные USB-адаптеры, при этом наиболее популярным среди белорусских следователей является AgeStar.

2. Программы. В ходе осмотра при синхронизации осматриваемого накопителя электронной информации со служебным компьютером следователя для недопущения какого-либо изменения на нем следователь использует программу Write Blocker XP (предназначена для работы с операционной системой Windows XP, Windows 7, используется аналог – программа Invision Forensics USB Write Blocker).

Для быстрого и в то же время эффективного исследования содержимого, изъятых по делу машинных носителей, на компьютере следователя должно быть установлено соответствующее актуальное программное обеспечение, позволяющее проводить поиск, чтение и анализ инфор-

мации. К наиболее эффективным программам относятся следующие: EnCase – программное обеспечение сбора и анализа компьютерных данных, работающее в среде Windows, предназначенное для криминалистического исследования компьютерных носителей информации и основанное на международных спецификациях и требованиях, предъявляемых к деятельности правоохранительных органов; Belkasoft Evidence Center – продукт предоставляет возможность поиска, анализа и сохранения цифровых доказательств, находящихся в историях коммуникации в программах мгновенного обмена сообщениями, интернет-браузеров, почтовых ящиков популярных клиентов электронной почты, социальных сетей, офисных документах, цифровых изображениях и видео, резервных копиях мобильных устройств, а также зашифрованных файлах [4, с. 47]. Интерфейс программы многофункциональный, поддерживает русский язык.

Для резервного копирования, восстановления данных, создания и управления образами логических дисков машинного носителя используется Acronis True Image.

Программа Recuva используется для восстановления удаленных файлов. С помощью этой утилиты можно восстановить файлы, удаленные путем очистки мусорной корзины жесткого диска, стертые с памяти цифровой камеры, карточек памяти или проигрывателя MP3 и других машинных носителей.

Skype Log View – утилита, которая позволяет просматривать логи Skype, установленной на осматриваемом компьютере (накопителе на жестких магнитных дисках), а также просматривать детализированную информацию обо всех входящих (исходящих) звонках и переданных данных. Skype Log View позволяет целиком или частично экспортировать данные в текстовый HTML, CSV, XML файлы.

Windows Registry Recovery – программа восстановления и просмотра регистра Windows. При открытии программой файла Software можно просмотреть информацию об установленной на осматриваемом машинном носителе операционной системе, дате и времени ее установки, а также сведения об установленном программном обеспечении с указанием даты установки, версии, разработчика и места хранения.

Для подбора паролей к различного рода зашифрованным файлам, архивам, криптоконтейнерам следователь может использовать возможности программ-дешифраторов, например, Passwords Pro 2.3.4.0, Accent Office Password Recovery 2.11, Advanced Archive Password Recovery, Password Kit Enterprise 8.1.2670 и др.

Elcom Soft Distributed Password Recovery – программа для подбора пароля к зашифрованным файлам используется. Truecrypt – программа создания и открытия криптоконтейнеров.

3. *Использование информационных технологий иностранных государств* осуществляется путем:

взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств посредством обмена данными по специальным выделенным каналам связи, например Национальный контактный пункт МВД Республики Беларусь, который действует с 2008 г.;

участия представителей правоохранительных органов в программе «Восточное партнерство» посредством совместных конференций и встреч, в которых участвуют представители иных правоохранительных европейских государств с целью установления и выработки общих направлений и средств по борьбе с международной организованной киберпреступностью, а также разработке по проведению международных операций по задержанию киберпреступников;

установления непосредственных контактов с представителями международных финансово-кредитных организаций, платежных систем, компаний, представляющих наиболее популярные интернет-сервисы, которые используются преступниками в целях совершения преступлений против информационной безопасности для получения сведений с одновременным направлением просьб об оказании правовой помощи.

4. *Использование интернета и его ресурсов для установления криминалистически важной информации.*

Часто при совершении преступлений злоумышленники используют интернет, а также следующие технические условия и средства: серверы, IP-адреса, доменные имена сайтов, хостинги, почтовые сервисы, мессенджеры, учетные записи на различных форумах и др. В ходе расследования уголовных дел интернет – важный источник доказательств, однако ввиду отсутствия подключения к интернету на рабочих местах следователей использование данной информационной технологии не распространено. Исключения составляют специализированные подразделения по расследованию преступлений против информационной безопасности. Вместе с тем в США в 86,1 % случаев при расследовании преступлений используют интернет, что положительно влияет на ход расследования.

В целях сбора всей важной по делу информации следует производить осмотр в сети по идентифицирующим пользователя ключевым словам, а также их анализу. Комбинация традиционных методов опроса (допроса) и поиска сведений о лицах в интернете является наиболее оптимальной, о чем свидетельствуют результаты проведенных экспериментов, как например, в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева [5, с. 56–57].

Например, при использовании злоумышленником анонимайзеров IP-адресов всегда следует просмотреть все имеющиеся использованные

им IP-адреса с определением их географической принадлежности, что можно сделать на таких интернет-ресурсах, как xseo.in, 2ip.ru, icann.org. Всегда имеется вероятность в так называемом «протекании» анонимного IP-адреса, поэтому следует даже при наличии сотен IP-адресов проверить все до единого, если того требует следственная ситуация.

Таким образом, предложенная классификация информационных технологий, используемых для расследования киберпреступлений, позволяет систематизировать имеющиеся взгляды по исследуемой проблематике, определить направления совершенствования их использования, разработать алгоритм действий по их применению.

1. Бюллетень безопасности [Электронный ресурс] // IBM. – Режим доступа: <https://www-01.ibm.com/common/ssi/cgi-bin/ssialias?htmlfid=WGL03133USEN&PDF>. – Дата доступа: 12.05.2018.

2. Kabay, M. Studies and Surveys of Computer crime / M. Kabay. – Northfield, 2011. – 354 с.

3. Кибербезопасность [Электронный ресурс] // The economic impact of cyber-crime and cyberespionage. – Режим доступа: <https://csis-prod.s3.amazonaws.com>. – Дата доступа: 13.05.2018.

4. Сушко, А.Е. Особенности изъятия и исследования компьютерной техники в уголовном процессе : метод. рекомендации / А.Е. Сушко, И.А. Судникович. – Минск, 2013. – 58 с.

5. Олиндер, О.В. Проблемные вопросы поиска и восприятия информации о человеке в сети Интернет и ее использование при расследовании преступлений / О.В. Олиндер, Е.А. Гамбарова // Юрид. вестн. Самар. ун-та. – 2016. – № 1. – С. 55–59.

УДК 349.2

В.О. Одинец, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Чигилейчик*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТРАКТОВ С ОТДЕЛЬНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ГРАЖДАН

Контракт – срочный трудовой договор, заключаемый в письменной форме на определенный срок и содержащий особенности по сравнению с общими нормами законодательства о труде. Декретом Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и

исполнительской дисциплины» в правовой оборот введен трудовой контракт, специфический вид трудового договора, который предоставил нанимателям право заключать контракты с любыми категориями работников. Право нанимателей заключать с работниками контракты предоставлено в целях совершенствования организации труда, предупреждения нарушений законодательства в сфере трудовых отношений.

Реализация контрактной формы найма на работу в Республике Беларусь в современный период представляет собой особую актуальность, что обусловлено распространенностью данной формы регулирования трудовых отношений, и, соответственно, необходимостью уточнения особенностей заключения (продления), прекращения контрактов с отдельными категориями граждан.

Правовое регулирование контрактной формы найма осуществляется как общими нормами (которые распространяются на всех работников, работающих по контракту), так и специальными нормами (которые определяют особенности заключения контрактов с отдельными категориями работников – государственными служащими, руководителями государственных организаций, научными сотрудниками, спортсменами-инструкторами, сотрудниками органов внутренних дел и др.). К примеру, в п. 29 Положения о прохождении службы в органах внутренних дел, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133, сформулировано легальное определение контракта о службе: «договор, заключенный в письменной форме на определенный срок между гражданином (сотрудником) и Министерством внутренних дел или иным органом внутренних дел в лице Министра или другого начальника согласно компетенции, определяемой Министром».

На основании анализа законодательства необходимо выделить и рассмотреть особенности заключения (продления), прекращения контракта с различными категориями работников.

I. Заключение контрактов со спортсменами-инструкторами.

Особенности регулирования труда работников, осуществляющих деятельность в сфере профессионального спорта, закреплены в главе 26¹ Трудового кодекса и постановлении Министерства спорта и туризма и Министерства труда и социальной защиты от 28 ноября 2014 г. № 73/102 «О некоторых вопросах заключения контрактов со спортсменами-инструкторами и тренерами команды Республики Беларусь по виду спорта».

Особенностями контракта с данной категорией лиц являются:

1. Контракт заключается между центрами олимпийской подготовки, Министерством спорта и туризма и спортсменом-инструктором, центрами олимпийского резерва, тренером национальной команды по виду спорта при приеме работника на работу.

2. Издается приказ о назначении на должность.

3. Контракт содержит такие обязательные условия для работника, как обязанности:

соблюдать спортивный режим, правила спортивных соревнований; принимать участие в спортивных соревнованиях только по указанию нанимателя;

постоянно поддерживать высокий уровень спортивной подготовки; исключать табакокурение, употребление алкогольных и слабоалкогольных напитков, психотропных веществ;

проходить допинг-контроль в соответствии с законодательством о физической культуре и спорте;

проходить в установленном законодательством порядке медицинские осмотры;

поддерживать репутацию нанимателя во время публичных выступлений в средствах массовой информации.

Наниматель также имеет ряд специфических обязанностей, а именно: осуществление материально-технического, научно-методического и медицинского обеспечения подготовки работника, включая научно-методическое сопровождение, медицинские осмотры, обеспечение проведения восстановительных, профилактических, оздоровительных мероприятий;

обеспечение проведения спортивных мероприятий и участие спортсмена в спортивных соревнованиях под руководством тренера;

знакомство спортсмена под роспись как при приеме на работу, так и в период действия трудового договора с условиями договоров нанимателя с организациями, оказывающими финансовую помощь, рекламодателями, организаторами спортивных мероприятий в части, непосредственно связанной с трудовой деятельностью спортсмена.

4. В трудовом договоре по соглашению сторон для спортсмена, тренера могут предусматриваться дополнительные условия об (о):

обязанности спортсмена достичь определенных спортивных результатов;

обязанности тренера обеспечить достижения спортсменом определенных спортивных результатов;

обязанности использовать в рабочее время спортивную экипировку, спортивное оборудование и инвентарь, предоставленные нанимателем; выплате денежной компенсации нанимателю при расторжении трудового договора в случаях, предусмотренных ст. 314¹² ТК.

II. Заключение контракта с государственными служащими, в том числе сотрудниками органов внутренних дел.

Особое правовое регулирование имеет труд государственных служащих. Одной из особенностей регулирования труда данной категории

граждан является обязательное заключение контракта о государственной службе. Порядок и условия заключения контрактов с государственными служащими определены в Трудовом кодексе Республики Беларусь, Декрете Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины», Законе Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь», Положении о порядке и условиях заключения контрактов с государственными служащими, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 7 октября 2003 г. № 1271 и некоторыми иными нормативными правовыми актами.

Целесообразно выделить следующие характерные черты контракта о службе в ОВД:

1. В Положении сформулировано легальное определение контракта о службе.

2. Заключение контрактов со всеми категориями сотрудников (кроме лица, назначенного на должность министра) имеет обязательный характер. Прием на службу осуществляется на основании контракта приказом Министра или другого начальника согласно компетенции, определяемой Министром.

3. Контракт о службе должен содержать следующие обязательные условия и сведения: добровольность поступления на службу; наименование ОВД, с которым заключается контракт о службе, а также должность, специальное звание (при его наличии), фамилию, собственное имя и отчество министра или другого начальника, подписывающего контракт о службе от имени этого органа согласно компетенции, определяемой Министром; фамилию, собственное имя и отчество гражданина (сотрудника), специальное звание; дату вступления в силу контракта о службе; дату истечения срока контракта о службе; основные права и обязанности сотрудника; перечень проступков, являющихся основанием для досрочного расторжения контракта о службе и прекращения его действия; основания для досрочного расторжения контракта о службе и прекращения его действия.

4. Контракт о службе составляется в двух экземплярах (при зачислении в учреждения образования МВД – в трех экземплярах) и подписывается лицами, его заключившими.

5. По сравнению с законодательством о труде законодательство о контрактах о службе в ОВД до недавнего времени не предусматривало каких-либо дополнительных мер материального стимулирования службы сотрудников. Однако в настоящее время в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 355 при заключении либо же про-

длении контракта в случаях, предусмотренных данным актом, сотрудникам выплачивается денежное вознаграждение.

6. Законодательством предусмотрены основания для увольнения со службы в запас или в отставку как до истечения срока контракта, так и по истечении этого срока.

7. Условия контракта о службе не могут ухудшать социальное и правовое положение сотрудника по сравнению с законодательством.

Исследование нормативных правовых актов, регулирующих контрактную систему найма государственных служащих (в том числе сотрудников органов внутренних дел), позволяет выделить следующие особенности заключения контрактов с указанной категорией работников.

Первая особенность – субъектный состав сторон контракта о государственной службе. В качестве нанимателя всегда выступает государственный орган или же организация, основанная на собственности Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц.

По общему правилу контракт может заключить любой гражданин, достигший 16-летнего возраста, или же лицо, достигшее 14 лет, с письменного согласия одного из родителей (опекунов, попечителей) (ст. 21 ТК). В то же время контракт у госслужащих не может быть заключен с отдельными категориями лиц. В частности, с лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста; не являющимися гражданами Республики Беларусь; признанными в установленном законом порядке недееспособными или ограниченно дееспособными; лишенными судом права занимать государственные должности в течение определенного времени; имеющими в соответствии с медицинским заключением заболевание, входящее в утвержденный Правительством Республики Беларусь перечень заболеваний, препятствующих исполнению служебных обязанностей; отказавшимися от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственные секреты, если исполнение служебных обязанностей по государственной должности, на занятие которой претендуют граждане, связано с использованием таких сведений; не соответствующими квалификационным требованиям, предъявляемым к гражданам для занятия соответствующих государственных должностей; в случае близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, родные братья, сестры, а также родители, дети, родные братья и сестры супругов) с государственным служащим, если их служебная деятельность будет связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому; предоставившими заведомо недостоверные сведения, необходимые для занятия государственной должности; не предоставившими декларацию о доходах и имуществе или умышленно

внесшими в декларацию о доходах и имуществе неполные или недостоверные сведения; уволенными с государственной службы за систематическое неисполнение служебных обязанностей без уважительных причин, появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, а также за распитие спиртных напитков, потребление наркотических или токсических средств на рабочем месте и в рабочее время, до истечения двух лет со дня увольнения за такие действия; в иных случаях, установленных законодательными актами (ст. 22 Закона о государственной службе в Республике Беларусь).

Следующей отличительной чертой контрактной системы найма государственных служащих является более детальное правовое урегулирование условий контракта, заключаемого с госслужащим, а именно повышенный объем прав, обязанностей и ограничений. К примеру, государственным служащим запрещено заниматься предпринимательской деятельностью, заниматься в рабочее время другой оплачиваемой работой (деятельностью), кроме преподавательской, научной, культурной, творческой деятельности, медицинской практики, осуществляемых по согласованию с руководителем государственного органа, в котором государственный служащий занимает государственную должность, или уполномоченным им лицом, иметь счета в иностранных банках, за исключением случаев выполнения государственных функций в других странах и иных предусмотренных законодательством случаев.

Таким образом, следует обратить внимание на следующее: заключение, содержание, изменение и прекращение контрактов с отдельными категориями работников имеет определенные особенности, предусмотренные актами специального законодательства. Наличие данных особенностей обусловлено правовым статусом отдельных категорий работников, их трудовой функцией и особенностями ее реализации, в том числе прохождения службы сотрудниками военизированных организаций. К общим особенностям контракта у государственных служащих и спортсменов-инструкторов необходимо отнести добровольность его заключения, дополнительные меры материального стимулирования, перечень проступков, являющихся основанием для досрочного расторжения контракта и прекращения его действия, и иные.

1. О некоторых вопросах заключения контрактов со спортсменами-инструкторами и тренерами команды Республики Беларусь по виду спорта [Электронный ресурс] : постановление М-ва спорта и туризма Респ. Беларусь и М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь, 28 нояб. 2014 г., № 73/102 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. О заключении контрактов с руководителями государственных организаций [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 мая 2007 г., № 604 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2008 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. О порядке применения Декрета Президента Республики Беларусь от 26.07.1999 г. № 29 : Указ Президента Респ. Беларусь, 12 апр. 2000 г., № 180 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 31.03.2010 г. № 164 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Положение о порядке и условиях заключения контрактов с государственными служащими [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 7 окт. 2003 г., № 1271 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 19.03.2012 г. № 242 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.11.2017 г. № 68-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 349.2

В.В. Павлович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.С. Кривонощенко*

КАДРОВЫЙ РЕЗЕРВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Государственная кадровая политика Республики Беларусь представляет собой одно из важнейших направлений деятельности государства в рамках совершенствования трудового потенциала страны. Кадровая политика белорусского государства ориентирована на сохранение социальных ценностей и реализацию профессиональных стремлений. Важнейшей функцией государства при реализации его руководящей роли в кадровой политике является оптимальный подбор и расстановка кадров,

их развитие, создание условий для поддержания необходимого профессионального уровня во всех сферах хозяйственного и культурного со-зидания [1, с. 27].

На сегодня существует множество точек зрения по поводу особенностей кадровой политики в сфере государственного управления. Так, по данным А.С. Баинова, при формировании кадрового состава в органах государственного управления выделяют следующие направления.

1. Определение прогнозируемых потребностей в кадрах (специалистов и управленцев) службы в органах государственного управления и технического обеспечения аппарата управления.

2. Назначение на должности государственной службы высококвалифицированных специалистов с учетом их профессиональных качеств и компетентности.

3. Содействие продвижению по службе государственных служащих.

4. Повышение квалификации государственных служащих.

5. Создание кадрового резерва и его эффективное использование [2, с. 78–85].

В.М. Захаров указывает на то, что развитие кадрового потенциала в области государственного управления основывается на следующих видах деятельности:

стремление к единой кадровой политике;

улучшение качества труда государственных служащих;

внедрение оплаты на основании результативности деятельности государственных служащих;

работа по повышению престижности государственной службы [3, с. 87].

В первую очередь необходимо дать определение понятию «кадровый резерв» и определить его сущность.

По мнению В.Г. Васильева, кадровый резерв представляет собой группу сотрудников, которые обладают потенциальной способностью к руководящей деятельности, отвечают требованиям к должности, а также которые прошли систематическую целенаправленную подготовку по квалификации [4, с. 4]. По нашему мнению, недостатком данного определения является указывание в качестве основного критерия целенаправленной подготовки, в то время как представители кадрового потенциала могут и не проходить систематическую подготовку.

По мнению В.Р. Веснина, кадровый резерв можно определить как специально сформированную целевую группу специалистов, руководителей и даже рабочих, которые достигают определенных результатов в профессиональной деятельности, имеют устойчивый интерес к управленческим процессам, а также подходят под определенные критерии и

требования [5, с. 85]. Сходного мнения придерживается Т.С. Кабаченко, рассматривающий резерв как группу специалистов и руководителей, которые имеют способности к управленческой деятельности, отвечают определенным требованиям для определенной должности, а также прошедшие систему отбора и целенаправленную профессиональную подготовку [6, с. 97]. Полагаем, что в данных определениях кадровый резерв рассматривается с позиции занимания руководящих должностей, т. е. основным условием является наличие способностей к управлению, что не всегда соответствует действительности.

Анализ вышеуказанных подходов позволяет констатировать отсутствие единого, общепризнанного определения понятия «кадровый резерв». В связи с этим представляется возможным кадровый резерв понимать как юридически оформленную группу сотрудников (специалисты, руководители), которые имеют высокий служебный потенциал, обладают необходимыми профессиональными, деловыми и личностными качествами, способны к управленческой деятельности, и на основании этих признаков могут занимать руководящие должности в государственном аппарате, и являются элементами единой, взаимосвязанной системы подбора руководящих кадров.

Большое внимание отечественными исследователями уделяется анализу задач создания кадрового резерва. Как отмечает А.Я. Кибанов, кадровый резерв создается для того, чтобы осуществить подготовку кандидатов с помощью плановой, обоснованной научной программы, а также рационально использовать состав кадрового резерва в различных направлениях и на различных уровнях системы управления [7, с. 75]. По мнению В.Р. Веснина, кадровый резерв создается не только для возможности замещения вакантных позиций, но и для искусственного «выращивания» на руководящие должности, обеспечения непрерывного процесса карьерного роста [5, с. 94].

Кадровый резерв создается, главным образом, для решения трех задач:

1. Потребность замены руководящих кадров на более молодые. Примечательно, что эта задача связана с перспективным планированием и может быть неактуальной для организации в настоящий момент. В то же время именно приток молодых перспективных руководителей является важным фактором успешности организации.

2. Создание кадрового резерва на случай неожиданного увольнения сотрудника. В данной ситуации внезапная отставка одного из руководителей не становится проблемой для организации, поскольку уже имеется опытный сотрудник, который готов занять эту должность.

3. Обеспечение устойчивости организации, поскольку имеется возможность прогнозирования карьерного роста работников. Создание ка-

дрового резерва также способствует усилению упорядоченности в работе с кадрами организации [8, с. 31–34].

Основной смысл работы с кадровым резервом заключается в планировании и контроле движения кадров в организации, реализации концепции поступательного развития компании, а также в усилении кадрового потенциала компании. Для того чтобы эффективно сформировать резерв кадров, следует четко определить требования к кандидатам на каждую должность, выделить необходимый перечень профессиональных, личностных качеств, а также уровень профессиональной подготовки кандидатов.

На каждую из должностей целесообразно иметь хотя бы двух кандидатов. В то же время слишком большое количество кандидатов на должность нежелательно, поскольку в значительной мере снижает мотивацию сотрудников в связи с недостаточно высоким шансом занятия желаемой должности.

Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 26 июля 2004 г. № 354 «О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организациях» целью создания резерва является подготовка включенных в него лиц к занятию определенных руководящих должностей [9]. В соответствии с данным указом система комплектования резерва, порядок его использования и обновления, методы подбора включаемых кандидатов, формы их подготовки, обязанности должностных лиц, ответственных за работу с резервом, определяются государственными органами (организациями) с учетом их специфики.

В резерв кадров государственных служащих включаются:

граждане, принявшие участие в конкурсном отборе и рекомендованные конкурсной комиссией для зачисления в кадровый резерв;

государственные служащие, уволенные в результате ликвидации государственного органа, сокращения численности или штата работников [3, с. 87].

В резерв кадров государственных служащих не включаются государственные служащие, достигшие:

пенсионного возраста;

предельного возраста, установленного для пребывания на государственной службе.

Возраст лиц, включаемых в резерв для занятия следующих должностей, как правило, не должен превышать:

заместителей председателей горисполкомов (кроме Минского), райисполкомов, глав администраций районов в городах – 35 лет;

председателей горисполкомов (кроме Минского), райисполкомов, глав администраций районов в городах, заместителей председателей облисполкомов и Минского горисполкома – 40 лет;

заместителей министров, председателей государственных комитетов – 45 лет;

министров, председателей государственных комитетов, облисполкомов и Минского горисполкома, руководителей государственных организаций, подчиненных Совету Министров Республики Беларусь, – 50 лет.

Предложения о кандидатах в резерв на должности, включенные в кадровый реестр Главы государства, вносятся в Администрацию Президента Республики Беларусь Советом Министров Республики Беларусь, Советом Республики и Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь, Конституционным Судом, Верховным Судом, Государственным секретариатом Совета Безопасности Республики Беларусь, Комитетом государственного контроля, Прокуратурой, Национальным банком, Управлением делами Президента Республики Беларусь, облисполкомами и Минским горисполкомом. Порядок внесения таких предложений устанавливается Администрацией Президента Республики Беларусь.

Эффективность работы с резервом рассматривается как один из основных показателей деятельности государственного органа (организации). Кроме кадрового резерва в государственных органах существует перспективный кадровый резерв. Перспективный кадровый резерв – это специально сформированная группа студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования, и специалистов в возрасте до 31 года, имеющих лидерские и организаторские качества, способных к управленческой деятельности в государственных органах (организациях) [10, с. 39].

Выдвижение кандидатов в перспективный кадровый резерв из числа студентов осуществляется руководителями учреждений, обеспечивающих получение высшего образования, из числа специалистов в возрасте до 31 года – руководителями организаций, в которых они работают. Создание перспективного кадрового резерва и работа с ним проводятся республиканскими и местными органами государственного управления. Информация о лицах, включенных в перспективный кадровый резерв, предоставляется руководителями соответствующих государственных органов в Академию управления, которая формирует и ведет единый перспективный кадровый резерв. Порядок предоставления такой информации определяется Академией управления по согласованию с Администрацией Президента Республики Беларусь [11].

Организация работы с перспективным кадровым резервом включает: развитие лидерских качеств и творческих способностей студентов, а также специалистов в возрасте до 31 года;

планирование и осуществление профессионального развития выпускников учреждений, обеспечивающих получение высшего образования, и специалистов в возрасте до 31 года;

мониторинг профессионального развития лиц, состоящих в перспективном кадровом резерве;

оценку эффективности подбора кандидатов в перспективный кадровый резерв и работы с ним.

методическая работа с перспективным кадровым резервом осуществляется Академией управления при Президенте Республики Беларусь [12].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать ряд выводов:

1. Важнейшим направлением кадровой политики Республики Беларусь является формирование кадрового потенциала государственного управления. Резерв руководящих кадров является приоритетным источником для назначения кадров на руководящие должности. К основным задачам кадрового резерва можно отнести необходимость обновления руководящих кадров, создание резерва потенциальных руководящих работников для замещения вакансий, способствование карьерному росту работников, прогнозируемое обеспечение кадрового развития государственного органа.

2. Под *кадровым резервом* предлагается понимать юридически оформленную группу сотрудников (специалисты, руководители), которые являются элементами единой, взаимосвязанной системы подбора руководящих кадров, имеют высокий служебный потенциал, обладают необходимыми профессиональными, деловыми и личностными качествами, способны к управленческой деятельности, и на основании этих признаков могут занимать руководящие должности в государственном аппарате.

1. Вечер, Л.С. Государственная кадровая политика и государственная служба : учеб. пособие / Л.С. Вечер. – Минск : Выш. шк., 2013. – 352 с.

2. Баинов, А.С. К вопросу о формировании кадрового состава и кадровой работы на муниципальной службе / А.С. Баинов // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2010. – № 2. – С. 78–85.

3. Захаров, В.М. Развитие кадрового потенциала государственного и муниципального управления в регионе / В.М. Захаров // Соврем. проблемы науки и образования. – 2013. – № 4. – С. 86–89.

4. Васильев, В.Г. Формирование стратегического кадрового резерва компании / В.Г. Васильев // Надежность и качество : Тр. Междунар. симп., Пенза, 21–31 мая, 2012 г. : в 2 т. / Пенз. гос. ун-т ; редкол.: отв. ред. Н.К. Трусов [и др.]. – Пенза, 2011. – Т. 1. – С. 171–173.

5. Веснин, В.Р. Управление персоналом. Теория и практика : учеб. для вузов / В.Р. Веснин. – М. : Проспект, 2009. – 688 с.

6. Кабаченко, Т.С. Психология управления : учеб. пособие / Т.С. Кабаченко. – М. : Педаг. о-во России, 2013. – 442 с.

7. Кибанов, А.Я. Управление персоналом организации: отбор и оценка при найме, аттестация : учеб. пособие / А.Я. Кибанов, И.Б. Дуракова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Экзамен, 2005. – 415 с.

8. Ассесоров, П.С. Формирование кадрового резерва компании как стратегическая задача / П.С. Ассесоров, Е.Н. Картушина // Соц.-эконом. явления и процессы. – 2013. – № 5. – С. 31–34.

9. О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организациях [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 июля 2004 г., № 354 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 29.11.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10. Забелов, С.М. Правовое регулирование государственного управления : учеб. пособие / С.М. Забелов, П.С. Забелов. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 193 с.

11. О некоторых мерах по совершенствованию работы с кадрами в системе государственных органов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 2 нояб. 2000 г., № 577 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.01.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

12. Об утверждении Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 июля 2001 г., № 399 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.11.2003 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 342.9

А.С. Пинчук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

О.В. Гиммельрейх

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ, СТРУКТУРА, НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Интенсивное развитие общественных отношений в виртуальной сфере, востребованность цифровой валюты, наличие потенциальной угрозы криминализации данной области отношений со стороны преступных групп и отдельных лиц (хакеры и т. п.) поднимают вопрос о необходимо-

сти формирования и обеспечения функционирования организационно-правового механизма оборота криптовалюты и правовой защиты прав и законных интересов граждан, общества, государственных организаций и иных пользователей.

Изучение мировой практики регулирования сферы оборота цифровых денежных знаков свидетельствует о том, что, несмотря на принятие рядом государств всего спектра средств правового регулирования, начиная от лицензионно-разрешительных, установления конкретных запретов и введения мер юридической ответственности, существующая система оборота криптовалюты развивается такими стремительными темпами, что принимаемые правительствами стран решения в ряде случаев не отвечают складывающимся в сфере оборота цифровой валюты общественным отношениям.

В условиях действия названных факторов правовой доктрине актуальным представляется формирование оптимального (с учетом интересов государства и иных пользователей ресурсов Интернет-сети) организационно-правового механизма оборота криптовалюты, который бы закрепил ее пространственно-временные рамки и определял периметры легального и запрещенного оборота. Одновременно следует разработать перечень и содержание функций для конкретного субъекта права (государственного или общественного), на который будут возложены полномочия по принятию единых правил оборота криптовалюты и мониторинга обращения.

Для достижения поставленной цели необходимо определиться, что следует понимать под словом «механизм» применительно к рассматриваемой нами проблематике. В справочно-энциклопедической литературе понятие «механизм» определяется двояко, во-первых, как «система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности»; а во-вторых, как «последовательность состояний, процессов, определяющих собой какое-нибудь действие, явление» [1, с. 346; 2].

Из этимологии этого слова следует, что оно употребляется как для определения динамики развития какого-либо процесса, деятельности, так и для определения внутреннего состояния, устройства, определяющего статическое положение определенного явления.

Такое двойственное значение употребляется и в юридической науке, например, для определения механизма государства, механизма социального управления, механизма правового регулирования, государственно-правового механизма обеспечения прав и свобод личности. И данный подход следует признать правильным, поскольку он позволяет рассмотреть правовое явление с различных сторон: в динамике и в статике.

При этом статистическая (инструментальная) сторона показывает внутреннее строение механизма, его отдельные элементы, взятые в единстве. Динамическая (функциональная) сторона определяет функционирование этих элементов, действие всех государственно-правовых средств, оказывающих воздействие на обширные сферы общественных отношений в целях эффективной реализации функций государства. Другими словами, если структура отражает внутреннее строение, «скелет» системы, то механизм – действие данной системы, процесс ее функционирования.

Д.И. Правдин, понимая механизм управления как совокупность органов, средств и способов взаимодействия между управляющей и управляемой системами (объектами). В структуру механизма автор включает пять основных элементов: содержание (объект) управления, цели, органы, методы и средства [3, с. 24–27].

Наличие в названии рассматриваемого механизма прилагательного «организационно-правовой» указывает на существование двух относительно самостоятельных и в то же время взаимосвязанных систем (блоков): *организационной и правовой*.

В качестве *организационной системы* механизма оборота криптовалюты необходимо рассматривать понятно сформулированные принципы своего функционирования, целевое предназначение и организационную структуру, способную совершать определенную работу.

В правовой науке широко распространены различного рода принципы. Это принципы права, отрасли, института; организации и деятельности государственного аппарата; законности, правосудия; морали, правосознания; научной деятельности и т. д. [4, с. 52].

Рассматривая целевое предназначение организационно-правового механизма оборота криптовалюты, необходимо отметить, что цели в значительной степени характеризуют природу и функционирование этого механизма. Именно их достижению подчинены движение и взаимодействие всех его составных частей. Цели определяют направления и содержание деятельности составных элементов рассматриваемого нами организационно-правового механизма. По существу именно право придает управленческим целям качество необходимой стабильности и обязательности, выступая как связующий элемент механизма.

В качестве исходной точки *юридической системы* выступает блок юридических средств, обеспечивающих разработку и принятие правовых норм для оказания управленческого воздействия на соответствующие объекты, в отличие от механизмов правового регулирования и социального действия права, в распоряжении которых уже имеются «готовые», существующие нормы права, выступающие в качестве отправного

пункта. Средним компонентом данной системы является блок применения норм права, обеспечивающий перевод, распространение управляющими субъектами общих предписаний правовых норм на конкретных лиц, оказавшихся в предусмотренных нормами права условиях, определяющий и фиксирующий субъективные права и обязанности. В качестве финального компонента выступает блок реализации правовых норм в деятельности управляемых объектов.

Данная схема выражает наиболее обобщенные звенья (блоки) и связи юридического механизма управления. Она является типичной, так как отражает наиболее распространенную структуру юридического механизма тех или иных конкретных управленческих процессов. В то же время возможно как упрощение структуры управления, в ряде исключается блок применения права, так и ее усложнение. Так, может происходить уточнение правовых норм, их дополнение или же пересмотр правоприменительных актов, принятие нескольких актов, направленных на достижение одного конечного результата.

Исходя из этого, юридический механизм управления представляет собой процесс управленческого воздействия компетентных органов государства на деятельность управляемых субъектов (объектов управления) с помощью права в целях создания общественно полезных результатов [5, с. 51].

Базовым элементом правового (юридического) блока в указанном механизме должно стать нормативное закрепление административно-правового статуса цифровых платежных систем и интернет-технологий, на которых они функционируют. Ознакомление с зарубежным опытом в части правового закрепления статуса и порядка оборота цифровой валюты свидетельствует о наличии нескольких базовых теоретико-прикладных подходов к формированию административно-правового статуса виртуальной валюты: как платежного средства; как универсального финансового инструмента; как товара (продукта); как денежного суррогата.

Установление и детализация административно-правового статуса цифровой валюты, отличающего ее от иных платежных средств, позволит обеспечить единый государственный подход к осуществлению контроля и регулированию обращения криптовалюты. Одновременно фиксация отличительных признаков виртуальной валюты на законодательном уровне будет способствовать включению в легальный оборот большого числа добросовестных участников виртуальной деловой среды, использующих цифровые платежные системы для повышения потенциала своих расчетных операций и процедур, и отчетливо контурно обозначить область незаконной коммерческой деятельности.

Нормативное правовое закрепление признаков криптовалюты будет способствовать повышению эффективности финансового мониторинга ввиду того, что возникнет объективная возможность приспособить существующие в государстве требования, правила и рекомендации в области противодействия легализации имущества, активов и денежных средств, добытых преступным путем, к характерным особенностям производства и обращения токенов (виртуальных денежных знаков).

Как полагает профессор Э.Л. Сидоренко, применительно в качестве параметров легитимности криптовалюты необходимо нормативно закрепить следующие: 1) идентификация клиента (сбор данных); 2) верификация на основе документов, данных и информации (проверка достоверности); 3) определение бенефициарного собственника; 4) оценка целей деловых отношений; 5) мониторинг в соответствии с профилем риска [6, с. 196].

Дальнейшим элементом правового бока механизма является установление единых для всех участников финансового рынка правил поведения и регламентов в отношении производства, оборота (купли, продажи и т. п.) криптовалюты, а также определение субъекта, который будет их разрабатывать и контролировать.

В настоящее время в Республике Беларусь правовой режим оборота криптовалюты регулируется Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» [7]. Принятию названного декрета предшествовал тот факт, что обращение цифровых знаков (токенов) не было урегулировано законодательством и, соответственно, они не являлись объектом правоотношений. Декрет закрепил основные термины и их определения, касающиеся производства и оборота криптовалюты (криптовалюта, цифровой знак (токен), реестр блоков транзакций (блокчейн) и другие понятия), способствующие единому пониманию и правильному применению цифровых технологий. В соответствии с настоящим декретом юридические лица вправе владеть токенами и совершать следующие операции через резидента Парка высоких технологий [8], осуществляющего соответствующий вид деятельности: создавать и размещать собственные токены в Республике Беларусь и за рубежом; хранить токены в виртуальных кошельках; через операторов криптоплатформ, обмена криптовалюты, иных резидентов Парка высоких технологий, осуществляющих соответствующий вид деятельности, приобретать, отчуждать токены, совершать с ними иные сделки (операции). Физические лица вправе владеть токенами и совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить и завещать токены.

В качестве следующего элемента правового блока стоит решение вопроса определения критериев и порядка осуществления учета криптовалюты и подтверждения ее оригинальности. В основании построения технологии производства и оборота цифровой валюты располагается конструкция размещения банков информации, где индикаторами достоверности выступают многочисленные их копии, которые располагаются на персональных ЭВМ пользователей верифицирующих сервисов Интернет-сети. Заключение о достоверности криптовалюты можно составить, лишь сравнив отдельные единицы, обладающие одинаковыми хронологическими метками, друг с другом. С позиции и законодателя, и правоприменителя это формирует запросы на методические средства и технологии проведения подтверждения. В настоящее время Республика Беларусь не имеет собственного сервиса сличения или группы центров подтверждения, обладающих лицензиями, которые уполномочены обеспечить сохранность контрольных единиц баз данных цифровых валют и удостоверить полномочия пользователей на виртуальную валюту. В результате встает вопрос удостоверения полномочий на право обладания цифровыми денежными знаками в учреждениях юстиции ввиду того, что предъявить подтверждающие документы или их выписки (по аналогии с денежными средствами, владение, пользование и распоряжение которыми подтверждается финансово-кредитными учреждениями), имеющие законную силу в Республике Беларусь обладатель виртуальной валюты не может.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в настоящее время в Республике Беларусь организационно-правовой механизм оборота криптовалюты находится в стадии формирования и развития. В структуре названного механизма можно выделить следующие две большие подсистемы:

организационная. Она закрепляет цели, задачи, принципы, функции, организационные структуры, методы, организационные средства и способы, при помощи которых осуществляется регулирование оборота криптовалюты;

правовая, состоящая в свою очередь из блоков: *правотворчество* и *правоприменение*, которые относятся к управляющей подсистеме, и блока *реализации права*, относящегося к управляемой системе.

В качестве основополагающих элементов названных правовых блоков следует выделять: 1) нормы, закрепляющие правовой статус криптовалюты; 2) параметры легитимности цифровых денежных знаков; 3) правила и стандарты их оборота; 4) порядок учета криптовалюты и

подтверждения ее оригинальности; 5) правовые запреты и ограничения; 6) меры ответственности; 7) акты реализации.

Как представляется дальнейшее совершенствование организационно-правового механизма оборота криптовалюты и блокчейн-технологий должно строиться на соотношении оптимально баланса между саморегулированием и государственно-управленческим воздействием на рассматриваемую сферу общественных отношений, не прибегая к чрезмерной нормативной правовой регламентации, и развиваться в следующих направлениях:

идентификация пользователей, майнеров (производителей), интернет-магазинов, бирж и обменных пунктов;

разработка системы правовых, организационных, информационных и технических мер защита прав пользователей (потребителей);

создания верифицирующих сервисов (удостоверяющих центров подтверждения) либо возложение функции верификации на республиканское унитарное предприятие «Национальный центр электронных услуг» [9], которые осуществляли бы хранение первых копий баз данных цифровых валют и удостоверяли полномочия их обладателей.

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1995. – 928 с.

2. Омаров, А.М. Социальное управление. Некоторые вопросы теории и практики / А.М. Омаров. – М. : Мысль, 1980. – 269 с.

3. Правдин, Д.И. Проблемы управления экономическими и социальными процессами при социализме / Д.И. Правдин. – М. : Мысль, 1979. – 197 с.

4. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А.Ф. Черданцев. – Екатеринбург : Наука, 1993. – 192 с.

5. Дюрягин, И.Я. Право и управление / И.Я. Дюрягин. – М. : Юрид. лит., 1981. – 168 с.

6. Сидоренко, Э.Л. Криптовалюта как новый юридический феномен / Э.Л. Сидоренко // Общество и право. – 2016. – № 3. – С. 196.

7. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8. О Парке высоких технологий [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 22 сент. 2005 г., № 12 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9. О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 8 нояб. 2011 г., № 515 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 15.03.2016 г. № 98 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Ю.В. Полковниченко, курсант следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук
И.Г. Мухин

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ КАК СУБЪЕКТ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

В настоящее время фиксируется все больше случаев использования информационно-коммуникационных технологий в целях нарушения работоспособности информационных систем и информационно-коммуникационных сетей, а также нарушения права граждан на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, осуществления промышленного шпионажа, нарушения прав интеллектуальной собственности. Обеспечение информационной безопасности является актуальной проблемой ввиду наличия многообразных факторов и угроз. В обращении с ежегодным Посланием белорусскому народу и Национальному собранию 21 апреля 2017 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко отметил: «Обеспечение национальной безопасности невозможно без надежной защиты от деструктивных информационных атак, которые стали средством вмешательства во внутренние дела суверенных государств» [1].

Сообщения об информационных преступлениях отрывочны. Сегодня никто в мире не имеет объективной картины о происходящей реальной ситуации с информационной преступностью. Причины данного положения дел: совершенно новый вид преступности; государственные, банковские и коммерческие структуры не очень склонны афишировать последствия, причиненные информационными нападениями, и «эффективность» своих систем защиты. Этим обусловлена высокая латентность преступности в области информационных отношений.

Развиваясь, человечество постоянно использовало, накапливало (от наскальных рисунков в древности до крупнейших дата-центров в наши дни) и передавало (от жестов до коротких сообщений в социальных сетях) различного рода информацию. В настоящее время все большее количество сфер деятельности человека и государства охватывает информатизация. В связи с этим какие-либо сбои в функционировании локальных сетей могут парализовать работу целых заводов, организаций, государственных органов. Это может привести к огромным убыткам. Новые суперсовременные средства обмена информацией и технические

достижения все чаще используются в преступных целях и выступают факторами глобализации преступности [2].

На данный момент каждый рискует стать жертвой киберпреступности, даже не подозревая об этом. Проблема киберпреступности переросла в масштабы мирового сообщества. Согласно рекомендациям экспертов ООН термин «киберпреступность» охватывает любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети, или против компьютерной системы или сети. Таким образом, к киберпреступлениям может быть отнесено любое преступление, совершенное в электронной среде.

Преступление, совершенное в киберпространстве – это противоправное вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей, несанкционированная модификация компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные действия, совершенные с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и программ.

Одним из основных факторов, способствующих совершению преступлений в сфере высоких технологий, является развитие Интернет-сети. Повсеместное использование интернета не только для межличностных контактов и обмена повседневной информацией, но и для проведения финансовых операций, обмена важной деловой информацией привело к тому, что киберпреступники осознали, какие выгоды они могут получить, если своими преступными действиями завладеют информацией. Как сказал Н. Ротшильд: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Из истории известно, что во время сражения Наполеона при Ватерлоо, Ротшильд знал о его поражении, но решил сообщить всем обратное и начал продавать свои акции, тем самым спровоцировав и других владельцев акций к продаже своих долей. В то же время Ротшильд дал указание скупать тайно все эти акции. В итоге, благодаря владению важной информацией, он смог собрать все ценные акции по очень низкой цене. Когда же все узнали о том, что Наполеон все-таки проиграл, цены на акции восстановились в цене. В наше время огромное распространение имеет практика написания вредоносных программ для завладения данными на заказ или для продажи другим преступникам.

Историю киберпреступности целесообразно отсчитывать с момента появления первого компьютера, однако необходимо разделить ее на два этапа. Первый этап – от появления первого компьютера до 1990 г., второй – с 1990 г. до настоящего времени. Это разделение произведено по причине того, что с 1990 г. началось распространение интернета по

всему миру, и цены на компьютеры стали доступными для людей со средним достатком.

На международном уровне впервые термин «киберпреступность» был использован в 1986 г. В Париже группой экспертов Организации экономического сотрудничества и развития было дано криминологическое определение компьютерного преступления, под которым понималось любое незаконное, неэтичное или неразрешенное поведение, затрагивающее автоматизированную обработку и (или) передачу данных [3].

Если рассмотреть Конвенцию Совета Европы о киберпреступности ETS № 185 [4], то мы увидим, что в данной Конвенции употреблен термин *cybercrime*, а не *computer crime*. Согласно Европейской конвенции по киберпреступлениям киберпреступления – это правонарушения, направленные против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, сетей и данных, а также неправомерное их использование.

Киберпреступления включают в себя «не только деяния, совершенные в глобальной сети Интернет, но и в информационно-телекоммуникационной сфере, где информация, информационные ресурсы, техника могут выступать предметом преступных посягательств, средой, в которой совершено правонарушение, и средством или орудием преступления» [5]. Киберпреступления – это умышленные преступные деяния, совершаемые в виртуальном пространстве с использованием телекоммуникационных способов и средств [6]. При этом компьютеры, их программное обеспечение, интернет или средства и сети мобильной связи являются либо орудиями, либо предметами посягательств.

Некоторые авторы [7–9] считают, что понятие «компьютерная преступность» шире по объему и содержанию понятия «киберпреступность», включая последнюю как подвид (интернет-преступность или сетевая преступность), т. е. совокупность преступлений, совершенных в интернете или с помощью информационно-телекоммуникационных сетей.

Вопросы обеспечения информационной безопасности государства наряду с организационными и программно-техническими мерами должны регулироваться нормами права. Правовое обеспечение информационной безопасности в Республике Беларусь – это огромный комплекс норм, содержащихся в различных нормативных правовых актах Республики Беларусь и международных договорах.

Правовое регулирование в области информационных отношений в Республике Беларусь осуществляется Законом Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации». Основной функцией закона является регулирование отношений, возникающих в процессе жизненного цикла информации, при создании и использовании информационных технологий, систем, сетей, ресурсов, а также при

организации и обеспечении защиты информации. Этот закон устанавливает требования по защите информации, а также ссылается на иные законодательные акты Республики Беларусь, в которых закреплена ответственность за нарушение законодательства об информации, информатизации и защите информации.

Составы правонарушений в информационной сфере находят свое отражение в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, в котором данному аспекту посвящена гл. 22 «Административные правонарушения в области связи и информации».

Одним из важнейших правовых средств обеспечения информационной безопасности являются нормы уголовного законодательства, устанавливающие преступные деяния, посягающие на отношения в различных сферах информационной безопасности и определяющие санкции за их совершение. Они представлены в Уголовном кодексе Республики Беларусь в разд. XII «Преступления против информационной безопасности» (одноименная гл. 31, ст. 349–355). Преступления, посягающие на состояние защищенности жизненно важных интересов физических и юридических лиц в информационной сфере, содержатся и в других разделах и главах УК. С целью единообразного применения законодательства об ответственности за совершение преступлений против информационной безопасности целесообразно было бы принять постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях против информационной безопасности».

Важным документом, определяющим политику Республики Беларусь в сфере информационной безопасности, является Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. В ней определены национальные интересы Республики Беларусь, внутренние и внешние источники угроз безопасности в информационной сфере, основные направления обеспечения информационной безопасности.

Принципы государственной политики Республики Беларусь в сфере информатизации и основные направления развития информационного общества с учетом совокупности факторов, влияющих на его прогресс, указаны в Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг.

В связи с постоянным ростом преступности в области информационной безопасности, масштабностью причиненного ею ущерба для физических и юридических лиц такие преступления представляют потенциальную угрозу для общества, а борьба с ними является серьезной проблемой для правоохранительных органов, особенно в части, касающейся оперативного установления злоумышленников, самого факта и места совершения преступления. Для противодействия данным пре-

ступлениям в 2001 г. в МВД Республики Беларусь создано управление по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий (УРПСВТ, или управление «К»). Приоритетной задачей управления является координация деятельности подразделений МВД Республики Беларусь при выявлении ими преступлений против информационной безопасности. Также управление «К» осуществляет международное сотрудничество по оперативному обмену информацией в рамках противодействия преступлениям в сфере высоких технологий посредством международной сети НКП (Национальный контактный пункт), функционирующей под эгидой Римско-Лионской подгруппы «Группы Восьми». Наиболее эффективное взаимодействие осуществляется с Российской Федерацией. НКП имеется в 58 странах мира (Россия, Украина, США, Германия, Великобритания, Испания, Швеция, Бразилия и др.). Вступление Беларуси в конце 2008 г. в международную сеть НКП способствовало как повышению эффективности работы по противодействию киберпреступности, так и дальнейшему развитию международного сотрудничества МВД Республики Беларусь в целом.

Следует отметить, что Следственный комитет Республики Беларусь выступил с инициативой создания в Республике Беларусь центра противодействия киберпреступности [10]. Центр передового опыта с целью решения теоретических и практических проблем противодействия киберпреступлениям предлагается создать на базе одного из учебных заведений Республики Беларусь. В центре должны будут работать как преподаватели вузов, так и сотрудники правоохранительных органов, специалисты в области расследования таких преступлений. Предполагается, что будут осуществляться исследования в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, проводиться регулярные встречи ученых, представителей правоохранительных органов и частного сектора для обмена опытом и поиска решений существующих проблем, выработки стратегических подходов в борьбе с киберпреступностью, создания учебных и образовательных программ по данной тематике. Создание центра противодействия киберпреступности, несомненно, повысит уровень информационной безопасности в стране.

Приоритетными направлениями в развитии обеспечения информационной безопасности является совершенствование нормативной правовой базы, завершение формирования комплексной государственной системы обеспечения информационной безопасности, в том числе путем оптимизации механизмов государственного регулирования деятельности в данной сфере. При этом важное значение отводится усилению деятельности правоохранительных органов по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений против информационной безопас-

ности, а также надежному обеспечению безопасности информации, охраняемой в соответствии с законодательством.

Преступления против информационной безопасности к XXI в. приобрели транснациональный характер. Благодаря интернету преступления могут быть совершены одновременно в нескольких странах из любой точки мира, также это не затратит большого количества времени. К примеру в 2013 г. Главное следственное управление Следственного комитета Республики Беларусь передало прокурору для направления в суд уголовное дело по обвинению гражданина С. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 212, ч. 2 ст. 343, ст. 18 и ч. 2 ст. 351, ст. 18 и ч. 1 ст. 354 УК Республики Беларусь, гражданина Б. – ч. 4 ст. 212, ст. 18 и ч. 2 ст. 351, ст. 18 и ч. 1 ст. 354 УК Республики Беларусь, гражданина Г. – ч. 4 ст. 212, ч. 4 ст. 212, ст. 18 и ч. 2 ст. 351, ст. 18 и ч. 1 ст. 354, ч. 2 ст. 17 и ч. 1 ст. 354 УК Республики Беларусь, а именно хищении денежных средств путем использования компьютерной техники в особо крупном размере, распространении и использовании вредоносных программ, блокировании компьютерной информации. В ходе расследования осуществлено эффективное взаимодействие с представителями правоохранительных органов более 50 государств, благодаря которому участники организованной группы были изобличены в совершении более чем 261 400 эпизодов преступной деятельности, совершенных в отношении жителей более 120 государств мира и причинивших ущерб на сумму более 18 млн долл. США [11].

Согласно статистике, предоставленной МВД Республики Беларусь, в 2013 г. совершено 2 558 киберпреступлений [12]. Однако, как указано выше, только по одному уголовному делу совершено 261 400 эпизодов, что свидетельствует о важности международного сотрудничества в противодействии этой угрозе современного мира.

Для результативной борьбы с киберпреступностью при использовании киберпространства в мирных целях необходимо осуществление эффективного взаимодействия государств и иных субъектов международного права [13]. К началу 2000-х гг. во всех развитых странах мира в национальное законодательство уже были внесены положения, которые устанавливают понятие киберпреступлений и ответственность за их совершение. Однако киберпреступность на этот момент приобрела «трансграничный и межгосударственный характер». Это обусловило необходимость создания международных нормативных правовых актов, регулирующих данный вид отношений. Тенденция к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий отмечается в деятельности многих международных организаций, в том числе Совета Европы [14]. По мнению Совета Европы, рост компьютер-

ной преступности требует согласованного подхода государств к разработке предписаний, направленных на борьбу с ней. С 1989 г. Советом Европы создан ряд рекомендаций [15], в них определяется понятие и круг преступлений, связанных с использованием компьютерных технологий.

В связи с тем, что они носили исключительно рекомендательный характер в 1997 г. Совет Европы создает комитет экспертов по преступности в киберпространстве, который изучал юридические проблемы, возникающие при расследовании компьютерных преступлений. Комитетом экспертов разработан и представлен проект Конвенции о киберпреступности. Проект был неоднозначно встречен правозащитниками и после открытого обсуждения с учетом требований усиления гарантий неприкосновенности частной жизни подготовлен к обсуждению исполнительными органами Совета Европы. С 18 по 22 июня 2001 г. проект обсужден на заседании Европейского комитета по проблемам преступности, которым в него внесены некоторые изменения и принято решение о вынесении проекта Конвенции для принятия и подписания Комитету Министров Совета Европы [16]. 23 ноября 2001 г. страны – члены Совета Европы начали подписание Конвенции и ее ратификацию.

Конвенция вступила в силу 1 июля 2004 г. Уже к концу 2005 г. ее подписали США, Канада, Япония, ЮАР и 38 стран – членов Совета Европы. По состоянию на апрель 2017 г. ее ратифицировали 53 страны и подписали еще четыре, включая все страны ЕС, а также США, Японию, Австралию и Израиль. Единственной страной – членом Совета Европы, не подписавшей Конвенцию, стала Россия. Республика Беларусь также не подписала Конвенцию.

В Конвенции отражены три основных направления: согласование национальных норм, определяющих составы преступлений; определение порядка расследования по преступлениям в мировых компьютерных сетях; создание оперативной и действенной системы международного сотрудничества по борьбе с киберпреступностью. Она является первым документом, в котором классифицированы киберпреступления. В классификацию входят: несанкционированный доступ в ИТ-среду; нелегальный перехват ИТ-ресурсов; вмешательство в компьютерную систему и информацию, содержащуюся на носителях данных; ненадлежащее использование устройств. В Конвенции также описаны проблемы взаимодействия правоохранительных органов в случаях, когда преступник и его жертва подчиняются разным законам, поскольку находятся в разных странах. В документе отражен вопрос, касающийся хранения личной информации клиентов интернет-провайдеров на случай, если она понадобится для расследования преступлений.

Российская Федерация отказалась подписать Конвенцию в связи с тем, что в ней закреплены положения, предусматривающие санкционированный доступ одного государства-участника к компьютерным данным, хранящимся на территории другого государства, без предварительного получения согласия последнего. Подход России основывается на оперативности и адекватности взаимодействия правоохранительных органов стран между собой и недопущении расследования на территории других государств без уведомления правоохранительных органов государств, на территории которых ведется расследование.

«Республика Беларусь делала несколько попыток присоединиться к этой конвенции, но по разным причинам европейскими коллегами нам было отказано во вступлении в конвенцию. Даже не во вступлении, а в том, чтобы дать приглашение на присоединение. Причина одна – политическая», – заявил начальник управления по расследованию преступлений против информационной безопасности и интеллектуальной собственности главного следственного управления Следственного комитета Республики Беларусь А. Сушко 9 сентября 2015 г. в Бухаресте на международной конференции по сотрудничеству в сфере борьбы с киберпреступностью. 10 февраля 2017 г. на онлайн-конференции «Безопасность в Сети: практика борьбы с киберпреступлениями» А. Сушко заявил, что 90 % законодательства Республики Беларусь на данный момент соответствует требованиям, предъявляемым Конвенцией по борьбе с киберпреступностью, и в настоящее время обсуждается вопрос о возможности присоединения Беларуси к вышеуказанной Конвенции. Необходимость присоединения к Конвенции обусловлена тем, что в рамках расследования уголовного дела правоохранительные органы Республики Беларусь направляют запросы, а им могут ответить, а могут и не ответить, присоединение же к Конвенции обязало бы страны, подписавшие Конвенцию, отвечать на запросы, поскольку они будут обязаны исполнить договор.

Стоит отметить, что в Конвенции по борьбе с киберпреступностью в подпункте (е) п. 1 ст. 9 «Преступления, связанные с детской порнографией» содержится требование о том, что каждая страна, подписавшая Конвенцию, должна установить уголовную ответственность за обладание материалами, связанными с детской порнографией, в компьютерной системе или на носителе компьютерных данных. Согласно ч. 2 ст. 343 Уголовного кодекса Республики Беларусь [17] предусмотрена ответственность за хранение с целью распространения или распространение порнографических материалов с использованием интернета или другой сети электросвязи, либо демонстрацию материалов для взрослых заведомо несовершеннолетним. Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что для соответствия Конвенции по борьбе с киберпреступно-

стью необходимо ввести уголовную ответственность не только за хранение с целью распространения, но и просто за хранение материалов, связанных с детской порнографией.

В апреле 2017 г. в ходе закрытого заседания группы экспертов ООН «для проведения всестороннего исследования киберпреступности» Министерством иностранных дел Российской Федерации вынесен на обсуждение проект Конвенции ООН «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности». По мнению Москвы, этот документ должен сменить ныне действующую Будапештскую конвенцию 2001 г. Проект Конвенции ООН справедливо считать новаторским и универсальным. Также необходимо отметить, что в нем учтены многочисленные изменения в сфере IT-преступлений, происшедшие с 2001 г. Главная цель Конвенции «содействие принятию и укреплению мер, направленных на эффективное предупреждение преступлений и иных противоправных деяний в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и борьбу с ними».

Документом выделены следующие преступления: неправомерный доступ к информации в электронной форме, неправомерный перехват, неправомерное воздействие на информацию; нарушение функционирования ИКТ, создание, использование и распространение вредоносных программ, распространение спама; незаконный оборот устройств; хищение с использованием ИКТ; преступления, связанные с детской порнографией; сбор информации в электронной форме путем введения пользователя в заблуждение; преступления, связанные с охраняемой внутригосударственным правом информацией; нарушение авторских прав с использованием ИКТ. В нем подробно описываются механизмы взаимодействия участников, каким должно быть техническое содействие, а также порядок оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам. Предусмотрен не только порядок совместного расследования уголовных дел, взаимной помощи по сбору технических параметров трафика в режиме реального времени и другого рода информации, но и о передачи осужденных лиц и уголовного производства. Предусмотрено создание контактного центра, целью которого является оказание неотложной помощи в целях расследований, преследований или судебных разбирательств преступлений, имеющих отношение к компьютерным системам и данным, или в целях сбора доказательств в электронной форме по уголовным преступлениям. Поощряется оказание странами содействия в подготовке кадров. Для эффективного действия этого документа предлагается регулярное проведение конференций в рамках ООН, а также создание постоянно действующей международной технической комиссии по противодействию преступности в ИКТ.

В настоящее время наиболее плодотворное сотрудничество в борьбе с киберпреступлениями осуществляется с Россией и другими странами СНГ по Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Республика Беларусь также состоит в международной сети национальных контактных пунктов по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий. Однако для более эффективного противодействия киберпреступности, Республике Беларусь необходимо заручиться международной помощью, вступив в действующую в настоящее время Будапештскую Конвенцию или же в Конвенцию, предложенную Российской Федерацией, в случае ее принятия.

Однако следует отметить, что в различных странах все еще практически отсутствует законодательное обеспечение борьбы с преступностью в киберпространстве, или страны имеют во многом устаревшие законы и механизмы их реализации. При этом понимание масштабов компьютерной преступности приводит к выводу, что справиться с угрозами возможно только совместными усилиями.

Построение деятельности правоохранительных структур на основе внедрения информационных технологий дает совершенно новые возможности для координации совместной деятельности в международном масштабе. Только совместная деятельность и межгосударственное сотрудничество способны эффективно противостоять преступности.

Сейчас наблюдается осознанная тенденция к унификации законодательства и координации правоохранительной деятельности в мировом масштабе. Вопросы юрисдикции должны решаться путем сотрудничества государств.

Республика Беларусь активно участвует в борьбе с международной киберпреступностью. Правоохранительные органы Республики Беларусь своевременно предлагают вносить изменения в законодательство для его соответствия международным требованиям, а также для реагирования на внутригосударственную киберпреступность. Учитывая то, что Республика Беларусь взяла курс на IT-страну, рационально было бы проявить инициативу в борьбе с киберпреступностью и вынести предложение на межгосударственном уровне (к примеру, на уровне Совета Европы, ООН) о создании на базе НКП автоматизированной экспертной системы, в которой будет систематизироваться и обобщаться вся информация о киберпреступности, новых способах совершения таких преступлений и т. д. Справедливо отметить, что связь между киберпреступниками систематически поддерживается, обычно, посредством интернета с использованием специальных «хакерских» форумов.

Мировое сообщество уже давно начало свою деятельность по противодействию этой угрозе. Республика Беларусь принимает активное

участие в борьбе с киберпреступностью. Постоянно меняется законодательство, становясь более совершенным и соответствующим международным требованиям. Однако для «победы» над киберпреступностью необходимо большее, к примеру Республика Беларусь могла бы взять на себя инициативу и вынести предложение на межгосударственном уровне (к примеру на уровне Совета Европы, Организации Объединенных Наций) о создании на базе Национальных контактных пунктов автоматизированной экспертной системы (продвинутой компьютерной программы (набора команд), которая имитирует знания и способности эксперта к рассуждениям в какой-либо специальной области), в которой будет систематизироваться и обобщаться вся информация о киберпреступности, новых способах совершения таких преступлений и т. д.

1. Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.gov.by/ru/poslanie/>. – Дата доступа: 07.04.2018.

2. Тропина, Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы / Т.Л. Тропина. – Владивосток, 2007.

3. OECD, Computer – Relates Crime: Analysis of Legal Policy. Paris, 1986.

4. Convention on Cybercrime. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_/7_conv_budapest_en.pdf – Date of access: 07.04.2018.

5. Щетилов, А. Некоторые проблемы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом / А. Щетилов // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов : XI Междунар. конф. – М., 2002.

6. Чекунов, И.Г. Современные киберугрозы. Уголовно-правовая и криминологическая квалификация киберпреступлений / И.Г. Чекунов // Право и кибербезопасность. – 2012. – № 1.

7. Евдокимов, К.Н. К вопросу об определении понятия «компьютерная преступность в Российской Федерации» / К.Н. Евдокимов // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. – Иркутск, 2015.

8. Липинский, Д.А. Политические причины как современные факторы эволюции компьютерной преступности в Российской Федерации / Д.А. Липинский // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 1, т. 9.

9. Пархоменко, С.В. Предупреждение компьютерной преступности в Российской Федерации: интегративный и комплексный подходы / С.В. Пархоменко // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 2.

10. Центр противодействия киберпреступности может быть создан в Беларуси по инициативе СК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.21.by/society/2014/04/16/911113.html?utm_source=dlvr.it&utm_medium=twitter. – Дата доступа: 07.04.2018.

11. Досудебное производство по материалам и уголовным делам: состояние, проблемы и перспективы : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск,

29 мая 2014 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: отв. ред. О.В. Рожко [и др.]. – Минск, 2014.

12. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=3311/>. – Дата доступа: 07.04.2018.

13. Федулов, В.И. Компьютерный терроризм как инновация современного высокотехнологического общества / В.И. Федулов // Вестн. Моск. обл. гос. ун-та. – Серия «Юриспруденция». – 2007. – № 1–2.

14. Волеводз, А.Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования / А.Г. Волеводз // Правовые вопр. связи. – 2007. – № 2.

15. Recommendation № R (89) 9 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member States for the Computer-Related Crime and Final Report of the European Committee on Crime Problems (adopted by the Committee of Ministers on 13 September 1989 at the 428 th meeting of the Ministers' Deputies). – Strasbourg, 1990 ; Recommendation № R (95) 13 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member States for the 11 concerning problems of criminal procedural law connected with Information Technology (adopted by the Committee of Ministers on 11 September 1995 at the 543 rd meeting of the Ministers' Deputies). – Strasbourg, 1995.

16. Draft Convention on Cyber-crime and Explanatory memorandum related thereto: final activity report // Prepared by Committee of Experts on Crime in Cyber-Space (PC-CY) Submitted to European Committee on Crime Problems (CDPC) at its 50 th plenary session (18 – 22 June 2001) // Secretariat Memorandum prepared by the Directorate General of Legal Affairs. – Strasbourg, 2001.

17. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 15 октября 1999 г., № 76 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.

УДК 343.123.1

Н.Д. Попков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

М.М. Якубель

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Органы дознания – государственные органы и должностные лица, уполномоченные в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия, а в случаях, установленных законодательством, – оперативно-розыскную деятельность [3]. Приоритетными функциями органа дознания и лица, производящего дознание, являются производство проверки по материалам; осуществление первоначального этапа

предварительного расследования; оказание процессуального содействия и «оперативного сопровождения» деятельности органов предварительного следствия в случаях, предусмотренных законодательством.

С момента принятия УПК в 1999 г. на протяжении уже почти двух десятилетий учеными и практиками ведется работа по определению оптимального места органов дознания в правоохранительной системе Республики Беларусь. Следствием этой деятельности становится периодическое внесение изменений в текст уголовно-процессуального закона в части закрепления процессуального статуса органов дознания и лиц, его осуществляющих.

УПК на момент его принятия возложил на органы дознания:

прием, регистрацию и рассмотрение заявлений и сообщений о любом совершенном, совершаемом и готовящемся преступлении;

проведение дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно;

выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно;

ускоренное производство;

производство предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, и менее тяжких преступлениях, по которым не установлено подлежащее привлечению в качестве обвиняемого лицо, до его установления (ч. 2 ст. 37).

По отдельным категориям дел, перечисленным в ч. 12 ст. 182 УПК (по которым производство предварительного следствия было необязательно), органы дознания были вправе производить предварительное расследование в полном объеме, за исключением случаев, когда прокурор признавал необходимым производство предварительного следствия по уголовному делу.

При наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания вправе был возбудить уголовное дело, а дознаватель – производить неотложные следственные и другие процессуальные действия: осмотр, обыск, выемку, наложение ареста на почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз. По выполнении указанных действий, но не позднее десяти суток со дня возбуждения уголовного дела, орган

дознания обязан был передать дело следователю, а в случаях неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, – продолжать расследование до его установления.

Однако в связи с вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 325-3 «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам образования Следственного комитета Республики Беларусь» полномочия органов дознания были существенно откорректированы. Они лишились права на производство предварительного расследования в полном объеме и передачу уголовного дела прокурору для направления в суд. Тем не менее за органом дознания было сохранено право на возбуждение уголовного дела и производство по нему неотложных следственных и других процессуальных действий в срок не более десяти суток, после чего орган дознания обязан передать дело следователю. В связи с учреждением новой системы государственных правоохранительных органов – Следственного комитета Республики Беларусь, ч. 2 ст. 37 УПК была изменена и в настоящее время на органы дознания возлагаются:

прием, регистрация и рассмотрение заявлений и сообщений о любом совершенном, совершаемом и готовящемся преступлении;

проведение проверки по заявлению или сообщению о преступлении, принятие по ним решения в соответствии со ст. 174 УПК;

производство неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам;

проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий и принятие иных мер в целях обнаружения преступлений и выявления лиц, их совершивших, а также предупреждение и пресечение преступлений.

Рассматривая указанные полномочия более детально, следует отметить, что прием, регистрация и рассмотрение заявлений и сообщений о преступлении регламентированы ст. 172, 173 УПК. При поступлении в орган дознания заявления или сообщения, указывающего на признаки преступления, орган дознания обязан его принять, зарегистрировать, рассмотреть и провести по нему проверку. Бытует мнение ученых, что рассмотрение сообщения о преступлении вполне допустимо, правомерно считать сутью (основным содержанием) первого этапа уголовного процесса – возбуждения производства по уголовному делу [1, с. 75]. Безусловно, данное утверждение является неоспоримым, так как больший объем времени с момента поступления заявления или сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела отводится для их рассмотрения и проведения проверки.

Деятельность лица, производящего дознание, по материалам проверки регламентирована ст. 173 УПК, согласно которой решение должно быть принято в срок не позднее трех суток, а при необходимости проверки достаточности наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела – не позднее десяти суток. В исключительных случаях, если невозможно принять решение в установленный срок, а также когда проведение проверки требует более длительного срока, допускается ее проведение в месячный и трехмесячный сроки соответственно. Конкретно определен в законе и перечень следственных и других процессуальных действий, проведение которых возможно до возбуждения уголовного дела: получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование дополнительных документов, назначение проверки финансово-хозяйственной деятельности, осмотр места происшествия, трупа, местности, предметов, документов, освидетельствование, экспертиза, задержание и личный обыск при задержании, извлечение трупа из места захоронения (эксгумация).

В связи с вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-З процессуальное положение органов уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела вновь изменилось. Появилась возможность соединять и выделять заявления и сообщения о преступлении и материалы проверки по ним (ст. 173¹ УПК); был определен порядок направления органом дознания заявления или сообщения о преступлении и материалов проверки по нему в орган предварительного следствия и возвращения органом предварительного следствия заявления или сообщения о преступлении и материалов проверки по нему органу дознания (ст. 173² УПК); регламентирована процедура приостановления и возобновления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении при наличии определенных оснований (ст. 173³ УПК).

После проведения проверки и установления наличия оснований для возбуждения уголовного дела орган дознания вправе принять соответствующее решение и производить неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления.

Вышеуказанный перечень следственных и других процессуальных действий законодатель закрепил в ч. 1 ст. 186 УПК. Являясь исчерпывающим, он включает в себя: осмотр, обыск, выемку, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз.

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК органы дознания и их должностные лица уполномочены проводить необходимые оперативно-розыскные мероприятия. Исходя из буквального толкования закона, следует, что любой орган дознания, перечисленный в ч. 1 ст. 37 УПК, имеет право на проведение оперативно-розыскных мероприятий, т. е. на осуществление оперативно-розыскной деятельности. Однако в ст. 12 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») закреплен исчерпывающий перечень органов, которые имеют право осуществлять оперативно-розыскную деятельность, а соответственно, и проводить оперативно-розыскные мероприятия. В свою очередь не все органы дознания, упомянутые в ст. 37 УПК, перечислены в вышеуказанной норме. Сравнивая ч. 1 ст. 37 УПК и ст. 12 Закона «Об ОРД», можно прийти к выводу о том, что отдельные органы дознания в силу п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия, однако согласно ст. 12 Закона «Об ОРД» не обладают соответствующими полномочиями. Такими органами являются:

военные коменданты военных комендатур, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учебных заведений, организаций Вооруженных Сил и гарнизонов, командиры воинских частей, соединений, начальники органов пограничной службы, начальники военных учреждений;

органы государственного пожарного надзора;

капитаны морских или речных судов, командиры воздушных судов, находящихся вне пределов Республики Беларусь;

главы дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Беларусь.

Общеизвестно, что содержание и порядок осуществления оперативно-розыскной деятельности определяется Законом «Об ОРД» и ведомственными нормативными правовыми актами. Уголовно-процессуальный кодекс призван закреплять надлежащую правовую процедуру осуществления уголовного процесса. В этой связи представляется, что нормы уголовно-процессуального закона не должны расширять закрепленный в Законе «Об ОРД» перечень субъектов, имеющих право проводить оперативно-розыскные мероприятия.

Таким образом, полагаем, что органы дознания могут проводить оперативно-розыскные мероприятия, только в тех случаях, если они включены в содержащийся в ст. 12 Закона «Об ОРД» перечень органов, имеющих право осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

Для устранения описанного противоречия представляется целесообразным изложить п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК в следующей редакции: «4) проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий *в случаях, предусмотренных законодательством*, и принятие иных мер в целях обнаружения преступлений и выявления лиц, их совершивших, а также предупреждение и пресечение преступлений.». Это позволит привести действующий УПК в соответствие с Законом «Об ОРД» и ведомственными нормативными правовыми актами, а также исключить неправильное применение уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства.

Рассматривая процессуальные полномочия органа дознания, интересной представляется его обязанность производить следственные и другие процессуальные действия, а также оперативно-розыскные мероприятия по поручению следователя. Такие поручения следователя даются в письменной форме и являются для указанных органов обязательными для выполнения (ч. 7 ст. 36 УПК). Практика дачи письменных поручений представляется довольно эффективной, так как позволяет четко указать, какие именно следственные и процессуальные действия, а также оперативно-розыскные мероприятия должны быть проведены по делу, и предоставить исполнителю необходимую информацию. Кроме того, помещение в материалы уголовного дела поручения способствует последующему правильному процессуальному оформлению результатов взаимодействия следователя и органа дознания [2, с. 49].

Анализ содержания норм уголовно-процессуального закона позволяет констатировать, что обязанность производства по уголовному делу следственных и других процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователя не входит в полномочия органа дознания, перечисленные в ч. 2 ст. 37 УПК. Однако она вытекает из содержания других норм УПК (в соответствии с ч. 4 ст. 186 УПК орган дознания вправе производить следственные и другие процессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия по поручению следователя). Учитывая, что описанное полномочие представляет собой достаточно объемный и значимый сегмент деятельности органов дознания, считаем целесообразным отразить в ч. 2 ст. 37 УПК полномочие органа дознания на производство по поручению следователя следственных и других процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий в случаях, предусмотренных законодательством. Это будет способствовать конкретизации нормативного закрепления основных направлений деятельности органов дознания, систематизации их в рамках одной нормы.

Таким образом, можно констатировать то, что процессуальный статус органов дознания и его должностных лиц постепенно меняется за годы действия УПК. Это обусловлено необходимостью определения места и роли органов дознания в Республике Беларусь. Однако представляется, что в настоящее время все еще имеются резервы для совершенствования и конкретизации действующей регламентации процессуального статуса органов дознания. Рассмотрев отдельные аспекты нормативного закрепления деятельности органов дознания по материалам и уголовным делам, можно отметить существенный диссонанс норм уголовно-процессуального закона и Закона «Об ОРД» в части определения субъектов, наделенных правом осуществления оперативно-розыскной деятельности. Также необходимо указать, что ч. 2 ст. 37 УПК, регламентирующая полномочия органа дознания, отражает не все существенные направления деятельности вышеуказанных органов по материалам и уголовным делам. В связи с этим представляется целесообразным изложить ч. 2 ст. 37 в следующей редакции: «2. На органы дознания и должностных лиц в зависимости от характера преступления возлагаются:

- 1) прием, регистрация и рассмотрение заявлений и сообщений о любом совершенном, совершаемом и готовящемся преступлении;
- 2) проведение проверки по заявлению или сообщению о преступлении, принятие по ним решения в соответствии со ст. 174 настоящего Кодекса;
- 3) производство неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам;
- 4) проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий *в случаях, предусмотренных законодательством*, и принятие иных мер в целях обнаружения преступлений и выявления лиц, их совершивших, а также предупреждение и пресечение преступлений;
- 5) *производство по поручению следователя следственных и других процессуальных действий.*».

1. Гирько, С.И. Роль и функция милиции в уголовном процессе России : монография / С.И. Гирько. – М. : Щит-М, 2005. – 232 с.
2. Плеснёва, Л.П. Процессуальные формы взаимодействия следователя с органами дознания / Л.П. Плеснёва // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та М-ва внутр. дел Росии. – Серия «Государство и право. Юрид. науки». – 2011. – № 3. – С. 47–55.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внес. Законом Респ. Беларусь от 8 янв. 2018 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск 2018. – 464 с.

А.В. Радецкий, курсант второго курса факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

С.С. Касьянчик

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА В РЕСУРСАХ ИНТЕРНЕТА

Все субъекты права наделены определенными правами и обязанностями. Субъективные права и обязанности – важнейшие составляющие любого правоотношения. В то же время каждый субъект наделяется и личными неимущественными правами. Личные неимущественные права, принадлежащие лицу, невозможно отделить от личности, они не связаны с имущественной стороной жизни человека и не имеют материального или имущественного содержания, поэтому их называют неотчуждаемыми. К числу личных неимущественных прав относятся: право на личную неприкосновенность, право на жизнь и здоровье, право на имя, право на защиту чести, достоинства, деловую репутацию гражданина (предпринимателя), право на деловую репутацию юридического лица и др.

В связи с развитием рыночной экономики во многих странах мира и мировой промышленности и бизнеса в целом на современном этапе большую значимость приобретают такие личные неимущественные права, как честь, достоинство и деловая репутация: часто люди оценивают тот или иной продукт, того или иного человека, а также деятельность государства и государственных органов, исходя из их деловой репутации, чести и достоинства. В контексте данного аспекта теоретическую и практическую значимость приобретает познание правовой природы понятий чести, достоинства и деловой репутации.

С.И. Ожегов понятие чести определяет как «достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы; хорошая незапятнанная репутация, доброе имя; почет; уважение» [1, с. 882]. Оценка личности с точки зрения интересов общества это и есть основное содержание понятия «честь». Если действия лица отвечают требованиям того общества, в котором оно находится, если его моральные и правовые принципы соответствуют ему, то это и делает его честь. Таким образом, *честь* следует понимать как общественное признание заслуг конкретного лица его моральных и иных качеств [2, с. 83].

Раскрывая понятие «честь» выделяют два аспекта – объективный и субъективный. Честь – это совокупность как общественного мнения, так и стремления личности поддержать свою репутацию. Ее содержание является социальным, т. е. не зависит от конкретной личности, а от имеющихся в обществе нравственных принципов.

Честь нельзя рассматривать отдельно от человеческого достоинства. Эти понятия взаимосвязаны, если честь, прежде всего, – это определенная социальная оценка человека, то достоинство выступает как своеобразное отражение этой социальной оценки в сознании носителя.

Достоинство, как и честь, не имеет нормативно закрепленного определения. В толковом словаре С.И. Ожегова достоинство определяется как «совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе» [1, с. 177]. В научной литературе понятие чести раскрывают в большинстве своем через духовные и физические качества ценности. Профессор Д.А. Колбасин дает следующее определение понятия «достоинство»: «человеческое достоинство заключается в духовных и физических качествах человека, его профессиональной принадлежности. Достоинство включает в себя также обеспечение и охрану жизненных прав человека, признание его высшей ценностью общества» [2, с. 84]. Схожее, по сути, но несколько отличное от определения Д.А. Колбасина дает А.Л. Анисимов: «*достоинство* заключается в духовных и физических качествах, ценных, в частности с точки зрения потребностей общества. В своем органическом единстве эти личные качества (достоинства) и составляют то, что принято называть личным достоинством» [3, с. 15].

Можно сказать, что категории «чести» и «достоинства» едины, но не равнозначные, они вытекают одна из другой. Очевидным является тот факт, что эти категории различны для всех граждан, поскольку различаются их заслуги перед обществом. Также совершенно правильно отметил Л.К. Рафиева: «Содержание чести и достоинства любого человека постоянно обогащается, меняется по мере развития его общественной деятельности» [4, с. 61].

Довольно сложным для понимания является понятие деловой репутации. Деловая репутация – частный случай репутации вообще. В отличие от двух вышерассмотренных категорий (честь и достоинство), деловая репутация имеет нормативно закрепленное определение. Оно изложено в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации». В соответствии с п. 6 указанного постановления «Под *деловой репутацией*

цией гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем, понимается приобретаемая гражданином общественная оценка его деловых и профессиональных качеств при выполнении им трудовых, служебных и общественных обязанностей.

Под *деловой репутацией юридического лица и индивидуального предпринимателя* понимается оценка их хозяйственной (экономической) деятельности как участников хозяйственных (экономических) правоотношений другими участниками имущественного оборота и гражданами, таковыми не являющимися.» [5].

В научной литературе преимущественно используется следующее определение деловой репутации: «сложившееся общественное мнение о профессиональных достоинствах и недостатках лица (гражданина или организации)» [6, с. 365].

Рассматривая понятие деловой репутации и преломив его на должностное лицо и государственный орган, были выявлены некоторые проблемы в понятии. Так что же можно назвать деловой репутацией государственного органа и должностного лица? Если понятие деловой репутации гражданина, юридического лица и индивидуального предпринимателя имеют нормативное определение, то на сегодня само понятие феномена деловой репутации как государственного органа в целом, так и его должностных лиц в законодательных актах четко не сформулировано. В связи с этим З.Р. Мингазова справедливо отмечает: «...данное понятие не прошло пока этап институционализации, что в свою очередь негативно влияет на развитие института государственного аппарата и на эффективность государственной власти в целом» [7, с. 13]. Ограничиваясь использованием понятия «деловая репутация», законодатель дает формальные основания ставить под сомнение существование профессиональной репутации как специфического нематериального блага, принадлежащего некоторым государственным органам или должностным лицам (например, система МВД), что создает определенные трудности для реализации соответствующих мер (способов) защиты, о чем дает понять противоречивая судебная практика.

Конституция Республики Беларусь провозглашает высшей ценностью – обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь. В свою очередь закон также возлагает на государство, его органы и должностных лиц обязанность уважать, защищать и гарантировать эти права и свободы. Закрепление прав и обязанностей граждан в законодательстве – необходимое, но недостаточное условие для установления реального статуса гражданина; опыт показывает, что без надежных, автоматически действующих гарантий провозглашение прав и свобод

даже в Конституции страны может оказаться юридической фикцией, как юридическое прикрытие политической игры [8, с. 218].

Исходя из того, что обязанность по защите и гарантированию прав и свобод гражданина возлагается в основном на государственные органы и должностных лиц, то и уровень защищенности граждан зависит от эффективности их работы. А эффективность работы государственных органов и должностных лиц напрямую зависит от решения ряда вопросов: в достаточном ли объеме эти субъекты наделены соответствующими властными полномочиями, созданы ли необходимые условия для реализации этих полномочий, защищены ли при этом сами субъекты.

Юридическим средством решения данных вопросов в административно-правовой науке является нормативизация гарантий.

В юридической литературе существуют различные подходы к термину гарантии. Вместе с тем они традиционно рассматриваются через такие категории, как «условия» и «средства».

Условия – это политико-правовой режим, в котором осуществляются права, свободы и исполняются обязанности [9, с. 22–23].

Средства – это механизм, который обеспечивает человеку и гражданину возможность пользоваться своими правами и свободами, а также выполнять обязанности.

Следовательно, под гарантиями следует понимать установленную государством систему норм, а также совокупность условий и средств, с помощью которых государство обеспечивает реализацию и охрану прав и свобод граждан.

В юриспруденции классификация гарантий осуществляется по различным основаниям. Несмотря на большое количество критериев для классификации гарантий, выделяемых в научной литературе, общепризнанным является мнение о разграничении гарантий на общие и специальные (юридические). Также нередко выделяют объективные и субъективные, прямые и косвенные, государственные и общественные гарантии.

На современном этапе все острее стоит вопрос о распространении СМИ не соответствующих действительности сведений, влияющих на формирование общественного мнения о деятельности государственных органов и должностных лиц, умаление профессиональной репутации которых непосредственно затрагивает авторитет как отдельных сфер государственной деятельности, так и всего государства в целом. Практика показывает, что число обращений в суд по данным фактам неуклонно растет. В силу этого необходимость разработки данного вопроса становится все приоритетнее, так как обеспечение эффективности деятельности государственных органов и должностных лиц зависит от их репутации,

которая влияет на соблюдение гражданами законодательства, доверие к государственным органам и должностным лицам и иные критерии.

Защита чести, достоинства и деловой репутации должностного лица государственного органа административно-правовыми средствами в ресурсах интернета имеет ряд особенностей и нерешенных на этом этапе вопросов.

Из таких особенностей можно выделить и привести следующие.

Во-первых, публичный характер правонарушений в данной области, т. е. законодатель подчеркнул важность охраняемого объекта и, в отличие от обычного оскорбления, предусмотренного ст. 9.3 КоАП, которое является правонарушением частного обвинения и возбуждается только по заявлению лица, оскорбление должностного лица государственного органа при исполнении им служебных полномочий является правонарушением публичного обвинения и может быть возбуждено непосредственно при обнаружении признаков этого правонарушения.

Во-вторых, отличия заключаются в объективной стороне смежных между собой составов, предусмотренных Уголовным кодексом и Кодексом об административных правонарушениях. Они заключаются в том, что защите административными средствами подлежат оскорбления должностных лиц при исполнении ими служебных полномочий только в том случае, когда оно не совершено публично. Понимание публичности является сложным на данный момент, по поводу публичности ведутся споры среди ученых. Но пока доминирует мнение, что публичным следует признавать оскорбление в присутствии посторонних лиц, кроме нарушителя и оскорбляемого.

В-третьих, одной из особенностей является тот факт, что особый порядок защиты должностных лиц государственных органов административными средствами происходит только если оскорбление было нанесено при исполнении ими служебных полномочий. Это решение законодателя видится правильным, так как должностные лица не во всех правоотношениях имеют такой статус, т. е. в ряде случаев они выступают в качестве обычных граждан.

В контексте обозначенных аспектов важно выделить следующие проблемные стороны вопроса:

Во-первых, должны ли признаваться ресурсы (их части) интернета, в том числе интернет-сайты, страницы в социальных сетях, блоги, чаты и форумы, публично демонстрирующимися произведениями или СМИ, если доступ к ним ограничен обязательной регистрацией и паролем?

Во-вторых, в случае если обстоятельства оскорбления на ресурсах интернета не позволяют отнести такое деяние к уголовно наказуемому, следует ли его квалифицировать в соответствии со ст. 23.5 КоАП?

В-третьих, должны ли нести ответственность владельцы информационных ресурсов интернета, которые не препятствуют распространению на этих ресурсах их посетителями информации, нарушающей действующее законодательство Республики Беларусь?

В качестве наиболее адекватного решения поставленных вопросов, в максимальной степени учитывающего государственный и общественный интерес, видится внесение изменений и дополнений в ст. 23.5 «Оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, предполагающих замену в названии и тексте указанной статьи фразы «при исполнении» фразой «в связи с исполнением».

Думается, что внесение указанных изменений и дополнений в ст. 23.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях поможет укрепить систему гарантий защиты чести, достоинства и деловой репутации должностного лица государственного органа с учетом быстро развивающихся процессов глобальной информатизации, проявившихся вследствие активного развития интернета.

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

2. Колбасин, Д.А. Гражданское право: учеб. для студентов и курсантов учреждений высш. образования / Д.А. Колбасин ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2016. – Ч. 1. – 492 с.

3. Сахапов, Ю.З. Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности в системе объектов гражданских прав и особенности ее гражданско-правовой защиты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю.З. Сахапов. – Казань, 2007. – 193 с.

4. Рафиева, Л.К. Честь и достоинство как правовые категории / Л.К. Рафиева // Правоведение. – 1966. – № 2. – С. 57–64.

5. О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 1999 г., № 15 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Гражданское право : в 2 т. : учебник / Е.А. Суханова [и др.] ; под ред. Е.А. Сухановой. – М. : Изд-во БЕК, 1994. – Т. 1. – 384 с.

7. Мингазова, З.Р. Деловая репутация государственного аппарата как института власти: политологический анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / З.Р. Мингазова ; Казан. (Приволж.) Федер. ун-т. – Казань, 2012. – 21 с.

8. Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. / под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой. – Ч. 1. Административно-регулятивное право. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 438 с.

9. Зиновьев, А.В. Основы конституционного права / А.В. Зиновьев. – СПб. : Альфа : Равена, 1996. – 79 с.

Е.Л. Рыжий, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат исторических наук
А.И. Мурашко

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМ И МЕТОДОВ

Во второй половине XIX в. в Российской империи достаточно серьезные меры были направлены на искоренение такого противоправного деяния, как коррупция. В 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. В нем была изменена и существенно дополнена законодательная составляющая об ответственности за коррупционные проявления, включая взяточничество. Уложение содержало новые нормы, направленные на борьбу с коррупцией. Глава 6 разд. V «О мздоимстве и лихоимстве», состоявшая из тринадцати статей, предусматривала уголовную ответственность за корыстные злоупотребления по службе. Сюда же относилось и взяточничество.

Статья 401 Уложения устанавливала уголовную ответственность за мздоимство. Наказание за данное коррупционное деяние выражалось в денежном взыскании, которое вдвое превышало цену принятого [1, с. 22]. Данная статья предусматривала две формы получения взятки: взятка-благодать и взятка-подкуп.

Должностное лицо, которое было уличено в подкупе, кроме денежного взыскания подвергалось еще и такому виду наказания, как отстранение от занимаемой должности. В случае деятельного раскаяния должностного лица в совершенном преступлении по усмотрению суда наказание могло быть заменено более мягким.

Статья 402 Уложения предусматривала ответственность за получение непредусмотренного законом вознаграждения должностным лицом органов государственной власти и управления, которое было сопряжено с нарушением должностных обязанностей. Наказание за данное деяние было достаточно суровым: лишение свободы от 1 года до 3 лет, или сечение розгами (70–80 ударов) и отдача в арестантские роты на срок от 2 до 5 лет [1, с. 23].

Статья 405 Уложения устанавливала формы и способы дачи и получения взятки:

1) получение и дача взятки через посредников (родственники также приравнивались к посредникам);

2) передача и получение заранее неоговоренного вознаграждения должностному лицу за совершение деяния (действия или бездействия) по службе;

3) передача вознаграждения в виде проигрыша, мены, продажи или другой мнимой сделки [2].

Также Уложение предусматривало в ст. 406, 407 формы вымогательства взятки, к которым относились:

1) получение взятки путем угрозы или под страхом притеснения;

2) любое требование от должностного лица о подарках, непредусмотренной законом платы за работу или услугу, а также требование ссуды, каких-либо услуг, прибылей или других выгод для себя;

3) всякого рода поборы, выраженные в незаконном получении денег, вещей или другого;

4) всякие незаконные наряды обывателей на свою или чью-то работу;

5) вымогательство, сопряженное с насилием или истязанием над личностью [2].

Стоит отметить, что наказания за вымогательство взяток предусматривалось в виде ссылки в Сибирь и лишения всех прав, а также отдачей в арестантские роты сроком от 4 до 6 лет.

Глава 6 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержала в себе новые, ранее неизвестные, составы преступлений. Например, ст. 408 признавала коррупционным преступлением противозаконный сбор денег на подарки и угощения для чиновников, вышестоящего руководства, волостителей, писарей и их помощников. В ст. 409 была установлена ответственность за содействие в вымогательстве взятки, мздоимстве и лихоимстве.

Следует отметить, что введение в действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. оказало достаточно весомое значение на развитие борьбы с коррупцией второй половины XIX – начало XX в. В Уложении предусматривалась дифференцированная уголовная ответственность за каждый вид и форму получения взятки должностным лицом органов государственной власти, с учетом степени общественной опасности и последствий от совершения данного вида преступления. При определении наказания за коррупционные деяния суд учитывал отягчающие и смягчающие вину обстоятельства.

К середине XIX в. коррупция поразила все звенья государственного аппарата и стала обычным и повсеместным явлением. Взяточничество прочно оставалось негласной статьёй доходов чиновников всех рангов – от рядового до сановного, взгляд на должность как на «пожалование для личного обогащения продолжал жить» [3, с. 84] с прочностью многовекового обычая.

Применялись и антикоррупционные меры превентивного характера. В 1857 г. была установлена обязательная ежегодная отчетность чиновника об имущественном состоянии его и его семьи.

В 1866 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных вышло в новой редакции, однако в нем принципиального изменения норм, регулирующих ответственность за коррупционные деяния, не произошло.

Стоит отметить, что действующее законодательство о взяточничестве было несовершенным, вследствие чего давало возможность оставаться безнаказанными за коррупционные деяния большому кругу должностных лиц и государственных служащих. Критические замечания на этот счет начали высказываться в печатных изданиях. Например, был поставлен вопрос о целесообразности привлечения к уголовной ответственности за дачу взятки, несмотря на то, какие именно цели преследовал взяткодатель, потому что и взяткодатель, и взяткополучатель действуют из корыстных и выгодных для себя побуждений.

Во второй половине XIX в. Российской империи предпринимаются попытки предупреждения проявлений коррупции путем размещения в периодических изданиях данных о состоянии преступности в Российской империи, в том числе указывалось количество сосланных в Сибирь должностных лиц и служащих, уличенных в коррупционных деяниях.

Проводя анализ материалов статей в периодических изданиях конца XIX – начала XX в., можно сделать вывод о том, что в указанный период за взяточничество к уголовной ответственности в большинстве случаев привлекали представителей исполнительной власти, которые не занимали ответственной должности. Например, в Судебной газете 1895 г. был размещен материал об осуждении рядового московского жандармского дивизиона Б... за то, что тот «находясь возле городского манежа и будучи обязан смотреть за порядком вообще, и размещать извозчиков на указанных местах, стал требовать от извозчиков, пользуясь своим служебным положением, по 5 копеек за право стоять около манежа. Суд назначил ему наказание в виде отдачи в арестантские роты на один год с лишением всех особых прав и преимуществ воинского звания, а также исключения из воинской службы» [4, с. 10].

Следует отметить, что в конце XIX в. коррупция стала настоящей «язвой» для общества. В 1862 г. Александром II издается Указ «Об изыскании причин и представлении средств к искоренению сей язвы», который содержал следующие вопросы, подлежащие исследованию:

1. «В чем заключаются причины, по силе коих пагубное лихоимство или взятки в Империи не только существуют, но даже распространяются

между теми самими, которые бы гнушаться ими и всемерно пресекать их долженствовали?»

2. Достаточны ли существующие доселе законы о лихоимстве ... и не служат ли даже покровом лихоимцам, когда как приниматель и дающий равному подвергаются наказанию?

3. Какие вообще к истреблению язвы сей должно принять меры, дабы не могла она вредить ни правосудию, ни Государственному устройству, ниже скорому течению в отправлении дела?» [5, с. 64].

Специальный комитет, созданный Сенатом, выделил три причины развития коррупции: несовершенство законодательной базы; несообразность преступления и ответственности за него; низкая материальная и финансовая обеспеченность государственных служащих.

Особое значение придавалось административным мерам предупреждения и пресечения коррупционных действий в конце XIX в. В 1872 г. организационно-ресурсное обеспечение деятельности по борьбе с коррупцией возлагалось на руководство ведомств. В связи с быстрым распространением борьбы с коррупцией, потенциальные коррупционеры, чтобы не быть уличенными в данном деянии, стали прибегать к более латентным формам подкупа-продажности, при этом об отказе от коррупции не могло идти и речи.

Стоит отметить, что малоэффективность борьбы с коррупцией в Российской империи обосновывается слишком большой территорией российского государства, а следовательно, бесконтрольностью и слишком большой самостоятельностью чиновников. Еще А. Герцен обратил на это внимание: «чем дальше от центра, тем больше произвола, меньше ответственности перед управляемыми, вплоть до ее полнейшего отсутствия» [6, л. 112].

Последняя четверть XIX – начало XX в. характеризуются быстрым переходом к рыночным отношениям, утверждением в стране капиталистического социально-экономического уклада и появлением новой формы коррупции, связанной с привлечением крупных правительственных чиновников к учреждению акционерных обществ, предложением должностей в советах и управлениях частных фирм. Стоит сказать, что в указанный период личная связь финансовой олигархии и правительственного аппарата заметно укреплялась. Вследствие чего предпринимательские круги могли получать выгодные государственные заказы, льготные условия добычи топлива, его продажи и перевозки.

Именно поэтому в декабре 1884 г. Александром III был утвержден Указ «О порядке совмещения государственной службы с участием в торговых

и промышленных товариществах и компаниях, а равно в общественных и частных кредитных установлениях» в целях укрепления авторитета государственной службы и борьбы с коррупцией. По положениям данного указа, гражданская служба высших должностных лиц признавалась несовместимой с любым участием в учреждении железнодорожных, пароходных, страховых и других торговопромышленных товариществ, а также общественных и частных кредитных ассоциаций [7, с. 40].

Серьезным упущением в борьбе с коррупцией в Российской империи конца XIX – начала XX в. было множество указов и постановлений, которые часто противоречили друг другу, создавая законодательную неразбериху, в которой обыватель чувствовал себя беспомощным, в отличие от чиновника, который видел в этом «кормушку». Таким образом, взятка становилась «двигателем» любых начинаний и нововведений, потому что именно чиновники ставили свои «разрешительные» подписи практически на каждом виде документов.

В 1885 г. в Российской империи появляется Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, содержащее в своих нормах ответственность за коррупционные деяния.

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи начали рассматриваться и внедряться такие меры борьбы с коррупцией, как делегирование руководителям организаций и учреждений права контроля за исполнением подчиненными своих обязанностей, а также установление ответственности непосредственных начальников за коррупционные деяния своих подчиненных.

Среди мер борьбы с коррупцией можно также отметить Императорский указ 1889 г. «О порядке ответственности министров, главноуправляющих и членов Государственного Совета», который установил возможность применения административных, дисциплинарных и уголовных мер ответственности за служебные злоупотребления министров, главноуправляющих и членов Государственного Совета.

Отметим, что принимались меры по предупреждению коррупции и на ранних этапах ее проявления. Например, в 1894 г. был введен административно-правовой запрет на использование чиновниками гражданского ведомства фондов государственного имущества для личных нужд.

В 1903 г. было разработано новое «Уголовное уложение» России, куда автоматически были перенесены все нормы о должностных преступлениях из предшествующего «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г. Уложение 1903 г. запретило ряд коррупционных деяний служащих, заключавшихся «в вынуждении, посредством

притеснения или угрозы оным или иного злоупотребления служебным полномочием, исполнения по наряду для себя или другого, безмездно или за несоразмерно низкое вознаграждение, заведомо необязательной работы или заведомо неследующей натуральной повинности» (ст. 665); «в публичной продаже чужого имущества или в допущении такой продажи, заведомо посредством нарушения установленных для производства публичных торгов правил, за несоразмерно низкую цену если сие деяние учинено по корыстному побуждению» (ст. 681); «во вступлении в запрещенные законом по роду службы имущественные сделки» (ст. 682); «в воспрещенном законом участии (если на служащем лежит обязанность наблюдения за имущественным предприятием, или заключения, утверждения или исполнения подряда, поставки или иного имущественного договора, производства торга или надзора за указанными действиями) в сих предприятиях, договоре или в залогодательстве по договору от своего имени или от имени своей жены, или через подставное лицо» (ст. 683) [8, с. 28].

В 1904 г. как мера борьбы с коррупцией в Российской империи была установлена проверка благонадежности лиц, назначаемых на государственную службу.

Особо значимыми мерами борьбы с коррупцией в Российской империи до 30-х гг. XX в. были:

материальная и дисциплинарная ответственность лиц, виновных в коррупционных правонарушениях;

уголовная ответственность лиц, виновных в коррупционных преступлениях.

Важно отметить, что до середины XX в. эффективность уголовно-правовых систем борьбы с коррупцией связывалась с практикой законодательного установления равной ответственности субъектов подкупа и субъектов продажности. Также сведения о лицах, привлекавшихся к ответственности за получение либо дачу взятки, печатались в периодических изданиях, тем самым подрывая общественный авторитет взяточполучателей.

Таким образом, отметим, что конец XIX – начало XX в. положил новый этап в борьбе с коррупцией путем ужесточения ответственности за взяточничество, а также общественное осуждение людей, уличенных в коррупционных деяниях. В Российской империи в конце XIX – начале XX в. взяточник оказывался под двойной угрозой: потери должности и общественного осуждения.

В Советский период борьба с коррупцией еще более ужесточилась в связи с тем, что коррупционные проявления в годы революции достаточно серьезно развились. 8 мая 1918 г. был принят Декрет СНК «О взяточ-

ничестве». Впервые в Советской России была предусмотрена уголовная ответственность за взяточничество – лишение свободы на срок не менее пяти лет, соединенный с принудительными работами на тот же срок.

1. Кабанов, П.А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты / П.А. Кабанов. – Нижнекамск : Гузель, 1995. – 172 с.

2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://музейреформ.рф/node/13654>. – Дата доступа: 20.04.2018.

3. Катаев, И.М. Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе / И.М. Катаев. – СПб. : Кн-во типо-лит. «Энергия», 1914. – 180 с.

4. Беляев, И.О. О лиходействе / И.О. Беляев // Судеб. газ. – 1895. – № 10. – С. 7–11.

5. Волженкин, Б.В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX – начала XX в. / Б.В. Воложенкин // Правоведение. – 1991. – № 2. – С. 63–66.

6. Шедий, М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / М.В. Шедий. – М., 2014. – 393 л.

7. Куракин, А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность) / А.В. Куракин // Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 35–48.

8. Астанин, В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: развитие системного подхода / В.В. Астанин. – М. : Рос. криминол. ассоциация, 2003. – 92 с.

УДК 343.985

А.А. Самак, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – *С.А. Войтихович*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Взяточничество на сегодня представляет проблему. Она существует во всех странах и находится в центре повышенного внимания. Стремительное развитие средств коммуникации позволяет людям по всему миру взаимодействовать, преодолевая барьеры, ранее затруднявшие диалог, коррупционные связи стали затрагивать интересы и благосостояние многих государств. Коррупционные проявления присущи всем странам независимо от их политического устройства, географического

расположения и условий экономического развития. Они подрывают доверие к образу государственного служащего и формируют отрицательное мнение у граждан к власти.

В настоящее время взяточничество, т. е. подкуп должностных лиц, криминализировано во всех странах мира.

Взяточничество как собирательное понятие можно разделить на несколько самостоятельных преступлений: дачу и получение взятки (активный и пассивный подкуп) [1, с. 13].

Сегодня общей международно-правовой основой для криминализации взяточничества выступает Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (далее – Конвенция), которая была заключена в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. В Республике Беларусь данная Конвенция вступила в силу 14 декабря 2005 г.

В нормах Конвенции содержатся предписания государствам-участникам устанавливать уголовную ответственность за подкуп (активный и пассивный) государственных должностных лиц.

Согласно ст. 15 Конвенции «Каждое государство-участник принимает такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых следующие деяния, когда они совершаются умышленно:

а) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей;

б) вымогательство или принятие публичным должностным лицом лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей» [2].

Таким образом, в данной статье авторы Конвенции в наиболее универсализированной форме отразили все обязательные признаки взяточничества. Благодаря этому представилось возможным выделить активный и пассивный подкуп как самостоятельные специфические составы преступления в современных уголовных законодательствах.

Однако ввиду объективных криминологических, социальных, политических и иных факторов, а также национальных традиций различных стран, практика установления ответственности за взяточничество в современных уголовных законодательствах гораздо сложнее и не всегда полностью соответствует обозначенной в Конвенции схеме.

Анализ норм уголовного законодательства многих стран СНГ, в том числе отечественного уголовного закона, позволяет сделать вывод о том, что величина взятки не является весомым фактором при квалификации взяточничества. В том случае, когда имеет место незначительное «вознаграждение» или «благодарность», применяется норма Общей части о малозначительности. В ч. 4 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь указано, что действия (бездействия), которые формально содержат признаки уголовно наказуемого деяния, но из-за малозначительности не представляют общественной опасности, присущей преступлениям, не могут быть расценены как преступления [3]. Некоторые отечественные авторы утверждают, что нижний размер уголовно наказуемой взятки определяется нормой Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) о допустимой стоимости подарка должностному лицу (не более 5 базовых величин) [4]. В действительности представляется более верным утверждение, что нормы ГК Республики Беларусь не могут ограничивать действия норм уголовного законодательства.

Отдельно хотелось бы отметить законодательство Армении. Здесь в самом Уголовном кодексе в п. 5 ст. 311 указывается, что «не является преступлением получение должностным лицом в отсутствие договоренности в качестве подарка имущества, права на имущество либо иной материальной выгоды за ранее совершенное действие (бездействие), входящее в его полномочия, в случае если стоимость подарка не превышает пятикратного размера минимальной заработной платы» [5].

Согласно Уголовному кодексу Австрии (ч. 4 § 304) тот, кто принимает исключительно незначительную выгоду или обещает ее принять, не наказывается за простой состав пассивного подкупа, помимо случаев, если он действует в виде промысла [6].

Почти во всех странах законодатель предусматривает квалифицирующие признаки или квалифицированные составы взяточничества. В некоторых государствах (Австрия) единственным квалифицированным составом является получение (дача) взятки за совершение незаконных действий (бездействия) должностным лицом.

В различных странах, в том числе в большинстве стран СНГ, известны различные квалифицирующие признаки:

1. Получение либо дача взятки должностным лицом, занимающим высокий пост;
2. Получение взятки в виде услуги;
3. Получение либо дача взятки за несоблюдение должностных инструкций (Австрия);
4. Получение либо дача взятки группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (страны СНГ);

5. Получение либо дача взятки многократно (страны СНГ);
6. Получение либо дача взятки в крупном размере (страны СНГ);
7. Получение взятки с шантажом, запугиванием (страны СНГ);
8. Коррупционирование судьи (Германия) [7].

В различных странах к особо квалифицированным относят составы получения взятки:

1. Организованной группой (Армения, Беларусь, Германия, Грузия, Молдова, Узбекистан);
2. В особо крупных размерах (Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Узбекистан);
3. Судьей (Армения);
4. Лицом, занимающим ответственное положение (Беларусь, Молдова, Узбекистан);
5. Лицом, ранее судимым за взяточничество (Беларусь, Грузия);
6. С причинением крупного ущерба (Германия);
7. В виде промысла (Германия) [8–10].

В большинстве стран СНГ лицо, давшее взятку, может быть освобождено от уголовной ответственности в случае, если после дачи взятки оно по собственному желанию сообщило о факте дачи взятки либо если в отношении его имело место вымогательство взятки (Армения, Беларусь, Молдова, РФ, Таджикистан, Узбекистан) [11]. По Уголовному кодексу Азербайджанской Республики освобождение по первому из оснований возможно только тогда, когда лицо было вынуждено дать взятку по причине угроз от лица, занимающего государственный пост [12].

Проанализировав законодательство различных стран, можно говорить о том, что подход к определению тяжести коррупционных преступлений различен и в каждом государстве различается в зависимости от устоявшихся в нем обычаев, традиций и норм.

Хотелось бы отметить также, что в уголовных законодательствах определенных стран коррупционные составы без квалифицированных признаков расцениваются как уголовный проступок. Некоторые страны отмечают взяточничество как преступление, представляющее определенную степень общественной опасности и расценивают его как деяние средней тяжести. Существует также категория государств, устанавливающих, что коррупционные проявления в любых формах являются тяжкими или особо тяжкими преступлениями и представляют высокий уровень общественной опасности. Так, законодатели некоторых стран устанавливают ответственность за взяточничество в виде пожизненного заключения, или смертной казни.

К примеру, законодательство Австрии является довольно мягким по отношению к взяточникам. Так, максимальная ответственность, ко-

тору может понести коррупционер, в том числе за состав получения взятки, содержащий квалифицированные и особо квалифицированные признаки, в Уголовном кодексе Австрии установлена в размере 3 лет.

Азиатские страны следует отнести к наиболее сурово относящимся к проявлениям коррупции среди должностных лиц. К примеру, в Китае коррупционер может быть привлечен к ответственности с применением наказания в виде пожизненного заключения или смертной казни только за общий состав получения взятки. Такая практика возникла в Китае в конце XX в. Коррупционеров прилюдно расстреливали. Такие меры применялись в отношении всех должностных лиц независимо от занимаемого положения, включая руководителей корпораций и высокопоставленных должностных лиц.

В подавляющем количестве государств (в том числе Беларуси, странах СНГ и Балтии) состав пассивного подкупа рассматривается как более тяжкий, нежели состав активного подкупа должностного лица. Соответственно, ответственность за дачу взятки устанавливается меньшая, чем за ее получение.

В отечественном уголовном законодательстве санкция за получение взятки по ч. 1 ст. 430 УК Республики Беларусь предусматривает максимальный размер наказания семи лет лишения свободы. Максимальный размер наказания за дачу взятки по ч. 1 ст. 431 УК Республики Беларусь составляет лишение свободы на срок пять лет.

По уголовному законодательству Молдовы, Франции и стран французской модели уголовного права предусмотрено одинаковое наказание за активный и пассивный подкуп [13].

За общий состав дачи взятки максимальный размер наказания в виде лишения свободы составляет:

- 6 месяцев – Австрия;
- 1 год – Бельгия;
- 2 года – Грузия;
- 3 года – Армения, Германия, Российская Федерация;
- 5 лет – Беларусь, Албания, Азербайджан, Молдова, Польша;
- 6 лет – Вьетнам, Латвия [14–16].

Нередко в качестве альтернативной санкции за неквалифицированную дачу взятки предусматривается штраф (Азербайджан, Армения, Германия, Грузия), а странах СНГ – также ограничение свободы.

За общий состав получения взятки виновным грозят следующие максимальные сроки лишения свободы:

- 1 год – Австрия;
- 3 года – Германия;

5 лет – Армения, Российская Федерация, Узбекистан;

6 лет – Аргентина, Болгария;

7 лет – Азербайджан, Беларусь, Молдова;

8 лет – Латвия, Польша;

10 лет – Албания, Грузия, Франция.

В ряде стран альтернативным наказанием является штраф (Армения, Германия, Молдова, Российская Федерация) или ограничение свободы (Беларусь).

Квалифицированные и особо квалифицированные составы дачи взятки влекут наказание в виде лишения свободы на следующие максимальные сроки:

2 года – Австрия;

5 лет – Хорватия;

7 лет – Армения;

8 лет – Азербайджан, Грузия, Российская Федерация;

10 лет – Беларусь, Германия;

12 лет – Латвия, Молдова.

За квалифицированные и особо квалифицированные составы получения взятки максимальный размер наказания в виде лишения свободы составляет:

3 года – Австрия;

8 лет – Хорватия;

10 лет – Германия;

12 лет – Азербайджан, Армения, Российская Федерация;

15 лет – Беларусь, Грузия, Латвия, Молдова, Узбекистан.

Совершение преступлений коррупционного характера во многом определяется низким уровнем правосознания граждан и правовой культуры, особенностями менталитета граждан и другими объективными факторами [17, с. 89]. При таких условиях модернизация антикоррупционного законодательства не принесет ожидаемых результатов.

Большинство исследователей, выделяя направления противодействия коррупции, одним из основополагающих методов считают необходимость совершенствования нормативных правовых актов и ужесточение ответственности за совершение коррупционных преступлений. Представляется, что данный подход является истинным лишь в части, так как суждение об обратной зависимости количества совершаемых коррупционных преступлений и размере ответственности за их совершение, исходя из практики, представляется неверным.

Таким образом, в современных условиях перед обществом и органами государственной власти проблема коррупции в экономике и управ-

лении одна из ключевых. Увеличение масштабов коррупционной преступности является серьезной угрозой работоспособности публичной власти, демократии и правам человека, затрудняет экономическое развитие всех стран мира.

Исходя из вышесказанного, следует осуществлять комплекс мер, направленных прежде всего на правовое воспитание граждан государств. Ведь именно личность, внутреннее отношение каждого человека к взысканию занимают первостепенное место и играют ключевую роль в вопросах борьбы с коррупцией.

1. Додонов, В.Н. Сравнительное уголовное право. Особенная часть : монография / В.Н. Додонов, О.С. Капинус, С.П. Щерба. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 544 с.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорке 31 окт. 2003 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : 29 апр. 2003 г., № ЗР-528 // National Assembly of the Republic of Armenia | Official Web Page. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus>. – Дата доступа: 11.11.2017.

6. Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. С.В. Милуков ; пер. с нем. Л.С. Вихровой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 352 с.

7. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. Д.А. Шестакова ; пер. с нем. Н.С. Рачковой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 524 с.

8. Уголовный кодекс Грузии / науч. ред. З.К. Бигвава ; пер. с груз. И. Мериджанашвили. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 409 с.

9. Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. ст. А.И. Лукашова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 408 с.

10. Уголовный кодекс Республики Узбекистан / вступ. ст. М.Х. Рустамбаева, А.С. Якубова, З.Х. Гулямова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 338 с.

11. Уголовный кодекс Республики Таджикистан / предисл. А.В. Федорова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 410 с.

12. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / науч. ред. И.М. Рагинова ; пер. с азерб. Б.Э. Аббасова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 325 с.

13. Уголовное право зарубежных стран : курс лекций / А.А. Арямов [и др.]. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 150 с.

14. Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. Н.И. Мацнев ; пер. с фр. Г.И. Мачковского. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 561 с.

15. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова ; пер. с польск. Д.А. Барилевич. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 234 с.

16. Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. А.И. Лукашова и Э.А. Саркисовой ; пер. с латыш. А.И. Лукашова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 313 с.

17. Бриллиантов, А.В. Должностное лицо в уголовном законодательстве России и зарубежных стран : монография / А.В. Бриллиантов, Е.Ю. Четвертакова. – М. : Проспект, 2014. – 192 с.

УДК 343.9.02

А.В. Скоробогатый, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Несмотря на общую положительную тенденцию снижения преступности в Республике Беларусь, организованная преступность продолжает оставаться серьезной угрозой национальной безопасности, организация результативной борьбы с которой позволила бы значительно улучшить криминологическую обстановку в стране. В этой связи познание и объяснение специфики проявления организованной преступности в современных условиях, всех факторов, обуславливающих отдельные ее разновидности обоснованно причисляются учеными к ключевым задачам юридических наук [1, с. 3–4].

Организованная группа, являясь первичным звеном организованности в преступности, выступает также в качестве основы для формирования преступной организации, формы соучастия с более высоким уровнем организованности. С учетом сказанного, организованную группу можно определить как первичный, системный элемент организованности в преступности, ядро формирования преступной организации. Данное обстоятельство и предопределяет последующий выбор конструктивных признаков законодательной дефиниции этой формы соучастия [2, с. 91].

В ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой Генеральной Ассамблеей ООН, указано, что под организованной преступной группой понимается структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с указанной Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду [3].

Согласно ч. 1 ст. 18 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) организованная группа предполагает умышленное участие двух или более лиц, предварительно объединившихся в управляемую устойчивую группу для совместной преступной деятельности [4]. Таким образом, в ч. 1 ст. 18 УК содержится пять обязательных признаков организованной группы, характеризующие ее с количественной и качественной стороны: 1) состав из двух и более лиц; 2) предварительная объединенность; 3) управляемость; 4) устойчивость; 5) нацеленность на преступную деятельность [5, с. 61]. По мнению Э.А. Саркисовой, признаками, которые характеризуют организованную группу, являются следующие: управляемость и устойчивость группы; преступная целенаправленность (создана для совместной преступной деятельности); предварительная объединенность участников (создана лицами, предварительно объединившимися для совершения преступлений) [6, с. 63].

Рассмотрим данные признаки организованной преступности подробнее. В соответствии с ч. 1 ст. 18 УК минимальный количественный состав организованной группы – два субъекта. Однако в уголовно-правовой литературе бытует мнение, что нижней границей данной формы соучастия должны признаваться не два, а три субъекта преступления [7, с. 159–160; 8, с. 128]. Основной довод в пользу этого сводится к тому, что объединение двух лиц не обладает свойствами группы. Для обоснования данного тезиса исследователями широко используются положения социальной психологии. Еще одним доводом в пользу увеличения количественного состава рассматриваемой формы соучастия являются ссылки на зарубежное и международное уголовное законодательство (например, приведенная выше норма Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.).

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных ор-

ганизаций» от 25 сентября 2003 г. № 9 (в ред. ППВС от 31 марта 2016 г. № 2) (далее – ППВС № 9) говорится о том, что, в отличие от предварительного сговора соисполнителей на совершение конкретного преступления (ст. 17 УК), предварительная объединенность организованной группы означает совершение целенаправленных действий по ее созданию, формированию структуры, определению места и роли (распределению функций) каждого участника. О предварительной объединенности преступной группы могут свидетельствовать, в частности, планирование преступной деятельности, согласованность действий соучастников [9]. По данному поводу правильно пишет Н.П. Водько, «заранее объединиться группе лиц можно только путем предварительной договоренности, в то же время по этим признакам нет четкого различия между предварительной договоренностью группы лиц и организованной группой» [10, с. 20].

Для признания преступной группы управляемой необходимо, как правило, наличие в ее составе руководителя (нескольких руководителей), который контролирует и координирует действия остальных соучастников, осуществляет руководство преступной деятельностью, поддерживает внутригрупповую дисциплину, основанную на подчиненности, которая подкреплена авторитетом, принудительной силой и т. п.

По мнению Э.А. Саркисовой, об устойчивости группы могут свидетельствовать стабильность состава участников либо основного ядра группы, а также продолжительность преступной деятельности, тесная взаимосвязь между ее членами, способность группы продолжать свою деятельность в случае выбытия отдельных участников, сплоченность, постоянство форм и методов преступной деятельности [6, с. 67].

Цель организованной группы – совместная преступная деятельность, рассчитанная, как правило, на длительный период времени и неопределенное по продолжительности совершение различных преступлений либо одного, но продолжаемого преступления (например, хищения).

Также следует учесть то, что единичный факт совершения преступления, требовавшего продолжительной подготовки, может быть признан деянием, совершенным организованной группой, лишь при наличии доказательств, что ее участники и в дальнейшем намерены были продолжать совместную преступную деятельность.

Организованная преступность как социальное явление вызывает другой порок общества – коррупцию. На основании этого ученые обоснованно утверждают, что организованная преступность на нашей территории возникла не во времена существования СССР, а еще в дореволюционный

период [11, с. 27–28]. Исследователи указывают, что понятие коррупции шире по содержанию, чем понятие взяточничества. Так, А.Н. Волобуев утверждает, что при коррумпировании, регулярно получая материальное вознаграждение от криминальных структур, должностное лицо включается в систему организованной преступности, не позволяющей ему односторонне отказаться от принятой на себя роли [12, с. 130].

Если рассмотреть совершаемые противоправные деяния с субъективной стороны, можно также указать на такие признаки, как корысть (основной мотив совершения преступлений), что является «общим родовым признаком и становым хребтом организованной преступности в целом», и прямой умысел (как форма вины) при совершении всех преступлений, так как речь идет о хорошо подготовленной и спланированной преступной деятельности. Данные положения позволяют сделать принципиально важный для организованной преступности вывод: к ней относятся не все организованные группы и преступные организации, а только те, чья деятельность отличается множественностью и корыстной направленностью [13, с. 282].

Обращаясь к зарубежному опыту противодействия организованной преступности, можно заметить, что каждая страна по-разному трактует ее понятие и признаки. Так, в 1990 г. в Федеративной Республике Германия (далее – ФРГ) разработано определение организованной преступности, которое хотя и не утверждено законодательно, но принято для руководства всеми органами полиции при разделении преступности на общую и организованную. Согласно данному определению организованная преступность – это совершение преступлений при стремлении к выгоде или власти, которые по отдельности или в своей совокупности: а) имеют большое значение; б) имеют более двух исполнителей, действующих сообща, длительное или неопределенное время; в) совершаются при использовании коммерческих или подобных структур, насилия или запугивания, влияния на политику, средства массовой информации, юстиции или экономику [14, с. 9].

В ФРГ принят каталог для определения организованной преступности с помощью признаков (индикаторов), к которым относятся: 1) тщательное планирование; 2) точность и высокая квалификация исполнителей; 3) предварительное финансирование из скрытых источников в больших размерах; 4) широта связей; 5) контрнаблюдение представителей этой же этнической группы, которая составляет основу организованной преступной группы; 6) наличие крупных сумм; 7) при «отмывании денег» – большое количество счетов; 8) иерархическая структура

преступных групп; 9) повышенные цены легальных компаний – за кровительство; 10) образование фирм с подставными лицами; контроль характерных отраслей бизнеса; 11) помощь членам преступной группы – при бегстве, обеспечение «своими» адвокатами, большими наличными средствами для защиты правосудия, большими суммами в залог; 12) запугивание участников судебного процесса, свидетелей, привлечение лжесвидетелей, снимающих вину с обвиняемых; забота об обвиняемых в предварительном заключении [15, с. 15].

В совместных белорусско-немецких исследованиях отмечается, что понятие организованной преступности необходимо увязывать с определенным родом мотивацией и целями преступной деятельности: она должна осуществляться для получения дохода или проникновения в систему легальной власти (экономической или политической). Именно эти моменты характеризуют организованную преступность как самостоятельную по отношению к общеуголовной преступности систему, которая пытается использовать для своей защиты легальные структуры власти, опираясь на ее коррумпированных представителей [16, с. 55–56].

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. в ФРГ были связаны с активизацией проблемы организованной и наркопреступности и дискуссий о возможных способах ее решения. Их результатом стала разработка концепции предотвращения опасности, включающей в себя упреждающую борьбу с преступностью. Согласно внесенным изменениям в законах о полиции федеральных земель были предусмотрены некоторые негласные следственные мероприятия, которые впоследствии сформировали особый вид деятельности полиции – негласное расследование [17, с. 124; 18, с. 9–10].

Остановившись на проблемных аспектах содержания признаков организованной группы, закрепленных в ППВС № 9, следует отметить их оценочный характер. Как считают М. Хавронюк и М. Мельник, борьбе с организованной преступностью можно серьезно навредить, если обязательными признаками организованной группы или преступной организации будут определены такие как устойчивость, соорганизованность, мобильность, длительность преступной деятельности. Доказывать соответствие группы (организации) всем этим признакам можно годами, однако в доказанности большинства из них всегда можно сомневаться [19, с. 62]. Для разрешения данной проблемы можно предложить несколько вариантов. Во-первых, более полно и точно раскрыть содержание оценочных понятий в ч. 1 ст. 18 УК; во-вторых – дополнить статью примечаниями, разъясняющими суть отдельных признаков организо-

ванной группы; в-третьих – полностью пересмотреть понятие организованной группы, указав точные и однозначно трактуемые признаки, которые будут необходимы для признания группы организованной.

1. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности : монография / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Акад. МВД, 2017. – 385 с.

2. Саванович, Н.А. Понятие и признаки организованной группы / Н.А. Саванович // Юрид. журн. – 2006. – № 4. – С. 94–98.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : [заключена в г. Палермо 15.11.2000 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1199 с.

6. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2005. – 592 с.

7. Данилюк, С.Е. Организованная группа: de lege lata и de lege ferenda / С.Е. Данилюк // Правовые акты: социальная обусловленность, качество, применение и совершенствование : тез. докл. межвуз. науч.-практ. конф. – Минск, 1999. – С. 159–160.

8. Зелинский, А.Ф. О криминальной психологии и уголовной ответственности (Заметки по поводу монографии О.Д. Ситковской «Психология уголовной ответственности») / А.Ф. Зелинский // Государство и право. – 2000. – № 8. – С. 126–128.

9. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 25 сент. 2003 г., № 9 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 г. № 2 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10. Водько, Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью : науч.-практ. пособие / Н.П. Водько. – М. : Юриспруденция, 2000. – 74 с.

11. Басецкий, И.И. Коррупция: теория и практика противодействия : монография / И.И. Басецкий, А.В. Башан. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 567 с.

12. Волобуев, А.Н. Совершенствование уголовного законодательства по борьбе с организованной преступностью / А.Н. Волобуев // Криминологические проблемы совершенствования законодательства по борьбе с организованной преступностью : материалы расшир. заседания Всесоюз. координац. бюро по криминол. – Баку, 1988. – С. 130–132.

13. Стрежнев, В.В. Уголовно-правовая характеристика организованной преступности / В.В. Стрежнев // Проблемы правоприменительной деятельности в Республике Беларусь : материалы респ. науч. конф., Гродно, 28–29 марта 2003 г. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т ; редкол. : отв. ред. Р.Н. Ключко [и др.]. – Гродно, 2003. – Ч. 1. – С. 280–283.

14. Водько, Н.П. Борьба с организованной преступностью в сфере экономических отношений в ФРГ : аналит. обзор материалов семинара с участием Федер. упр. кримин. полиции ФРГ, сент. 1997 г. / Н.П. Водько, И.В. Ахременко. – М. : Моск. ин-т МВД России, 1997. – С. 9–10.

15. Мохов, Е.А. ФСБ. Борьба с организованной преступностью : монография / Е.А. Мохов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Вузов. кн., 2006. – 307 с.

16. Ламмих, З. Реакция немецкого законодательства на рост организованной преступности / З. Ламмих, В. Хомич // Суд. весн. – 1995. – № 2. – С. 55–57.

17. Харевич, Д.Л. Скрытое расследование в Германии: история и современность / Д.Л. Харевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2006. – № 2. – С. 123–126.

18. Харевич, Д.Л. Негласное расследование в Германии / Д.Л. Харевич ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2010. – 287 с.

19. Хавронюк, М. Ознаки і поняття організованої групи та злочинної організації (кримінально-правовий аспект) / М. Хавронюк, М. Мельник // Право України. – 2000. – № 4. – С. 59–64.

УДК 613.2 + 614.31

С.Т. Смалько, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *Е.В. Лемешко*

ПИТАНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЗДОРОВЬЕ КУРСАНТОВ АКАДЕМИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Пища – один из важнейших факторов внешней среды, который участвует во всех процессах в организме человека. Питание – это способ поддержания жизнедеятельности, совершенствования и работоспособности человека.

Энергетический обмен является неотъемлемым процессом каждого живого организма. В теле человека непрерывно идет обмен веществ и

энергии (метаболизм). Продукты питания с большим содержанием питательных веществ перерабатываются и усваиваются. В результате высвобождаемая энергия используется для обеспечения функционирования органов и их систем. Конечные продукты обмена выводятся из организма.

Сколько нужно энергии человеку для нормальной жизнедеятельности в течение суток – один из главных вопросов, волнующих население земного шара. И чтобы ответить на него, следует понять, на что расходуется энергия. Затраты энергии в организме можно разделить на две группы: основной обмен и дополнительный обмен.

Основной обмен – затраты энергии, необходимые для поддержания жизнедеятельности организма в условиях покоя. К нему относятся такие энергозатраты, как поддержание работы сердца, функций нервной системы, температуры тела и иные процессы. Величина основного обмена зависит от ряда факторов, в первую очередь, от возраста, массы тела и пола. Однако при одинаковых величинах роста, массы тела и возраста метаболизм у разных людей отличается. Данный факт объясняется тем, что даже в состоянии покоя жировые клетки расходуют меньше энергии, чем мышцы, к тому же обмен веществ регулируется гормонами. Благодаря этому организм приспосабливается к изменению условий внешней среды. Энергозатраты основного обмена зависят от состояния центральной нервной системы, функции эндокринных органов, роста, массы тела и т. д. Стрессовые состояния и гиперфункция щитовидной железы повышают основной обмен до значительных величин [1, с. 29].

Дополнительный обмен – величина затраченной энергии, которая расходуется человеком в течение суток на такие действия, как уход за собой, передвижение, общение, домашняя работа, отдых и профессиональная деятельность. К дополнительному обмену относятся затраты энергии сверх нормы – физическая активность помимо работы и жизнедеятельности (физические нагрузки, танцы, спорт и т. п.)

Энергетический баланс – равновесное состояние между поступающей с пищей энергией и ее затратами на все виды физической активности, поддержание основного обмена, роста, развития [2, с. 203].

Соответствие энергетической ценности потребляемой пищи энергетическим потребностям организма – один из важнейших законов рационального питания. Его длительное нарушение влечет за собой либо истощение резервов питательных веществ в организме (снижение массы тела и похудение), либо, наоборот, их накопление (тучность и ожирение). Кроме того, продолжительный энергетический дисбаланс, как правило, связан с качественными нарушениями питания и служит не

только причиной возникновения непосредственно заболеваний, но и фактором повышенного риска многих других расстройств здоровья.

К основным принципам здорового питания относят:

соблюдение баланса энергии, поступающей в результате питания и расходуемой человеком;

поступление в организм определенных необходимых питательных веществ в должном количестве;

соблюдение режима приема пищи.

Прежде чем планировать рацион питания, следует понимать значение для организма отдельных пищевых веществ и знать, сколько их нужно организму с учетом возраста, пола, профессии, климатических и социально-бытовых условий.

Для оптимальной работы организму человека необходимы семь основных компонентов пищи: белки, углеводы, жиры, витамины, минералы, клетчатка и вода. Каждый из перечисленных компонентов выполняет свои функции и участвует в регуляции физиологических процессов. Все они нужны и важны, и дефицит хотя бы одного из них обязательно сказывается на состоянии здоровья.

Белки – ключевые пищевые элементы, необходимые для поддержания оптимального состояния здоровья. Мясо, рыба, молочные продукты, бобовые и зерновые культуры – основные источники белка в пище.

При нарушении равновесия между образованием и распадом белка у взрослого человека и недостаточным накоплением белка у детей развивается белковая недостаточность организма, что приводит к замедлению их роста, снижению массы тела, снижению прочности костей и ухудшению костеобразования, атрофии мышц, истончению и сухости кожи, задержке психического и умственного развития, снижению естественного и искусственного иммунитета, развитию гиповитаминозов, поражению сердечно-сосудистой и выделительной систем и др. Кроме того, недостаток белка в рационе питания влечет за собой резкое угнетение центральной нервной системы, ухудшение формирования условных рефлексов, способностей к запоминанию и обучению [3, с. 196].

В свою очередь, длительное избыточное потребление белка также оказывает неблагоприятное влияние на организм. Избыток белка приводит к гипертрофии печени и почек, угнетению нормальной микрофлоры кишечника, усилению процессов гниения в кишечнике, к нарушениям функций центральной нервной системы (перевозбуждение и невроз).

Углеводы занимают центральное место в пищевом рационе современного человека и обеспечивают существенную часть энергетической ценности (около 50–60 % рациона питания).

Хронический дефицит углеводов приводит к жировому перерождению печени, нарушению обмена жиров и белков.

К симптомам дефицита углеводов относятся слабость, сонливость, головокружение, головные боли, чувство голода, тошнота, потливость, тремор рук.

Избыток углеводов может приводить к ожирению и сахарному диабету [4, с. 284].

Жиры – очень важный элемент в рационе питания человека. Они выполняют функцию строительного материала в организме и функцию аккумуляции энергии. При рациональном питании жирами обеспечивается 15–30 % суточной калорийности. Питание не может считаться здоровым без жира.

Избыток поступления в организм жиров с пищей приводит к ожирению, поражению печени, поджелудочной железы, развития онкологических заболеваний, желчнокаменной болезни.

Дефицит жиров в рационе также имеет свои негативные последствия: ухудшается состояние кожи, задерживается рост и развитие растущего организма, угнетается работа репродуктивной функции, нарушается обмен холестерина, появляется риск развития атеросклероза, ухудшается работа нервной системы.

Помимо перечисленных выше элементов к основным компонентам пищи также относят клетчатку, воду, витамины и микроэлементы.

При рациональном питании организм человека обеспечивается белками (10–15 %), жирами (15–30 %), углеводами (50–60 %) суточной калорийности.

Физическое и психическое здоровье равно как и гармоничное развитие личного состава сотрудников силовых структур, в том числе курсантов учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» зависит от многих факторов, в частности от полноценности и сбалансированности их питания. Без данной составляющей невозможно формировать профессионально значимые качества, эффективно проходить обучение и нести службу.

Потребность в пище нельзя измерить объемом, массой или аппетитом, так как эти показатели субъективны и не отражают реальную питательную ценность пищи, которая, как и расход энергии, определяется в килокалориях.

В нашей стране действуют критерии, указанные в Санитарных нормах и правилах «Требования к питанию населения: нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для раз-

личных групп населения Республики Беларусь», утвержденных постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 20 ноября 2012 г. № 180 [5]. Впервые размеры физиологических потребностей человека в основных пищевых веществах были разработаны в России в 1930 г., что намного раньше, чем в США, где их ввели с 1941 г. [6, с. 344].

Совершеннолетнее население по величине энергозатрат делится на пять групп для мужского пола и на четыре группы для женского пола, учитывая их физическую активность, связанную с профессией.

Для взрослой части населения физиологическая потребность в энергии составляет от 2 000 до 4 100 ккал/сутки для мужчин и от 1 700 до 2 950 ккал/сутки для женщин [7, с. 218].

При определении потребности курсантов учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» в питательных веществах по величине их энергозатрат, использовались показатели, установленные вышеуказанными нормами, для IV группы интенсивности труда. Определяя группу интенсивности труда учитывалось, что адаптация к образовательному процессу курсантов вузов силовых ведомств осложняется специфическими условиями, связанными с ограничением свободы передвижения, ношением форменной одежды, соблюдением субординации, нахождением в замкнутом коллективе рядом с разными по характеру и поведению людьми, жестко установленным распорядком дня, участием в хозяйственных работах, внутренних нарядах, строевой подготовке, самоподготовке и физической подготовке [6–8].

Для IV группы населения с повышенной физической активностью указаны следующие нормы потребления питательных веществ в сутки:

общая энергетическая ценность – 3 850 ккал;

белки – 108 г;

жиры – 128 г;

углеводы – 566 г.

Проанализировав фактически получаемый рацион питания курсантов 1–4 курсов следственно-экспертного факультета и факультета милиции учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» за период с 01.11.2017 по 30.11.2017, стало очевидно, что в продуктивном наборе лидирующие позиции занимают такие продукты, как хлеб, крупы и картофель. В то время как продукты питания из рыбы, мяса, молока представлены в небольшом ассортименте и недостаточном количестве. Свежие фрукты и ягоды отсутствуют.

За анализируемый период каждый курсант получил питание, среднесуточная калорийность которого составила 3301,55 ккал. В то время как рекомендуемая норма для данной группы населения не должна быть меньше 3 850 ккал. Очевидно, что такая калорийность рациона не всегда в полной мере компенсирует суточные энергетические затраты курсантов в обычных условиях жизнедеятельности.

В сутки курсант получал 125,64 г белков при норме 108 г; 108,32 г жиров, тогда как рекомендуемая норма – 128 г и 460,74 г углеводов при норме не менее 566 г.

Таким образом, в ходе проведенного исследования выявлено, что курсанты учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», проходящие обучение в учреждении закрытого типа с повышенными энергозатратами и психоэмоциональными нагрузками, систематически испытывают острый дефицит в полноценном животном белке, витаминах, микроэлементах, пищевых волокнах, полиненасыщенных жирных кислотах на фоне превалирующих простых углеводов и животных жиров, что не способствует поддержанию приемлемого уровня состояния здоровья и физического развития.

В результате проделанной работы изучены основы здорового питания; проанализировано влияние особенностей жизни курсантов на их режим питания, физическую активность и энергозатраты; исследовано состояние фактического питания курсантов; оценены уровень сбалансированности рациона питания курсантов и его соотношение с их физиологическими потребностями в основных питательных веществах и энергии.

Областью применения полученных результатов исследования выступает учение о здоровом образе жизни, как составляющая образовательного процесса, а также работа ведомственных учреждений образования по обеспечению питанием курсантов.

Экономическая значимость заключается в оптимизации расходов, затраченных государством на содержание курсантов, находящихся на государственном обеспечении, а социальная – в обеспечении прав обучающихся на здоровое, полноценное и сбалансированное питание. Практическая значимость состоит в содействии здоровому образу жизни и профилактике заболеваний курсантов, что способствует более эффективному образовательному процессу.

Проведенное исследование имеет актуальность не только в научном, но и в практическом плане. Необходимость перестраиваться и эффективно действовать в соответствии с меняющимися ситуациями ставят перед курсантами задачи быстро восстанавливать работоспособность и

овладевать умениями оптимизации режима труда и отдыха. Длительное время в качестве основного способа решения названных задач использовался пассивный отдых. Вместе с тем незаслуженно мало внимания уделяли полноценности питания курсантов, не связывая сбалансированность их рациона с успешной адаптацией к новым условиям жизнедеятельности [9, 10].

1. Черник, В.Ф. Сравнительный анализ успеваемости и состояния здоровья / В.Ф. Черник // Здоровьесберегающие психолого-педагогические технологии и медико-биологические системы оздоровления : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 28 апр. 2014 г. – Барановичи, 2014. – С. 29.

2. Бацукова, Н.Л. Гигиеническая оценка статуса питания курсантов Минского Суворовского военного училища / Н.Л. Бацукова // Методология гигиенического регламентирования : сб. науч. тр. / БелНИИСГИ МЗ РБ ; под ред. С.М. Соколова, В.И. Талапина. – Минск, 1999. – С. 203.

3. Кошелев, Н.Ф. Гигиена питания войск : учеб. пособие / Н.Ф. Кошелев, В.П. Михайлов, С.А. Лопатин. – СПб. : ВМедА, 1993. – 259 с.

4. Доценко, В.А. Практическое руководство по надзору за организацией питания и здоровьем населения / под ред. В.А. Доценко. – СПб. : Фолиант, 2006. – 312 с.

5. Об утверждении Санитарных норм и правил «Требования к питанию населения: нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Республики Беларусь» и признании утратившим силу постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 14 марта 2011 г. № 16 [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 20 нояб. 2012 г., № 180 : в ред. от 24.11.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Лисицын, Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение : учебник / Ю.П. Лисицын, Г.Э. Улумбекова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2013. – 544 с.

7. Еншина, А.Н. Лечебные, гигиенические и технологические основы организации питания в лечебно-профилактических учреждениях : справочник / А.Н. Еншина [и др.]. – Минск : Медтраст, 1996. – С. 218.

8. Гладкова, Л.П. Гигиеническая оценка питания и здоровья курсантов Ростовского морского колледжа : дис. ... канд. мед. наук : 14.00.07 / Л.П. Гладкова. – Ростов н/Д, 2005. – 111 л.

9. Кузнецов, А.Ф. Интеграция учебной и спортивно-массовой работы по физической подготовке для повышения уровня физической подготовленности курсантов образовательных учреждений МВД России / А.Ф. Кузнецов, В.А. Торопов // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД РФ. – 2011. – № 2. – С. 115–119.

10. Кузнецов, Б.В. Профессионально-адаптационная физическая подготовка как основа успешной образовательной деятельности курсантов вузов МЧС России / Б.В. Кузнецов // Вестн. Воронеж. ин-та МВД РФ. – 2013. – № 1. – С. 185–191.

В.В. Судариков, выпускник факультета милиции
 Научный руководитель – *А.Л. Федорович*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬНЫХ ДРУЖИН

Рассматривая современное состояние взаимодействия правоохранительных органов с населением, нельзя игнорировать отечественный, исторический опыт. Это необходимо как для познания и практического использования имеющихся традиций, так и для понимания специфики взаимоотношений населения и государства в лице органов внутренних дел (далее – ОВД) в деле противодействия преступности. Более того, этот опыт сегодня с полным основанием может оцениваться как важнейшая предпосылка выстраивания новой практики сотрудничества с населением.

Учитывая территориальную близость Российской Федерации и Республики Беларусь, административно-территориальную переподчиненность в различные периоды, интересным для изучения является опыт России в создании и использовании добровольных дружин, оказывающих содействие правоохранительным органам в охране общественного порядка (далее – ООП).

Вопрос о привлечении представителей общественности к обеспечению правопорядка существовал и требовал принятия решения с исторических времен в российском государстве. Идея привлечения населения к решению задач охраны правопорядка в нашей стране не является изобретением только советского периода отечественной истории, а восходит к временам царской России. Например, такая форма участия общественности в борьбе с преступностью и профилактике правонарушений, как широко известные добровольные народные дружины возникла в Москве в 1881 г. В то время они не были столь массовым явлением. Их цель – поддержание правопорядка при проезде высочайших особ по улицам столицы. Но уже к 1905 г. численность данной организации достигла 80 тыс. человек. Это свидетельствовало о востребованности такого общественного формирования правоохранительной направленности [1].

К 1913 г. Департамент полиции распространил данный опыт Москвы на всю Россию. Народные дружины стали превращаться в постоянно действующую организацию. В этом же году была разработана и принята Инструкция для организации добровольной дружины, которая содержала основные принципы. Для организации и управления добровольной дружиной высшим представителем местной административной власти

назначалось особое лицо (офицер Отдельного корпуса жандармов или чиновник одного из учреждений) [2].

После Октябрьской революции, когда процесс становления новых правоохранительных органов шел противоречиво и медленно, функции охраны правопорядка и обеспечения «революционной законности» были возложены на рабоче-крестьянские вооруженные формирования (отряды Красной Гвардии, охранные дружины, продотряды и др.), деятельность которых регламентировалась постановлением НКВД «О рабочей милиции» [3, с. 12].

ООП и борьба с преступностью всегда воспринимались как дело всенародное. ОВД – лишь основной отряд, авангард в этой борьбе. Но, как известно, авангард без крепкого тыла, без подпитки его силой глубинных слоев населения бессилён. Не случайно еще в декабре 1918 г. Народный комиссар внутренних дел РСФСР Г.И. Петровский писал: «Главное для деятельности милиции – это приобщить трудящееся население к несению обязанностей по охране республики...» [4, с. 24].

С целью привлечения жителей города и деревни к ООП и борьбе с преступностью сотрудники милиции публиковали в губернских, уездных и окружных газетах материалы о деятельности органов по ООП, пресечению, раскрытию преступлений и розыску преступников. В результате целенаправленной организационно-профилактической работы многие жители Беларуси считали борьбу с преступностью своим кровным делом и первой обязанностью. В 1921 г. от граждан в органы милиции и уголовный розыск поступило около 5 250 заявлений о совершенных преступлениях, а в 1923 г. – уже 10 575 [5, с. 44].

В 1929 г. НКВД БССР приступил к разработке положения о группах содействия органам милиции. Каждая бригада содействия милиции создавалась на предприятии, в учреждении, колхозе в составе не более 20 человек. За незаконные действия при исполнении возложенных на него обязанностей член бригады содействия милиции нес уголовную ответственность наравне с сотрудниками милиции как должностное лицо [6, с. 208].

Проанализировав данный период, можно заметить, что бригада содействия органам милиции играла важную роль в ООП. Можно выделить два положительных элемента: определялась цель привлечения трудящихся к активному участию в работе органов милиции и уголовного розыска по борьбе с нарушениями общественного порядка; член бригады содействия милиции в части прав был близок к сотрудникам милиции.

После освобождения белорусских территорий от немецких оккупантов приказом Министерства внутренних дел БССР в 1946 г. ОВД обязывались снова восстанавливать группы содействия милиции. В бригадах насчитывалось 4 794 человека. Только в 1946 г. силами групп содей-

ствия милиции были задержаны 50 воров, 139 хулиганов, 37 дезертиров, 69 беспризорников [5, с. 47].

На смену бригадам содействия милиции в ноябре 1958 г. пришло новое общественное формирование – добровольная народная дружина.

В 1959 г. дружинники совместно с сотрудниками милиции выступили по республиканскому радио более 400 раз. С целью разъяснения законов работники милиции и члены добровольной народной дружины прочитали для населения 8 229 лекций и докладов. В данный период мы наблюдаем то, что дружинники оказывали содействие органам милиции, а именно проводили меры общей профилактики и осуществляли обеспечение общественного порядка.

Повышению роли добровольной дружины в укреплении общественного порядка способствовало принятое 20 мая 1974 г. совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании деятельности добровольных дружин по охране общественного порядка», а также одобренное этим же постановлением «Примерное положение о добровольных дружинах по охране общественного порядка».

В 70–80-х гг. практика взаимодействия милиции с населением продолжалась. Это выразилось в первую очередь в активной пропагандистской работе в трудовых коллективах [7, с. 52]. В данный период сформировались направления деятельности добровольных дружин в зависимости от использующих их помощь служб милиции. Так, дружинники оказывали содействие сотрудникам государственной автомобильной инспекции, патрульно-постовой службы милиции, участковым инспекторам милиции и иным подразделениям.

В 1991 г. после распада СССР добровольные дружины были распущены, а многие государственные учреждения и предприятия отказались от содержания своих профсоюзных организаций [8].

«Открытость формирует доверие. Доверие порождает уважение. Уважение ведет к содействию и помощи», – эти слова стали основополагающими в деятельности ОВД с гражданским обществом. Гражданское общество участвует в разработке основных направлений государственной политики в области укрепления законности и повышения его правовой культуры [9].

Отечественный опыт участия граждан в ООП в СССР оценивается различными авторами крайне неоднозначно и противоречиво. Однако, безусловно, он содержал много положительного и рационального, что активно использовали в своих разработках зарубежные коллеги из Западной Европы и США [10].

Сегодня в Республике Беларусь на постоянной основе действуют около 3-х тыс. добровольных дружин, в которых насчитывается свыше 30 тыс. граждан. Более половины общественных правоохранительных формирований участвуют в охране порядка в сельской местности [11].

Любая деятельность не может быть основана без законодательных начал. Особое место в правовой регламентации сферы ООП принадлежит законам, которые принимаются в установленном порядке и, имея юридическую силу, регулируют важнейшие общественные отношения в рассматриваемой области. К ним относятся:

Закон Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-З «Об участии граждан в охране правопорядка», который закрепляет формы участия граждан в охране общественного порядка [12];

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», в котором закреплено, что ОВД осуществляют свою деятельность во взаимодействии с другими государственными органами, общественными объединениями, иными организациями [13];

постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2003 г. № 1354 «О добровольной дружине» устанавливает порядок создания и деятельности добровольных дружин в Республике Беларусь [14];

Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», который закрепляет возможность добровольных дружин принимать участие в деятельности по профилактике правонарушений именно как субъект [15].

Членами добровольной дружины не могут быть граждане Республики Беларусь: имеющие судимость; состоящие на учете в лечебно-профилактических организациях по поводу психического заболевания, наркомании или алкоголизма; признанные решением суда недееспособными или ограниченно дееспособными; которые привлекались в течение года до дня подачи заявления к административной ответственности.

Добровольные дружины оказывают содействие ОВД в следующем: обмен информацией о правонарушениях или преступлениях; планирование и осуществление профилактических мероприятий; гражданско-патриотическое воспитание молодежи, реализация проектов правоохранительной и военно-патриотической направленности; ООП и общественной безопасности на улицах и в других общественных местах с сотрудником органов внутренних дел.

Основными функциями добровольной дружины является участие: в ООП, жизни и здоровья граждан и их собственности; деятельности по профилактике и пресечению правонарушений; обеспечении безопасности дорожного движения;

ООП в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций; обеспечении пожарной безопасности, охране окружающей среды; обучении граждан основам безопасного поведения в общественных местах и обеспечения безопасности жилища, а также в обучении приемам самозащиты.

Изучение исторического аспекта участия граждан в решении вопросов обеспечения правопорядка в стране свидетельствует о наличии исторических традиций привлечения населения к ООП. В советский период истории действовало значительное количество общественных формирований, которые вместе с органами власти, в том числе и правоохранительными органами, создали целостную систему социального контроля за поведением граждан и должностных лиц на работе, по месту жительства, в общественных и других местах.

Таким образом, задачи ООП в рассматриваемый период, решались совместной деятельностью государственных органов, главным образом милиции и добровольных дружин. Сформировавшиеся в период с 1881 г. по 2003 г. используемые формы взаимодействия с населением позволяли более качественно бороться с преступностью, предоставляли возможность предотвратить совершение большого количества правонарушений и преступлений, а также, что немаловажно, способствовали повышению уровня уважения к статусу сотрудника милиции за счет установления доверительных отношений с гражданами.

1. Харламов, В.И. Исторический опыт проблемы совершенствования нормативно-правовой базы деятельности народных дружин в Российской Федерации / В.И. Харламов // Проблемы взаимодействия ОВД с общественными формированиями по ООП : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 27 янв. 2006 г. / Акад. упр. МВД России ; редкол.: В.А. Прытков [и др.]. – М., 2006. – С. 28–44.

2. Жеребцов, А.В. Правоохранительные органы (история, теория, практика) / А.В. Жеребцов // Вестн. Уфим. юрид. ин-та МВД России. – 2005. – № 1. – С. 82.

3. Ананич, В.А. Органы милиции и общественность БССР на страже правопорядка (1971–1985 гг.) : учеб. пособие / В.А. Ананич. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 1990. – 57с.

4. Вишневский, А.Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси 1917–1940 гг. : учеб. пособие / А.Ф. Вишневский. – Минск : Тесей, 2000. – 224 с.

5. 95 лет милиции Беларуси : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2012 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск, 2012. – 139 с.

6. Вишневский, А.Ф. История милиции Беларуси (1917–1994 гг.) : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.И. Ильинский, И.А. Сороковик. – Минск : Акад. МВД, 1995. – 209 с.

7. Коренев, А.П. Административная деятельность ОВД. Часть общая : учебник / А.П. Коренев. – М. : Моск. ун-т МВД России : Щит-М, 2001. – 309 с.

8. Добровольные дружины в Беларуси [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org>. – Дата доступа: 20.05.2018.

9. Ониани, М.Г. Участие гражданского населения в оценке и контроле за деятельностью органов внутренних дел / М.Г. Ониани // Актуальные проблемы права : материалы Междунар. науч. конф., Москва, нояб. 2011 г. / Ваш полиграфический партнер ; ред. А.Н. Агапов [и др.]. – М., 2011. – С. 105–108.

10. Бакин, А.А. Взаимодействие ОВД с общественностью в вопросах профилактики насильственной преступности / А.А. Бакин // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2009. – № 3. – С. 88–95.

11. Советская Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/myslit-na-stoletie-vpered.html>. – Дата доступа: 20.04.2018.

12. Об участии граждан в охране правопорядка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 214-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

13. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 27 июля 2007 г., № 263-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

14. О добровольной дружине [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 окт. 2003 г., № 1354 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

15. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.4

А.А. Табашников, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.А. Постникова*

ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБОРОТА ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сегодня в Республике Беларусь не теряют актуальности вопросы правового регулирования оборота оружия и боеприпасов. Имеются проблемы их незаконного хранения, нередки случаи нарушения пра-

вил пользования указанными предметами. Если в 2016 г. из оборота изъято 1 165 единиц незарегистрированного оружия, более 63,3 тыс. боеприпасов, добровольно сданы гражданами 1 005 единиц незарегистрированного оружия и более 81 тыс. боеприпасов, за различные нарушения изъято 2 869 единиц зарегистрированного оружия, то в 2017 г. из оборота изъято 1 250 единиц незарегистрированного оружия, более 80,2 тыс. боеприпасов, добровольно сданы 1 370 единиц указанной категории оружия и более 64,3 тыс. боеприпасов. Кроме того, в 2017 г. за различные нарушения изъято 2 804 единицы зарегистрированного оружия [1, 2]. В связи с этим работа правоохранительных органов по выявлению правонарушений, совершаемых в данной сфере общественных отношений, требует качественных подходов к ее выполнению. Что касается административных правонарушений, связанных с оборотом оружия и боеприпасов, в 2015 г. к административной ответственности за нарушение правил обращения с огнестрельным оружием (ст. 23.48 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП)) привлечено 605 граждан, за нарушение сроков регистрации (перерегистрации) огнестрельного или газового оружия либо правил постановки его на учет (ст. 23.49 КоАП) – 1 893, за незаконные действия в отношении охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия (ст. 23.71 КоАП) – 389 [3]. В 2016 г. к административной ответственности за нарушение правил обращения с огнестрельным оружием (ст. 23.48 КоАП) привлечено 715 граждан, за нарушение сроков регистрации (перерегистрации) огнестрельного или газового оружия либо правил постановки его на учет (ст. 23.49 КоАП) – 1 663, за незаконные действия в отношении охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия (ст. 23.71 КоАП) – 348 [1]. В 2017 г. к административной ответственности за нарушение правил обращения с огнестрельным оружием (ст. 23.48 КоАП) привлечено 728 граждан, за нарушение сроков регистрации (перерегистрации) огнестрельного или газового оружия либо правил постановки его на учет (ст. 23.49 КоАП) – 1 800, за незаконные действия в отношении охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия (ст. 23.71 КоАП) – 386 [2].

Таким образом, количество административных правонарушений, связанных с оружием и боеприпасами, с каждым годом не снижается, а в некоторых случаях, наоборот, повышается. В свою очередь в числе основных государственных органов, обеспечивающих правовой режим оборота оружия и боеприпасов, выступает Министерство внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) и подчиненные ему подраз-

деления органов внутренних дел (далее – ОВД) [4, 5]. Тенденция роста административных правонарушений в рассматриваемой сфере свидетельствует о недостаточной эффективности форм и методов деятельности ОВД по обеспечению правового режима указанных предметов. Следовательно, необходимым видится совершенствование правовой основы регулирования оборота оружия и боеприпасов, форм и методов, применяемых правоохранительными органами в данном направлении.

В рассмотрении также нуждаются вопросы правового регулирования деятельности, связанной с производством, реализацией, ремонтом, коллекционированием и экспонированием оружия и боеприпасов. В связи с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» (далее – Декрет «О развитии предпринимательства») на нормативном правовом уровне закрепились прогрессивные принципы ведения экономической деятельности субъектами хозяйствования [6]. Вместе с тем сегодня немалым спросом пользуются оружие и боеприпасы в качестве товаров, реализуемых субъектами хозяйствования, предназначенных для охоты, активного отдыха, досуга. Соответственно, разумно было бы поощрять развитие данного направления экономической деятельности в Республике Беларусь. Поэтому следует обратить внимание на предусмотренные Декретом «О развитии предпринимательства» принципы саморегулирования бизнеса и минимизации вмешательства государственных органов, их должностных лиц в предпринимательскую и иную экономическую деятельность субъектов хозяйствования; презумпции добросовестности субъектов хозяйствования [6]. При сохранении разрешительной (лицензионной) процедуры для осуществления определенных видов экономической деятельности с оружием и боеприпасами следует упростить саму процедуру получения лицензий (разрешений), что станет одним из шагов по реализации положений Декрета «О развитии предпринимательства». Это позволит создать необходимые условия для возможности реализации государственной политики в сфере стимулирования предпринимательской активности в сфере оборота оружия и боеприпасов.

Важно отметить, что в ходе правоприменительной деятельности активно используются приведенные в законодательстве дефиниции. Четкое определение в нормативных правовых актах понятий «оружие», «боеприпасы», различных видов оружия может привести к ситуациям, когда будут исключены или максимально снижены случаи назначения баллистических экспертиз или экспертиз холодного и метательного оружия в целях разрешения относимости конкретных предметов к катего-

рии оружия и боеприпасов [7, с. 112]. Это положительная тенденция, которая может способствовать снижению нагрузки государственных органов, повышению качества осуществляемой ими деятельности, но при этом вряд ли негативно отразится на обслуживании граждан, защите их прав и свобод. Тем не менее в теории существует проблема, связанная с отсутствием закрепления на нормативном правовом уровне понятий различных видов оружия и порядка их использования компетентными должностными лицами государственных органов и организаций. Так, С.В. Бородич указывает на то, что в национальном законодательстве не предусмотрены определения понятий «электрошоковое устройство» и «искровой разрядник», а также нет единого подхода к вопросу о том, относятся ли они к оружию или специальным средствам. Автором указывается на отсутствие в нормативных правовых актах МВД, касающихся применения специальных средств и оружия, положений, непосредственно регламентирующих использование сотрудниками ОВД электрошоковых устройств [8, с. 374]. Позиция С.В. Бородича по данному вопросу справедлива и подтверждает необходимость более подробной правовой регламентации отдельных вопросов оборота оружия и боеприпасов.

Имеются проблемы и в вопросах ответственности, которая предусмотрена в национальном законодательстве за нарушение правовых норм, регламентирующих порядок оборота оружия и боеприпасов на территории Республики Беларусь. Позиция законодателя критикуется А.А. Гавриленко, который считает, что сфера применения ст. 295 УК не должна распространяться на травматическое оружие и травматические патроны, т. е. нельзя привлекать граждан к уголовной ответственности за незаконные действия, связанные с оборотом травматического оружия и травматических патронов. А.А. Гавриленко пишет: «С точки зрения общественной безопасности владение травматическим оружием и травматическими патронами вряд ли создает угрозу социальным отношениям, в отличие от владения боевым огнестрельным оружием» [9]. Целесообразность закрепления административной ответственности за правонарушения в сфере оборота травматического оружия и боеприпасов также обосновывается И.В. Климовой [10, с. 94]. Действительно, такой шаг, направленный на исключение уголовной ответственности и введение административной за незаконные действия с травматическим оружием, позволит сделать ответственность соответствующей общественной опасности деяния, за которое данная ответственность предусмотрена. Такие меры предоставят возможность посредством более простой, нежели уголовный процесс, процедуры административного процесса

оперативно реагировать на факты незаконного оборота травматического оружия и травматических патронов и своевременно привлекать соответствующих лиц к ответственности. Оперативность в этом вопросе сыграет помимо прочего и административно-предупредительную функцию. Поэтому подобные меры во многом будут способствовать совершенствованию деятельности ОВД по обеспечению правового режима оборота оружия и боеприпасов.

Что касается деятельности правоохранительных органов по обеспечению правового режима оборота оружия и боеприпасов, в данном направлении мы предлагаем максимально часто применять метод убеждения. В нашем государстве созданы необходимые условия, обеспечивающие реальную возможность должностным лицам государственных органов эффективно использовать названный метод в ходе регулирования общественных отношений. Вместе с тем осуществление правоохранительными органами деятельности по реализации законодательства, регулирующего оборот оружия и боеприпасов, немыслимо без применения мер административного принуждения. В последнее время в литературе все чаще встречаются высказывания о необходимости совершенствования последних. Предлагается активное использование в качестве мер административного предупреждения автоматизированных информационно-поисковых систем учета оружия, единого централизованного межведомственного банка данных. Не исключается создание дополнительных условий для взаимодействия правоохранительных органов с привлечением представителей стран – членов СНГ и Организации Договора о коллективной безопасности в целях достижения задачи предупреждения правонарушений в сфере оборота оружия и боеприпасов. Также заслуживает внимания такая инновационная мера предупреждения совершения правонарушений в сфере оборота оружия и боеприпасов, как технология биометрии (использование биометрических пистолетов, сейфов и т. п.) [11, с. 59]. Приоритетным в том числе является и предупреждение нарушений правил учета, хранения, ношения, перевозки оружия и боеприпасов в военизированных и правоохранительных органах и организациях [12, с. 156].

Таким образом, обеспечив прочную и стабильную правовую основу деятельности ОВД в рассматриваемом направлении, следует заимствовать положительные, передовые методы реализации законодательства ОВД, регулирующего оборот оружия и боеприпасов на территории Республики Беларусь. Практическая реализация предложенных идей по совершенствованию национального законодательства, внедрение при-

веденных рекомендаций по применению форм и методов административной деятельности ОВД в рассмотренном направлении повысят эффективность и будут способствовать наличию положительного результата в деятельности ОВД по обеспечению правового режима оборота оружия и боеприпасов.

1. Контроль за оборотом оружия в 2016 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутр. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=308653>. – Дата доступа: 07.03.2018.

2. Контроль за оборотом оружия в 2017 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутр. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=291333>. – Дата доступа: 07.03.2018.

3. Контроль за оборотом оружия в 2015 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутр. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=240683>. – Дата доступа: 07.03.2018.

4. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.02.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. О развитии предпринимательства [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 23 нояб. 2017 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Корецкий, Д.А. Криминальная армалогия / Д.А. Корецкий. – М. : Юрид. центр Пресс, 2006. – 700 с.

8. Бородич, С.В. Правовые аспекты применения электрошоковых устройств органами внутренних дел / С.В. Бородич // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7 апр. 2016 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; ред. : А.В. Яскевич [и др.]. – Минск, 2016. – С. 374.

9. Гавриленко, А.А. К вопросу о совершенствовании правового регулирования оборота огнестрельного оружия травматического действия в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : [по состоянию на 18.08.2016 г.] / А.А. Гавриленко // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10. Климова, И.В. Сравнительный анализ и правовые пробелы законодательства в части применения огнестрельного оружия травматического действия / И.В. Климова // Право.by. – 2014. – № 4. – С. 93–94.

11. Шалагин, А.Е. Незаконный оборот оружия и его предупреждение / А.Е. Шалагин, М.Ю. Гребенкин // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2017. – № 2. – С. 55–60.

12. Шалагин, А.Е. О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений / А.Е. Шалагин // Вестн. экономики, права и социол. – 2014. – № 2. – С. 153–157.

УДК 349.2

В.М. Терентьев, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Чигилейчик*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

На всем протяжении становления и развития общества не раз обращались к проблеме прав человека, в том числе к реализации и защите прав на честь, достоинство и деловую репутацию. В настоящих условиях защита прав человека и гражданина становится одной из идей общественного прогресса, основой которого является приоритет общечеловеческих ценностей. Конституция Республики Беларусь в ст. 21 устанавливает, что обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства [1].

Следует признать, что в современный период реализация права на честь, достоинство и деловую репутацию имеет особое социальное и правовое значение. Весьма распространенными явлениями становятся различные посягательства на личные неимущественные права личности, в том числе и на честь, достоинство и деловую репутацию, о чем свидетельствует судебная практика.

Право на честь, достоинство, деловую репутацию является важнейшей социально-правовой ценностью и потребностью для любого государства и общества. Защита чести, достоинства и деловой репутации – одна из задач Республики Беларусь.

Отмеченные обстоятельства обусловили актуальность избранной темы исследования.

Теоретическую основу данного исследования составили труды таких ученых, как В.В. Батхаев, С. Зикрацкий, Р.И. Филипчик, А.П. Сергеев, М.Н. Малейна, Ю.В. Молочков, В.А. Коньков и др.

Защита чести, достоинства, деловой репутации как институт гражданского права появился не сразу и прошел в своем развитии несколько этапов.

Первый этап – закрепление в законодательстве возможности защиты отдельных нематериальных благ. На этом этапе еще нет возможности защищать непосредственно деловую репутацию, но уже закладываются основы защиты иных нематериальных благ. Первый этап развития рассматриваемого института охватывает период конец XVI – начало XX в. и характеризуется закреплением в праве нематериальных благ. Еще во времена Великого Княжества Литовского впервые упоминается о защите нематериальных благ в Статуте Великого Княжества Литовского 1588 г. Статут Великого Княжества Литовского был очень передовым документом для своего времени. Хотя это документ феодально-средневекового права, в нем довольно выразительно прослеживаются и тенденции нового, раннебуржуазного правового сознания. Статут обобщил государственно-правовые идеи того времени, некоторые из них опережали свое время [2, с. 29].

Начало второго этапа (советский период) ознаменовалось коренной ломкой традиций и принципов права. Во время советского периода нематериальные блага граждан (честь и достоинство) защищаются исключительно в уголовно-правовом порядке. Так, Уголовный кодекс БССР предусматривал ответственность за клевету (ст. 128) и оскорбление (ст. 129).

В 30–40-е гг. XX в. в советской юридической науке развернулась обширная дискуссия по вопросу о необходимости защиты нематериальных благ в гражданско-правовом порядке. Основным аргументом сторонников гражданско-правовой защиты нематериальных благ был тот факт, что уголовно-правовая защита предоставлялась исключительно в случае виновного нарушения, когда надо было предоставлять защиту, и в случае невиновного нарушения.

Эта дискуссия завершилась принятием 8 декабря 1961 г. Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (далее – Основы). Основы вступили в силу 1 мая 1962 г. Часть 1 ст. 7 Основ предусматривала, что «гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности». 11 июня 1964 г. был принят Гражданский кодекс БССР (далее – ГК БССР 1964 г.), ст. 7 которого практически дословно повторяла ст. 7 Основ. Первое разъяснение о применении ст. 7 Основ было дано постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 17 декабря 1971 г. № 11 «О применении в судебной практике ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций».

Необходимо отметить, что Основы и ГК БССР 1964 г. применяют понятия «честь» и «достоинство» как по отношению к гражданам, так и

по отношению к юридическим лицам. При этом трактовка юридических категорий «честь», «достоинство» и «репутация» происходила с идеологических позиций и с точки зрения выполнения гражданином «общественного блага» [3, с. 168].

Главной особенностью второго этапа является появление в гражданском праве института защиты деловой репутации юридических лиц. Основы и ГК БССР 1964 г. упоминают о защите чести и достоинства организации, что по своему содержанию является защитой деловой репутации юридического лица.

Третий этап развития института защиты чести, достоинства, деловой репутации – период 90-х гг. XX в. В этот период происходит коренное изменение принципов советского права, намечается демократизация общественных отношений, что незамедлительно сказывается и на нормах гражданского права.

12 июня 1990 г. был принят Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации». Этот закон не изменил правовое регулирование института защиты деловой репутации юридических лиц, но затронул вопрос защиты чести и достоинства граждан. Впервые в советском гражданском праве была предусмотрена возможность имущественного возмещения морального вреда в случае ущемления чести и достоинства граждан. В ст. 39 данного закона было предусмотрено, что моральный вред, причиненный гражданину в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный ущерб, возмещается по решению суда средством массовой информации, а также виновными должностными лицами и гражданами.

Одновременно были внесены изменения в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г. Эти изменения детализировали порядок защиты чести и достоинства в случае распространения недостоверных порочащих сведений через средства массовой информации. Главной особенностью было установление обязательного досудебного урегулирования спора.

Третий этап характеризуется дальнейшим совершенствованием законодательства о защите деловой репутации и упорядочиванием способов защиты. Впервые в законодательных актах говорится о защите именно деловой репутации юридического лица [4].

Следующим, четвертым, этапом развития данного института можно считать вступление в силу с 1 июля 1999 г. Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [5]. Среди нематериальных благ честь, достоинство и деловая репутация являются наиболее значимы-

ми, а поэтому в ст. 153 ГК законодатель установил особый порядок их гражданско-правовой защиты [5]. При этом совершенствование института защиты чести, достоинства, деловой репутации продолжается.

В правовой литературе существует множество определений понятий «честь», «достоинство», «деловая репутация». Честь, достоинство и деловая репутация – в определенной мере близкие понятия, тем не менее их следует различать.

Например, понятие о чести вырабатывалось и сформировывалось в процессе нравственной практики общества, поэтому суть понятия «честь» является социальным. Вместе с этим общественная оценка личности никаким образом не зависит от воли и желания самого оцениваемого лица, потому что вся его деятельность контролируется и проверяется обществом, и именно оно вырабатывает оценку нравственных качеств каждого конкретного человека.

Р.И. Филипчик определяет честь как сопровождающееся положительной оценкой отражение качеств лица в общественном сознании [6]. А.П. Сергеев полагает, что честь – это объективная оценка личности, которая определяет отношение общества к гражданину или юридическому лицу, это, своего рода, социальная оценка моральных и других качеств личности [7, с. 11]. В.А. Коньков указывает, что честь – это общественная оценка личности, определенная мера духовных, социальных качеств гражданина [8, с. 412]. Ю.В. Хуторянский рассматривает честь как социальную оценку моральных и иных качеств личности [9, с. 203]. Н.Н. Парыгина пишет, что честь – нематериальное благо гражданина, состоящее в даваемой обществом личности гражданина положительной оценке, обусловленной уникальным сочетанием ее индивидуальных характеристик (деяний, качеств, способностей) [10, с. 143]. Переходя к оценке и уяснению понятия «достоинство», необходимо отметить, что оно находится в органическом единстве с честью. Следует также сделать акцент на том, что достоинство есть высшая человеческая ценность. Эта идея была выдвинута еще гуманистами в конце средневековья.

Р.И. Филипчик под достоинством понимает совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе [6]. Г.Х. Гуменюк указывает, что достоинство – это комплекс индивидуальных ценностей определенного человека, которые заключаются в его духовных, нравственных качествах, ценных относительно потребностей общества [11, с. 49]. Достоинство, по мнению В.А. Конькова, это самооценка собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего поведения, общественного значения [8, с. 413]. По мнению Ю.В. Хуторянского, под достоинством следует понимать самооценку индивида, его осознание своих личных качеств, способностей и своего общественного

значения, положения в обществе [9, с. 203]. Н.Н. Парыгина пишет, что достоинство – нематериальное благо гражданина, состоящее в положительной самооценке, а также в стандарте уважительного отношения со стороны общества и его отдельных членов, основанного на моральном равенстве представителей человечества [10, с. 144].

Так, в юридической литературе в основном превалирует позиция о том, что к достоинству необходимо относить и физические качества личности. Как видим, честь и достоинство являются нравственными категориями, но одновременно имеют общеправовой характер.

Переходя к понятию «репутация», нельзя не отметить тот факт, что оно, в отличие от «чести» и «достоинства», относится и к юридическим лицам.

Понятие «репутация» в различных литературных источниках в разное время имело своеобразные оттенки. Так, до 1990-х гг. это определение носило в основном нравственно-эмоциональную окраску, и словосочетания, в которых имелось слово «репутация», употреблялись преимущественно в беллетристике и относились к отдельным личностям или группам людей [12, с. 113]. На сегодня в литературе понятие «деловая репутация» имеет много значений.

Р.И. Филипчик деловую репутацию определяет, как сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании [6]. М.Н. Маленина утверждает, что деловая репутация «представляет собой набор качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, поклонников (для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицирует среди других профессионалов в этой области деятельности» [13, л. 15]. Ю.В. Хуторянский определяет деловую репутацию как сложившееся общественное мнение о деловых, профессиональных качествах личности или юридического лица, или индивидуального предпринимателя [9, с. 204].

Деловая репутация, по мнению Н.Н. Парыгиной, представляет собой мультиаспектное, многогранное явление, имеющее прежде всего социологическую, а также философскую, экономическую, правовую и даже деонтологическую составляющие, ни одну из которых нельзя игнорировать [10, с. 145].

Так, деловая репутация – это общественная оценка качеств, достоинств и недостатков организации, связанных с общественной, профессиональной сферой деятельности, которая включает также оценку деловых качеств его работников. Вопрос о таких понятиях, как «честь», «достоинство», «репутация» определяют равные между собой педагогические категории.

Таким образом, можно сделать следующий вывод.

Институт защиты чести, достоинства, деловой репутации прошел в своем развитии четыре этапа. На первом этапе (конец XVI – начало XX в.) закладываются основы защиты нематериальных благ. Этот период характеризуется, в первую очередь, уголовно-правовой защитой нематериальных благ, которые принадлежат гражданам. На втором этапе (1917 г. – конец 80-х гг. XX в.) появляются гражданско-правовые механизмы защиты нематериальных благ. С принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г. и Гражданского кодекса БССР 1964 г. организации получают возможность защищать свою деловую репутацию, которая называлась в этих документах «честь и достоинство организации». На третьем этапе (90-е гг. XX в.) в законодательстве впервые было сказано о возможности юридических лиц защищать свою деловую репутацию. На четвертом этапе, который продолжается до настоящего времени, идет дальнейшее совершенствование законодательства о защите чести, достоинства, деловой репутации. Можно сказать, что если понятие о достоинстве личности исходит из принципа равенства всех людей в моральном отношении и их самооценки, то понятием чести, наоборот, дифференцированно оценивает людей, что тем или иным образом находит отображение в их репутации.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года / пер. на бел. мову А.С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2002. – 207 с.

3. Батхаев, В.В. Институт защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел: история становления и современное состояние / В.В. Батхаев, А.В. Егоров // Вопр. рос. и междунар. права. – 2017. – № 2, т. 7. – С. 168–177.

4. Зикрацкий, С. История возникновения и развития института защиты деловой репутации юридических лиц в Беларуси [Электронный ресурс] / С. Зикрацкий // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Филипчик, Р.И. О защите чести, достоинства и деловой репутации [Электронный ресурс] / Р.И. Филипчик // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Сергеев, А.П. Гражданское право : учеб. пособие / А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М. : Проспект, 2012. – 784 с.

8. Коньков, В.А. Защита чести, достоинства и деловой репутации: общий взгляд / В.А. Коньков // Аллея науки. – 2017. – № 9, т. 1. – С. 411–419.

9. Хуторянский, Ю.В. Понятие чести, достоинства и деловой репутации / Ю.В. Хуторянский // Соврем. проблемы права, экономики и упр. – 2017. – № 1. – С. 203–206.

10. Парыгина, Н.Н. Деловая репутация в системе нематериальных благ / Н.Н. Парыгина // Теория и практика обществ. развития. – 2017. – № 1. – С. 143–147.

11. Гуменюк, Г.Х. Честь, достоинство и деловая репутация как правовые категории / Г.Х. Гуменюк // Theory and Practice of the restoration of rights. – 2016. – № 1. – С. 49–54.

12. Гусалова, А.Р. Деловая репутация как объект гражданского права / А.Р. Гусалова // Общество и право. – 2010. – № 1. – С. 113–117.

13. Малеина, М.Н. Личные немущественные права граждан (понятие, осуществление и защита) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М.Н. Малеина. – М., 1997. – 431 л.

УДК 378.6

В.В. Храменков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.В. Ермолович*

О ВНЕДРЕНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОФАЙЛИНГА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Несмотря на снижение количества зарегистрированных преступлений, фон криминогенной активности в Беларуси остается достаточно высоким, что создает особую важность и необходимость в эффективном обеспечении правопорядка. Все это обуславливает потребность в создании новых методов борьбы с преступностью и совершенствования уже имеющихся способов предотвращения противоправных деяний. С целью обеспечения максимально результативной оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов, остро встает необходимость использования в их работе современных методик, которые позволили бы сотрудникам органов внутренних дел на высоком качественном уровне выполнять свое главное предназначение согласно Закону Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» от 17 июля 2007 г. № 263-З – защищать жизнь, здоровье, честь, достоинство, права, свободы и законные интересы граждан Республики

Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства от преступных и иных противоправных посягательств, обеспечивать их личную и имущественную безопасность, защищать права и законные интересы организаций от преступных и иных противоправных посягательств, охранять общественный порядок и обеспечивать общественную безопасность [1]. Одним из ведущих направлений в решении данной проблемы является разработка технологий профайлинга, которая позволяет выявлять признаки подготовки противоправных действий на самых ранних этапах.

В настоящее время в специальной литературе отсутствует единое понятие профайлинга. Однако можно установить, что это слово является производным от английского «profile» – профиль и относится к профессиональной терминологии.

При определении содержания профайлинга необходимо исходить из следующих положений:

профайлинг – один из способов обеспечения безопасности, так как позволяет предотвратить противоправные действия посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций;

выявление потенциально опасных лиц и ситуаций проводится по специальным технологиям, в основе которых лежит комплексный анализ таких значимых факторов, как внешность и поведение человека, его перевозочные документы, багаж, вещи, находящиеся при нем, и др.;

профайлинг как один из способов по предотвращению противоправных действий может применяться на любом этапе, во всех местах и на всех мероприятиях по обеспечению безопасности;

в рамках профайлинга необходимо применение методов психологии в их прикладном аспекте, так как особый акцент делается на процессах межличностного взаимодействия, возможностях человеческого восприятия к считыванию внешней и внутренней информации, формировании и развитии таких качеств, как наблюдательность, проницательность, коммуникабельность.

С учетом указанных выше положений предлагается следующее определение: профайлинг – это технологии предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии [2, с. 7–8].

В более узком смысле профайлинг является системой установления вероятностной причастности определенного субъекта к планируемому противоправному действию.

На наш взгляд, правоохранительный профайлинг – это технология выявления лиц, представляющих оперативный интерес, и прогнозирования противоправного поведения иных лиц в ходе обеспечения охраны

общественного порядка и общественной безопасности сотрудниками правоохранительных органов и специальных служб.

Рассматривая правовой аспект использования технологий профайлинга, можно отметить, что для выполнения основных задач по обеспечению безопасности населения Республики Беларусь, Национальным собранием и Правительством нашего государства был принят ряд национальных законодательных актов и ратифицированы основные международные конвенции в данной сфере. Первоначально это направление развивалось в рамках правового обеспечения безопасности деятельности объектов гражданского авиатранспорта. Так, Чикагская конвенция о международной гражданской авиации, принятая 7 декабря 1944 г. (далее – Конвенция), Воздушный кодекс Республики Беларусь от 16 мая 2006 г. № 117-3 (далее – Воздушный кодекс); Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-3 «Об органах внутренних дел Республики Беларусь»; Постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 8 апреля 2009 г. № 31 «Об утверждении авиационных правил «Обучение кадров в области авиационной безопасности»; Постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 8 августа 2007 г. № 46 «Об утверждении авиационных правил «Контроль качества мероприятий по обеспечению защиты гражданской авиации Республики Беларусь от актов незаконного вмешательства» закрепили достаточный комплекс мер по предотвращению актов незаконного вмешательства. В частности, в ст. 77 Воздушного кодекса определены основные методы обеспечения безопасности на транспорте. К таким методам относятся предотвращение незаконного провоза на воздушном судне оружия, боеприпасов, взрывчатых, отравляющих, легковоспламеняющихся, радиоактивных веществ, а также других опасных веществ, материалов и изделий, которые могут быть использованы для совершения актов незаконного вмешательства в деятельность авиации, и принятие особых мер предосторожности при их провозе в соответствии с законодательством; проведение досмотра пассажиров, членов экипажа воздушного судна, багажа, в том числе вещей, находящихся при пассажирах, грузов, почтовых отправок, бортовых запасов воздушного судна [3].

Таким образом, все вышеуказанные документы подтверждают правомерность профайлинга и являются правовым обоснованием применения следующих процедур:

применение технологий профайлинга в рамках предполетного досмотра;

использование таких методов, как наблюдение, опрос, ручной досмотр багажа и личный (индивидуальный) досмотр;

применение профайлинга сотрудниками служб авиационной безопасности и правоохранительных органов в своей деятельности;

внедрения технологий профайлинга или его элементов для обеспечения безопасности воздушного судна при послеполетном досмотре пассажиров;

необходимость обучения профайлингу в рамках подготовки специалистов по обеспечению авиационной безопасности, соответствующей современным и другим возможным направлениям предотвращения актов незаконного вмешательства.

Наличие правовой базы и объективные предпосылки в применении профайлинга в правоохранительной деятельности формируют запросы на совершенствование и развитие технологий правоохранительного профайлинга в Республике Беларусь.

По нашему мнению, применительно к деятельности правоохранительных органов, наиболее перспективными являются следующие направления применения профайлинга:

в обеспечении транспортной безопасности (транспортный или оперативный профайлинг);

при обеспечении безопасности крупных массовых мероприятий (спортивного, культурно-зрелищного, политического характера и др.) (профайлинг при проведении массовых мероприятий);

в оперативно-розыскной деятельности ОВД при составлении психологического портрета преступника (криминальный профайлинг);

в оперативно-розыскной деятельности ОВД, деятельности участковых инспекторов милиции и при несении патрульно-постовой службы на обслуживаемой территории (территориальный профайлинг);

при проведении отдельных следственных действий (осмотр, допрос, очная ставка, обыск) (следственный профайлинг).

Современные реалии предъявляют к сотрудникам правоохранительных органов все более высокие требования. Качественная реализация поставленных перед данными органами задач зависит в большей степени от наличия у каждого сотрудника целостной системы знаний, навыков и компетенций, которая формируется как в процессе подготовки, так и в процессе практической деятельности.

Процесс организации применения метода профайлинга также имеет важное значение. Следует учитывать, что главная задача его применения – не формальное внедрение в деятельность ОВД, а повышение ее эффективности, в первую очередь в сфере профилактики правонарушений. В процессе организации необходимо уделить особое внимание месту проведения профайлинга. Это могут быть как отдельные специаль-

но оборудованные помещения, так и контрольно-пропускные пункты, места проведения досмотра и др. Следует признать, что в практике применения технологии профайлинга существуют определенные сложности при организации профайлинга в местах массового скопления людей. В этой связи выбор места проведения профайлинга играет первоочередную роль, так как очень важно создать необходимые условия для постоянного и непрерывного визуального контроля за поведением субъектов. Проведение данных мероприятий можно успешно сочетать с возможностями организации и осуществления видеонаблюдения.

Внедрение профайлинга должно способствовать повышению общего уровня безопасности, так как состояние защищенности повышается за счет применения разносторонних подходов и технологий по предупреждению актов незаконного вмешательства, проведения ряда практических мероприятий, охватывающих различные аспекты выявления признаков подготовки противоправных действий.

Однако технологии профайлинга могут быть достаточно эффективны лишь при применении их подготовленными и высококвалифицированными сотрудниками правоохранительных органов, владеющими навыками наблюдения (сенсорной чувствительности) и собеседования (умением проводить хотя бы краткую опросную беседу). Не последнее место в этой области занимает подготовка действующих правоохранителей и обучение профайлингу студентов и курсантов высших юридических учебных заведений.

Это может быть достигнуто посредством создания современных научно-прикладных образовательных лабораторий. Примером такого рода перспективного проекта может стать создание лаборатории правоохранительного профайлинга. Примером создания подобного научно-прикладного проекта может служить лаборатория территориального профайлинга, основанная на базе Санкт-Петербургского университета МВД России. Ее цели – моделирование учебных ситуаций по оценке поведения и намерений людей в местах массового скопления (вокзалы, торговые объекты, культовые сооружения) с целью предупреждения террористических актов на социально-культурных объектах города.

Рассматривая возможности и перспективы применения профайлинга в деятельности белорусских правоохранительных органов, необходимо отметить, что активное внедрение профайлинга в практику будет зависеть от следующих факторов:

адаптации методики к национальным проблемам обеспечения безопасности, специфике контролируемых объектов и территорий;

создания четкой нормативной правовой базы, регламентирующей применение профайлинга;

включения профайлинга в технологические процессы режимных мероприятий обеспечения безопасности контролируемых объектов (территорий);

налаженного взаимодействия по вопросу практического применения профайлинга между службами безопасности (охранными структурами организаций), МВД Республики Беларусь, другими заинтересованными организациями и ведомствами, местными властями;

решения вопросов о введении в службы безопасности штатной должности «профайлер» и подборе соответствующих кадров;

подготовки работников служб безопасности, отобранных на должность профайлера, а также обучения сотрудников взаимодействующих служб, подразделений, организаций основам профайлинга.

Таким образом, преступность как негативное социальное явление является общенациональной проблемой нашего государства. Вопросы противодействия ей должны конструктивно рассматриваться на республиканском и международном уровнях с принятием действенных управленческих решений. В качестве одного из важнейших, на наш взгляд, направлений совершенствования такой работы следует выделить внедрение технологий профайлинга в практическую деятельность правоохранительных органов и совершенствование форм и методов подготовки специалистов в этой области.

Профайлинг – это система, гибко реагирующая на социально-политические изменения и, соответственно, на характер угрозы, что дает основание рассматривать данную концепцию как методологический подход к организации превентивной защиты объектов и территорий от противоправных действий, в том числе от терроризма.

Основная роль в реализации данной технологии возлагается на сотрудника-профайлера, его знания, опыт, интуицию. Эффективность метода повышается за счет личной включенности и ответственности сотрудника за проводимые мероприятия.

Так, активное внедрение и применение новых форм обучения сотрудников и военнослужащих правоохранительных органов, в том числе и обучению приемам и методам профайлинга, в перспективе позволит в целом повысить эффективность правоохранительной деятельности в Республике Беларусь. Соответственно, проблема теоретического осмысления и практического применения профайлинга в деятельности служб безопасности и подразделений правоохранительных органов, являясь весьма актуальной, требует дальнейшего рассмотрения и решения.

1. Об органах внутренних дел Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.02.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Профайлинг. Технологии предотвращения противоправных действий : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность» / Ю.М. Волынский-Басманов [и др.] ; под ред. Ю.М. Волынского-Басманова, Н.Д. Эриашвили. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. – 223 с.

3. Воздушный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 мая 2006 г., № 117-3 : принят Палатой представителей 3 апр. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 24 апр. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. № 437-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 351.74(09)

О.П. Циунель, курсант факультета милиции
Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦАМ, ОКАЗЫВАЮЩИМ СОДЕЙСТВИЕ НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ, УЧАСТВУЮЩИМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В Республике Беларусь сложилась и эффективно действует система правовых механизмов, направленных на предупреждение правонарушений и преступлений. Однако происходящие изменения в экономической, политической, социальной жизни общества обуславливают изменения в структуре преступности. Это вызывает необходимость изменения законодательства с целью организации эффективной борьбы с противоправными проявлениями. Для решения данной задачи 15 июля 2015 г. был принят новый Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД»), который вступил в силу с 25 января 2016 г.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 15 и ч. 2 ст. 51 Закона «Об ОРД» органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность вправе привлекать граждан с их согласия к подготовке проведению оперативно-розыскных мероприятий и (или) участию в них [1]. При этом согласно п. 2 ч. 1 ст. 8 Закона «Об ОРД» оперативно-розыскная деятельность осуществляется с сохранением в тайне сведений о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе (далее – конфидененты),

осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [1]. Поэтому сведения о данных лицах составляют государственную тайну и оглашению подлежат только с их письменного согласия. Что же касается обеспечения безопасности конфиденентов, неразглашения о них сведений, легализации полученной от них информации в уголовном процессе (как правило, посредством их допросов в качестве свидетелей), то решение данных вопросов лежит на органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Очевидно, что расшифровка сведений о лицах, оказывающих или оказывавших содействие в суде с использованием информации и доказательств, полученных с участием конфиденентов.

На сегодня наряду с другими источниками доказательств наиболее распространенным источником доказательств причастности лица к совершенному им преступлению являются показания свидетеля. В соответствии со ст. 60 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) свидетелем является лицо, в отношении которого имеются основания полагать, что ему известны какие-либо обстоятельства по уголовному делу, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для дачи показаний либо дающее показания [2]. При успешном проведении оперативно-розыскных мероприятий, с участием конфиденентов, материалы оперативно-розыскной деятельности могут служить основанием к возбуждению уголовного дела (ст. 49 Закона «Об ОРД»). В данном случае стоит отметить, что конфиденент меняет свой правовой статус. Иными словами, последний приобретает процессуальный статус свидетеля и вовлекается в уголовный процесс.

Необходимо отметить, что каких-либо исключений в УПК для процессуального статуса свидетелей из числа конфиденентов нет. Единственным процессуальным гарантом безопасности конфиденентов от принудительной дачи свидетельских показаний и необоснованного привлечения их к уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний выступает п. 8 ч. 2 ст. 60 УПК. Согласно указанному пункту не подлежат допросу в качестве свидетелей лица, оказавшие конфиденциальную помощь в раскрытии преступления, – без их согласия и согласия соответствующего органа уголовного преследования [2]. Следовательно, во всех остальных случаях, когда конфиденент добровольно согласился дать свидетельские показания на него возлагаются общие обязанности свидетеля: являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; правдиво сообщить все известное по делу и ответить на поставленные вопросы; не разглашать сведения об обстоятельствах, ставших известными ему по делу, если он был предупрежден об этом органом уголовного преследования или судом; подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс (п. 1.4 ч. 4 ст. 60 УПК) [2].

Как уже отмечалось ранее, оперативно-розыскная деятельность согласно п. 2 ч. 1 ст. 8 Закона «Об ОРД» осуществляется с сохранением в тайне сведений о конфидентах [1]. Иными словами, благодаря данной правовой норме лицо, оказывающее содействие на конфиденциальной основе, имеет право использовать псевдоним в процессе своего сотрудничества с оперативными подразделениями. Однако при использовании материалов оперативно-розыскной деятельности, которые являются основанием к возбуждению уголовного дела, необходимо наличие свидетельских показаний конфиденентов, которые непосредственно участвовали при проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на изобличение лиц, совершивших преступления. Будучи участником уголовного процесса, лицо, оказывающее содействие на конфиденциальной основе, лишается права использовать в дальнейшем псевдоним, так как на сегодня в УПК не предусмотрен порядок допроса лица под псевдонимом. Возникает вопрос о применении к последнему мер по обеспечению безопасности, предусмотренных ст. 66 УПК. При этом буквальное толкование ч. 1 ст. 65 УПК позволяет констатировать, что обязанность по применению мер по обеспечению безопасности перед органом, ведущим уголовный процесс, возникает только при наличии реальной угрозы совершения противоправных действий в отношении лица либо имущества [2]. В случае отсутствия реальных угроз следователь как процессуально независимое лицо может отказать в применении к конфиденнту мер по обеспечению безопасности. Поэтому возникает риск расшифровки конфиденента. В свою очередь опасность расшифровки повлечет отказ лица, оказывающего содействие на конфиденциальной основе, участвовать в уголовном процессе, а следовательно, материалы оперативно-розыскной деятельности не смогут легализоваться в уголовном процессе и послужить источником доказательств. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что процессуальный статус лица, оказывающего конфиденциальное содействие оперативным подразделениям, существенно отличается от иных свидетелей, так как сведения о них составляют государственную тайну.

Как верно отметил Л.В. Брусицын, уголовно-процессуальное законодательство не содержит ответа на вопрос, что следует использовать в качестве псевдонима (в Болгарии это, например, идентификационные номера, в Эстонии – условные номера, в Нидерландах – буквы алфавита) [3].

Несмотря на наличие у лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, права на защиту (п. 2 ч. 4 ст. 10; ч. 2 ст. 52 Закона «Об ОРД»), основной причиной отказа конфиденента от участия в уголовном процессе является опасность его расшифровки. И даже при имеющихся в оперативно-розыскном и уголовно-процессуальном законода-

тельстве мер по обеспечению безопасности (ст. 55 Закона «Об ОРД»; ст. 66 УПК Республики Беларусь) она остается достаточно велика. Тем не менее эти меры направлены на обеспечение безопасности, а не на зашифровку данных о конфиденте. В свою очередь оперативные подразделения заинтересованы, чтобы граждане систематически оказывали конфиденциальную помощь и сохраняли свои разведывательные возможности в криминогенных кругах. Если исключить участие лица, оказывающего конфиденциальное содействие, из уголовного процесса не представляется возможным, необходимо обеспечить его конфиденциальность путем осуществления конспирации при проведении следственных или судебных действий. На сегодня практика не выработала единого подхода к тому, как эффективней вовлечь в уголовный процесс конфидента, показания которого легли в основу обвинения. В научной литературе рассматриваются различные подходы для решения данной проблемы. Представляется интересным рассмотреть предложение М.П. Полякова о возможности предоставления полученной оперативно-розыскной информации с ограничением уголовно-процессуального правила о предоставлении последней не первоисточником, а источником, внушающим доверие, т. е. оперативным сотрудником. Данное положение должно применяться с подробной мотивацией невозможности раскритичивания первоисточника [4].

В этом случае органы предварительного расследования и суд допрашивают оперативных работников, руководивших действиями указанных лиц и получивших от них информацию. Однако в большинстве случаев данные доказательства признаются судами недопустимыми, поскольку конкретный источник информации не называется, а ссылки на него носят лишь абстрактный характер, тем более если эти показания, полученные при допросе сотрудников оперативного подразделения, не подтверждаются совокупностью других доказательств. При этом малейшие попытки трансформировать содержание материалов оперативно-розыскной деятельности, предполагаемых к использованию в качестве основы для формирования доказательств в уголовном процессе, влекут автоматически нарушение принципов законности; всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела; равенства граждан перед законом и равенства защиты их прав и законных интересов; обеспечение защиты прав и свобод граждан [2]. Поэтому при проведении оперативно-розыскных мероприятий лицам, оказывающим содействие на конфиденциальной основе, в обязательном порядке с соблюдением принципа конспирации необходимо выдавать специальные технические средства, которые осуществляют звуко- и видеозапись. Данные, полученные с технических средств, согласно ч. 2 ст. 100 УПК могут

быть отнесены к другим носителям информации. В соответствии с ч. 2 ст. 88 УПК в качестве источника доказательств могут выступать другие носители информации [2]. Записи с технических средств будут являться источниками доказательств, а следовательно, могут быть взяты за основу при обвинении. С позиции оценки доказательств они могут быть признаны относимыми, допустимыми и достоверными, а в совокупности с иными доказательствами, находящимися в уголовном деле, достаточными для привлечения обвиняемого к уголовной ответственности.

В практической деятельности могут возникнуть ситуации, при которых не исключено раскрытие личности защищаемого лица при проведении такого следственного действия, как допрос. Так, в протоколе допроса кроме анкетных данных лица (изменение которых допускается при применении мер безопасности) в описательной части отражается текст его показаний, которые в соответствии с ч. 1 ст. 218 УПК записываются от первого лица и по возможности дословно [2]. В соответствии с ч. 4 ст. 218 УПК допрашиваемое лицо после свободного рассказа вправе записать свои показания собственноручно [2]. Данное право допрашиваемого лица является императивным и обязывает следователя либо лицо, производящее дознание, предоставить ему такую возможность без каких-либо ограничений. Так, исходя из собственноручных показаний, можно выделить определенные индивидуальные признаки личности, к которым можно отнести стиль изложения (типичные слова, построения фраз, часто используемые обороты речи, жаргонные выражения и т. д.). Кроме того, показания могут отражать информацию, которая была известна ограниченному кругу лиц; содержать ссылку на сообщение источника информации, которая включает конкретных лиц либо возможность установления места и времени, откуда информация получена. И конечно же, в данном случае основным источником расшифровки защищаемого лица будет являться его почерк.

Согласно ст. 257 УПК обвиняемый или его защитник имеет право знакомиться с уголовным делом, а также выписывать любые сведения или копировать интересующие материалы с разрешения следователя [2]. Отсюда следует, что протокол допроса защищаемого лица под вымышленным именем, но с его собственноручными показаниями, изучается лично обвиняемым, что позволяет последнему в определенной мере и ситуации идентифицировать личность допрашиваемого, а это повлечет за собой и расшифровку конфидента. Будучи идентифицированным, лицо, оказывающее содействие на конфиденциальной основе, фактически утрачивает возможность сотрудничества с оперативными подразделениями в последующем.

Таким образом, подводя итог под вышеизложенным, можно сделать вывод о том, что, вовлекая в уголовный процесс в качестве свидетеля лицо, оказывающее содействие на конфиденциальной основе, необходимо проводить комплекс мероприятий, направленных на сохранение в тайне персональных данных о личности последнего. При расследовании уголовных дел вышеуказанные мероприятия представляют собой не механическое сокрытие персональных данных, а достаточно сложные тактические приемы и комбинации.

1. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внес. Законом Респ. Беларусь от 18 июля 2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Брусницын, Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовно-правосудию : метод. рекомендации / Л.В. Брусницын. – М. : Либроком, 2002.

4. Поляков, М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : монография / М.П. Поляков. – Новгород, 2001.

УДК 342.9

А.А. Швайко, курсант факультета милиции
Научный руководитель – *В.С. Трояновский*

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В настоящее время правоприменительной деятельности, осуществляемой компетентными должностными лицами государственных органов, уделяется пристальное внимание со стороны не только ученых, но и граждан Республики Беларусь. Непосредственно граждане обращаются к соответствующему должностному лицу государственного органа для установления юридического факта, разрешения спора и вступают во взаимоотношения с государством, что влечет установление, изменение или прекращение соответствующих прав и обязанностей у субъектов данных правоотношений. Именно по результатам такого взаимодействия граждане оценивают способность государства защитить их права и законные интересы, обеспечить достойный уровень жизни, создать условия для удовлетворения соответствующих потребностей и реализации деловых и творческих начинаний, что стимулирует правомерное

поведение субъекта права, добросовестное исполнение возложенных на него обязанностей.

В Республике Беларусь в условиях формирования гражданского демократического общества переосмысливаются сущность и назначение правоприменительной деятельности. В свою очередь следует отметить, что динамика развития современного общества требует модернизации качества правового регулирования, позволяющего максимально эффективно разрешать ту или иную жизненную ситуацию, при этом обеспечить законность и правопорядок в целом.

Сегодня понятие «правоприменительная деятельность» активно используется в нормативных правовых актах различного уровня, а также в научной литературе, при этом данное понятие является одним из значимых и широко распространенных категорий в общей теории права и отраслевых юридических науках. В связи с тем, что обозначенной проблеме уделяется особое внимание, а также востребованность ее на практике и отсутствие системной и комплексной общетеоретической разработки, можно утверждать, что исследования в данной области представляют собой научный интерес как в силу своей фундаментальности, так и важнейшего процесса, как накопление новых знаний, что побуждает исследователей-правоведов к переосмыслению и уточнению существующих в данный момент подходов при выяснении сущности и основных признаков правоприменительной деятельности.

Следует отличать два идентичных, на первый взгляд, понятий как «правоприменение» и «правоприменительная деятельность», тем более, что в правовой науке указанные понятия рассматриваются одними учеными – как тождественные дефиниции, а другими – как понятия, требующие между собой разграничения. Анализ соотношения этих понятий показал, что доказательством отличия могут служить монографии по проблемам правоприменительной деятельности и учебная литература по теории права и государства. Чтобы не быть многословным, достаточно ознакомиться с разделами, посвященными проблемам правоприменительной деятельности, в которых практически ничего не сказано о сущности рассматриваемой деятельности (отсутствует, например, понятие, основные черты, круг субъектов, принципы и т. д.), а их авторы сразу же приступают к рассмотрению сущности понятия «применение права».

На наш взгляд, это не совсем правильно, так как правоприменительную деятельность и применение права стоит разграничивать, что верно отмечено В.А. Сапуном «следует проводить строгое различие между применением права как стадией правового регулирования и организационно-правовыми формами ее осуществления» [1, с. 185].

Из существующего в науке мнения ученых С.С. Алексеева, С.Б. Швецова, М.В. Дорофеева, К.Н. Пономарева, видно, как необходимо рассматривать правоприменительную деятельность:

во-первых, как разновидность юридической деятельности;

во-вторых, как государственно-властную деятельность;

в-третьих, как деятельность компетентных субъектов по реализации юридических предписаний, целью которой является реализация права и юридических норм, а также осуществляется в рамках особых правоотношений – правоприменительных.

Кроме того, А.В. Григорьев и А.Д. Черкасов, анализируя характерные черты применения права, пишут, что «правоприменительная деятельность осуществляется в особых, установленных процессуальным законом, формах, в силу чего правоприменительный процесс становится целенаправленным, в значительной степени огражденным от влияния случайных факторов и непродуманных решений» [2, с. 195–196].

Таким образом, осуществление правоприменения как особой формы реализации права, обуславливается наличием процессуальной формы, которой, собственно, и является правоприменительная деятельность. В этой связи будет полезным отметить, что юридическая процессуальная форма по общему правилу представляется как унифицированная конструкция любого вида юридического процесса и научная модель процессуального правоотношения, представленная логически связанными структурными элементами, взаимодействие которых обеспечивает удовлетворение потребности оптимизации различных видов государственно-властной деятельности [3, с. 212].

Именно соблюдение строгой формализации правоприменительной деятельности, предусмотренной процессуальными нормами, служит гарантией надлежащего и своевременного разрешения юридических дел и препятствует произволу со стороны должностных лиц, осуществляющих данную деятельность от имени государства.

Говоря о соотношении терминов «правоприменительная деятельность» и «применение права», следует иметь в виду, что категория «применение права» раскрывает только теоретические аспекты понимания того, как и кем должно осуществляться применение права. В таком понимании применение права и правоприменительная деятельность соотносятся как общее и частное. Применение права, будучи более широким понятием, регламентирует деятельность и правила поведения субъектов в процессе применения правовых норм. Это позволяет эффективно обеспечить законность и обоснованность принимаемых правоприменителем решений. В свою очередь правоприменительная деятельность является

процессуальной формой применения права и обеспечивает динамику данного процесса.

По своей сущности применение права выступает как организующая властная деятельность государства или иных специально уполномоченных субъектов, посредством которой упорядочивается общественная жизнь.

Эта деятельность связана с особыми приемами разрешения жизненных ситуаций, требует профессиональных знаний, навыков. Учитывая это, государство определяет специальных субъектов, наделяя их властными полномочиями для осуществления подобной деятельности. К ним относится ряд государственных органов (суд, прокуратура, милиция и т. д.) и должностных лиц (прокурор, следователь и т. д.).

Следует отметить, что правоприменением является не всякая деятельность должностного лица. Так, иногда деятельность должностного лица, наделенная властными полномочиями в юридическом процессе, не является даже разновидностью индивидуально-правового регулирования общественных отношений, а носит, скажем, чисто контрольно-надзорный характер.

Одним из субъектов правоприменительной деятельности являются ОВД. Применение ими норм права выражается в осуществлении процессуальной деятельности в направлениях и формах, предусмотренных законом, в организации деятельности других участников судопроизводства в соответствии с представленными им законом полномочиями и отведенными функциями, в использовании в необходимых случаях мер процессуального принуждения [4, с. 17].

ОВД занимают особое место среди государственных органов, осуществляющих правоприменительную деятельность, так как одновременно входят в систему органов государственного управления и систему правоохранительных органов. Данное обстоятельство обуславливает тот факт, что правоприменительная деятельность ОВД и усмотрение как атрибут данной деятельности имеют определенные особенности по сравнению с применением права иными компетентными органами. Речь идет о том, что, являясь правоохранительным органом и выступая составной частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, ОВД осуществляют борьбу с преступностью и охрану общественного порядка, обеспечивают общественную безопасность, а также выполняют иные задачи, возложенные на них нормативными правовыми актами.

Для осуществления данного направления деятельности ОВД наделены особыми полномочиями, которыми большинство государственных

органов не обладает, в частности, соответствующие должностные лица при необходимости используют принуждение в различных формах. Также особенностью деятельности ОВД является использование гласных и негласных методов деятельности.

Таким образом, ОВД выступают в качестве правоохранительного органа и осуществляют преимущественно правоохранительную правоприменительную деятельность.

Обозначенный двойственный характер функционирования ОВД обуславливает особенность усмотрения в правоприменительной деятельности должностных лиц органов внутренних дел по сравнению с другими государственными органами.

Смело можно утверждать, что ОВД являются одним из главных субъектов правоприменительной деятельности, так как вся деятельность сотрудников органов внутренних дел регламентируется нормативными правовыми актами и законодательством. Вся работа сотрудника является обязанностью реализации этих норм. В противном же случае к сотруднику могут быть применены меры воздействия, будь то административное взыскание или дисциплинарное, что также является применением права.

Правоприменение – специфическая форма деятельности ОВД, направленная на реализацию правоохранительной функции государства, включающей целенаправленное воздействие ОВД на социальные отношения в области противодействия преступности, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Она строится на определенных принципах, находящихся в единстве и диалектической взаимосвязи, что устанавливает определенные пределы использования форм и методов осуществления правоприменения, выступая тем самым юридическими гарантиями правоприменительной деятельности ОВД. Именно находясь в тесной взаимосвязи между собой, принципы правоприменительной деятельности ОВД образуют определенную систему, включающую прежде всего принципы законности, обоснованности, целесообразности и справедливости [5, с. 455].

Проблемы понятия права и его реализации в правоприменительной деятельности ОВД должны тесно увязываться с правоохранительной функцией государства. Отметим, что дефиниции «применение права» и «правоприменительная деятельность» используются в современной юридической науке, выражая содержание конкретной деятельности органов государства, в том числе и ОВД. Несмотря на то что указанные термины активно используются и разрабатываются в юридической науке с середины XX в., до настоящего времени единства мнений по вопросу правоприменения не достигнуто.

Правоприменение как властная, организующая деятельность специально уполномоченных субъектов представляет собой одну из главных составных частей механизма правового регулирования общественных отношений, что значительно отличает ее от других форм реализации права.

1. Сапун, В.А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура / В.А. Сапун // Ленингр. юрид. журн. – 2005. – № 3. – С. 185–191.

2. Григорьев, А.В. Правоприменительная практика как средство совершенствования правоприменительной деятельности / А.В. Григорьев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 янв. 2011 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД ; под ред. В.Б. Шабанова. – Минск, 2011. – С. 195–196.

3. Борисов, Г.А. Теория государства и права : учеб. пособие / Г.А. Борисов. – Белгород : БелГУ, 2009. – 320 с.

4. Вакуленко, Н.А. Органы внутренних дел в социальном механизме действия права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н.А. Вакуленко. – Ростов н/Д, 2004. – 31 с.

5. Воропаев, Д.А. К вопросу об юридико-технических основаниях усмотрения в правоприменительной деятельности / Д.А. Воропаев // Теоретико-методологические и прикладные аспекты государственного управления : материалы XIX респ. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов, Минск, 20 марта 2015 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – С. 455–457.

УДК 343.9

А.А. Швайко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.П. Пацкевич*

РОЛЬ МИЛИЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В последнее время констатируется значительный рост профессионализма преступников. Это обусловлено как изобретательностью последних, так и возможностями технического оснащения противоправной деятельности. Особую значимость в связи с этим приобретают вопросы функционирования и взаимодействия между собой различных подразделений правоохранительных органов, поскольку именно от данного компонента во многом зависят эффективность обеспечения безопасности граждан, охраны их прав от преступных посягательств; быстрое, полное и всестороннее рассмотрение и расследование правонарушений и преступлений.

В криминалистике процесс расследования преступлений представляется, как правило, как совокупность определенных, сменяющих друг друга, этапов [1, с. 259–264; 5, с. 249–254]. Причем позиции ученых относительно количества и содержания этих этапов весьма разнообразны (в научных трудах выделяется от 2-х до 14-и этапов) [9]. Однако, несмотря на имеющиеся расхождения, почти все ученые выделяют в процессе расследования преступлений первоначальный этап [1, с. 259–264; 4, с. 44; 5, с. 249–254; 12, с. 109–110]. Резонно возникает вопрос, какое значение данный этап имеет для расследования преступлений? Отвечая на него необходимо отметить то, что в литературе понятие первоначального этапа расследования преступлений встречается довольно часто, однако раскрывают его содержание не все авторы.

Проанализировав различные научные взгляды и мнения, мы можем отметить, что в среде ученых-криминалистов существуют два подхода к содержанию первоначального этапа расследования преступлений.

В рамках первого подхода отмечается, что первоначальный этап расследования представляет собой систему следственных и оперативно-розыскных действий, направленных на скорейшее раскрытие преступлений и характеризующихся неотложностью и относительной кратковременностью [2; 11].

В рамках второго подхода авторы характеризуют первоначальный этап как совокупность криминалистических операций и следственных действий, осуществляемых в самом начале расследования с целью изучить обстоятельства преступления и фактические данные для формирования базы обвинения [6, с. 13; 9].

По поводу указанных подходов бытует мнение, что существует определенная «граница», которая отделяет первоначальный этап расследования от последующего. «Границей», по мнению А.Ф. Волобуева и О.Ф. Федорова, является привлечение лица в качестве обвиняемого и предъявление ему обвинения в совершении преступления [3, с. 14]. Это означает, что периодизация расследования связывается с определенными процессуальными решениями в уголовном деле. Обозначенная позиция является вполне аргументированной, так как для привлечения лица в качестве обвиняемого нужно собрать достаточное количество доказательств факта совершения преступления определенным лицом.

Вместе с тем обозначенные подходы к содержанию первоначального этапа расследования являются несколько размытыми. Главная их проблема, на наш взгляд, состоит в том, что они применимы не ко всем методам расследования преступлений. В этой связи обоснованным видится мнение о необходимости учета при определении первоначаль-

ного этапа расследования многообразия совершаемых преступлений. Е.П. Ищенко по данному поводу справедливо отмечает, что «первоначальный этап – это период начала расследования, направленность которого зависит от криминалистической характеристики преступления и следственной ситуации, необходимый для установления обстоятельств преступления и лица, его совершившего» [7, с. 21].

Таким образом, содержание первоначального этапа расследования напрямую зависит от криминалистической сложности расследования. Упорядочение первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий обязывает следователя концентрировать соби- рание ориентирующей информации и доказательств по четырем основным направлениям: 1) исследование места происшествия, выявление всех следов, вещественных доказательств и иной информации; 2) исследование основных элементов события преступления; 3) изучение личности потерпевшего, предполагающее выявление всей системы его связей в жизни; 4) соби- рание информации о подозреваемом, установление и исследование обстоятельств, могущих влиять на мотивы преступления [8, с. 214–217].

В ходе реализации указанных направлений существенная роль отводится сотрудникам милиции общественной безопасности, их взаимодействию с сотрудниками иных правоохранительных органов.

Говоря о роли милиции общественной безопасности в расследовании преступлений, нельзя оставить без внимания тот факт, что на современном этапе она объединяет ряд милицеевских служб со своими подразделениями и функциями. Так, например, в милицию общественной безопасности входят: оперативно-дежурная служба, которая принимает все сообщения и направляет их в соответствующие подразделения на реагирование; изолятор временного содержания, где находятся задержанные за преступления либо административные правонарушения; уголовно-исполнительная инспекция, которая контролирует исполнение приговоров суда в виде наказаний, не связанных с лишением свободы, а также деятельность лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Отдельно следует отметить службу участковых инспекторов милиции (самую многочисленную), которая занимается, в основном, профилактикой правонарушений и преступлений; отделы Государственных автомобильных инспекций, задачей которых является организация дорожной безопасности; службу гражданства и миграции (или, как ее часто называют, «паспортный стол»); инспекцию по делам несовершеннолетних; патрульно-постовую службу милиции.

В настоящее время роль милиции общественной безопасности на первоначальном этапе расследования преступлений весьма важна. Так,

все без исключения сотрудники служб и подразделений милиции общественной безопасности в процессе осуществления своих функций принимают меры к установлению лиц и фактов, имеющих значение для раскрытия преступления. Делают они это и в рамках выполнения поручений следователей, и в ходе участия в осмотре места происшествия и других следственных действий.

Практикой выработан определенный алгоритм действий, который необходимо осуществить сотруднику милиции общественной безопасности в целях качественного документирования обстоятельств совершенного преступления и его последующего расследования. Немаловажно то, что отдельные моменты деятельности сотрудников милиции общественной безопасности в процессе осуществления следственных и процессуальных действий закреплены также в нормативных правовых актах.

Совместная деятельность милиции общественной безопасности и следствия при раскрытии и расследовании преступлений имеет цель обеспечить в максимально сжатые сроки установление и привлечение к ответственности лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния, принятие эффективных мер по возмещению причиненного вреда, устранение способствующих преступлению причин и условий [8, с. 217]. Особенно это заметно по работе следственно-оперативных групп, в которые кроме следователя входят сотрудники криминального блока и сотрудники милиции общественной безопасности. Взаимодействие между членами следственно-оперативной группы должно носить не случайный, эпизодический характер, а являться устойчивым творческим сотрудничеством, основанном на целесообразном сочетании различных средств и методов, присущих деятельности взаимодействующих органов, постоянном и полном обмене информацией. Вместе с тем отдельные ученые отмечают, что взаимодействие в рамках следственно-оперативной группы сопровождается рядом недостатков. Во-первых, работая в составе следственно-оперативной группы относительно непродолжительный период, часто не превышающий сроков производства по делу, следователи и сотрудники милиции общественной безопасности не всегда успевают добиться настоящих деловых отношений между собой, создать благоприятный климат для совместной деятельности. Во-вторых, задействование сотрудников милиции общественной безопасности в следственно-оперативной группе не освобождает их от выполнения других обязанностей, в том числе не снимает с них ответственность за состояние профилактической работы на закрепленной территории [8; 10, с. 95]. При этом следует отметить, что расследование преступле-

ний осуществляется в условиях существенного недостатка полезной информации, дефицита времени, при постоянно меняющейся обстановке и нередко сопровождается противодействием со стороны как преступника, так и других заинтересованных лиц. Именно поэтому задачи, стоящие на первоначальном этапе расследования преступлений, невозможно решить без четкой организации работы, без координации усилий различных служб и подразделений, без целеустремленного планирования расследования как каждого уголовного дела, так и отдельного следственного действия.

На основании изложенного следует сделать выводы, что содержание первоначального этапа расследования преступления напрямую зависит от степени сложности расследования и, в целом, выражается в исследовании места происшествия, выявлении всех следов, вещественных доказательств и иной информации; исследовании основных элементов события преступления; изучении личности потерпевшего, предполагающем выявление всей системы его связей в жизни; сборе информации о подозреваемом, установлении и исследовании обстоятельств, могущих влиять на мотивы преступления. Решение указанных задач в немалой степени зависит от деятельности милиции общественной безопасности. Ведь, как правило, именно сотрудники милиции общественной безопасности самыми первыми вступают в процесс расследования преступлений, собирая первичную информацию и задерживая преступников по «горячим следам». От грамотных, своевременных и слаженных действий сотрудников милиции общественной безопасности зависит не только весь дальнейший ход расследования, но и конечный результат расследования преступления – установление лица, совершившего преступление и доказывание его виновности в совершении преступления.

1. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р.С. Белкин. – Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М. : Юрист, 1997. – 480 с.
2. Возгрин, И.А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография / И.А. Возгрин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 475 с.
3. Волобуев, А.Ф. Роль этапов расследования в структурировании частных криминалистических методик / А.Ф. Волобуев, О.Ф. Федорова // Рос. следователь. – 2013. – № 6. – С. 13–15.
4. Воронин, С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве : монография / С.Э. Воронин. – Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2000. – 280 с.
5. Гавло, В.К. Теоретические проблемы и практика применения расследования отдельных видов преступлений / В.К. Гавло. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. – 333 с.

6. Запаренко, А.М. Координация деятельности органов предварительного следствия как составная часть процесса организации расследования преступлений / А.М. Запаренко // Рос. следователь. – 2010. – № 19. – С. 14–16.

7. Ищенко, Е.П. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений : монография / Е.П. Ищенко. – Красноярск : Краснояр. ун-т, 1987. – 167 с.

8. Пацкевич, А.П. О структуре организации первоначального этапа расследования преступлений / А.П. Пацкевич // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании преступлений : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 15 нояб. 2013 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск, 2013. – С. 214–217.

9. Северин, А.Р. Проблемы определения первоначального этапа расследования мошенничества [Электронный ресурс] / А.Р. Северин // Молодежь и наука : сб. материалов X Юбилейн. Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунаро. участием, посвящ. 80-летию образования Краснояр. края. – Красноярск, 2014. – Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/directions.html>. – Дата доступа: 15.06.2018.

10. Танкевич, О.В. Профессиональное взаимодействие следователя с органами дознания / О.В. Танкевич. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 115 с.

11. Слинко, С.В. Взаимодействие следователя с иными подразделениями органов внутренних дел при расследовании преступлений / С.В. Слинко, В.М. Тertyшник. – Харьков : Ун-т внутр. дел, 1995. – 299 с.

12. Шмонин, А.В. Методология криминалистической методики : монография / А.В. Шмонин. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 416 с.

УДК 342.9

А.В. Шейко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

С.С. Касьянчик

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПОВИНОВЕНИЕ ЗАКОННОМУ РАСПОРЯЖЕНИЮ ИЛИ ТРЕБОВАНИЮ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ИМ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Проблема закрепления и обеспечения реализации административно-правового статуса должностного лица, являясь многоаспектной и сложной для разрешения, актуальна на протяжении длительного периода времени. В научном изучении нуждается конкретизация данного статуса, направления совершенствования его нормативного оформления.

Базовым по отношению к административно-правовому статусу должностного лица является административно-правовой статус гражданина

(личности). В научной литературе различаются такие разновидности правового статуса, как религиозный, политический, экономический, нравственный, правовой, моральный и др.

Понятие правового статуса личности исходит из положения личности в обществе, определяемого юридическими нормами, которые опосредуют многообразные связи человека с социальной средой. Понятно, что речь идет о правовом, юридическом выражении данного понятия.

Правовую основу статуса должностного лица органов внутренних дел можно определить, опираясь на результаты исследований, посвященные правовому статусу государственного служащего. В юридической литературе содержатся различные точки зрения относительно элементов, определяющих правовое положение должностного лица.

Ю.П. Битяк относит к элементам правового статуса должностного лица трудовую правосубъектность сотрудников, их основные трудовые права и обязанности, гарантии этих прав и ответственность за невыполнение обязанностей [1, с. 33].

В свою очередь В.М. Манохин включает в статус служащего задачи по должности, основные функции, права и обязанности, правовые формы деятельности служащего, порядок взаимоотношений по должности [2, с. 98].

Правовое положение должностного лица характеризуется совокупностью его прав и обязанностей, закрепленных нормами права, которые предоставляются государством в связи с поступлением на государственную службу и замещением соответствующей должности.

Служебные полномочия любого должностного лица (в том числе должностных лиц органов внутренних дел) охватывают те его действия, которые направлены на реализацию задач и функций ОВД.

Однако с точки зрения государственно-служебной деятельности важнейшим аспектом исследования являются служебные права и обязанности, реализация которых позволяет говорить о функционировании государственной службы в ОВД. Служебные права напрямую связаны с исполнением должностных обязанностей. Тем не менее права должностного лица органа внутренних дел реализуются при исполнении установленных законодательными актами его должностных обязанностей.

Служебными полномочиями должностного лица органа внутренних дел признаются: выполнение задач по должности, исполнение общих распоряжений, индивидуальных служебных распоряжений, приказов руководящих органов, соблюдение установленного порядка и служебной дисциплины.

Д.Н. Бахрах делает вывод, что содержание деятельности государственных служащих (в том числе должностного лица) обеспечение

исполнения служебных полномочий государственного органа (ОВД) и осуществление государственных функций [3, с. 13].

Основные трудности при выявлении и пресечении административных правонарушений, связанных с неповиновением законному распоряжению или требованию сотрудника органов внутренних дел, возникают вследствие неопределенностей как теоретического, так и практического – законодательного и правоприменительного характера.

В течение нескольких десятилетий административная ответственность выступает одним из основных объектов исследований правовой науки. Научный интерес к данной проблеме явно усилился во второй половине XX в.

Административная ответственность – это один из видов юридической ответственности, форма реагирования уполномоченного органа или должностного лица на административное правонарушение, выражающаяся в применении к гражданам и юридическим лицам административного наказания [4, с. 13].

Профессор Д.Н. Бахрах полагает, что под административной ответственностью следует понимать особый вид юридической ответственности, которая в то же время является частью административного принуждения и обладает всеми его качествами (осуществляется субъектами функциональной власти в рамках внеслужебного подчинения) [5, с. 404].

Специфической чертой административной юрисдикции, в отличие от правосудия, является многообразие субъектов, ее осуществляющих. Тем самым обеспечивается оперативность юрисдикционной защиты общественных отношений в различных областях государственного управления. Передача полномочий по назначению подавляющего большинства административных наказаний суду лишает административную юрисдикцию главного преимущества – быстроты реагирования на нарушения. Государство тем самым защищает в большей степени права и интересы лиц, совершивших административное правонарушение, чем права и интересы лиц, ставших объектом противоправного посягательства.

В литературе правильно отмечается, что административное правонарушение – это не являющееся преступлением виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие), нарушающее общественные отношения, охраняемые законом и иными нормативными актами, и влекущее административную ответственность [6, с. 7].

В соответствии со ст. 2.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях административным правонарушением признается противоправное виновное, а также характеризующееся иными признаками, предусмотренными данным Кодексом, деяние (дей-

ствие или бездействие), за которое установлена административная ответственность.

Неповиновение – это явный отказ немедленно, без отлагательств подчиниться распоряжениям или требованиям должностного лица государственного органа при исполнении им служебных полномочий. Таким должностным лицом может быть работник государственного органа, обладающего компетенцией надведомственного характера, наделенный полномочиями прямо (непосредственно) давать распоряжения или предъявлять требования лицу, не подчиненного ему по службе, чтобы оно их исполнило немедленно, безотлагательно. Чтобы действие было расценено как неповиновение, ситуация должна отвечать всем перечисленным критериям [7, с. 67].

Неповиновение законному распоряжению или требованию образует состав указанного правонарушения лишь в том случае, если неповиновение проявляется только в отказе от исполнения неоднократных настойчивых законных распоряжений или требований должностного лица. Если лицо оказывает сопротивление, то наступает уголовная ответственность по ст. 363 УК Республики Беларусь.

Неповиновение препятствует нормальной деятельности государственных органов, исполнению должностными лицами своих служебных обязанностей, в том числе по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Более того, прослеживается прямая взаимосвязь между совершением лицом данного правонарушения и последующих общественно опасных деяний, направленных против представителей власти.

Однако принципиально важным является вопрос о том, что следует понимать под термином «законные требования и распоряжения».

Под законными понимаются распоряжения или требования, которые не выходят за пределы предоставленных должностному лицу полномочий и осуществляются с соблюдением установленного законом порядка. Законная деятельность должна осуществляться в строго установленных формах. Однако бывают ситуации, когда устанавливается, что совершенные сотрудником органов внутренних дел действия признаются незаконными. В литературе отмечалось, что законность действий должностного лица не должна определяться исходя из фактической правильности или неправильности: эти действия должны быть формально законными [8, с. 90].

Незаконность действий должна быть очевидна как для потерпевшего от этих действий, так и для третьих лиц. Данная ситуация возможна при грубых нарушениях прав и законных интересов гражданина, поэтому

незаконность действий должностных лиц будет очевидна. В таких случаях причинение вреда порядку управления со стороны лица, оказавшего неповиновение, не наступает, а следовательно, не будет и состава рассматриваемого правонарушения.

По сравнению с преступлениями административные правонарушения характеризуются относительно невысокой степенью общественной опасности. В уголовно-правовой и административно-правовой литературе существует точка зрения, согласно которой именно степень общественной опасности является критерием, который законодатель берет за основу при отграничении административного правонарушения от преступления. «Степень общественной опасности не является абстрактной категорией. Она определяется на основе учета многочисленных конкретных обстоятельств: особенности объекта правонарушения, повторность, систематичность, наличие тяжких последствий, характер вины, личности правонарушителя. Анализ и учет всех обстоятельств, повышающих общественную опасность деяния или, напротив, понижающих ее, позволяют разграничивать административные правонарушения и преступления, правильно квалифицировать противоправные посягательства, определить необходимую меру принуждения» [9, с. 35].

Несомненно, справедливо замечание В.Р. Кисина в том, что «если бы административные проступки не влекли вредных последствий, не представляли бы опасности для общества, то государству не требовалось бы устанавливать ответственности за их совершение и создавать аппарат для борьбы с ними» [10, с. 6].

Таким образом, резюмируя проведенное исследование, необходимо отметить следующее.

Анализируя состав данного правонарушения, можно отметить, что административная ответственность наступает в случае, когда лицо игнорирует не только введенное ограничение, но и требование сотрудника органов внутренних дел о его соблюдении.

Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника органов внутренних дел всегда связано с посягательством на порядок управления и с посягательством на общественный порядок и общественную безопасность, а в некоторых случаях – и на здоровье должностного лица (в том числе сотрудника органов внутренних дел).

Непосредственным объектом рассматриваемых правонарушений выступают общественные отношения, обеспечивающие конкретные виды государственного управления, на которые посягает физическое лицо, в том числе деятельность должностных лиц органов государственного управления, осуществляющих правоохранительную деятельность, государственный контроль и надзор.

1. Битяк, Ю.П. Государственная служба в СССР и развитие ее демократических основ : учеб. пособие для студентов специальности «Правоведение» / Ю.П. Битяк ; М-во высш. и сред. спец. образования УССР, Учеб.-метод. каб. по высш. образованию, Харьк. юрид. ин-т им. Ф.Э. Дзержинского. – Киев : УМК ВО при Минвузе УССР, 1990. – 64 с.

2. Манохин, В.М. Советская государственная служба / В.М. Манохин. – М. : Юрид. лит., 1966. – 195 с.

3. Бахрах, Д.Н. Государственная служба: основные понятия, ее составляющие, содержание, принципы / Д.Н. Бахрах // Государство и право. – 1996. – № 12. – 13 с.

4. Юридический энциклопедический словарь / А.Я. Сухарев [и др.]. – М. : Совет. энцикл., 1984. – 17 с. ; Крутских, В.Е. Краткий юридический словарь / В.Е. Крутских, М.Е. Волосов, В.Д. Додонов / под ред. В.Е. Крутских. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 10 с. ; Агапов, А.Б. Административная ответственность : учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. / А.Б. Агапов. – М. : Эксмо, 2007. – 13 с.

5. Бахрах, Д.Н. Административное право России : учебник / Д.Н. Бахрах. – М. : Эксмо, 2006. – 404 с.

6. Административные нарушения, рассматриваемые в судебном порядке / И.В. Бартыков [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1964. – 163 с.

7. Крамник, А.Н. Административная ответственность за правонарушения против порядка управления : учеб. пособие / А.Н. Крамник, Н.А. Крамник, А.А. Садовская. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – 183 с.

8. Миколенко, А.И. Административный процесс и административная ответственность в Украине : учеб. пособие / А.И. Миколенко. – Харьков : Одиссей, 2004. – 272 с.

9. Лунёв, А.Е. Административная ответственность за правонарушения / А.Е. Лунёв. – М. : Госюриздат, 1961. – 35 с.

10. Кисин, В.Р. Административное правонарушение: понятие, состав, квалификация : учеб. пособие / В.Р. Кисин. – М. : МВШМ МВД РСФСР, 1991. – 6 с.

УДК 343.3

Н.А. Шурно, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.Л. Федчук*

О ПРИМЕНЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ К ЛИЦАМ, ДОПУСКАЮЩИМ НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ. ПУТИ РЕШЕНИЯ

Насилие в семье – умышленные действия физического, психологического, сексуального характера члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания. Члены

семьи – это близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные лица, проживающие совместно с гражданином и ведущие с ним общее хозяйство. Считаю, что обоснованно вести речь о расширении круга лиц, в отношении которых применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений. Соответственно, действие рассматриваемого закона не распространяется на случаи насилия, имеющие место между:

1. Близкими родственниками, проживающими в различных местах.
2. Близкими родственниками, проживающими совместно, но не ведущими общее хозяйство.
3. Бывшими супругами (сожителями), в том числе продолжающими проживать в одном помещении, но не ведущими общее хозяйство.

Насилие в сфере семейно-бытовых отношений отличается высокой степенью латентности. Это объясняется, с одной стороны, нежеланием пострадавших обращаться в правоохранительные органы, так как жертвы домашнего насилия часто сталкиваются с враждебностью и скептическим отношением к ним, а также часто жертвы являются зависимыми от семейного дебошира. Основная проблема в том, что административный процесс за совершение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений может быть начат по требованию лица, пострадавшего от семейного насилия. Статья 9.6 ПИКоАП Республики Беларусь предусматривает обстоятельства, исключающие административный процесс, одними из которых являются отсутствие заявления потерпевшего или его законного представителя, либо примирение потерпевшего с физическим лицом, в отношении которого ведется административный процесс, либо отказ потерпевшего от освидетельствования по административному правонарушению, предусмотренному ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь. Статья 8.4 КоАП говорит об освобождении от административной ответственности физического лица, совершившего правонарушение, которое влечет административную ответственность по требованию потерпевшего, если оно примирилось с потерпевшим. Естественно, при наличии данных обстоятельств судом, органом, ведущим административный процесс, выносится постановление о прекращении дела об административном процессе [1, с. 73].

Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» закрепил основания и регламентирует порядок реализации различных мер индивидуальной профилактики, в том числе и защитного предписания, которое заключается в установлении гражданину, совершившему насилие в семье, ограничений на совершение определенных действий. Внедрение в наше законодательство данной меры ин-

дивидуальной профилактики было основано на всестороннем изучении международного законодательства. Согласно ч. 5 ст. 31 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» защитное предписание с письменного согласия совершеннолетнего гражданина, пострадавшего от насилия в семье, обязывает гражданина, совершившего насилие в семье, временно покинуть общее с гражданином жилое помещение и запрещает распоряжаться общей совместной собственностью. Сомнительным в рассматриваемом случае является использование законодателем словосочетание «общее жилое помещение», поскольку данный термин в нормативных правовых актах не используется [2]. Согласно ч. 2 ст. 31 Закона защитное предписание применяется после вынесения постановления о наложении административного взыскания за правонарушение, предусмотренное ст. 9.1, 9.3, 17.1 КоАП, совершенное по отношению к члену семьи, к гражданину, которому ранее выносилось официальное предупреждение либо в отношении которого осуществляется профилактический учет. В ст. 1 Закона закрепляется содержание термина «члены семьи». Следовательно, даже в случае совместного непродолжительного проживания и ведения общего хозяйства могут возникнуть основания для применения защитного предписания, в том числе с обязанностью покинуть общее с пострадавшим от насилия гражданином жилое помещение. При этом никто не обращает внимание на то, имеет ли жертва насилия в семье либо семейный дебошир право проживания в данном помещении. Согласно ст. 2 Жилищного кодекса Республики Беларусь его действие распространяется на отношения по защите прав граждан и организаций в области жилищных отношений, возникновению, осуществлению и прекращению права собственности и (или) владения и пользования жилыми помещениями, выселению из жилых помещений и иное. В соответствии со ст. 23 вышеуказанного законодательного акта основаниями для возникновения права владения и пользования жилым помещением являются:

1. Право собственности.
2. Членство в организации застройщиков.
3. Договор найма или поднайма жилого помещения.
4. Завещательный отказ.
5. Договор пожизненного содержания с иждивением.
6. Письменное соглашение о признании членом семьи и иные.

В соответствии со ст. 157 Жилищного кодекса Республики Беларусь члены семьи собственника жилого помещения, проживающие совместно с ним, не имеющие доли в праве общей собственности на это помещение, имеют право пользоваться жилым помещением наравне с

собственником, если иное не установлено письменным соглашением о порядке пользования жилым помещением, требовать устранения нарушения их права владения и пользования данным помещением от любых лиц, включая собственника, и т. д. Согласно п. 62 ст. 1 Жилищного кодекса Республики Беларусь к членам семьи относятся в том числе граждане, не менее 5 лет проживающие совместно с собственником, нанимателем, поднанимателем жилого помещения, гражданином, являющимся членом организации застройщиков, ведущие с ним общее хозяйство и признанные в судебном порядке членами его семьи. Таким образом, в кодексе термин «член семьи» является по содержанию более узким, чем аналогичная дефиниция, закрепленная в Законе «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». В данном случае имеет место коллизия нормативных правовых актов. Однако согласно ч. 6 ст. 10 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» кодекс имеет большую юридическую силу по отношению к другим законам. На основании вышеизложенного необходимо дополнить Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» нормой, которая закрепит возможность применения защитного предписания с установлением обязанности семейного дебошира временно покинуть общее с пострадавшим жилое помещение только в случаях наличия законных оснований пользования указанным жилым помещением у обоих участников конфликта.

Очередной проблемой является сам вид административного взыскания, предусмотренной за совершение административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. Итак, проанализировав ст. 9.1, 9.2, 9.3, 9.4, 17.1 КоАП Республики Беларусь, можно сделать вывод о том, что наиболее часто встречающимся видом взыскания является штраф. Мы должны понимать, что данный вид взыскания является наказанием не только для самого правонарушителя, но и для всей его семьи (жена, дети и т. д.), так как денежная сумма уплачивается данным лицом из семейного бюджета, если они являются супругами, либо же общей денежной суммой, которая необходима для сожителей, если лица проживают вместе и ведут общее хозяйство. Следовательно, появляется вопрос: почему наряду с правонарушителем за совершение административного правонарушения отвечает и сам потерпевший? Вместе с тем такое воздействие будет продуктивным и принесет положительный корреляционный эффект лишь в случае осознания правонарушителем всех наступивших для него неблагоприятных последствий – как материальных в случае наложения взыскания в виде штрафа, так и физических в виде кратковременного ограничения свободы при наложении ареста

[3, с. 34]. Цели административного взыскания при неоднократном наложении на семейного скандалиста административных штрафов не достигаются, так как факт возложения на виновного обязанности уплатить назначенный штраф является стимулом к его правомерному поведению лишь в случае реальной уплаты штрафа непосредственно виновным лицом из своего дохода, что будет связано с осознанием виновным того, что в силу допущения им факта противоправного поведения он лишается определенных благ, материально соответствующих сумме уплаченного штрафа. Естественно, будет целесообразным заменить данный вид административного взыскания в перечисленных выше статьях на иной, например, на исправительные работы или оставить только административный арест. Это предложение обосновать также можно тем, что большинство заявлений потерпевшим отзываются в связи с нежеланием претерпевать материальную несостоятельность семьи.

Очередной проблемой является виктимное поведение жертвы как фактор, который обуславливает насилие в семье. В данном случае необходимо обратить пристальное внимание на женщин, обладающих повышенной способностью становиться жертвами насилия в семье вследствие морально-бытовой распущенности и стойкой антисоциальной направленности. Практика свидетельствует о том, что часто акты насилия совершаются после совместного распития правонарушителями и жертвами спиртного, причем потребление потерпевшими алкоголя является не единичным случаем, а носит систематический характер. Доказано, что систематическое пьянство способствует неблагоприятному нравственному формированию личности, существенно деформирует процесс ее социализации, ослабляет и подрывает социально полезные связи. Для отдельных женщин-жертв характерен недостаточный образовательный и в целом культурный уровень, что существенно снижает их статус. Значительная часть данных жертв обладают вспыльчивым характером, нередко сами провоцируют семейные скандалы. Легкомысленное и аморальное поведение некоторых женщин делает их жертвами физического и психического воздействия. Невыполнение обязанностей по воспитанию детей, уклонение родителей от трудоустройства по судебному постановлению, мелкое хулиганство, распитие алкогольных напитков, потребление наркотических средств или психотропных веществ, занятие проституцией – перечень правонарушений, за которыми скрывается личность потенциальной жертвы насилия. Следовательно, располагая соответствующими данными о типичных характеристиках потенциальных жертв, можно достаточно эффективно организовать профилактическую работу в этом направлении, чему на практике не

уделяется должное внимание. Уголовный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь выполняют карательную функцию, они ориентированы на наказание, а не на воспитание. Но чтобы преодолеть насилие в семье одних карательных мер не хватает. Именно для этого в дополнение к УК и КоАП необходим закон, который создаст правовую базу для социальной работы по предотвращению насилия в семье, в котором были бы закреплены функции, права и обязанности специальных служб и органов по сохранению и восстановлению прав членов семьи, подвергшихся насилию. Целесообразно согласиться с международно-правовым опытом отдельных государств о создании семейных судов, которые бы рассматривали дела в данной сфере, о создании комплексной программы социальной, психологической и консультационной помощи жертвам и их семьям, программы психокоррекции для правонарушителей, совершенствование правовой базы для такой деятельности, разработка и введение специальных обучающих тренингов и курсов для сотрудников органов внутренних дел для повышения их профессионализма. К примеру, в Швеции организованы группы реабилитации мужчин, с которыми работают психологи-мужчины. В ходе реабилитационных занятий проводятся специальные тренинги, на которых мужчинам дают понять страх женщины и влияние семейных конфликтов на детей. Хороший результат имеют занятия в группах с терапевтическим эффектом. Прохождение терапии может быть добровольным и принудительным (по решению суда) [4, с. 21]. Необходимо внедрить срочные защитные предписания, ограничить информацию, которая пропагандирует культ насилия и жестокости, активно использовать средства массовой информации, создать бесплатные семейные консультации, внести изменения в УК и КоАП Республики Беларусь: совершение преступления и административного правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений как обстоятельства, отягчающие ответственность, внедрить медиативное разрешение семейных конфликтов, больше работать на профилактику пьянства и алкоголизма.

Вместе с тем имеется ряд проблемных вопросов, связанных с рассмотрением административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 9.1 КоАП, в том числе отсутствие единого алгоритма сбора материалов для привлечения лиц к административной ответственности по данному составу. Дела возвращаются судами в территориальные ОВД по причине отсутствия в материалах заключений судебной медицинской экспертизы на предмет отсутствия у потерпевшей стороны телесных повреждений. В то же время нанесение побоев, не повлекших причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, также без причинения телесных повреждений может

подтверждаться иными материалами дела. Таким образом, очевидно, что в п. 7 ч. 1 ст. 9.6 ПИКоАП речь должна идти не об отказе от освидетельствования, а от прохождения от судебной медицинской экспертизы, и распространяться это положение должно только на ч. 1 ст. 9.1 КоАП.

Таким образом, государство должно постоянно реагировать способами, предусмотренными законодательством Республики Беларусь, на вновь поступающую информацию о правонарушениях в сфере семейно-бытовых отношений в виде опасностей и угроз в отношении себя, общества и отдельных граждан, и в соответствии с этим совершенствовать, оптимизировать работу правоохранительных органов, цель которых – ликвидировать данную угрозу и опасность.

1. Актуальные проблемы деятельности органов внутренних дел по противодействию насилию в семье : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-й годовщине со дня образования подразделения участковых инспекторов милиции, Минск, 22 нояб. 2013 г. ; под. ред. С.В. Добрыяна, И.Л. Федчука. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 183 с.

2. Коляго, В.В. Некоторые вопросы применения защитного предписания / В.В. Коляго // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию милиции Беларуси, Минск, 10 февр. 2017 г. / редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2017.

3. Федчук, И.Л. Административная ответственность в механизме противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений / И.Л. Федчук, А.А. Постникова // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 1. – С. 34 – 37.

4. Федчук, И.Л. Совершенствование воспитательной работы с неблагополучными семьями / И.Л. Федчук // Сац.-педагаг. работа. – 2009. – № 8. – С. 21–24.

УДК 343.985

А.С. Юргель, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.М. Веремеенко*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Среди специалистов в сфере юриспруденции существуют различные подходы в определении организованной преступности. В одних документах организованную преступность характеризуют как незаконный сложный вид уголовной деятельности, в других – как массовую группу

устойчивых и управляемых преступников, т. е. с точки зрения субъектов данного явления. Некоторые авторы рассуждают о криминальной организованности как основном и практически единственном группировочном признаке деяний, свойственных организованной преступности. Другие авторы понимают организованную преступность как социальное негативное явление, которое характеризуется сплочением преступных формирований. Исходя из этого можно сделать вывод, что ни среди ученых-криминологов, ни в международных документах единого мнения в определении организованной преступности нет.

В данном вопросе Республика Беларусь «шагнула вперед» и закрепила понятие «организованной преступности» в Законе Республики Беларусь от 27 июня 2007 г. № 244-З «О борьбе с организованной преступностью». Закрепление данного понятия в законодательном акте имеет важное значение, поскольку позволяет придерживаться единого толкования и трактования данного понятия в целях выработки мер противодействия и борьбы с этим явлением.

Организованная преступность представляет собой общественно опасное социальное явление, выражающееся в создании организованных групп, включая банды, преступных организаций, осуществляющих преступную деятельность, характеризующихся признаками, определенными Уголовным кодексом Республики Беларусь [1].

Из определения приведенного выше видно, что организованная преступность может включать в себя два структурных элемента – организованную преступную группу и преступную организацию, каждый из которых обладает совокупностью признаков. Для начала охарактеризуем каждый из этих элементов, исходя из понятий, закрепленных в национальном законодательстве.

Так, преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено двумя или более лицами, предварительно объединившимися в управляемую устойчивую группу для совместной преступной деятельности [2].

Преступная организация как форма преступного сообщества может формироваться на основе:

объединения организованных преступных групп посредством согласованного распределения сфер деятельности, совместной защиты и поддержки преступной деятельности, но при сохранении известной автономии и непосредственной подчиненности участников преступных группировок своим руководителям;

объединение организаторов преступных групп. Чаще всего преступная организация создается именно на основе объединения руководи-

телей преступных группировок с целью выработки и обеспечения согласованных действий по развитию, поддержке и защите преступной деятельности и т. п.

Рассматривая организованную преступность как явление, можно выделить наиболее характерные для нее признаки:

предварительная объединенность двух или более лиц, которая означает, что на основе сговора или целенаправленных организационных действий еще до начала совершения конкретных преступлений состоялось создание группы для неоднократного совершения преступлений, происходит психологическая консолидация с расчетом на долгое существование;

управляемость, иерархическое построение, структурированность, внутренняя дисциплина, основанная на согласованности действий участников группы, распределение функций и ролей при совершении конкретных преступлений и в целом при занятии преступной деятельностью;

устойчивость, понятие которой содержится в постановлении Пленума. Об устойчивости группы могут свидетельствовать стабильность состава участников либо основного ядра группы, а также продолжительность преступной деятельности, тесная взаимосвязь между ее членами, способность группы продолжать свою деятельность в случае выбытия отдельных участников [1]. Устойчивость группы в значительной мере предопределяется фактом ее создания для неоднократного или неопределенного количества раз совершения преступлений. Разновидностью организованной группы является банда, и поэтому она должна помимо специальных признаков, указанных в ст. 286 УК, также отвечать вышеуказанным признакам организованной преступной группы.

В этом и состоит одна из отличительных особенностей квалификации преступлений, совершенных группой лиц или же организованной преступной группой. В отличие от предварительного сговора соисполнителей на совершение конкретного преступления, предварительная объединенность организованной группы означает совершение целенаправленных действий по ее созданию, формированию структуры, определению места и роли каждого участника. О предварительной объединенности преступной группы могут свидетельствовать, в частности, планирование преступной деятельности, согласованность действий соучастников.

Еще в одну группу признаков можно объединить признаки защищенности и обеспечения безопасности, которые предусматривают наличие коррумпированных связей и конспирацию. Проблеме коррупции в Республике Беларусь в настоящее время уделяется большое внимание, о чем

свидетельствует издание отдельного законодательного акта, посвященного работе по противодействию коррупции, – Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией». Наличие у организованных преступных групп коррумпированных связей позволяет преступникам оказывать влияние на принятие каких-либо решений, получать необходимую информацию и, как следствие, причинять ущерб государственным и общественным интересам. Конспирация позволяет участникам преступных групп и организаций долгое время избегать уголовного преследования, а также замаскировать преступную деятельность под легальный бизнес либо благотворительную организацию.

Рассмотрев понятие и признаки организованной преступности, можно сделать вывод о том, что организованная преступность – это наиболее разрушительный для государства и общества вид преступности. Она оказывает управляющее воздействие на развитие других ее структурных элементов, влияет не только на экономические, но и на морально-психологические, социокультурные процессы в обществе. Ее целями являются консолидация криминального мира, установление межрегиональных и транснациональных преступных связей, проникновение в экономические процессы и стимулирование коррупции ради извлечения максимальных доходов. Концентрация огромных средств в руках руководителей преступных организаций неизбежно обуславливает их интерес к политической жизни.

В настоящее время правовую основу реализуемой в Республике Беларусь деятельности по борьбе с организованной преступностью наряду с международными правовыми актами составляют Конституция Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 27 июня 2007 г. № 244-З «О борьбе с организованной преступностью», указы и декреты Президента Республики Беларусь.

Теоретические основы борьбы с организованной преступностью заложены в законе. Данным законодательным актом предусматриваются задачи и принципы борьбы с организованной преступностью, основные направления и система мер по борьбе с организованной преступностью, определены государственные органы, осуществляющие борьбу с данным явлением.

Задачами борьбы с организованной преступностью являются: защита личности, общества и государства от организованной преступности;

предупреждение, выявление и пресечение преступной деятельности организованных групп и преступных организаций;

выявление и устранение причин и условий, способствующих возникновению и развитию организованной преступности;

недопущение проникновения организованной преступности в систему государственных органов [1].

К основным направлениям борьбы с организованной преступностью закон относит предупреждение, выявление и пресечение преступной деятельности организованных групп и преступных организаций, занимающихся:

террористической деятельностью;

противоправными посягательствами на жизнь и здоровье человека; деятельностью, связанной с торговлей людьми;

незаконной миграцией;

хищением или незаконным оборотом ядерных материалов и радиоактивных веществ;

незаконным оборотом наркотических средств;

легализацией доходов, полученных незаконным путем;

противоправными посягательствами на транспортные средства;

контрабандой;

изготовлением, хранением либо сбытом поддельных денег или поддельных ценных бумаг, изготовлением либо сбытом поддельных иных платежных средств, а также иной преступной деятельностью [1].

Наличие законодательно закрепленных норм и широкого круга нормативных правовых актов, регламентирующих работу по борьбе с отдельными наиболее опасными уголовными деяниями, анализ данных статистической отчетности свидетельствует о незначительном изменении уровня преступности как в целом, так и по определенным направлениям в Республике Беларусь в 2017 г. по отношению к 2016 г.

По итогам первого квартала 2018 г. в Республике Беларусь зарегистрировано 19,6 тыс. преступлений, что на 8 % меньше, чем за тот же период в 2017 г. По 14 882 преступлениям окончено предварительное расследование и установлено, что 1 315 из них совершены группой лиц, что дает прирост в 1,2 % по отношению к прошлому году.

Несмотря на отсутствие официальных статистических данных по преступлениям, совершенным организованными группами либо преступными организациями, а также заявления отдельных представителей Генеральной прокуратуры Республики Беларусь о том, что «благодаря целенаправленной государственной политике в Беларуси последние лет десять вопрос организованной преступности и вовсе не стоит на повестке дня», по мнению ряда авторов, организованная преступность в Бе-

ларуси есть, она никуда не делась. Наоборот, она развивается, и вошла в тесное сотрудничество с международными криминальными сообществами. На каком-то этапе произошла трансформация криминального сообщества и отход от идейных воровских понятий к интеллектуальной составляющей [3].

Таким образом, говорить об искоренении данного явления в Республике Беларусь еще рано, поскольку данное явление характеризуется высокой степенью латентности, обусловленной такими современными процессами, как глобализация, способность преступности к трансформации и модернизации.

Одной из главных причин появления и широкого распространения организованной преступности принято считать распад СССР. После его распада появились новые государства, а система государственного управления и правоохранительная система претерпевали временное ослабление в связи с периодом становления и выработки единой системы сильной государственной власти. В это время некоторые лица, ранее осужденные за экономические преступления, без оценки совершенных ими преступлений, были признаны в СМИ великомучениками, действующими в глубоком подполье распределительной экономики тоталитарного режима.

Особенностью отечественной организованной преступности стала взаимосвязь экономической и общеуголовной преступности. Отсюда закономерно и то, что преступные организации явились симбиозом дельцов теневой экономики с профессиональными преступниками, с одной стороны, и коррумпированными чиновниками – с другой.

Беларусь, как и другие страны постсоветского пространства, стала объектом пристального внимания со стороны организованной преступности. Такое внимание было обусловлено прежде всего очень выгодным географическим положением, а только начавшийся процесс формирования собственных органов власти и национального законодательства явился благоприятным условием для развития организованной преступности на территории нашей страны.

Помимо политических причин развития организованной преступности существовали и экономические причины, выразившиеся в развитии теневой экономики, которое позволило криминальному капиталу плавно «перетечь» в легальную сферу экономики.

К числу условий, способствовавших развитию организованной преступности, можно отнести:

кризисные и застойные явления в экономике;

кризис системы существовавших на протяжении многих лет ценностей, базовых моделей экономического, правового и нравственного поведения, невозможности достижения большинством населения страны официально декларируемых новых ценностей легальным путем;

недостатки в работе правоохранительных органов;

«размывание» и изменение ряда нравственных принципов, утрата моральных и этических ориентиров;

наличие запрещенных законом видов деятельности, приносящих огромный доход;

безработица, нехватка доступного жилья, отсутствие у большинства граждан жизненных перспектив, обострение неравенства;

укрепляющееся неверие людей в способность органов власти и управления противостоять проявлениям организованной преступности и обусловленное этим стремление значительной части населения использовать для получения средств любые, в том числе незаконные пути;

социальная пассивность в обществе.

Все эти причины и условия позволили организованной преступности не только появиться на территории Республики Беларусь, но и пережить определенный период «расцвета». Анализируя период становления государственной власти в Беларуси и других странах постсоветского пространства, очевидным в отношении организованной преступности является наличие такого феномена, как «государство в государстве». В «лихие 90-е» организованная преступность достигла своего апогея и представляла собой силу, способную противостоять государственным институтам, а множество причин политического, экономического и нравственного характера способствовали ее развитию и процветанию. Для того чтобы оказать сопротивление этому опасному явлению, государство должно было пройти путь становления и формирования собственного законодательства, органов государственной власти и правоохранительных органов, реформировать существовавшие экономические институты, а «во главе угла» поставить защиту и безопасность собственных граждан.

1. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 25 сент. 2003 г., № 9 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. //

Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Отчет в правительство по противодействию торговле людьми Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 1.04.2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=322813>. – Дата доступа: 09.05.2018.

УДК 343.13

А.С. Юргель, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
М.М. Якубель

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Уголовный процесс Республики Беларусь структурно разделен на шесть основных и две исключительных стадии, каждая из которых имеет свои задачи и круг процессуальных участников, что отличает ее от других этапов уголовного процесса. Стадия возбуждения уголовного дела – первая из восьми возможных, именно на данном этапе многие участники уголовного процесса впервые вступают в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Начальный этап уголовно-процессуальной деятельности на сегодня является объектом активной научной полемики. Исследователи задаются вопросами о наиболее эффективном нормативном регулировании стадии, а также целесообразности ее сохранения в целом. Для более четкого понимания начального этапа уголовно-процессуальной деятельности нашего государства представляется целесообразным рассмотреть отдельные примеры организации начального этапа уголовно-процессуальной деятельности в зарубежных странах. Опыт иностранных государств показывает, что существующие там системы уголовного процесса в ряде случаев достаточно успешно функционируют и без самостоятельной стадии возбуждения уголовного процесса.

Так, измененный в 2012 г. УПК Украины теперь не предусматривает стадии возбуждения уголовного дела. Уголовный процесс начинается с досудебного расследования, а именно – с момента внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований. Вместе с тем осуществление досудебного расследования до внесения сведений в реестр либо без такого внесения не допускается и влечет ответственность, установленную законом [1]. Согласно ст. 215 УПК Украины досудебное расследование

преступлений осуществляется в форме предварительного следствия, а уголовных проступков – в форме дознания.

Таким образом, в Украине регистрируется и принимается к расследованию каждое поступившее заявление от граждан о совершенном преступлении, при этом лица, проводящие досудебное расследование (следователи органов Национальной полиции), имеют право осуществлять весь спектр следственных действий, предусмотренных УПК Украины (в том числе негласные следственные действия, сведения о фактах и методах проведения которых не подлежат разглашению). Согласно ч. 2 ст. 55 УПК рассматриваемого государства права потерпевшего возникают у лица с момента подачи заявления о совершении в отношении его уголовного правонарушения или заявления о привлечении его к производству как потерпевшего, что предполагает более оперативное создание возможности юридической защиты прав лица, пострадавшего от преступления, нежели в отечественном УПК.

Еще одним примером эффективного существования уголовного процесса без стадии возбуждения уголовного дела является уголовный процесс Грузии. Согласно ст. 100 УПК Грузии в случае получения информации о преступлении следователь, прокурор обязаны начать следствие [2]. Основанием для начала следствия является информация о преступлении, поступившая к следователю или прокурору, выявленная в ходе уголовного процесса или опубликованная в СМИ. При этом сведения могут быть как устными, так и письменными, или зафиксированными иным образом. Уголовно-процессуальный закон Грузии конкретного перечня поводов к началу расследования не предусматривает. Примечательно, что решение о прекращении следствия или уголовного преследования принимает прокурор в виде мотивированного постановления. Это позволяет свести к минимуму принятие незаконных решений.

Главой 18 УПК Грузии установлены основания уголовного преследования согласно кодифицированному закону его начало и осуществление является дискреционным полномочием только прокурора. Необходимо отметить, что УПК Грузии предусматривает принципиальное отличие двух дефиниций – осуществление следствия и уголовного преследования. Исходя из смысла указанных статей, осуществлением следствия является уголовно-процессуальная деятельность, направленная на избрание и установление лица, совершившего преступление. Уголовное преследование, в свою очередь, предусматривает деятельность по доказыванию вины или невинности конкретного лица в совершении преступления. Вместе с тем прокурор по личному усмотрению имеет право отказать в начатии уголовного преследования, при этом он выносит

соответствующее постановление, которое потерпевший имеет право в однократном порядке обжаловать вышестоящему прокурору, что значительно экономнее в процессуальном плане. Наличие такого механизма в уголовном процессе Грузии определяет реализацию принципа целесообразности уголовного преследования.

В 2014 г. Казахстан присоединился к списку стран, последовавших за тенденцией упразднения стадии возбуждения уголовного дела. На сегодня согласно ст. 179 УПК Республики Казахстан началом для досудебного расследования является регистрация заявления, сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований Казахстана либо проведение первого неотложного следственного действия [3]. О начале досудебного расследования в течение суток уведомляется прокурор. По смыслу уголовно-процессуального кодекса рассматриваемого государства, регистрация правонарушения и является своеобразным возбуждением уголовного дела. При этом функцией «фильтра» поступающей информации о правонарушениях являются ограничения, установленные ст. 179 УПК Республики Казахстан, не позволяющие регистрировать заявления, сообщения или рапорт об уголовном правонарушении в которых отсутствуют сведения о нарушениях действующего законодательства Казахстана; об ущербе, существенном вреде либо незаконном доходе, подтвержденные актами проверок, ревизий, аудита и другими, когда их наличие является обязательным признаком уголовного правонарушения; о нарушениях, основанных на неисполнении или ненадлежащем исполнении гражданско-правовых сделок, совершенных в письменной форме и не признанных судом действительными, мнимыми или притворными. Статьей 185 УПК Республики Казахстан установлено, что орган уголовного преследования обязан принять и зарегистрировать заявление, сообщение о любом готовящемся, совершенном либо совершаемом уголовном правонарушении, при этом заявителю выдается документ о регистрации принятого заявления или сообщения об уголовном правонарушении. В отличие от УПК Грузии, в казахском законодательстве предусматриваются поводы к началу досудебного расследования, а именно: заявление физического лица либо сообщение должностного лица государственного органа или лица, выполняющего управленческие функции в организации, об уголовном правонарушении либо безвестном исчезновении лица; явка с повинной; сообщения в средствах массовой информации; рапорт должностного лица органа уголовного преследования о подготавливаемом, совершаемом или совершенном уголовном правонарушении.

При наличии повода к осуществлению досудебного расследования, уполномоченные должностные лица в пределах своей компетенции, путем вынесения отдельного постановления, принимают уголовное дело к производству (ст. 180 УПК) [3].

Республика Молдова также осуществила коренной пересмотр начального этапа уголовно-процессуальной деятельности. Результатом этого стало принятие в 2003 г. уголовно-процессуального закона в соответствии с которым орган уголовного преследования, осведомленный в порядке, предусмотренном законом, распоряжается посредством резолюции о начале уголовного преследования в случае, если из акта осведомления или констатирующих актов явствуют элементы преступления и отсутствуют какие-либо обстоятельства, исключающие уголовное преследование. При этом резолюция или, в зависимости от обстоятельств, протокол о начале уголовного преследования, составленные органом уголовного преследования, подлежат утверждению в течение 24 часов с момента начала уголовного преследования прокурором, осуществляющим руководство деятельностью органа уголовного преследования, с представлением ему соответствующего дела [4]. Необходимо отметить и еще одно отличие от отечественного порядка возбуждения уголовного дела: УПК Республики Молдова устанавливает лишь два следственных действия, допускаемых к проведению до начала расследования, – это действия, предусмотренные ст. 118 «Осмотр» и ст. 130 «Личный обыск или выемка».

Примечательно то, что законодатель рассматриваемого государства выделяет в отдельную статью «осведомление органа уголовного преследования», что по существу и является определяемыми отечественным УПК поводами к возбуждению уголовного дела. Таких «поводов» четыре: жалоба, донос, явка с повинной, выявление непосредственно органом уголовного преследования или прокурором обоснованного подозрения в совершении преступления. Если преступление обнаружено непосредственно работником органа уголовного преследования (МВД, таможенной службы, Национального центра по борьбе с коррупцией), то он составляет заключение с изложением в нем выявленных обстоятельств и распоряжается о регистрации преступления. После регистрации преступления и осуществления всех необходимых процессуальных и следственных действий материалы по делу передаются для проверки прокурору, который в 10-дневный срок, если законом не установлено иное, обязан вынести одно из решений, предусмотренных ст. 291 (предъявить обвинение исполнителю, вынеся при этом обвинительное заключение и направить дело в суд, либо (если обвинение уже предъявлено) составить обвинительное заключение и направить материалы дела в суд).

Таким образом, можно заключить, что ряд стран постсоветского пространства смогли не только закрепить на законодательном уровне идею об отказе от стадии возбуждения уголовного дела, но и достаточно эффективно реализовать ее в правоприменительной практике.

Тем не менее представляется, что при исследовании зарубежного опыта нормативной регламентации начального этапа уголовно-процессуальной деятельности следует рассмотреть и иные правовые системы, пусть и существенно отличающиеся от отечественной. Определенный интерес в этой связи представляет опыт Соединенных Штатов Америки. Возбуждение уголовного дела там не является одномоментным процессуальным актом, осуществление которого отнесено к строгой компетенции определенного должностного лица. Рассматриваемый этап не имеет четкой законодательной регламентации и представляет собой совокупность процессуальных решений и действий нескольких должностных лиц. Начинается досудебное производство с момента получения и регистрации поступившей информации о преступлении. Деятельность в этой стадии направлена на выявление обстоятельств совершенного преступления, установление, а при необходимости задержание и арест лица, подозреваемого в совершении преступления, сбор сведений, изобличающих его [5, с. 470]. Примечательно, что на данном этапе уголовно-процессуальной деятельности возможно применение (как правило, по судебному решению) мер процессуального принуждения, прежде всего задержания, ареста и обыска, что способствует минимизации вероятности сокрытия следов преступления. При наличии достаточных оснований для привлечения лица к уголовной ответственности должностное лицо органа осуществляющего уголовное преследование составляет заявление о выдаче ордера на арест лица или обыск занимаемых им помещений. Данный процессуальный акт не считается документом свидетельствующим о возбуждении уголовного дела. Он представляется судьей-магистрату, который должен проверить мотивированность заявления и после этого выдать соответствующий ордер или отказать в выдаче. Издание ордера является процессуальным актом, формально означающим возбуждение уголовного преследования, а сам ордер на арест или обыск выступает первоначальным (а по менее серьезным преступлениям – единственным и окончательным) актом обвинения и единственным документом, фиксирующим начало официального производства по делу [5, с. 469].

Для уголовного процесса Германии также свойственно отсутствие стадии возбуждения уголовного дела. Момент возбуждения уголовного дела не определен в уголовно-процессуальном законодательстве ФРГ,

однако в § 397 Налогового кодекса рассматриваемого государства содержится определение, действующее не только в отношении налогового уголовного производства, но и уголовного процесса в целом. В соответствии с этим определением уголовное дело считается открытым с того момента, как финансовое ведомство, полиция, прокуратура, один из служащих этих органов или уголовный суд применяет меру, которая прямо направлена на уличение кого-либо в совершении преступного деяния [6]. Таким образом, началом производства по уголовному делу в Германии считается выполнение любых процессуальных действий или решений, направленных на привлечение лица к уголовной ответственности (при этом определенный перечень данных процессуальных действий или решений отсутствует). Прокуратура, являющаяся в Германии органом дознания, при поступлении информации о преступлении обязана исследовать поступившее сообщение для решения вопроса о возбуждении публичного обвинения (§ 160 УПК ФРГ). Формально полиция – не орган дознания, но она должна расследовать обстоятельства преступления и принять меры к тому, чтобы не допустить противодействия выяснению этих обстоятельств [5, с. 478]. Согласно § 163 (задачи полиции) УПК ФРГ ведомства и чиновники полицейской службы должны расследовать преступные деяния и назначать любые меры, не терпящие отлагательства в связи с возможным сокрытием деяния. Для этих целей они уполномочены направлять ходатайства в любые ведомства о предоставлении информации, а в случаях, не терпящих отлагательства, также истребовать информацию и проводить расследования в любой форме, если их полномочия не регулируются иначе в специальных законодательных положениях [6].

Таким образом, рассмотрев отдельные примеры зарубежного опыта регламентации начального этапа уголовного процесса, представляется возможным сделать вывод: существование уголовного процесса без стадии возбуждения уголовного дела – это тенденция, которая уже получила нормативное закрепление в законодательстве ряда стран. Следует отметить, что в рассмотренных государствах органы уголовного преследования, получив первичную информацию о совершенном преступлении, приступают к осуществлению предварительного расследования, используя при этом все дозволенные законом способы собирания доказательств: производство неотложных следственных действий, в том числе негласных; проведение допросов, при обстоятельствах, не терпящих отлагательств, освидетельствований, выемок, в том числе почтовой-телеграфной корреспонденции, обысков и других следственных дей-

ствий. Вместе с тем, очевидно, что простое копирование иностранных подходов к организации начального этапа уголовно-процессуальной деятельности неприемлемо для белорусского законодательства, однако осмысление отдельных механизмов рассмотренных моделей и преломление их с учетом задач отечественного уголовного процесса, как представляется, будет способствовать оптимизации законодательства в исследуемой сфере.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 13 апр. 2012 г. // Законодательство стран. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178. – Дата доступа: 10.06.2018.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии [Электронный ресурс] : 9 окт. 2009 г. // Беспл. б-ка науч.-практ. конф. – Режим доступа: <http://libed.ru/knigi-nauka/1254324-5-zakon-gruzii-ugolovno-processualniy-kodeks-gruzii-obschaya-chast-razdel-ugolovno-processualnoe-zakonodatelstvo.php>. – Дата доступа: 12.03.2018.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : с изм. и доп. по состоянию на 01.03.2018 г. // Законодательство стран. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575852. – Дата доступа: 12.06.2018.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 14 марта 2003 г. // Законодательство стран. – Режим доступа: http://yurotdel.com/zakony/ugolovno-processualnyi-kodeks-respubliki-moldova_10.html. – Дата доступа: 15.06.2018.

5. Гринен, А.В. Уголовный процесс : учеб. пособие / А.В. Гринен. – 2-е изд., перераб. – М. : Норма, 2009. – 496 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии с научным комментарием [Электронный ресурс] // Живой журн. – Режим доступа: <https://maksim-nik.livejournal.com/76064.html>. – Дата доступа: 15.06.2018.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Асташенок В.А.</i> Особенности адаптации курсантов первого курса к измененным условиям жизни	3
<i>Белоглазов А.И.</i> Коллекторское агентство как метод взыскания долга по законодательству Республики Беларусь	9
<i>Богданкевич А.Ю.</i> Формирование общественного мнения о деятельности органов внутренних дел в контексте взаимодействия со средствами массовой информации	15
<i>Богданова А.А.</i> Оценочные признаки в уголовном праве и их функция в механизме уголовно-правового регулирования	21
<i>Бубко А.И.</i> Об объективных и субъективных признаках торговли людьми	27
<i>Буд-Гусаим А.М.</i> О совершенствовании правовой регламентации мер противодействия торговле людьми	32
<i>Волчкова Н.А.</i> Некоторые аспекты исправительного процесса осужденных, отбывающих наказание за уклонение от содержания детей	37
<i>Гаркуша Ю.Н.</i> Понятие и содержание правонарушений в сфере оборота подакцизных товаров	43
<i>Гилевский А.С.</i> Некоторые аспекты реализации досудебного соглашения о сотрудничестве в стадиях уголовного процесса: о законе и практике его применения	51
<i>Грузинский Д.В.</i> Роль уголовного розыска как субъекта борьбы с преступностью посредством оперативно-розыскной деятельности	56
<i>Гутер К.Ю.</i> Риски и угрозы информатизации общества в контексте информационного противоборства	62
<i>Дементей О.А.</i> Нормативные правовые акты управления в деятельности органов внутренних дел	67
<i>Дементей О.А.</i> Особенности реализации соматических прав человека на примере эвтаназии	73
<i>Демьянов Н.А.</i> Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями суда, органа ведущего административный процесс	79
<i>Жемайтук А.Г.</i> Международно-правовое регулирование защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств	84
<i>Завацкий Д.О.</i> Реализация принципов права в оперативно-розыскной деятельности (на примере оперативных подразделений по борьбе с экономическими преступлениями)	91
<i>Зеленькова Е.О.</i> Обеспечение правового статуса иностранцев органами внутренних дел Республики Беларусь	97
<i>Зеленькова Е.О.</i> Правовой статус человека и гражданина в Республике Беларусь	102
<i>Зуй А.М.</i> Правовые и организационные аспекты противодействия незаконным сделкам с драгоценными металлами и (или) камнями	108

<i>Ильчук В.А.</i> О внедрении зарубежного опыта организации борьбы с преступностью	114
<i>Капица П.А.</i> Структура теории организации расследования злостности	118
<i>Касперович Н.С.</i> Полиграф как средство обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел (на примере Республики Беларусь и Российской Федерации)	124
<i>Касперович Н.С.</i> Служба женщин в правоохранительных органах, как фактор, влияющий на укрепление законности и дисциплины	129
<i>Кетурко В.Ф.</i> Общие положения средств фото-, видеофиксации в деятельности органов внутренних дел	134
<i>Клячок И.П.</i> Состав гражданского процессуального правонарушения: теоретические аспекты	138
<i>Коновалов Е.Г.</i> Организация и тактика выявления и расследования преступлений в сфере экономики	144
<i>Король С.В.</i> Использование внутреннего (агентурного) наблюдения в оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов Российской империи	150
<i>Костючук Е.В.</i> Оперативно-розыскные мероприятия, направленные на борьбу с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ	156
<i>Куликович А.А.</i> Роль сотрудника оперативного подразделения в формировании у граждан мотивов содействия органам внутренних дел на конфиденциальной основе	162
<i>Лазуткин А.В.</i> Принципы и перспективы развития информационного обеспечения подразделений криминальной милиции органов внутренних дел Республики Беларусь	167
<i>Масловская А.А.</i> Правовой статус субъектов и методы противодействия коррупционным проявлениям	172
<i>Мельник Л.Л.</i> Классификация информационных технологий, используемых при расследовании киберпреступлений	178
<i>Одинец В.О.</i> Особенности правового регулирования контрактов с отдельными категориями граждан	183
<i>Павлович В.В.</i> Кадровый резерв как направление формирования кадрового обеспечения государственного управления	189
<i>Пинчук А.С.</i> Организационно-правовой механизм оборота криптовалюты в Республике Беларусь: состояние, структура, направления совершенствования	195
<i>Полковниченко Ю.В.</i> Республика Беларусь как субъект борьбы с киберпреступностью	202
<i>Попков Н.Д.</i> Процессуальные полномочия органов дознания: законодательная регламентация и пути совершенствования	213
<i>Радецкий А.В.</i> Административно-правовые средства защиты чести, достоинства и деловой репутации должностного лица государственного органа в ресурсах интернета	220

<i>Рыжый Е.Л.</i> Борьба с коррупцией в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: характеристика систем и методов	226
<i>Самак А.А.</i> Некоторые аспекты правового регулирования взяточничества в Республике Беларусь и зарубежных странах. Сравнительный анализ	232
<i>Скоробогатый А.В.</i> О понятии и признаках организованной преступности	239
<i>Смалько С.Т.</i> Питание и его влияние на здоровье курсантов Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь	245
<i>Судариков В.В.</i> История становления и функционирования добровольных дружин	252
<i>Табашиников А.А.</i> Об административно-правовом регулировании оборота оружия и боеприпасов на территории Республики Беларусь	257
<i>Терентьев В.М.</i> Теоретические аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации	263
<i>Храменков В.В.</i> О внедрении технологий профайлинга в правоохранительную деятельность Республики Беларусь	269
<i>Циунель О.П.</i> Обеспечение безопасности лицам, оказывающим содействие на конфиденциальной основе, участвующим в уголовном процессе	275
<i>Швайко А.А.</i> Понятие и сущность правоприменительной деятельности органов внутренних дел	280
<i>Швайко А.А.</i> Роль милиции общественной безопасности на первоначальном этапе расследования преступлений	285
<i>Шейко А.В.</i> Административная ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий	290
<i>Шурпо Н.А.</i> О применении административно-правовых мер воздействия к лицам, допускающим насилие в семье. Пути решения	296
<i>Юргель А.С.</i> Современное состояние теории и практики борьбы с организованной преступностью	301
<i>Юргель А.С.</i> Стадия возбуждения уголовного дела в уголовном процессе иностранных государств	308

Научное издание

**СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ,
ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ
АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В 2018 ГОДУ**

Подписано в печать 21.09.2018. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 18,98.
Тираж 30 экз. Заказ 314.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.